

Гуманитарный университет

**Мультикультуральная современность:
Урал-Россия-Мир
(в рамках проекта «Урал – перекресток культур
и народов: проблема мультикультуральности»)**

**Материалы XII Всероссийской научно-практической
конференции (с международным участием)
Гуманитарного университета
2–3 апреля 2009 года**

Том второй

**Проблемы межкультурного взаимодействия
в праве**

Экономика Урала в мультикультурном мире

**Культурное разнообразие в зеркале медиа:
чьи интересы и что интересно?**

**PR и рекламные коммуникации
в полиэтническом пространстве Урала**

**Образование на Урале
как сфера межкультурного взаимодействия**

**Индустрия одежды Урала:
этнокультурные традиции и современность**

**Управление персоналом в условиях
мультикультурального общества:
риски и возможности взаимодействия**

**Информационные технологии – инструмент
межкультурных коммуникаций**

**Екатеринбург
2009**

УДК 3
ББК 60

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Гуманитарного университета

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перельгина
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
канд. пед. наук Л. В. Росновская
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. пед. наук И. С. Бусыгина

М 90 Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гуманитарного ун-та, 2–3 апреля 2009 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. – Т. 2. – 828 с.
ISBN 5-7741-0110-8

В сборнике представлены материалы, посвященные анализу правовых, экономических, социально-коммуникативных, образовательных проблем современного мультикультурного мира, России, Урала. Рассмотрено влияние этнокультурных традиций на современность и в сфере индустрии одежды.

Рекомендуется специалистам в области социально-гуманитарных наук, студентам, аспирантам; представителям учреждений культуры, правительственных, общественных, религиозно-конфессиональных, правовых организаций. Всем, интересующимся проблемами межкультурного взаимодействия.

УДК 3
ББК 60

ISBN 5-7741-0110-8

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2009
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2009

Содержание

Раздел первый Проблемы межкультурного взаимодействия в праве	19
<i>Е. П. Криеф-Семитко</i> Взгляд на русскую самобытность французского юриста, влюбленного в Россию	20
<i>Н. В. Азанова</i> Сравнительно-правовой анализ систем наказаний для несовершеннолетних по законодательству России, Германии, Франции	24
<i>В. С. Валова</i> Межкультурное взаимодействие и право	28
<i>Ю. В. Волкова</i> Проблемы определения статуса транснациональных корпораций	31
<i>Д. Е. Гагаринов</i> Категория противоправности в деликтных обязательствах по римскому праву и современному гражданскому праву	36
<i>С. Я. Гаген</i> Идеал правосудия в Древнем Египте (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)	41
<i>С. Я. Гаген</i> Идеал правосудия в Ветхом Завете (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)	46
<i>С. И. Глушкова</i> Межкультурное взаимодействие и права человека в современном мире: основные проблемы и тенденции	51
<i>Я. А. Голобокова</i> Некоторые аспекты распространения молодежного экстремизма в России	56
<i>А. В. Головизнин</i> Юридическая природа и система норм права, регулирующих оборот культурных ценностей	61
<i>Ю. А. Грехнёва</i> Межкультурное взаимодействие в Средневековой Руси (историко-правовой аспект)	66
<i>Н. Н. Давыдов</i> Глобализация и человеческая свобода	70

<i>С. А. Денисов</i> Конституционный Суд РФ в конфликте двух правовых культур	73
<i>Л. Г. Егина</i> Формирование правовой культуры школьников – неотъемлемый процесс правового воспитания.....	78
<i>Ю. И. Жегусов</i> Конфликт культур в праве	83
<i>А. В. Зайков</i> Эмфитевтическое качество спартанской илотии (попытка историко-правового сопоставления)	86
<i>Я. В. Зубова</i> Влияние права на формирование и развитие правовой культуры	93
<i>И. В. Идерева</i> Пути повышения правовой культуры школьников	98
<i>Е. Ю. Калинина</i> Многогранность межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации	103
<i>А. Е. Каменева</i> Межкультурное взаимодействие в праве как явление	106
<i>В. А. Камышин</i> К уточнению уголовно-процессуального понятия «стороны».....	109
<i>А. А. Карташева</i> Развитие концепций авторского права в романо-германской и англосаксонской правовых системах	112
<i>О. А. Колоткина</i> Активность личности в реализации ее права на безопасность в контексте категории «правовая культура»	115
<i>О. И. Леканов</i> Межкультурное взаимодействие в сфере договорного права	119
<i>В. О. Лобовиков</i> Конституционное право, международное право, естественное право: конституционные суды, международные суды и принципиальная возможность создания естественно-правового суда для разрешения межкультурных конфликтов в сфере права	123
<i>Н. А. Мальцева</i> Обязательства из неосновательного обогащения во французском праве: исторические истоки	127

<i>А. Ю. Маракулин</i> Гражданский кодекс Франции и Свод законов Российской Империи: общее и особенное в регламентации сервитутов	132
<i>А. М. Марков</i> Типология уголовного процесса как элемент межкультурного взаимодействия в праве	136
<i>В. А. Муравский</i> Мультикультурность как свойство права	139
<i>А. А. Нелюбина</i> Проблемы межкультурного взаимодействия на примере института мировых судей	143
<i>А. А. Озеров</i> Виды мониторинга правотворчества	146
<i>А. В. Павлов</i> К вопросу о понятии возмещения «ущерба» в межкультурном взаимодействии в праве	148
<i>В. В. Песнохоров</i> Институт ответственности за вред, причиненный товарами ненадлежащего качества, как элемент межкультурного взаимодействия в праве	150
<i>Л. С. Постоялко</i> Идеологические установки правосознания и состояние мультикультурализма: проблема совместимости	155
<i>М. А. Розбаум</i> Проблема социально-правовой защищенности детей с синдромом Дауна	160
<i>А. Г. Рублев</i> Особенности интеллектуального элемента легкомыслия ...	162
<i>А. П. Семитко</i> Столкновение правовых культур	166
<i>М. Н. Семякин</i> Частное право как явление межкультурного дискурса	173
<i>Е. С. Соколова</i> «Время памяти» в европейских садовых топосах Нового времени: политико-правовой аспект	178
<i>Т. В. Филипповская</i> Межкультурные реалии и право студентов на качественное образование	185
<i>Н. Ю. Чельшева</i> Понятие, природа и развитие категории права публичной собственности в России и зарубежных странах	192

<i>Д. С. Шистеров</i> Коммерческое обозначение в российском гражданском праве и международном частном праве как элемент межкультурного взаимодействия	197
<i>Д. А. Ягофаров, О. А. Колоткина</i> Культура прав человека в современном юридическом дискурсе	201
<i>Д. А. Ягофаров, И. Д. Ягофарова</i> Некоторые аспекты культуры интерпретации соотношения свободы и права	207

Раздел второй **Экономика Урала в мультикультурном мире**213

<i>М. Е. Барсукова</i> Рынок труда в условиях мультикультуральности региона: миграционный аспект	214
<i>А. Г. Боровских</i> Инвестиционная стратегия как основа деятельности предприятия	217
<i>О. А. Дурандина</i> Маркетинговый подход к регулированию рынка труда в условиях мультикультурного общества	220
<i>А. В. Кашутин</i> Мировой финансовый кризис, реальные причины и влияние на российскую экономику	224
<i>Е. Б. Мицек</i> Формирование системы показателей эффективности логистических систем	229
<i>С. А. Мицек, Е. Б. Мицек</i> Математическое моделирование инвестиционной активности регионов России	234
<i>К. В. Павлов</i> Инновации и инвестиции интенсивного и экстенсивного типа	236
<i>М. С. Подчиненов</i> Совершенствование структуры российско-китайской торговли как антикризисная мера	243
<i>С. И. Пономарева</i> Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский регион	248
<i>О. С. Проскурякова</i> Мировой кризис в отраслевом разрезе	251

<i>О. С. Проскурякова</i> Экономический кризис и Свердловская область	253
<i>О. С. Проскурякова</i> Демографическая ситуация на Дальнем Востоке Российской Федерации	255
<i>Т. Н. Сиротинская</i> Информация и конкурентоспособность субъекта экономической деятельности	257
<i>Р. Р. Чугумбаев</i> Учет ключевых свойств моделей экономики организации в разработке показателей эффективности ее деятельности	261

Раздел третий **Культурное разнообразие в зеркале медиа: чьи интересы и что интересно?**.....267

<i>А. С. Айнутдинов</i> Изобразительные элементы прессы в аспекте визуальной культуры	268
<i>Н. Л. Антонова</i> Информированность населения о правах в области охраны здоровья: роль СМИ	274
<i>В. Н. Белимов</i> Фактор доверия и влияние СМИ в поле экономики. Майк Блумберг: пять шагов к доверию аудитории	277
<i>Э. М. Думнова</i> Роль массовой коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия	281
<i>С. О. Калганова</i> Воспроизведение негативного стереотипа «неполная семья» в газетной периодике как фактор социальной дезинтеграции	285
<i>С. О. Калганова, Е. И. Кузьмина</i> Персонифицированный диалог между Востоком и Западом (на примере ток-шоу «Школа злословия»)	290
<i>Р. В. Краснов</i> Журналистика и культура: зерна от плевел (из опыта региональной прессы)	295
<i>А. С. Магранов</i> Глобализация и процесс информатизации культуры в современном обществе	298
<i>О. Ф. Русакова</i> Медиадискурс глэм-культуры	302

<i>Л. Р. Сабирова</i> Культура в зеркале современных СМИ Татарстана	306
<i>Е. А. Самсонова, О. В. Абросимова, Е. Ю. Юдина</i> Роль телевидения и сети Интернет в жизни молодежи Тульской области	310
<i>Т. В. Черепанова</i> «Телевизионный спорт» как специфический феномен медиаккультуры	315

Раздел четвертый

PR и рекламные коммуникации

в полиэтническом пространстве Урала.....

<i>Е. В. Андреева, Т. В. Лазарева, В. С. Алешина</i> Бренд Урала как способ продвижения региона	320
<i>Ю. В. Архипова</i> Внешнеполитический имидж современной России: something is wrong	327
<i>А. В. Вдовин</i> Урал театралный: PR будущего	331
<i>Г. Г. Гилев</i> Роль рекламы в процессе инкультурации современного общества	335
<i>А. В. Дроздова, И. С. Мошкина</i> Использование социальных стереотипов в современной рекламной коммуникации	340
<i>И. В. Дьяченко</i> Феномен рекламы кино как социальной коммуникации	342
<i>Е. С. Егорова</i> Гомогенизация культур в рекламном дискурсе: формирование единого общества потребления	346
<i>Л. С. Елуфимова</i> Бренд как совокупность ментальных связей	350
<i>М. Ю. Корнеев</i> Специфика социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью в России	352
<i>С. Е. Корчемкин</i> Манипулятивные технологии PR в ходе проведения избирательных кампаний	356
<i>Л. Н. Кошетарова</i> Рекламный образ в межкультурной коммуникации	359
<i>Т. В. Лазарева</i> Необходимость рекламных коммуникаций в полиэтническом пространстве Урала. Истинное состояние рекламной отрасли в регионе	363

<i>А. К. Симонова</i> Полиэтничность Уральского региона как культурное основание и механизм формирования общественного сознания	365
<i>М. В. Удальцова</i> Социальные взаимодействия в полиэтническом социуме и их влияние на PR-коммуникации	370
<i>В. С. Харченко</i> PR как инструмент формирования корпоративной идеологии в спорте	374

Раздел пятый

Образование на Урале как сфера

межкультурного взаимодействия.....

<i>А. В. Антонова</i> Компетенции как показатель нового качества подготовки специалистов	380
<i>С. В. Архипова</i> Ценностные ориентации учащихся 11-х классов школ г. Екатеринбурга	385
<i>С. И. Базуева</i> Международный академический обмен в Уральском регионе (на примере Удмуртского государственного университета)	390
<i>С. В. Балюк</i> Формирование образа зарубежных стран в процессе обучения	394
<i>М. Б. Буланова</i> Социология образования как учебная дисциплина в гуманитарном вузе (опыт Российского государственного гуманитарного университета)	397
<i>Г. В. Вельтищева</i> Бизнес-образование в контексте взаимодействия с государственными и бизнес-структурами: основные принципы и направления развития	402
<i>А. В. Гаук, С. Рзаева</i> Школа – территория межкультурной коммуникации	406
<i>Л. М. Дормидонтова</i> Государственная политика в области социального образования	409
<i>А. К. Ерохин</i> Компаративные исследования в сфере профессионального высшего образования	412

<i>Ж. В. Жираткова</i> Выпускники вузов на рынке труда: ожидания и противоречия	416
<i>Е. Д. Жукова</i> Российская культура и образование в контексте общеевропейского развития	420
<i>Г. Е. Зборовский</i> Образование как сфера межкультурного взаимодействия	425
<i>С. Ф. Идрисова</i> Образование как фактор элитарности	432
<i>Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина</i> Детское чтение в малых северных городах: социальная диагностика современной ситуации	437
<i>М. Ли</i> Языковые и речевые барьеры в русско-китайской коммуникации в сфере образования	443
<i>Т. Л. Лихачева</i> Применение семантического матричного подхода к моделированию образовательных учреждений в мультикультурных регионах РФ	448
<i>А. А. Лысенко</i> Социальное партнерство и образовательные учреждения Пермского края	453
<i>Н. В. Майорова</i> Управление высшим образованием и межкультурное взаимодействие: опыт КНР	458
<i>А. И. Матвеева</i> Фактор организационной культуры в социальной адаптации молодых специалистов в системе образования	462
<i>Д. Е. Москвин</i> Неформальное и информальное образование в современном образовательном дискурсе	466
<i>И. А. Плохова</i> Доступность высшего образования на Урале и в Ульяновской области: сравнительный анализ	472
<i>Е. П. Пьянзина</i> Из опыта создания системы дистанционного образования в Гуманитарном университете	476
<i>И. В. Родина</i> Профессиональная коммуникативная компетентность как фактор виртуального образовательного пространства	481

<i>О. В. Рыжкова, Е. А. Черненко</i> Музей как ресурс для развития образовательного пространства и туристической привлекательности города	483
<i>А. Г. Сарбаева</i> Научные кадры в Республике Башкортостан: гендерный аспект	487
<i>М. В. Селиверстова</i> Организация аттестации педагогических кадров: теория и опыт	492
<i>Н. Д. Сорокина</i> Образование как средство достижения социального согласия	497
<i>Т. В. Филипповская</i> Отторжение знаний как мультикультурный феномен образования	500
<i>А. И. Фишелева</i> Возможности межкультурного взаимодействия студентов в курсе дисциплин культурологического цикла	505
<i>Т. А. Фугелова</i> Традиции и инновации в подготовке инженерных кадров	508
<i>Ю. С. Хлызова</i> Неформальное обучение	511
<i>Л. В. Хохлова</i> Развитие мышления как стратегия философского образования	515
<i>С. Н. Чечулина</i> Институт образования: роль в создании межкультурного пространства	519
<i>Н. В. Шеляхина</i> Институционализация мультикультурного дискурса в образовательном пространстве Урала	525
<i>Т. Ф. Шитова</i> Социологический анализ культуры взаимодействия субъектов высшей школы	529
<i>Е. А. Шуклина, Е. А. Широкова</i> Балльно-рейтинговая система: проблемы адаптации преподавателей к западным образовательным технологиям	533

Раздел шестой**Индустрия одежды Урала:****этнокультурные традиции и современность**.....539*О. А. Бакеркина*Изучение региональной культуры –
путь к развитию Уральской школы дизайна одежды 540*Т. С. Безденежных*

Традиционный костюм народов Урала 543

*М. С. Виноградова*Индустрия молодежной одежды Урала
в контексте современности 547*М. Е. Горбунова, К. А. Карлина*

Уральская школа дизайна: Лариса Селянина 550

*Т. В. Захарова*Мониторинг рынка современной одежды через призму
национальной культуры народностей Урала 554*В. А. Мальцева*Народный костюм как источник творчества
в современном дизайне одежды 565*Л. В. Мерзиевская*Преимственность уральского
этнокультурного наследия в современном костюме 568*Ю. Л. Неривенько*К вопросу о декорировании традиционного костюма
обских угров последней трети XX века
(на материале музейных коллекций) 572*Е. М. Пичугова*Промышленное искусство и художественные промыслы
Урала как элемент этнокультурного наследия региона 576*Л. В. Росновская*Этнокультурная компонента подготовки
конструкторов-дизайнеров одежды:
региональный аспект 581*Т. М. Селивёрстова, М. В. Снегирёва*Визуальная коммуникация:
уральская этнокультурная традиция и современность 587*Л. В. Степанченко*Индустрия одежды Урала
в условиях возрождения христианской культуры 592*Н. М. Субботина*

Этнокультурные традиции и мода 597

*Г. Ф. Тажитдинова*Традиционная одежда башкир:
функции, материалы, способы изготовления 602*Ф. Д. Фахрутдинова*

Народный костюм как выражение интеграции культур 606

Раздел седьмой**Управление персоналом в условиях****мультикультурального общества:****риски и возможности взаимодействия**.....611*М. Е. Базунова*

Критерии оценки предприимчивости работника 612

*Е. А. Бекелева*Роль корпоративной культуры в повышении
производительности труда персонала турфирм 617*Р. Ш. Бикметов*Регулирование социальных последствий
ресурсного кризиса 622*А. А. Бицутина, М. В. Селиверстова*Сбалансированная система показателей как инструмент
измерения эффективности деятельности организации 627*И. И. Богут*Особенности мотивации персонала
в условиях мультикультурного общества 632*Ю. А. Борисова*Молодые квалифицированные специалисты
как «группа риска» на региональном рынке труда 635*И. С. Бусыгина*Социально-коммуникативные аспекты
организационной безопасности 639*И. С. Бусыгина, Н. В. Евстифеева*Социальный интеллект
как основа профессионального успеха руководителя 645*А. С. Вартамян*Проблемы трудовой мотивации и стимулирования
труда в мультикультурных организациях 647*Н. М. Глухенькая*

Личность руководителя, менеджера, преподавателя 651

*Э. В. Данилова*Подходы к управлению человеческими ресурсами
в мультикультурных организациях 653

<i>В. В. Запарий, Е. В. Зайцева</i> Основные тенденции формирования трудовых ресурсов в последней трети XX века	657
<i>А. О. Захарова</i> Управление организационной культурой	662
<i>Т. А. Иванычева</i> Организационная культура предприятия в системе управления персоналом организации	666
<i>Ю. С. Квашнина</i> Корпоративный имидж телеканала	670
<i>Г. Р. Корнова</i> Корпоративный тренинг на предприятии гостеприимства: от индивидуального до стратегического уровня	674
<i>В. П. Лимушин</i> Мультикультуральность как системообразующий фактор управления творческим союзом	678
<i>Н. Н. Мечева</i> Процесс развития культуры есть процесс преодоления трудностей	682
<i>О. В. Полянок</i> Проявление разных видов обмана в деловых отношениях	687
<i>С. А. Поспелова</i> Сложности управления персоналом в организациях малого бизнеса	692
<i>Т. В. Прикуль</i> Особенности трудоустройства персонала в условиях кризиса	695
<i>О. С. Проскуракова</i> Как адаптировать в трудовом коллективе компании другой трудовой коллектив: к постановке проблемы	698
<i>Л. Н. Решетникова</i> Мотивационная стратегия как возможность взаимодействия во внутриорганизационной среде	700
<i>И. В. Сабирова</i> Значение и роль корпоративной одежды в современной организации	703
<i>С. Н. Скокова</i> Риски персонала в сфере труда	707
<i>Л. В. Тарасова</i> Компетентностный подход в развитии менеджеров мультинациональных организаций	712

<i>И. В. Тесленко</i> Бизнес-культура современной России как мультикультурного государства	717
<i>Н. А. Тимошкина</i> Система мотивации и стимулирования как одна из стратегий управления персоналом в организации	722
<i>О. Н. Четкина</i> Социальное управление организаций как механизм снижения рисков	726
<i>М. Ф. Шведова</i> Управление субъектом деятельности как механизм реализации кадровой политики	730
<i>И. Г. Шевелева</i> Особенности трудовой мотивации персонала в условиях мультикультурального общества	733
<i>Е. В. Щанина</i> Competency Assessment: типичные ошибки	736
<i>С. А. Юшкова</i> Категория «социальное управление». Управление персоналом в условиях мультикультурного общества	741

Раздел восьмой
Информационные технологии –
инструмент межкультурных коммуникаций.....745

<i>А. В. Агеносов</i> Экспертные системы (ЭС) и представление знаний	746
<i>Е. В. Гарник</i> Общественная организация: от заповедника искусства к информационной среде	753
<i>О. С. Гилязова</i> Виртуальная реальность в современном мире: проблемы специфики и взаимодействия	758
<i>В. Г. Григорьев</i> Использование современных Internet-технологий в качестве инструмента межкультурных коммуникаций	763
<i>М. И. Демиденко, Н. В. Хмелькова</i> Интернет-реклама как инструмент маркетинговых коммуникаций (по материалам студенческого исследования)	768
<i>Г. Л. Емельянов, С. Ф. Молодецкая</i> Информационные технологии на промышленном рынке	771

<i>Е. Д. Завьялова</i>	
Социокогнитивные/интегративные подходы к разработке компьютерных средств обучения иностранным языкам	775
<i>Л. Н. Змий</i>	
СМИ и новые ИКТ: сотрудничество или соперничество? ..	778
<i>Г. Я. Коднер</i>	
Информационные системы и менеджеры	783
<i>В. О. Лобовиков</i>	
Информационные технологии и дискретные математические модели естественного права как системы: конкретный пример (образец и метод) работы естественно-правового суда при разрешении межкультурных конфликтов в сфере права	789
<i>Т. А. Минеева</i>	
Особенности организации информационной системы управления производством по индивидуальным заказам	794
<i>Г. В. Панина</i>	
Технологии искусственного интеллекта как средство интенсификации образовательной практики	798
<i>Е. А. Свалов, Г. В. Курляндская</i>	
Некоторые аспекты информационных технологий как инструмента межкультурной коммуникации	803
<i>Н. В. Хмелькова</i>	
Предпринимательство в сфере Интернет-технологий (опыт исследования школьников)	807
<i>Е. А. Шабельникова</i>	
Социальные сети современности: анализ и оценка	810
<i>Т. Ф. Шитова</i>	
Использование механизмов «1С:Предприятие» для автоматизации рабочего места работника учебной части	816
<i>Е. Ю. Щербина, Г. В. Цуба</i>	
Интернет – инструмент межкультурных коммуникаций	819
<i>Д. М. Юланова</i>	
Использование музыкально-компьютерных технологий на уроках в общеобразовательной школе как фактор, влияющий на мотивацию к обучению и развитие личностных качеств школьников	822

Раздел первый

Проблемы межкультурного взаимодействия в праве

Взгляд на русскую самобытность французского юриста, влюбленного в Россию**

Для нас, французских юристов, Россия является миром необычным и увлекательным. Ее своеобразие, на наш взгляд, является продуктом синкретической мультикультурности, который во Франции взяли за обыкновение обозначать выражением «славянская душа» или «русская душа», даже если данное выражение принимается не единодушно. Российское право не является исключением. Действительно, внешне, кажется, все способствует нашему сближению. Между тем, нужно остерегаться слишком доверять внешнему сходству. Правовое сознание и юридическая культура в России на самом деле довольно далеки от тех, что преобладают во Франции. Это, по нашему мнению, объясняется различием в господствующих компонентах российской и французской культур: во Франции определяющей является рациональность, в России – духовность.

Вместе с тем, современные условия, в которых развивается Россия, увлеченность, с которой российская молодежь изучает право, увлеченность российских юристов сравнительным правоведением выступают достаточным основанием для утверждения, что через несколько лет юридическое сознание российского народа и, следовательно, его отношение к праву должны эволюционировать.

Очень справедливо отметил Иеринг: все права в мире были отвоеваны в борьбе, все важные нормы права вначале приходилось вырывать у тех, кто этому противился, и всякое право, право народа или право частного лица, предполагает, что следует постоянно быть готовым его защищать. Право есть не чистая теория, а живая сила¹. Концепция права Иеринга, по нашему мнению, лучше всего

* *Екатерина Павловна Криеф-Семитко* – д-р права, профессор ун-та Париж-Восток, почетный профессор Гуманитарного ун-та и УрГЮА, руководитель Центра сравнительно правоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** Перевод с французского языка на русский язык Бурковой В. Д.

¹ См.: *Rudolf von Jhering. La lutte pour le droit // Présentation d'Olivier Jouanjan. Dalloz. 2006. P. 1.*

© Е. П. Криеф-Семитко, 2009

позволила бы русским освоить право, ибо право в прямом смысле является культурной, а значит и духовной ценностью. Оно, следовательно, может быть только объектом нескончаемой борьбы, но такой борьбы, которая имеет смысл лишь тогда, когда мы, как и Иеринг, испытываем к праву немного любви².

Ubi societas ibi jus. Именно общественная жизнь порождает потребность в праве³. Назначение права – регуляция социальных отношений⁴. Давать каждому ту долю, что ему причитается. В этом заключается идеал справедливости, который находит свой источник, в частности, в трудах Аристотеля⁵.

По Аристотелю, вся его интеллектуальная конструкция предполагает веру в то, что существует императив в социальных отношениях, который можно выразить математически. Только необходимо его соблюдать и восстанавливать равновесие всякий раз, когда какой-либо беспорядок его нарушит; следить за сохранением пропорций. Это и есть справедливость. Если бы греки не создали эту концепцию, впрочем, спорную, мы бы не обладали идеей права⁶. Необходимо немедленно уточнить, что Аристотель связывает право со справедливостью, с достижением справедливости. Право есть отношение между двумя объектами, реализуемое как раз за их пределами⁷. Эта концепция Аристотеля представляется очень близкой к китайской или японской концепции права. Также она, по видимому, перекликается с концепцией славянофилов при единственном условии замены у последних природы Богом. Следовательно, имеется, как нам кажется, глубокое единство человеческого разума независимо от цивилизации и, более точно, независимо от рассматриваемой культуры⁸.

Тогда на каком основании Россия кажется такой особенной? Вероятно, тот факт, что она располагается одновременно в Европе и Азии, выступает одной из причин ее своеобразия. Признавая един-

² См.: *Jouanjan O. Présentation. Jhering ou l'amour du droit. Préface à l'ouvrage de Jhering "La lutte pour le droit". Dalloz, 2006. P. XXXIII.*

³ См.: *Roland H., Boyer L. Adages du droit français. Litec, 4eme ed. 1999. №454. P. 921.*

⁴ См.: *Cornu G. Droit civil. «Introduction, les personnes, les biens». Paris, 2005. №23.*

⁵ По поводу справедливости и несправедливости см. в частности: *Mazeaud H. J. L. Leçons de droit civil. Tome I. Vol.1. Par F. Chabas. Paris, 1991. № 8; Villey M. Philosophie du droit. Dalloz, 2001. P. 51s.*

⁶ См.: *Villey M. Leçons d'histoire, Dalloz, 2002. P. 28.*

⁷ См.: *Villey M. Leçons d'histoire. P. 29.*

⁸ См. в этом смысле: *David R. Le droit comparé. Droit d'hier, droit de demain. Economica, 1982. P. 29.*

ство человеческого разума, не нужно забывать о разнообразии условий проживания людей, которые зависят от расположения в пространстве и времени, климата, природных катастроф, социального статуса, здоровья и т. д. Все эти факторы неизбежно влияют на возникающую концепцию о естественном порядке вещей, а значит о социальном устройстве и праве. Иначе говоря, человеческий разум есть вместилище естественного порядка вещей, который представляется универсальным, тогда как условия проживания людей порождают различные наполнения внутри данного естественного порядка. Россия, страна евразийская, с множеством культур, по своей сути обречена на вечный внутренний конфликт между двумя полюсами: Западом и Востоком. Однако в наши дни Россия является к тому же продуктом третьей цивилизации, абсолютно искусственной, но реальной: цивилизации советской. Действительно, марксистско-ленинское учение стремилось к созданию совершенно нового человека во всем СССР и его странах-сателлитах, архетипом которого был шахтер из Донбасса Алексей Стаханов.

Но СССР рухнул, и вместе с ним, как во времена распада Римской империи, Советское государство, на обломках которого возникло множество государств, в том числе Российская Федерация. Крушение советской системы, ее норм и власти напрямую привело к увеличению количества нарушений законности, ко все более очевидной криминализации, имеющей тенденцию к развитию. Политика правового вакуума, которая нашла свою легитимность в идее абсолютной свободы, дала повод полагать, что все позволено. Но общество не может переносить такую свободу, так как она не сопряжена ни с идеей братства, ни с идеей равенства. Однако право должно гарантировать свободы и для того, чтобы их реализовать и иметь возможность защитить, они должны вписываться в коллективные отношения, основанные на братстве и равенстве. В этом проявляется в полной мере предназначение понятия публичного порядка⁹. Необходимо еще уточнить, что в противоположность тому, что произошло в момент распада Рима, который также пережил разгул анархии, в России ни один человек не мог отстаивать свои права в ситуации старой юридической системы по той простой причине, что считал ее в своей основе негодной, считал необходимым порвать с ней. На этом основании мы полагаем, что произошедшее в России есть настоящая революция, обратная революции 1917 года. Однако любая революция, в отличие

⁹ См. мою статью: *Вербар К.* Понятие публичного порядка во внутреннем праве России и Франции // Вестник Гуманитарного ун-та. Серия: Право. Научный альманах. Екатеринбург, 2002. № 1 (3). С. 4–22.

от варварских набегов на Рим, имеет прямым следствием немедленное разрушение прошлого, единственным результатом которого является вакуум, в частности вакуум правовой, если не принять вовремя необходимые меры.

В этом убеждены российские демократы. В этом причина многочисленных реформ, но их одних недостаточно. Для того чтобы установить правовое государство в России, необходимо время. Реформы и время являются, таким образом, двумя дополняющими и неразрывными факторами для создания правового государства. Как понять российское право, можно представить, прочитав рассуждения Паскаля по поводу тончайших вещей, едва видимых, которые, «скорее, ощущаешь, нежели видишь, бесконечно трудно заставить их почувствовать тех, кто их сам не ощущает. Это вещи настолько деликатные и настолько многочисленные, что необходимо иметь очень тонкое и очень ясное чувство, чтобы их ощутить и принять справедливое суждение в соответствии с этим ощущением, не имея возможности чаще всего это доказать по приказу, как в геометрии, так как отсутствует, как там, владение основами, а предпринять таковое представляется делом бесконечным. Вещь необходимо видеть целиком, одним взглядом, а не в ходе рассуждений, по крайней мере, до некоторого предела»¹⁰. Этот интеллектуальный подход, предложенный Паскалем, может оказаться весьма полезным для того, чтобы решиться разобраться в хитросплетениях русского культурного своеобразия.

Таким образом, с течением времени русская самобытность рассеется, но скажем, как говорил Нода по поводу Японии, а мы о России, что русский характер «изменится в конце концов, но все же останется»¹¹ русским характером.

¹⁰ *Pascal B.* Pensées. Edition de Michel le Guern, Gallimard, coll. Folio classique, 1977. Série XXII, 466. P. 329.

¹¹ См.: *Noda Y.* Introduction au droit japonais. Dalloz, 1966. P. 200.

Сравнительно-правовой анализ систем наказаний для несовершеннолетних по законодательству России, Германии, Франции

В период экономического кризиса, охватившего весь мир, все большую остроту приобретают проблемы подрастающего поколения. Наиболее зримо это проявляется в преступности несовершеннолетних, которая характеризуется стабильным и неуклонным ростом уже на протяжении нескольких десятилетий. Причины значительного роста преступности в среде несовершеннолетних связаны с существенным изменением ценностной ориентации общества. Желание быть богатым, независимым и влиятельным опирается не на стремление к самосовершенствованию, а на поиски путей его скорейшего удовлетворения любыми средствами, в том числе и преступными. И это при том, что личность несовершеннолетних чаще всего окончательно не сформировалась. При рассмотрении указанной проблемы в качестве одного из ее элементов выступает вопрос об эффективности системы наказаний, применяемых к несовершеннолетним преступникам.

Подростки – это будущие взрослые, они – важная часть социума и оказывают непосредственное влияние на государство. Они будущее нации. Следовательно, система наказаний для несовершеннолетних должна быть особой, более мягкая, учитывающая все факторы, сподвигнувшие лицо на совершение данного преступления, и в то же время эта система должна быть эффективной и реально действующей в условиях современной жизни.

Система уголовных наказаний – это структурно определенная совокупность всех видов уголовных наказаний, перечень которых дается с соблюдением определенной последовательности и ранжированием их по характеру и размерам заложенного в них карательного элемента¹.

Существующая ныне система уголовных наказаний (особенно в отношении несовершеннолетних) в России отличается в опреде-

* *Наталья Викторовна Азанова* – студентка 2-го курса юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: <http://alldocs.ru/>

ленной степени гуманизацией, либерализацией в отношении карательной политики.

Гуманизация уголовно-исполнительной политики позволила в течение 10 лет более чем в два раза сократить число несовершеннолетних, осуждаемых за совершение преступлений к лишению свободы (с 21 587 до 10 256 человек). Существенно уменьшилось и число несовершеннолетних, которым избрана такая мера пресечения, как содержание под стражей (5800). Судами стали выносятся решения о применении наказаний без лишения свободы².

И все-таки проблема правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, остается одной из наиболее острых в российском обществе. Ежегодно подростками совершается более 130 тысяч преступлений, или 7,8 процента от общего числа зарегистрированных преступлений. Около 15 тысяч несовершеннолетних направляются для отбывания наказания в виде лишения свободы в воспитательные колонии³.

УК РФ 1996 г. не предусматривает каких-либо специальных наказаний для несовершеннолетних. Однако их круг ограничивается шестью видами: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) арест; е) лишение свободы на определенный срок. Таким образом, несовершеннолетним не могут быть назначены смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Это относится и к тем случаям, когда лицо достигло восемнадцатилетия к моменту рассмотрения дела судом, но в момент совершения преступления было несовершеннолетним. Кроме того, несовершеннолетним не могут быть назначены такие наказания, как лишение права занимать определенные должности, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, поскольку подросток, как правило, на момент совершения преступления еще ничего этого не имеет (за исключением курсантов суворовских училищ и некоторых других). Несовершеннолетнему не назначаются также конфискация имущества и ограничение свободы⁴.

Молодежное уголовное право Германии определяется в литературе как специальное уголовное право для юных субъектов, которые на момент совершения деяния находились в критической переходной стадии между детством и зрелостью.

² Преступление и наказание. 2008. № 9. С. 9–10.

³ Там же. С. 9.

⁴ См.: <http://interlaw.dax.ru/>

Последствиями преступления являются: а) воспитательные меры при их недостаточности; б) принудительные средства; в) наказание.

В то время как в уголовном праве для взрослых применяются только такие наказания, как денежный штраф и лишение свободы, в распоряжении судов по делам несовершеннолетних имеется намного больше возможностей наказания подростков за проступки.

В качестве наказания несовершеннолетнему может назначаться лишение свободы и размещение молодого человека в исправительном доме для несовершеннолетних. Минимальный срок наказания составляет шесть месяцев, максимальный – пять лет. Только в случае совершения преступления, за которое по общему уголовному праву может быть назначен срок лишения свободы свыше 10 лет, для несовершеннолетних срок лишения свободы может составить 10 лет⁵.

Лишение свободы сроком до одного года может быть назначено условно, с учетом того, что само осуждение послужило для несовершеннолетнего предупреждением. Условно может быть назначено лишение свободы и на срок до двух лет, с возложением на виновного определенных обязательств, в случае добровольного согласия несовершеннолетнего принять на себя и исполнять указанные обязательства в течение испытательного срока. Несовершеннолетний в течение всего испытательного срока находится под опекой лица, назначенного для оказания помощи условно осужденному. При совершении повторного преступления в период испытательного срока условное осуждение отменяется и выносится постановление о приведении в исполнение наказания, назначенного несовершеннолетнему⁶.

Во Франции вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних регламентированы Ордонансом от 2 февраля 1945 г. «О правонарушениях несовершеннолетних». В статье 122-8 УК Франции лишь указывается, что к несовершеннолетним старше 13 лет, признанным виновными в совершении преступных деяний, применяются меры защиты, помощи, меры по осуществлению надзора и принудительные меры воспитательного характера⁷.

Таким образом, в кодексах России, Германии, Франции использован дифференцированный подход. Другой не менее важный вопрос – это минимальный возраст уголовной ответственности. Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует о

том, что единства не наблюдается. Например, Россия и Германия определяют этим возрастом 14 лет, Франция – 13 лет.

И все же, необходимо помнить, что несовершеннолетние преступники, неважно в какой стране проживающие, – это дети, которые преступили закон, но нуждаются в снисхождении.

⁵ См.: <http://www.law-n-life.ru/>

⁶ Там же.

⁷ См.: *Малиновский А. А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международные отношения, 2002. С. 69.

Межкультурное взаимодействие и право

Взаимодействие между людьми, представляющими различные нации и народности, существует с далекой древности, и никогда это взаимодействие не было простым и легким из-за существенного различия в мировоззрениях.

Если в Древнем мире и Средневековье непонимание между представителями различных наций основывалось на недостаточном объеме знаний друг о друге, откровенной враждебности отдельных наций, стремящихся к завоеванию чужих территорий, различии религиозных и иных обычаев, то в современном мире межкультурное взаимодействие связано с несколько иными проблемами.

Казалось бы, развитие современных средств массовой информации не ограничивает возможности получения знаний об истории, обычаях, современной жизни различных стран и населяющих эти страны людей, что должно было бы упростить общение между нациями, сгладить противоречия между ними, но проблемы взаимопонимания по-прежнему существуют.

Проблемы межкультурного взаимодействия кроются в различии мировоззрения и систем ценностей различных наций и народностей. Каждый человек воспитывается в определенной среде, и с первых дней жизни он получает навыки общения, существующие в конкретном обществе, принадлежностью которого является его семья. Ему объясняют, что хорошо, а что плохо, как он должен вести себя в той или иной ситуации, объясняют, какой он национальности, какова его история, каким его хотят видеть в будущем. Кроме семьи человек общается с другими людьми, которые также оказывают на него определенное влияние. Навыки общения, полученные таким образом, очень устойчивы и сопровождают человека практически всю его жизнь.

Различие в мировоззрениях разных народов может быть очень существенным; что допустимо в одном обществе, может быть совершенно незаконно или аморально в другом. Это находит свое отражение и в различных отраслях права.

* *Вероника Сергеевна Валова* – студентка 4-го курса юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В советском обществе на государственном уровне всем гражданам с детства прививались идеи интернационализма, резко осуждались фашизм, антисемитизм, любые проявления национализма, что позволяло сглаживать существующие противоречия, делать вид, что их попросту нет.

Исторически, у народов Северного Кавказа существовали обычаи, которые в остальной части СССР были неприемлемы, незаконны, аморальны, например, обычай кровной мести, заставляющий каждого из членов определенного семейного клана мстить за нанесенное кому-либо из них тяжкое оскорбление, убийство. И хотя в СССР декларировалось искоренение пережитков местных обычаев, фактически это было далеко от истины, в связи с чем в УК РСФСР, утвержденном ВС РСФСР 27 октября 1960 года, существовала глава 11, предусматривающая уголовную ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев.

Несмотря на существовавшую уголовную ответственность, совершенно очевидно, что эти местные обычаи существовали во время СССР и существуют в настоящее время, поскольку у народов Северного Кавказа аморальным считается как раз отказ от кровной мести, как наносящий удар по репутации всей семьи. Поэтому законодатель исключил уголовную ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев, и в УК РФ такая глава отсутствует.

Напротив, с развитием общества делаются попытки обобщить опыт всех предыдущих поколений и вывести некие общие ценности, присущие практически всем нациям и народностям, осудить поступки, которые считаются аморальными и незаконными в жизни любого цивилизованного человека. Эти попытки нашли свое отражение в таких правовых актах, как Всеобщая декларация прав человека, Римская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека и многих других. Создание этих документов было большим прорывом в развитии цивилизации в целом, заставившим многие государства пересмотреть существующую систему ценностей в сторону защиты прав любого человека и гражданина.

И хотя во многих странах соблюдение прав человека все еще остается декларативным, стремление этих стран показать, что они также ломают сложившиеся стереотипы, очевидно, что отражается в изменениях национального законодательства. Для обеспечения соблюдения прав человека и гражданина создаются специальные органы, например Европейский Суд по правам человека, призванные сверять решения и действия стран, добровольно согласившихся на его юрисдикцию, с международными правовыми

актами, регулирующими права граждан. Создание органов, подобных Европейскому Суду, стало возможным ввиду глобализации всех мировых процессов: экономических, культурных, политических и т. д.

Право играет в этих мировых процессах одну из ключевых ролей. Высокий уровень развития правовой системы позволяет поддерживать баланс между государственными интересами и интересами отдельных наций и народностей, составляющих гражданское общество.

На развитие современного общества огромное влияние оказывают миграционные процессы, когда на территорию, ранее заселенную мононацией, прибывают в большом количестве мигранты, мировоззрение которых резко отличается от традиционно принятого в данной стране. Эти процессы вызывают большое количество проблем, недовольство и откровенную неприязнь между местными жителями и мигрантами. Такие проблемы существуют в современной России, они же тревожат и европейские страны. Государства обязаны оперативно решать возникающие проблемы, в том числе и с помощью права.

В современном обществе право должно быть гибким, государство должно чутко реагировать на любые проявления межнациональной розни, при этом соблюдая права как собственных граждан, так и мигрантов, не допуская ущемления законных интересов последних.

Государство должно на законодательном уровне и фактически пресекать любые проявления фашизма, антисемитизма, ксенофобии, расизма, различных форм дискриминации как в отношении граждан, так и неграждан данной страны.

Правоохранительные органы государства должны выявлять и не замалчивать правонарушения на почве межнациональной розни, таким фактам должна даваться обязательная огласка, государство должно культивировать у граждан терпимость к людям других убеждений, вероисповеданий, не должно отдавать предпочтений одним перед другими.

Такое отношение государства и общества будет способствовать нормальному межкультурному взаимодействию, взаимонастройке культур, что в условиях всеобщей мировой глобализации является остро необходимым, так как каждый житель Земли кровно заинтересован в собственном благополучии и благополучии общества.

Ю. В. Волкова*

Проблемы определения статуса транснациональных корпораций

Важнейшим элементом развития международных экономических отношений последней четверти XX века является деятельность многонациональных корпораций. Поэтому в настоящее время актуальной является проблема их правового регулирования.

В специальной юридической литературе наиболее часто встречается следующее определение: транснациональная корпорация – это совокупность объединенных одной экономической целью различных самостоятельных предприятий, находящихся в разных странах и управляемых из единого центра¹. Как отмечает М. М. Богуславский, экономическое единство в ТНК оформляется юридической множественностью, что служит интересам их собственников². В отличие от обычных компаний, стратегия деятельности ТНК разрабатывается головным предприятием, которое координирует деятельность зарубежных отделений.

Транснациональные корпорации – по выработанному в ООН определению – частные, государственные или смешанные предприятия, не зависящие от страны их происхождения и имеющие в двух или более странах структуры, которые функционируют в соответствии с системой принятия решений, позволяющей проводить их согласованную политику и общую стратегию.

В связи с возрастающим экономическим и политическим влиянием ТНК, в научной литературе обсуждается вопрос о необходимости признания за ТНК международной правосубъектности. Зарубежные ученые Н. Макдугал, У. Фридман считают, что корпорации являются субъектами международного права. Российские ученые придерживаются другой точки зрения. В. А. Романов и С. В. Черниченко утверждают, что субъектом международного

* **Юлия Викторовна Волкова** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та, специалист по международным отношениям ЗАО «МИАН-Екатеринбург» (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Перегудов С. П.* Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений / Ин-т мир. эк-ки и междунар. отн. РАН. М.: Наука, 2003.

² Излаг. по: *Шимаи М.* Роль и влияние транснациональных корпораций в глобальных сдвигах в конце XX столетия // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 3.

права может быть только образование, способное участвовать в межгосударственных отношениях. Поскольку компания не обладает качествами, присущими государству, то она не способна участвовать в таких отношениях. По мнению К. А. Бекяшева, в XXI веке, наряду с расширением объема правосубъектности индивидов, будет признана правосубъектность таких коллективных образований, как транснациональные корпорации³. Однако, по нашему мнению, такая постановка вопроса является преждевременной.

Более обоснованной мы считаем концепцию «международного корпоративного права», создаваемого соглашениями корпораций с государствами. Например, британский профессор Б. Ченг предлагает сформировать специальные правовые системы, состоящие из договоров, которые ставятся вне действия национальных норм и рассматриваются как подчиненные международному праву или общим принципам права. Тем не менее, данная концепция пока не получила поддержки у наших ученых. Так, В. А. Романов и С. В. Черниченко считают, что договоры, заключаемые между государствами и компаниями, являются гражданскими сделками, а не межгосударственными соглашениями и относятся к сфере международного частного права. И. И. Лукашук утверждает, что корпорация не может быть изъята из-под действия законов государства. Даже вместе с ним ТНК не в состоянии создать особую правовую систему.

Авторитетный специалист в области международного частного права Г. К. Дмитриева выделяет три уровня правового регулирования деятельности ТНК: внутреннее законодательство, двусторонние и многосторонние соглашения⁴. Мы согласны с таким разграничением и далее проанализируем каждый из уровней.

Внутригосударственное регулирование предполагает подчинение деятельности филиалов и дочерних предприятий ТНК национальному законодательству принимающей страны. В большинстве случаев, это инвестиционное законодательство, направленное на определение правового статуса иностранного вкладчика: физического или юридического лица. Однако наиболее уязвимым моментом в одностороннем регулировании деятельности ТНК является то, что благодаря своей организационной структуре она способна избежать контроля со стороны одного государства. Поэтому для регулирования деятельности ТНК национального законодательства принимающих государств явно недостаточно.

³ Излаг. по: *Долгов С. И.* Глобализация экономики: новое слово или новое явление. М.: Экономика, 2007.

⁴ Излаг. по: *Сонькин Н. Б.* Корпорации. М.: Изд-во «Московская высшая языковая школа», 2005.

Между тем на данном уровне возникает и другая проблема. Поскольку отделения ТНК реализуют политику головного предприятия, то необходимо учитывать то влияние, которое оказывает законодательство страны их базирования. Страны базирования обычно регулируют поведение ТНК с помощью национального законодательства о корпорациях, не делая особого различия между ТНК и национальными корпорациями. При этом предпринимаются попытки распространить действие внутреннего законодательства на отделения национальной компании, находящиеся за границей.

Таким образом, проблемами внутригосударственного регулирования деятельности ТНК выступают, во-первых, стремление стран базирования ТНК распространить внутреннее законодательство на зарубежные отделения компаний; во-вторых, недостаточность институтов национального законодательства принимающих государств.

Второй уровень регулирования составляют двусторонние инвестиционные соглашения, которые заключаются между заинтересованными государствами.

В научной литературе дается неоднозначная оценка подобным договорам. Так, Г. К. Дмитриева отмечает тенденцию к унификации содержащихся в них норм, которая подтверждается наличием большого числа соглашений, содержащих часто аналогичные, хотя и не идентичные нормы. Эксперты ООН говорят о подтверждении международного обычая или, по крайней мере, расширяющейся государственной практике, которая в значительной мере содействует развитию международного права в области экономического сотрудничества. Однако есть иная точка зрения. В частности, что наименее развитые страны, нуждающиеся в притоке инвестиций, заключают подобные соглашения непосредственно с ТНК, тем самым предоставляя широкие льготы для иностранного капитала⁵. Этим закрепляется неравенство сторон и подрывается стабильность международных экономических отношений. Тем не менее, практика показывает, что в настоящий момент наиболее распространенным способом регулирования деятельности ТНК является именно заключение договоров между принимающей страной и страной базирования.

Кроме того, следует подчеркнуть, что особая природа ТНК осложняет надзор за ними со стороны отдельных стран или даже групп стран. Поэтому очевидно, что для эффективного регулирования деятельности транснациональных корпораций необходимы совместные действия всех государств.

⁵ См.: *Богуславский М. М.* Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М.: Изд-во БЕК, 2006.

Наконец, третьим уровнем регулирования деятельности ТНК выступают многосторонние международные договоры, которые в зависимости от числа участвующих в них стран могут быть универсальными, региональными и субрегиональными.

Универсальное регулирование предпринимается под эгидой ООН на основании рекомендаций специально созданных органов – Межправительственной Комиссии по ТНК и Центра по ТНК. В 1975 году ими был разработан Кодекс поведения ТНК, положения которого запрещают применять дискриминационные меры в отношении партнера, закрепляют обязанности ТНК содействовать развитию научно-технического потенциала принимающей страны, предоставлять отчеты о своей деятельности, соблюдать требования финансового и налогового характера. Однако Кодекс до сих пор не принят. Основной причиной этому выступали расхождения между позициями основных групп участников переговоров по вопросам определения ТНК; соотношения между обязательствами ТНК и государств; возможности предоставления национального режима филиалам иностранных ТНК; применения т.н. обычного международного права в отношении деятельности ТНК; правил национализации имущества ТНК; юрисдикции при урегулировании споров.

Региональное регулирование деятельности ТНК предпринимается в рамках ЕС (Европейского сообщества), ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), ЛАЭС (Латиноамериканской экономической системы), СНГ (Содружества Независимых Государств) и ряда других организаций⁶.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить правовому регулированию деятельности ТНК в рамках СНГ, которое направлено на создание многонациональных компаний как важнейшего компонента интеграции и инвестиционной деятельности. Одной из основных проблем, сдерживающих развитие ТНК в странах Содружества и не решенных на сегодняшний день, является наличие расхождений в национальных законодательствах. Первым нормативно-правовым документом по созданию ТНК в рамках СНГ было «Соглашение о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых и смешанных объединений» от 15 апреля 1994 года, которое послужило основанием для принятия ряда документов о формировании ТНК между правительствами Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и России. В марте 1998 года была подписана Кон-

⁶ См.: *Насыров И. Р.* Международная деятельность субъектов: причины, цели и формы // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. С. Хакимова. Казань: Изд-во Ин-та истории АНРТ, 2004. С. 315–341.

венция о ТНК, которая констатирует правовые основы сотрудничества стран СНГ в области регулирования создания и деятельности ТНК⁷.

Подытоживая вышесказанное, сделаем выводы. Экономическая мощь ТНК, их влияние на мировую политику предопределило появление концепций о признании за ТНК международной правосубъектности, о необходимости формирования международного права корпораций. Пока данные концепции не стали основополагающими в вопросах регулирования и контроля деятельности ТНК.

В настоящее время их правовое регулирование сводится к двусторонним инвестиционным соглашениям, усугубляющим экономическое неравенство развивающихся государств. Между тем регулирование деятельности ТНК на международном уровне имеет ряд преимуществ перед национальным и региональным регулированием, в первую очередь, из-за международного характера деятельности ТНК. Они действуют согласно нормам частного права, и международная юрисдикция в отношении их может иметь место независимо от их согласия. Однако проблема международного регулирования деятельности ТНК остается нерешенной. Пока не принято каких-либо универсальных правил; существующие нормативные акты носят декларативный характер, поскольку не хватает механизмов реализации. По нашему мнению, наиболее эффективным должен стать именно международный уровень регулирования и контроля деятельности ТНК, и это та проблема, над которой еще предстоит много работать и теоретикам, и практикам.

⁷ См.: СНГ. Конвенция: 6 марта 1998 г.: О транснациональных корпорациях // Содружество: Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1998.

Категория противоправности в деликтных обязательствах по римскому праву и современному гражданскому праву

Межкультурное взаимодействие в праве проявляется при исследовании правовых категорий, в том числе таких, как ответственность, противоправность. Проанализируем сходства и отличия в понимании категории противоправности по римскому праву и современному российскому гражданскому праву. Именно эти 2 правовые системы выбраны для сравнения неслучайно. Римское право – это источник правовой культуры, значение которого было оценено спустя столетия, когда в средневековой Европе начался процесс его повсеместного заимствования (рецепции).

Современное гражданское право также основано на правовых конструкциях, разработанных римскими юристами. Ряд терминов римского права упоминается в Гражданском кодексе Российской Федерации (реституция, универсальное правопреемство, наследственная трансмиссия).

Поэтому интересно проследить, как изменилось понимание одной из дискуссионных в настоящее время правовых категорий – противоправности (как элемента гражданско-правовой ответственности) в обязательствах из причинения вреда в римском праве и современном гражданском праве. Употреблялся ли данный термин римскими юристами? Было ли выработано его абстрактное определение и существенные характеристики? Какие черты в понимании противоправности были позаимствованы современными юристами, что привнесено нового?

Римских юристов интересовали вопросы о том, за какие деяния причинитель вреда должен нести ответственность, в каком виде и размере? Повреждение и уничтожение чужого имущества не вызывали сомнения в своей противоправности и необходимости применения наказания за их совершение.

Другие случаи вовсе не были столь однозначными: например, лошадь от громких звуков вырвалась из упряжи и растоптала овощи, выставленные на продажу; плохо уложенную крышу дома снес-

* *Дмитрий Евгеньевич Гагаринов* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ло ветром, что причинило вред соседу; арендатор квартиры из окна выбрасывал мусор и замарал одежду прохожего; один толкнул другого на чайный сервиз, в результате чего он разбился.

1. Термин «противоправность» римскими юристами не употреблялся. Обязательства из причинения вреда они называли деликтом. В зависимости от последствий, связанных с деликтами, они разделялись в римском праве на публичные деликты и частные. Публичными деликтами были те, которые признавались нарушающими интересы государства. Наоборот, частные деликты рассматривались как посягательства только на интересы частных лиц¹. При этом, понимание римскими юристами того, какие деяния опасны для государства, а какие для частных лиц, сильно отличалось от современного, например, кража, присвоение, растрата на всем протяжении римского права считались частными деликтами.

Содержание категории деликт изменялось с течением времени, но по объему он никогда не совпадал с понятием противоправности. Частный деликт по древнему римскому праву – это правонарушение, то есть более широкий термин, включающий в себя противоправность, объективный вред, причинную связь между ними. Вина не являлась обязательным элементом состава правонарушения, так как древнее право при оценке деликта становилось на точку зрения потерпевшего, для которого важен факт нанесенной обиды, а не виновность или невиновность обидчика².

В развитом римском праве понятие частного деликта включало не только противоправность, вред и причинную связь, но и вину. Если вина, то есть умысел или неосторожность, отсутствовали, то деяние не подвергалось каре.

Таким образом, римские юристы не употребляли термин «противоправность», но выработали более широкую правовую категорию – частнопредварительный деликт, в рамках которого обратили внимание на нарушение норм права как необходимый элемент наступления ответственности.

2. Говоря о правовой категории деликта и незаконном (противоправном) поведении как условии наступления ответственности, римские юристы, тем не менее, не смогли дать их абстрактные определения и сформулировать общий принцип, по которому подлежал бы возмещению имущественный вред, причиненный противоправным действием. Наоборот, деяние признавалось противоправным лишь при существовании соответствующей особой нормы

¹ См.: Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2000. С. 423.

² См.: Хвостов В. М. История римского права. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1907. С. 124.

о данном роде деяний, – если оно было отнесено к числу деликтов законом или преторским правом³.

3. Существовал исключительный перечень частноправовых деликтов:

3.1. *Iniuria*. Термин *iniuria* употреблялся и в общем смысле неправомерного действия (то есть всего того, что совершается не по праву), и в специальном смысле личной обиды: а) повреждение конечностей человеческого тела (*membrum ruptum*); б) повреждение внутренней кости (*os fractum*); в) другие личные обиды действием.

3.2. *Furtum*. К *furtum* относились и те деликты, которые в современном праве именуется кражей, и те, которые теперь называются присвоением, растратой.

3.3. *Damnum iniuria datum*. Этот термин употреблялся для обозначения неправомерного уничтожения или повреждения чужих вещей (например, порубка деревьев, поджог хлеба или дома).

Все, что не соответствовало указанному перечню, деликтом не являлось. При этом римские юристы признавали, что деяние может не соответствовать описанным деликтам, но порождать внедоговорные обязательства. Такие правонарушения они назвали «квази-деликтами». Например, если из дома, расположенного на людном месте, что-либо вылило или выброшено на общественный проезд, то за вред, причиненный этим, по преторскому эдикту отвечал не тот, кто в этом виноват, а хозяин дома или квартиры, из которой было вылило или выброшено, хотя бы на нем никакой вины не лежало⁴.

Таким образом, римские юристы, не сумев дать абстрактное определение противоправности, довольно подробно разработали частные случаи противоправных деяний, попытавшись классифицировать их (деликты и квази-деликты). Системный анализ этих противоправных деяний позволяет нам выделить существенные характеристики противоправности по римскому праву.

Так, противоправность – это нарушение объективных и субъективных прав участников гражданских правоотношений. Под объективным правом следовало понимать совокупность норм римского права – Законы XII таблиц, нормы преторского права и других источников римского права. Нарушение же субъективных прав состояло в нарушении прав гражданина.

Современное гражданское право существенно продвинулось в понимании категории противоправности.

1. Противоправным, как и в римском праве, признается поведение, если лицо, во-первых, нарушает норму объективного права

³ См.: Римское частное право... С. 423.

⁴ Там же. С. 434.

и, во-вторых, одновременно нарушает субъективное право конкретного лица. Например, неосторожно брошенным металлическим предметом гражданин причинил увечье другому гражданину. В результате были нарушены нормы объективного права о защите жизни и здоровья человека и одновременно субъективное право потерпевшего на здоровье⁵.

Под объективным правом, в отличие от римского права, стали понимать не только совокупность норм права, но и общие начала и смысл гражданского законодательства, принципы морали, правила общежития, которые привлекаются для выявления содержания закона и обеспечения его правильного применения на практике. Закон исходит из презумпции противоправности поведения⁶.

2. Понятие «противоправность» по-прежнему не употребляется в Гражданском кодексе Российской Федерации. При этом, в отличие от законодательства римского периода, в кодексе сформулирован общий принцип, согласно которому возмещению подлежит вред, причиненный неправомерными, противоправными действиями (если законом не установлено исключение). Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 1064 ГК РФ).

3. Сформулировав общие правила возмещения вреда противоправными действиями, наш Гражданский кодекс, в отличие от законодательства римского периода, не перечисляет конкретных составов деликтов, их перечень является открытым.

4. В науке гражданского права и правоприменительной практике стали более четко отграничивать противоправное поведение от правомерного, а также случаи, исключаящие противоправность, – причинение вреда по просьбе или с согласия потерпевшего, в состоянии крайней необходимости, необходимой обороны.

Например, открытие торгового заведения рядом с другим магазином считается осуществлением субъективного права и не является противоправным, хотя и способно подорвать торговлю последнего.

Правонарушения нет, когда интересы человека, охраняемые правом, нарушаются лицом, выполняющим свою служебную обязанность. Например, причинение увечий сотрудниками правоохранительных органов при противодействии незаконной демонстрации, организовавшей погромы, правонарушением не является.

⁵ См.: Гражданское право. Т. II. Полутом 2 / Под ред. д-ра юр. наук, профессора Е. А. Суханова. М.: Изд-во БЕК, 2003. С. 304.

⁶ См.: *Иоффе О. С.* Избранные труды: В 4 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т.1: Правонарушение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 312.

Правонарушения нет, когда интересы человека, охраняемые правом вообще от посягательства со стороны других, нарушаются лицом, осуществляющим свое частное право. Если кто-нибудь врывается в мою квартиру помимо моей воли, я могу принять насильственные меры, чтобы удалить его⁷.

5. Изменилось и отношение к оценке общественной опасности противоправных деяний в сторону ужесточения. Так, кража, присвоение, растрата считаются уголовными правонарушениями в отличие от римского права.

Говоря в целом о проблемах межкультурного взаимодействия в праве, следует отметить, что понимание категории противоправности, разработанное римскими юристами, воспринято современным гражданским правом. При этом, в силу недостаточной разработанности правовой категории, она подверглась корректировке, разработан общий принцип возмещения вреда от противоправных действий, а также смежные правовые категории (правомерное поведение, необходимая оборона, крайняя необходимость и другие).

Процесс накопления знаний распространялся, в том числе, в отношении других правовых категорий – вины, причинной связи, вреда. Это поставило перед наукой гражданского права ряд новых вопросов о соотношении данных правовых категорий с противоправностью.

В настоящее время существуют различные подходы к определению категории противоправности, ее правовой природы, соотношению с другими элементами ответственности – виной, вредом. Это свидетельствует, что категория противоправности в обязательствах из причинения вреда является недостаточно исследованной и требует дальнейшего тщательного изучения.

⁷ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. Т. 3–4. Т. 3. С. 326.

С. Я. Гаген*

Идеал правосудия в Древнем Египте (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)

В «Постановлении VII Всероссийского съезда судей» отражен идеал правосудия, соответствующий правосознанию современного российского общества. Этот идеал выражен в немногих словах: «Конституционный статус судьи призван гарантировать осуществление правосудия *независимым и беспристрастным* (выделено мною. – С. Г.) судом»¹. Дальнейшие слова поясняют суть идеала правосудия, который можно выразить и более широко – не только как требование независимого и беспристрастного, но и как неподкупного суда.

Эти требования встречаем уже в Древнем Египте. Понятие «беспристрастности» было тесно связано с развитием представлений о суде над мертвыми в загробном мире. Первоначально такой суд над смертной частью души «Ба» (изображалась в качестве птицы с человеческой головой)² ожидал только царей, так как только за ними признавалось обладание бессмертной частью души «Ка» (изображалась в виде сокола). Затем, наряду с царем право на посмертную судьбу получили некоторые вельможи. Далее, примерно в эпоху XI–XII династий (ок. 2025–1794/93 гг. до н. э.), учение о загробном мире демократизируется и бессмертной частью души наделяются уже все подданные египетского царя. Вероятно, именно

* *Сергей Яковлевич Гаген* – канд. юр. наук, канд. ист. наук, доцент кафедры публичного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Постановление VII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» от 04.12.2008. [Режим доступа: http://www.gostobsud.ru/ne_4169921]. Все прочие цитаты документа сделаны с этого ресурса.

² Душа по египетским представлениям делилась на смертную часть «Ба» и бессмертную – «Ка», которой первоначально также наделялись только цари. См.: *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political Philosophy. T. I. P. 7–8.

с этого времени появляется идея о том, что суд в царстве мертвых «беспристрастен», ибо «нет там разницы между бедным и богатым»³.

Таким образом, идея беспристрастного суда связана с идеей посмертного воздаяния. Эта связь является принципиальной. Например, идея «суда над мертвыми» существовала и у древних греков, что показывает гомеровская поэма о путешествии Одиссея в ад. Однако у греков судья мертвых – царь Минос является судьей третейским, разрешающим споры между мертвецами, то есть он не решает вопрос о посмертной судьбе умершего⁴. Идея «суда над мертвыми» в египетском смысле появляется только в диалоге Платона «Горгий»⁵ и является бесспорным заимствованием египетского политико-правового наследия⁶.

Сравнение египетской и древнегреческой правовой идеологии показывает, что идея неподкупного суда первоначально не соединялась с идеей беспристрастного суда. Например, максима «Суди неподкупно» встречается уже в VII в. до н. э. среди изречений древнегреческих мудрецов⁷, однако только во время Платона (427–347 гг. до н. э.) она соединяется с египетской идеей беспристрастного суда.

В Древнем Египте идея «беспристрастности» божественного суда со временем переносится на земной суд, который получает свою «истинность и беспристрастность» от бога. Появляется мысль о том, что законы даны богом Тотом, с ним же отождествлялась идея правосудия. Интересно, что идея истинного суда возникла ранее идеи беспристрастного суда, ибо уже во времена IV династии (время Древнего Царства: ок. 2682–2191 гг. до н. э.) судья носил титул жреца богини Истины (Маат)⁸. Во времена Нового царства (XVIII–XX династии, ок. 1550–1070/69 гг. до н. э. – время освобождения от порабощения гиггосами и строительства мировой египетской державы) появляется обширная литература, утверждающая «истинность» и «беспристрастность» суда как общест-

³ Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н. э. Л., 1960. С. 49. В это же время отмечена «демократизация» концепции «Ка», которой наделяются теперь все люди. См.: *Dvornik F. Op. cit.* P. 10.

⁴ Homeros. *Odiseos*. 11, 568. Замечание цит. по: *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament Stuttgart–Berlin–Köln*, 1933–1979 (Nachdr. 1990. (Далее – TWNT). Bd. III. S. 933. С этой точки зрения, вероятно, несостоятельно предположение Ф. Дворника, что минойская цивилизация заимствовала идею суда в царстве мертвых из Египта. См.: *Dvornik F. Op. cit.* P. 145.

⁵ Pl. *Gorgias*. 526 d.

⁶ TWNT Bd. III. S. 933.

⁷ *Fragmenta philosophorum Graecorum*. Paris, 1860. P. 217.

⁸ «Маат» – космический порядок, установленный богом солнца Ра, за поддержание которого ответствен фараон. См.: *Dvornik F. Op. cit.* P. 13.

венный идеал: «судья беспристрастный, отпускающий противников примиренными, когда судит бедного и богатого. Не плачет пожаловавшийся ему»; «когда ты действуешь как муж кенбета (то есть «суда» в общем смысле. – С. Г.) пусть будут речи твои беспристрастными»; «не бери подношений от сильного, не вреди ради него слабому»⁹.

Итак, «беспристрастность» суда понимается как равенство сторон в суде независимо от их имущественного положения. В этой связи уже в Древнем Египте возникла идея о том, что беспристрастный судья должен быть богатым. Надпись на одной из гробниц гласит: «Я судил тяжущихся беспристрастно, ибо я был богат»¹⁰. Интересно, что и современное «Постановление» занимается этой проблемой: «Особый статус судьи, сопряженный с предъявлением к нему специальных требований и установлением целой системы запретов, ограничений, в том числе в отношении возможности заниматься иной оплачиваемой работой, должен гарантировать такую систему и такой уровень оплаты труда судей, которые бы соответствовали их высокому статусу и ответственности и *исключали бы саму возможность сомневаться в неподкупности судьи* (выделено мною. – С. Г.)»¹¹.

Разумеется, на практике морально-этические требования «истинного и беспристрастного» суда не исполнялись даже «богатыми» судьями, о чем свидетельствует «указ» фараона XVIII династии Харемхеба, содержащий меры для обеспечения независимого и беспристрастного суда. Эти меры можно условно разделить на две категории.

К первой относятся различные способы морально-нравственного, воспитательного воздействия на судей: 1) тщательный подбор кадров – «Я выискивал людей ... молчаливых, добронравных, умеющих судить сокровенное, внимающих словам Дворца и законам судебного зала»; 2) формирование у кандидатов необходимых

⁹ Лурье И. М. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Постановление VII Всероссийского съезда судей. Москва. 04.12.2008. Заметим, что и в русской народной культуре «богатство являлось способом для возвышения. Внешние его признаки: одежда, порода лошади. Возвысившийся пользовался уважением: к нему идут за советом, при встрече отвечают глубокий поклон, величают по имени-отчеству. Почет соединяется с общественной должностью». См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенешева. На примере Владимирской губернии. СПб., 1993. С. 89. Цит. по: *Бочаров В. В.* Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юридико-антропологического анализа) // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 2004. Т. VIII. № 4. С. 185.

морально-этических качеств – «Я наставил их на путь жизни, я направил их к истине»; 3) подробный инструктаж с разбором возникающих типичных ситуаций – «Мое поучение к ним: Не объединяйтесь с другими людьми, не берите подношений от другого¹², ибо это не имеет успеха (?) ...»¹³.

Ко второй категории относятся меры, принятые фараоном для обеспечения материальной независимости своих судей и для их устрашения: 1) жалование из казны – «каждый муж из них был при своем жаловании»; 2) судьи были освобождены от налогов – «Что же касается подати серебром, и золотом, и медью, приказало мое величество уничтожить ее, дабы не собирали подати с какого-либо имущества членов кенбетов Верхнего и Нижнего Египта»; 3) введена смертная казнь для продажных судей – «Точно так же всякий князь или жрец, о котором будут услышаны речи: “Он восседает, чтобы судить среди кенбета призванного, чтобы судить, а он творит в нем неправду против истины”, – вменится ему как великое смертное преступление»¹⁴. Все эти меры и ныне применяются для обеспечения беспристрастного и независимого суда, хотя не во всех странах применяется смертная казнь для коррупционеров. Эта общность мер, необходимых для установления идеального правосудия, свидетельствует о том, что в данном случае речь идет об абсолютном идеале, который является общим для многих правовых культур.

В историческом контексте понятно, что «Постановление VII съезда судей» излагает не конкретную программу действий, но «абсолютный идеал»¹⁵, которому не одна тысяча лет и который,

¹² Подношения разрешалось брать только от правой стороны и только по окончании процесса. Категорически запрещались принимать подношения от обеих сторон. См.: *Лурье И. М.* Указ. соч. С. 55. В дореволюционной России «Магарычи за разбирательство допускаются обычаем и считаются справедливыми. “Для тебя трудились, ты и угощай!” – вот взгляд судей на судящихся, сознающих, что получаемое судьями жалование далеко не вознаграждает их труд». См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 68; «Когда правительство Танзании в 70-е гг. XX в. в рамках борьбы с коррупцией запретило подношения судьям, то это вызвало сильный протест именно в народных массах, и власти даже вынуждены были пойти на уступки». См.: *Бочаров В. В.* Обычное право собственности ... С. 185.

¹³ *Лурье И. М.* Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ О данном феномене см.: *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 90: «В отношении к миру условной действительности абсолютный идеал всегда остается требованием; никогда это требование не может быть полностью осуществлено, и поэтому его осуществление может быть выражено только формулой бесконечного развития».

пожалуй, будет постарше коммунистической идеи¹⁶, достичь же его будет не проще, чем построить коммунизм. Разумеется, вместо «божественных догматов» теперь «демократические принципы», которые, правда, критикуются не более, чем «догматы» церкви, а место «божественного закона» заняли «международные принципы и нормы международного права», которые имеют приоритет перед национальным, то есть «человеческим» по средневековой классификации, законодательством.

¹⁶ Первым коммунистом обычно считают Плагона (427–347 гг. до н. э.).

Идеал правосудия в Ветхом Завете (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)

Идеал правосудия в «Постановлении VII Всероссийского съезда судей» выражен в немногих словах: «Конституционный статус судьи призван гарантировать осуществление правосудия *независимым и беспристрастным* (выделено мною. — С. Г.) судом»¹. Суть идеала правосудия можно выразить и более широко — не только как требование независимого и беспристрастного, но и как неподкупного суда.

Базовые принципы идеала правосудия, а именно требование «неподкупного и беспристрастного суда», встречаются уже в Ветхом Завете, в котором содержится «наиболее общая религиозная санкция государственного правопорядка»², а значит и наиболее полное изображение большинства правовых идеалов государств Нового времени и наследовавших им современных государств.

Для политико-правовой мысли Средних веков и Нового времени вплоть до XVI века был свойствен т. н. «библиократизм», под которым, с одной стороны, понимается желание найти в священных книгах ответы на все насущные вопросы жизни, с другой — желание найти обоснование новым нормативным фактам при конструировании учреждений единых централизованных государств, возникавших в Новое время³. В особенности высоко в Средние века ставился авторитет писанного права, которое рассматривалось как выражение «эссенциальной справедливости Божией», в этой связи считалось, что римское право заимствовано римлянами у древних иудеев. Например, еще в XVI веке большой популярностью

* *Сергей Яковлевич Гаген* — канд. юр. наук, канд. ист. наук, доцент кафедры публичного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Постановление VII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» от 04.12.2008. [Режим доступа: http://www.gostobsud.ru/ne_4169921]. Все прочие цитаты документа сделаны с этого ресурса.

² *Тарановский Ф. В.* Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911. С. 592.

³ Там же. С. 594.

в странах Европы пользовалась книга «Собрание моисеевых и римских законов» (*Collatio legum Mosaicarum et Romanorum*)⁴. По замечанию Ф. Тарановского, «до XVIII в. правоведение не монополизировало правотворения в руках государственной власти, и нормативные акты свободно черпались отовсюду, где их можно было найти, независимо от внешней обязательности источника, в силу одного лишь внутреннего его авторитета»⁵. Правда, в настоящее время, как заметил еще в 1931 году историк права Т. Тарановский: «Под влиянием правовой идеологии нового государства с его вполне светским законодательством даже историки права забывают о старом делении закона на закон Божий (*lex Dei, lex divina*) и закон человеческий (*lex humana*)»⁶. К этому можно добавить и продолжающуюся ныне деградацию самой истории права как дисциплины, которая в современных юридических вузах не рассматривается в качестве важного предмета, о чем свидетельствует неуклонное сокращение часов, отводимых на ее освоение студентами. Сложившееся положение дел приводит к тому, что даже маститые и прославленные теоретики подают некоторые факты современной юридической жизни либо как нечто новое и ранее вообще не виданное⁷, либо как нечто свойственное исключительно российской юридической действительности в силу ее особой сверхъестественной порочности⁸.

Однако, с точки зрения П. И. Новгородцева, в праве существуют некоторые абсолютные идеалы, которые «в отношении к миру условной действительности» всегда остаются «требованием; никогда это требование не может быть полностью осуществлено, и поэтому его осуществление может быть выражено только формулой бесконечного развития»⁹. Подобным же абсолютным идеалом, с нашей точки зрения, является и идеал правосудия, выраженный в Ветхом Завете.

В Ветхом Завете отражается политическая теория Древнего Египта и Вавилона, согласно которой правосудие является исключительно милостью «царя-спасителя», защищающего свой народ от бедствий и способствующего богатству и процветанию населения¹⁰. Эту милость, в свою очередь, царь получает от бога, так

⁴ См.: *Спекторский Е.* Христианство и культура. Прага, 1925. С. 209.

⁵ *Тарановский Ф. В.* Догматика ... С. 594.

⁶ *Тарановский Т.* Предмет и задача т. н. внешней истории права // Записки Русского научного института в Белграде. 1930. Вып. 1. С. 73.

⁷ *Толкачев В. В.* Методика исследования коррупционных отношений в контексте современной теории права // Государство и право. 2006. № 7. С. 14–20.

⁸ См., например: *Лунев В. В.* Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.

⁹ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 90.

¹⁰ *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political Philosophy. Harvard, 1966. Т. I. P. 302–303.

как, по представлению древних, беспристрастность есть исключительно божественное свойство, которого трудно достичь простым людям. «Септуагинта» – наиболее древний перевод Ветхого Завета на древнегреческий язык (III–I вв. до н.э.) воспроизводит идеал правосудия, близкий к древнеегипетскому. Этот идеал лучше всего выражен в Псалтыри. Псалом 71: «О Соломоне. Боже! Даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, да судит праведно людей твоих и нищих твоих на суде». «Септуагинта» дает несколько иной текст: «К Соломону. Бог, суд твой дай царю и справедливость твою – сыну царя – судить народ твой по справедливости и нищих твоих *согласно праву* (выделено мною. – С. Г.)»¹¹. Современный перевод Библии не учитывает реалий правосознания древневосточных обществ, понимая требования к богу в современном смысле, чтобы судья не ошибался в суде и судил по справедливости. Требование «Септуагинты» «судить нищих согласно праву» означает предоставить правосудие тем слоям населения, которые раньше вообще не были судимы, то есть, если говорить современным языком, обеспечить равный доступ к правосудию.

При этом «право» в Псалтыри отождествляется с «милостью», хотя некоторые выражения звучат странно для современного читателя: «милость и право буду петь»¹²; «дела рук Его (Господа. – С. Г.) истина и право»¹³. Это ветхозаветное словоупотребление переходит в Новый Завет: «важнейшее в законе – право, милость и вера»¹⁴. Здесь также можно вспомнить неоднократные призывы современных российских властей к гуманизации правосудия, которые содержатся и в последнем «Постановлении VII съезда судей».

Псалтырь в качестве платы за правосудие обещает царю фактически мировое господство: «И поклоняться ему все цари, все народы будут служить ему; ибо он избавит нищего, вопиющего и угнетенного, у которого нет помощника. Будет милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасет»¹⁵. «Септуагинта» дает несколько другой текст, который более соответствует древневосточному правовому сознанию: «И поклоняться ему все цари, все язычники (то

¹¹ Septuaginta. Stuttgart, 1935. Ps 72. Здесь и далее перевод с древнегреческого сделан автором. Слово *krisis* следует переводить не как суд, но как право. См.: TWNT Bd. III. S. 943.

¹² Ps 100, 1. Пс. 100, 1. дает вариант: «милость и суд буду петь».

¹³ Ps 110, 7. Пс. 110, 7. дает вариант: «дела рук Его – истина и суд».

¹⁴ Мф. 23, 23. Перевод из Библии Московской патриархии: «суд, милость и вера» не отражает библейской мысли о том, что право содержится в законе, а суд закон только применяет. В указанном месте фарисеи осуждаются не за то, что не применяют суда, но за «неправый суд».

¹⁵ Пс. 71, 12–13.

есть неиудеи. – С. Г.)¹⁶ будут ему (царю Израиля. – С. Г.) служить, потому что он вырвал нищего из рук сильного и трудящегося¹⁷, у которого нет защитника, потому что он спасет нищего и трудящегося и души трудящихся¹⁸ спасет»¹⁹. Что касается мысли о связи «беспристрастного правосудия» с мировым господством, то, как было уже упомянуто выше, идеал правосудия начинает формироваться в политико-правовых сочинениях Древнего Египта именно в эпоху становления мировой египетской державы. Вполне вероятно, что автор Псалтыри связывает внешнеполитический успех Египта с идеалами правосудия, несмотря на то, что египетская действительность с этими идеалами не имела ничего общего.

Идея о спасении душ через правосудие соответствует общей «демократизации» египетской теологии времени Нового Царства, когда на спасение души и беспристрастный божий суд, посредством которого происходит спасение, могли надеяться все слои населения.

Как видим, автор Псалтыри дает царю Израиля весьма дельный и важный совет, по сути целую политическую программу, главная идея которой – распространить правосудие, которое понимается как величайшее благо, равным образом на все категории населения, причем не только на иудеев, но и на покоренные народы.

Одним из базовых политико-правовых принципов Псалтыри является идея о том, что материальное процветание народа не может быть прочным, если люди не придерживаются справедливости в своих делах. Однако их справедливость зависит от справедливости царя, которая должна проявляться в сознательном исполнении монархом функций судьи и законодателя. Успешное исполнение таковых функций невозможно без божьей помощи, так как исключительно бог, древнееврейский Яхве, обладает способностью вдохновить царя придерживаться закона и порядка в отношении своего народа. В книгах Ветхого Завета содержится множество пассажей, которые изображают природные катастрофы,

¹⁶ В Псаломе противопоставляется *laos* – народ Израиля, иудеи и *ethnos* – язычники, неиудеи.

¹⁷ *Penetos* – человек, не имеющий никакого дохода, кроме своего труда, тот, кто живет на одну зарплату, упорно работает, но всю жизнь остается бедным. Вряд ли стоит переводить как «убогий», т.к. под «убогим» обычно понимается инвалид, человек с ограниченными физическими и духовными силами. В современном русском языке трудно найти подходящий термин, ибо все названия: «пролетарий», «батрак», «рабочий» – сильно идеологизированны.

¹⁸ Этот термин здесь употреблен в более широком контексте и подразумевает вообще все слои населения и «нищих» и «трудящихся».

¹⁹ Пс. 72, 11–13.

которые рассматриваются как следствия того, что царь нарушил законы, данные Яхве²⁰. Ибо за нарушение этих законов наказанию подвергаются вся династия и весь народ, по принципу объективного вменения.

Наиболее яркий пример в этом отношении дает книга пророка Иереми: «Так говорит Господь: вершите право и справедливость и вырывайте захваченного от руки несправедливого, не притесняйте и не бесчестите ононого (пострадавшего. – С. Г.) и пришельца, и сироты, и вдовы, и невинной крови не проливайте на месте сем»²¹. Участь царей и царств, которые не установили у себя правосудие, – пожинать «гроздь гнева» от Бога.

Итак, уже с ветхозаветных времен правосудие в правосознании тесно связано с «великим государственным принципом ответственности властвующих», с основанием легитимности власти на моральных обязанностях правителя перед всеми подданными²².

²⁰ Dvornik F. Early Christian and Byzantine political Philosophy. Т. I. Р. 303.

²¹ Ие. 22, 3: «Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы и невинной крови не проливайте на месте сем». (Подчеркнуты расхождения в переводе. – С. Г.).

²² Е. Спекторский называет эту идею: «великий государственный принцип ответственности властвующих». См.: Христианство и культура. С. 250.

С. И. Глушкова*

Межкультурное взаимодействие и права человека в современном мире: основные проблемы и тенденции

Современный мир, особенно остро в первой четверти XXI века, переживает процессы эволюции правовых систем и правовых концепций, период переосмысления устоявшихся принципов и закономерностей в правовой науке.

Ряд новых и интересных идей и концепций в этой связи прозвучал в докладах участников XXIII Всемирного конгресса Международной ассоциации философии права и социальной философии (август 2007 г., Краков, Польша). Сами названия докладов уже рождают оригинальные идеи и концепты у всех, занимающихся проблемами современного права, правовой культуры и прав человека: «Существует ли понятие права?», «Модели правового рассуждения», «Кто мы? О социальной, культурной и правовой идентичности», «Национализм, мультикультурализм и понятие права» и др.

Среди новых идей и концепций, отражающих новые тенденции развития международной философско-правовой науки и науки прав человека, необходимо отметить следующие, имеющие значение для рассмотрения заявленной в данной статье темы:

1) Так, профессор Гарвардского университета Фред Шауер совершенно справедливо говорит о том, что «важно понимать право, которое мы имеем, но не менее важно понимать, какое право мы хотим иметь», утверждая для каждой системы свое понятие права и существование таким образом не одного универсального понятия права, а в условиях мультикультурализма равнозначных понятий права [Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство // Правоведение. 2008. № 2. С. 126–129].

2) Профессор Брюссельского университета Марк Ван Хук видит сущность происходящих в праве изменений в формировании новой европейской правовой культуры, признаком которой является конвергенция правовых явлений, которые ранее противопоставля-

* **Светлана Игоревна Глушкова** – д-р полит. наук, доцент, завкафедрой прав человека, замдекана юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

лись друг другу. Это проявляется, по его мнению, «в унификации систем права европейских стран под влиянием правовой практики Евросоюза», в сближении частного и публичного права, в уменьшении различий материального и процессуального права [Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке... С. 131–132].

3) Рассматривая проблемы формирования правовой теории в условиях мультикультурализма, профессор Токийского университета Такао Кацураги справедливо утверждает: мультикультурализм в западном обществе сегодня не препятствует развитию государств, сформированных по национальному принципу, но требует поиска согласия по поводу конституции в рамках межкультурного диалога. Он критикует традиционный стереотип в теории о необходимой связи между однообразием и единством, с одной стороны, и между многообразием и социальным расколом, с другой стороны, что «привело европейское правоведение к мифу о необходимости формального единства права» [Там же. С. 138–139].

Можно согласиться со многими из этих и других прозвучавших на этом конгрессе (и на других подобных форумах) идей и концепций зарубежных экспертов, которые в целом утверждают необходимость переосмысления в условиях нового межкультурного взаимодействия, глобализации ряда правовых принципов и теорий, расхожих с классическими времен Платона, либо Гоббса, либо других мыслителей, чьи доктрины стали незыблемым фундаментом для многих поколений гуманитариев и правоведов.

Если рассматривать практику мультикультурализма, то надо отметить следующие тенденции мировой политики: межкультурное взаимодействие во второй половине XX – начале XXI века развивается под влиянием глобализации международной миграции и, как следствие, под влиянием увеличения фрагментации современного мира [Поленина С. В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 5. С. 68]. Подтверждением этого являются распад Югославии, Советского Союза, ряда социалистических государств Восточной Европы, др. В свою очередь, растущая фрагментация мира ведет к фрагментации западных и восточных, национальных культур в целом и правовых культур в частности. В таких условиях культурного, правового и экономического многообразия, в котором живет современный человек, особую актуальность и важность для уважения человеческого достоинства и защиты прав человека приобретает его правовой статус, с одной стороны, и, с другой стороны, имплементация норм международного права в национальном законодательстве конкретной страны.

60-летний юбилей Всеобщей декларации прав человека, отмеченный ООН и многими странами 10 декабря 2008 года, возобновил с новой силой ведущиеся уже давно дискуссии о роли и степени влияния международных стандартов по правам человека, международных организаций по правам человека на отношение к этим правам. Хотя многие из этих документов ратифицированы большинством стран мира, в том числе с преобладающим мусульманским населением, однако при их ратификации рядом стран (Саудовской Аравией, Ливией, Бангладеш и др.) сделаны оговорки. Они связаны с недопустимостью «применения содержащихся в Конвенции норм в случае их расхождения с положениями Корана», что в результате, по мнению ряда экспертов, лишает конвенции (в частности, Конвенцию ООН 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», Конвенцию ООН 1989 г. «О правах ребенка») смысла, ибо вопреки норме и смыслу конвенций «усиливает деление всех сторон жизни людей на публичную и частную сферы» [Поленина С. В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006. С. 227–228]. Ряд исследователей считает, что международные стандарты укрепляют уважение к правам человека (особенно в демократических странах), другие утверждают, что в авторитарных государствах ратификация международных соглашений неэффективна, так как является прикрытием истинного положения дел в сфере прав человека [Немаер Э. Влияют ли международные договоры о правах человека на укрепление уважения к правам человека? // Е. В. Клинова. 2006.04.049. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2006. № 4. С. 194]. При этом Э. Немаер, например, представляет позиции теоретиков прав человека шести ведущих научных школ по вопросу о влиянии на состояние прав человека (неореалистическая школа, институционалисты, представители правовой школы, школа транснационального правового прогресса, либеральная школа, сторонники теории транснациональной системы защиты прав человека): три первых школы делают ставку на государство, на влиятельные страны и мощные государства (такие, как США), которые определяют состояние с правами человека в своих странах и мире в целом. В то же время три последних школы ориентированы на взаимодействие между государствами и национальными правозащитными группами, неправительственными организациями [Там же. С. 195–196].

В этой связи актуальной является проблема рассмотрения равных прав и свобод, равных возможностей человека как основы для межкультурного взаимодействия в современном мире, основы

конструктивного диалога и толерантного отношения между правительственными и неправительственными организациями разных стран, между национальными правозащитными группами на территории одного конкретного государства, между представителями коренного населения и мигрантами, др. в условиях расовых, этнических, классовых и религиозных конфликтов.

Ряд исследователей ставит вопрос о неких пределах прав человека в условиях, с одной стороны, растущего межкультурного многообразия, и, с другой стороны, с учетом необходимости соблюдения региональных (европейских) и международных стандартов по правам человека. Так, Дж. Льюис в статье «Европейский предел прав человека», рассматривая влияние Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция) на законодательство и судебную практику Соединенного королевства, отмечает, что государства – члены Европейского Союза могут предоставлять своим гражданам и «более щедрые права», нежели гарантированные Конвенцией, но «они не должны быть продуктом интерпретации Конвенции национальными судами, поскольку значение Конвенции одинаково для всех стран, ее признавших. Долг национальных судов состоит в том, чтобы идти в ногу с юриспруденцией Страсбурга по мере того, как она развивается во времени, но «не больше и не меньше»» [Льюис Дж. Европейский предел прав человека // Е. В. Клинова. 2006.04.049. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2006. № 4. С. 173].

При рассмотрении деятельности Европейского суда по правам человека исследователи также прослеживают определенное влияние межкультурного взаимодействия, мультикультурализма в ряде стран на национальное право и прецедентное (и как многие исследователи отмечают, живое) право Совета Европы. Это связано во многом с тем, что в Совет Европы входят исламские государства (Турция, Албания, Азербайджан), а также с ростом числа мусульман в преимущественно христианских странах – членах Совета Европы (Франции, Германии) [Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству / Фл. Бенуа-Ромер, К. Клебес. М., 2007. С. 43].

При поступлении в Суд в среднем 44 тыс. жалоб в год (при этом только 2 % подлежат рассмотрению) [Грир С. Европейская конвенция по правам человека: достижения, проблемы и перспективы // Е. В. Клинова. 2006.04.049. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2006. № 4. С. 177] лидерство и первые позиции по числу уже несколько лет неизменно занимают три страны: Россия, Франция и Турция. Так, С. Грир от-

мечает две «особенные странности» как недостатки действия Конвенции: 1) «французский парадокс», связанный с высоким уровнем нарушений во Франции; 2) постоянные злоупотребления в Турции, что стало наиболее серьезными проблемами в применении Конвенции [Грир С. Европейская конвенция по правам человека... С. 177].

Курдский вопрос (о нарушении прав человека в Турции), мальтийский вопрос (об использовании оппозицией итальянских СМИ), кипрский вопрос (о представительстве общин греков-киприотов и турок-киприотов), чеченский вопрос (о нарушениях прав человека в Чечне) – эти и другие вопросы, связанные, в том числе, и с межкультурным взаимодействием в праве, не раз становились основанием для рассмотрения приостановления членства или исключения той или иной страны из Совета Европы [Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству. С. 48–52].

В целом, в современном мире сегодня проблемы межкультурного взаимодействия в праве оказывают серьезное влияние на развитие теоретико-правовых исследований, процессы унификации систем права европейских стран в составе Евросоюза и Совета Европы, реформирование национального законодательства многих стран мира, изменение характера и содержания деятельности ряда международных и региональных организаций по защите прав человека.

Некоторые аспекты распространения молодежного экстремизма в России

В российском обществе достаточно сильны тенденции к образованию экстремистских неформальных молодежных объединений. Пропагандируемый этими объединениями экстремизм крайне опасен для психического и нравственного здоровья молодых людей, сама их деятельность – для окружающих. Э. Хобсбаум утверждал, что «националистические движения обычно укореняются, прежде всего, в тех регионах, где модернизация уже достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения»¹.

По данным МВД, за 11 месяцев 2006 года в России было зарегистрировано 230 преступлений экстремистского характера, что на 85,5 % превышает показатель аналогичного периода предыдущего года. Определенное представление о некоторых характеристиках криминальной обстановки дают результаты опросов общественного мнения, проводившихся Всероссийским центром изучения общественного мнения и маркетинга (ВЦИОМ). Так, по мнению 36 % опрошенных в январе 2006 года, межнациональные отношения в стране стали напряженнее, хотя по сравнению с 2004 годом доля подобных ответов и сократилась на 13 %.

Анонимные опросы позволили выявить наличие стойких антипатий к представителям некоторых национальностей. У большинства опрошенных антипатию вызывают «кавказцы» (20 % ответов) и «чеченцы» (8 %). Также антипатию у россиян вызывают цыгане (3 %), украинцы (2 %), китайцы (2 %), евреи (1 %), таджики (1 %), американцы (1 %). Но эти результаты показывают и некоторое снижение межнациональной напряженности в стране по сравнению с серединой 90-х годов XX века. Большинство опрошенных – 49 % в 2004, 53 % в 2005, 61 % в январе 2006 года разделили мнение о том, что все народы нашей страны должны обладать равными правами и не должны иметь никаких привилегий.

* *Яна Анатольевна Голобокова* – канд. ист. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Хабаровского пограничного ин-та ФСБ России (г. Хабаровск).

¹ *Hobsbawm E. J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today. 1992. Vol. 8. № 1.*

Определенный научный и практический интерес представляет и распределение ответов на вопрос, насколько распространенными в настоящее время являются фашистские взгляды: широко распространенными их назвал 1 % опрошенных. На единичные известные им случаи проявлений фашизма указали 11 % респондентов, однако в возрастной группе 18–24-летних респондентов уже 19 % из них известны подобные факты. Показательно, что, по мнению 12 % опрошенных, опасность фашистских идей весьма велика, а по мнению еще 30 %, – довольно велика. Но в то же время 30 % посчитали, что подобная угроза несерьезна, и еще 19 % заявили, что она вовсе отсутствует. 42 % респондентов все же признали такую опасность реальной, причем в группе молодежи 18–24 лет доля таких ответов также была равна 42 %. Подавляющее большинство – свыше 80 % опрошенных – указали на необходимость противодействия распространению фашистской идеологии. Приводимые данные свидетельствуют об осознании значительной частью населения опасности дальнейшей радикализации настроений в обществе, а также о наличии «социального заказа и наказа» органам власти на более активную информационно-просветительскую деятельность в проблемных группах и регионах, что следует осознать не только работникам правоохранительных органов, и в частности их подразделений по связям с общественностью, но и в первую очередь руководителям СМИ, в том числе региональных.

Динамика общественного мнения в последние годы, особенно в связи с тенденциями изменений в демографической ситуации, указывает на необходимость осуществления информационно-пропагандистского противодействия экстремизму на систематической, комплексной и плановой основе².

В июне 2008 года во ВНИИ МВД прошла пресс-конференция «Общественная опасность экстремизма: теоретическая и практическая оценка», на которой было озвучено, что «увеличивается количество ... граждан, которые в основном используют лидеры экстремистских организации за определенную плату при проведении несанкционированных митингов и собраний. К примеру, в 2007 году на территории страны было проведено 417 несанкционированных протестных акций, за участие в которых к административной ответственности привлечено 1458 человек. Наибольшее их количество отмечено в мегаполисах и крупных областных центрах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Нижегородской обла-

² См.: *Хлобутов О. М. Некоторые вопросы противодействия политическому экстремизму в России // Проблемы противодействия молодежному экстремизму: Материалы круглого стола (21 декабря 2006 г.) и научно-практического семинара (23 марта 2007 г.). М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 62.*

сти и Пермском крае)»³. Таким образом, проблема, связанная с проявлениями молодежного экстремизма, в настоящее время актуальна для большинства субъектов Российской Федерации. Анализ экстремистских проявлений в России обнаруживает общие тенденции к нарастанию и углублению этих процессов. Анализ следственной и судебной практики по уголовным делам экстремистской направленности показывает, что в последние три года в Российской Федерации произошел рост числа данных преступлений. Так, в 2004 году было совершено 130 актов экстремизма, в 2005 году – 152, а в 2006 году таких преступлений зарегистрировано уже 263.

В 2006 году преступления экстремистской направленности были зарегистрированы во всех федеральных округах. Их количество превысило показатель в среднем по стране на 58,25 %. В Центральном федеральном округе в 2006 году зарегистрировано 73 (+102, 8 %), Северо-Западном – 50 (+127 %), Южном – 29 (+81,3 %), Приволжском – 53 (+76,7 %), Уральском – 24 (+20 %), Сибирском 14 (- 22,2 %), Дальневосточном – 2 (0 %), на транспорте – 9 (+80 %) преступлений данного вида.

Самыми распространенными преступлениями, отнесенными законодательством к категории экстремистских, являются убийство, совершенное по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В 2006 году их совершено соответственно 18 и 106. За публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ в 2006 году осуждено 10 человек (в 2005 – 6), за создание экстремистских сообществ и по ч. 1 ст. 282-1 УК РФ осуждено 8 человек, за участие в таком сообществе по ч. 2 ст. 282-1 УК РФ – 4 человека (в 2005 г. соответственно 1 и 2 лица)⁴. Жертвами большинства преступлений экстремистской направленности, совершенных по националистическим побуждениям, являются граждане и лица неславянских национальностей.

Еще один очень важный аспект – это пропаганда с помощью средств массовой информации экстремистскими организациями своих идей. Важная составляющая деятельности радикальных организаций, чья политика направлена на поправление достоинства национальных меньшинств, является пропаганда. Появились эффективные и технологичные способы воздействия на массовое со-

знание – цифровое телевидение, система ГИС «Интернет» и др. Однако в настоящее время в России пробиться на телевидение или на радио национал-радикалам практически невозможно. Печатное слово – основной, если не единственный способ для радикалов донести свои идеи до населения. С настоящим распространением компьютерной и копировальной техники издавать листок тиражом в несколько сотен экземпляров может практически любой.

Одними из самых влиятельных национал-радикальных изданий в начале 2000-х годов являются: Газета «Завтра». Тираж ее составляет 100 000 экземпляров еженедельно. «Завтра» рассчитана на разнообразную аудиторию – коммунисты и националисты различных идеологических взглядов. Вот цитата из текста газеты: «Русского крупного капитала, да и мелкого, вовсе не существует. Русский сегодня – без денег, голодранец... В сегодняшней России крупный капитал – еврейский, причем несправедливо нажитый. И у этого капитала есть огромный соблазн установить диктатуру, дабы потеснить капитал мусульманский, но главное – подавить нарастающий протест обобранного коренного народа»⁵; Газета «Дуэль». Тираж – 12 000 экземпляров еженедельно. Издание для «клевых националистов». «Дуэль» – основное в России издание, проповедующее мифологию ревизионизма Холокоста; Газета «Наше Отечество». Тираж колеблется от 5500 до 10 000 экземпляров, периодичность – два раза в месяц, ранее – три раза в месяц. Является наглядным представителем антисемитской прессы. Радикальные, развязные антисемитские публикации занимают большую часть печатной площади издания. Выражения, в которых редактор и авторы газеты пишут о евреях, просто шокируют⁶; Газета «Новая система». Тираж – 6000 экземпляров, периодичность – один раз в два-три месяца; Газета «Эра России». Тираж газеты колеблется от 2000 до 5000 экземпляров, периодичность – два раза в месяц. Цитата: «Евреи – это потомки «лысых болотных обезьян»⁷.

Таких изданий немало. Значительно отличается от подобных газет большинство партийных изданий. Поскольку политическая партия по определению стремится распространить свою идеологию на максимально широкие слои населения, в партийных изданиях ксенофобия и отталкивающие материалы, наподобие выше процитированных, занимают меньше печатной площади. Наиболее радикальными партийными изданиями являются газеты Национал-

³ Режим доступа: www.xeno.sova-center.ru

⁴ См.: *Колов А. М.* Актуальные проблемы противодействия экстремизму органами внутренних дел // Проблемы противодействия молодежному экстремизму: Материалы круглого стола (21 декабря 2006 г.) и научно-практического семинара (23 марта 2007 г.). М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 75.

⁵ Завтра. № 30 (453). Июль 2002.

⁶ См.: *Владиславов С.* Пусть слуги оккупационного режима не становятся на пути русских патриотов // Наше Отечество. № 177. Июнь 2002.

⁷ Эра России. № 12 (80). Июнь 2002.

большевистской партии («Лимонка», «Смерч»), Народной национальной партии («Я – Русский», «Ижевская дивизия»), Русского национального единства («Русский порядок», «Русский свет», «Евпаний коловрат»), Национал-патриотического фронта «Память» («Память»), Черной сотни («Черная сотня»), движения «Русское действие» («Правое сопротивление»), Национально-державной партии России («Русский фронт», «Национальная газета») и др.⁸

Внедрение экстремизма в молодежную среду приобретает все большие масштабы и несет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение – это ресурс национальной безопасности и гарант поступательного развития общества. Молодежь в силу природных и социальных особенностей своего возраста способна не только адаптироваться, но и активно воздействовать на позитивные изменения в обществе.

А. В. Головизнин*

Юридическая природа и система норм права, регулирующих оборот культурных ценностей

В настоящее время в теории права нет единства во мнениях относительно системы права. На фоне существования традиционных отраслей права высказываются мнения о появлении новых правовых образований (информационное право, лесное право, образовательное право и т. д.). На страницах юридической литературы обосновывалось существование отрасли «культурного права»¹.

Традиционно в качестве оснований построения системы права рассматривают предмет и метод правового регулирования. В связи с этим можно провести дифференциацию позитивного права на отдельные отрасли, каждая из которых объединяет внутренне связанные между собой нормы². Вместе с тем, будучи внутренне единым и крупным правовым образованием, любая отрасль права подразделяется на отдельные элементы, которые имеют свои определенные задачи и выполняют самостоятельную роль по отношению к регулируемому кругу отношений.

В настоящее время делаются попытки поиска других системообразующих критериев. В частности, по мнению В. Ф. Попондопуло, наряду с предметом правового регулирования, для деления права на подотрасли можно использовать объект и субъект регулируемых отношений³. Однако, очевидно, что и объект и субъект являются элементами регулируемых общественных отношений и их нельзя использовать обособленно от них. Иными словами, и субъект и объект определяют особенности предмета правового регулирования.

* **Алексей Васильевич Головизнин** – канд. юр. наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Молчанов С. Н.* Международно-правовое сотрудничество в области культуры // Московский журнал международного права. С. 110–123.

² См.: *Брагинский М. И.* О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: Сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 46.

³ См.: *Попондопуло В. Ф.* Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Правоведение. 2002. № 4. С. 88–89.

⁸ Режим доступа: www.Sowa.ru

Сказанное относится и к культурным ценностям, которые, будучи уникальными объектами истории, науки, искусства, религии, служат удовлетворению духовных потребностей человека. Специфика общественных отношений, возникающих по поводу культурных ценностей, обуславливает их специальную правовую регламентацию. Данные общественные отношения неоднородны по своей природе и регулируются нормами различных отраслей права. Однако отношения оборота культурных ценностей, составляющие ядро данных социальных связей и являющиеся имущественно-стоимостными, регулируются нормами гражданского права и в полной мере воспринимают присущие ему приемы и способы правового регулирования. В то же время оборот культурных ценностей отличается от оборота других объектов гражданских прав в связи с их огромной значимостью для общества, что определяет использование, в том числе, публично-правового инструментария для обеспечения их сохранности. Как было отмечено Б. Б. Черпахиным, «применение к определенным жизненным отношениям того или иного способа регулирования зависит не только от содержания этих отношений, но также и от целого ряда других условий, которые, все вместе взятые, заставляют законодателя избрать для данных отношений именно такой, а не иной способ их построения и регулирования»⁴. При выборе способа правового регулирования «речь идет не о том, чтобы отдать предпочтение частноправовому или публично-правовому типу регулирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, а о том, чтобы частноправовое регулирование оптимально ограничивалось в необходимых случаях публично-правовыми элементами»⁵. Однако использование публично-правовых приемов для регулирования отношений оборота культурных ценностей не влечет за собой трансформации их в целом в публичные отношения: одни из них сохраняют природу частных социальных связей, другие приобретают свойства публичности.

Вместе с тем нельзя утверждать, что все нормы права, определяющие правовой режим культурных ценностей, входят в сис-

⁴ Черпахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // Десятый сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Иркутск, 1926. С. 34.

⁵ Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2004. С. 21. См. также: Перевалов В. Д., Бублик В. А. Современное гражданское право – баланс частного и публичного // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 57.

тему гражданского права. Существует огромный массив норм права, составляющих сферу публичного права. В частности, к таковым можно отнести: а) нормы права, регламентирующие международную охрану культурных ценностей, в том числе во время военных конфликтов (международное публичное право), б) нормы права, устанавливающие уголовную ответственность за уничтожение и повреждение культурных ценностей (уголовное право), в) нормы права, регламентирующие осуществление контроля над состоянием культурных ценностей (административное право); г) нормы права, регулирующие порядок вывоза с территории России культурных ценностей (таможенное право), и т. д.

Объединение правовых норм различных по своей юридической природе для регулирования тех или иных сфер жизнедеятельности позволило ряду ученых говорить о существовании вторичных комплексных правовых образований в системе права⁶. Представляется, что нельзя согласиться с подобным мнением, поскольку система права «на иных основаниях, кроме единства предмета и метода, строиться не может в отличие от систематики правовых норм, осуществимой при помощи самых разнообразных критериев, вплоть до расположения правовых норм в алфавитном порядке»⁷. Сообразно этому «одна и та же норма не может одновременно регулировать два различных вида общественных отношений или заключать в себе два различных метода правового регулирования. Именно поэтому одна и та же норма не может быть одновременно включена в две различные отрасли права»⁸. На самом деле так называемые «комплексные правовые образования» являются комплексными законодательными массивами, сгруппированными законодателем для регулирования разнородных, но функционально

⁶ См.: Толстой Ю. К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 44–45; Алексеев С. С. Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 46; Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. Гражданское право и современность // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 35; Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: Сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 25, 42; Перевалов В. Д., Бублик В. А. Указ. соч. С. 57; Белых В. С. О соотношении частного и публичного права в правовом регулировании общественных отношений // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 67–69.

⁷ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1961. С. 355.

⁸ Там же. С. 357.

взаимосвязанных общественных отношений⁹. Безусловно, законодательство о культурных ценностях также следует признать комплексным¹⁰.

Анализ отечественного законодательства о культурных ценностях свидетельствует о существенных недостатках в правовом регулировании оборота культурных ценностей. Положения нормативно-правовых актов о культурных ценностях в настоящее время носят фрагментарный характер, относятся, как правило, лишь к отдельным их видам и разновидностям, не согласуются между собой, не отвечают критериям формальной определенности и не в полной мере охватывают соответствующие социальные связи. Кроме того, они не соответствуют предписаниям Гражданского кодекса Российской Федерации, включая положения тех актов, которые были приняты после вступления в действие ГК.

Существуют пробелы в правовом регулировании оборота отдельных видов культурных ценностей. Сказанное, в частности, относится к обороту движимых культурных ценностей. В настоящее время существует несколько нормативно-правовых актов, определяющих правовой режим культурных ценностей, но они либо посвящены правому регулированию отдельных видов культурных ценностей (музейные ценности), либо касаются лишь отдельных вопросов (ввоз на территорию РФ и вывоз с территории РФ культурных ценностей). Использование в этой области законодательства бывшего СССР и РСФСР не всегда дает желаемый результат, поскольку содержащиеся в нем нормы не подлежат применению по причине их противоречия действующему законодательству. Между тем, оборот движимых культурных ценностей, так же как и недвижимых, требует определенной специфики в правовом регулировании, обусловленной обеспечением сохранности этой части культурного достояния нашей страны.

Все вышесказанное подчеркивает необходимость принятия закона, регулирующего оборот культурных ценностей, который бы устранил существующие в настоящее время пробелы и коллизии, препятствующие формированию цивилизованного рынка культурных ценностей в нашей стране. Представляется целесообразным правовые нормы, определяющие правовой режим культурных цен-

ностей, закрепить в едином комплексном нормативно-правовом акте (федеральном законе), отдельные разделы (главы) которого можно было бы посвятить правовому регулированию отношений оборота культурных ценностей, отношений охраны культурных ценностей и отношений, возникающих в ходе государственного регулирования и контроля оборота культурных ценностей. Указанный федеральный закон предлагается назвать «Об обороте культурных ценностей».

Вследствие принятия данного закона можно отменить разрозненные нормативно-правовые акты, регламентирующие отношения по поводу отдельных видов культурных ценностей, в частности: Об объектах культурного наследия, О вывозе и ввозе культурных ценностей, О музеях и музейном фонде.

⁹ См.: Красавчиков О. А. Система права и система законодательства // Правоведение. 1975. № 2. С. 69–71; Суханов Е. А. О проблемах становления и развития российского частного права // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 43; Попондопуло В. Ф. Указ. соч. С. 96.

¹⁰ См.: Сергеев А. П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. С. 93–99.

Межкультурное взаимодействие в Средневековой Руси (историко-правовой аспект)

Проблема взаимодействия культур всегда являлась одной из ключевых в науке. Межкультурные контакты, как правило, подразумевают влияние взаимодействующих культур друг на друга, которое может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, можно говорить о взаимобогащении культур, с другой, об опасности утраты самобытности и, как следствие, изменения культурной идентичности. В основе существования и развития любой культуры лежат системы ценностей, выступающие базовой основой культуры, а также неразрывно связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, практики, символы и артефакты. Находясь в неразрывной связи, они формируют единое поле культуры, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми и создает условия для формирования идентичности – усвоения и принятия господствующих в данном обществе элементов сознания, вкусов, привычек, норм, ценностей. Тем не менее, развитие единого культурного поля, выход его на качественно новый уровень невозможен без формирования единой «общеидентификационной идеи», которая зачастую не обходится без привлечения внешних источников.

Формирование российской государственности не обошлось без такого рода заимствований. Поток скандинавов, прибывавших и частично оседавших в Восточной Европе, привел в X веке к образованию новой военной элиты Древней Руси. Она принесла с собой собственные культурные традиции и религиозные верования. Непосредственным результатом новой этнокультурной ситуации стало образование дружинной культуры, которая отражала высокий социальный статус ее носителей. Сказания о первых русских князьях, от Рюрика до Владимира, возникли и бытовали в дружинной среде, первоначально состоявшей из скандинавов, затем ставшей полиэтничной и, наконец, к XI веку включавшей по преимуществу славян.

* *Юлия Александровна Грехнёва* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та, замдиректора по организационным и правовым вопросам НП «Международный информационный центр» (г. Екатеринбург).

Наиболее полно скандинавские культурные традиции выявляются в сказаниях о князе Олеге: в соотношении его имени и прозвища (Олгъ Вещий (Helgi)), сказании о взятии им Киева и, особенно, сюжете о его смерти, развернутую параллель которому представляет «Сага об Одде Стреле». Но не менее интересные свидетельства обнаруживают и некоторые другие рассказы о первых русских князьях. Одним из них является повествование о трех местах Ольги древлянам (в «Повести временных лет» под 945 г.), пронизанное архаическими и фольклорными мотивами.

Принятие христианства на Руси стало существенной вехой в формировании единого культурного поля. Византия, как оплот христианской веры, выступила для Руси своеобразным интеллектуальным спонсором, мультиплицировавшим достижения христианской культуры. Каменное церковное строительство в Древней Руси началось в X веке после принятия христианства. Свидетельства Киево-Печерского Патерика сообщают о факте призвания греков для постройки соборной Успенской церкви. Известно, что греческие мастера принимали участие и в строительстве Святой Софии. Обращение к ним было следствием принятия христианства из Византии, а также тем, что идея преемственности Царств – от Иерусалима через Константинополь в Киев – проводилась уже первыми митрополитами Киевскими. Несмотря на то, что греческие мастера принесли с собой византийскую метрическую систему, уже в первых каменных памятниках Древней Руси, например в Десятинной церкви, в Святой Софии, византийская система мер была трансформирована и дополнена древнерусскими мерами. Метрические соотношения, заложенные в пропорциях церкви Успения Киево-Печерской Лавры, несут в себе древнейшую числовую традицию, корни которой уходят в пифагорейство и культуру Ближнего Востока. Пропорциональная система церкви Успения стала сакральной мерой для богородичных соборов Древней Руси. Таким образом, древнерусское зодчество X века отразило сосуществование византийской и древнерусской метрических систем. И по сути явилось свидетельством формирования новой культурной среды, которая формировала не только условия развития новых знаний, но и нового мировоззрения. В начале XII века это выразилось в попытке осмысления восточнославянской общности, объединившейся под единым этнонимом «Русь», которому была посвящена значительная часть «Повести временных лет».

Формирование древнерусского права также не миновало инокультурные влияния. Тот факт, что Русская правда как важнейший источник древнего права до сегодняшнего дня является объектом дискуссий в части способов ее составления, источниках, которыми пользовались составители, о системе и общем характере ее со-

держания, подтверждает неоднозначность культурной среды ее происхождения. Помимо неоднозначности в части использования юридической техники и правоприменения Русской Правды, мнения об источниках Правды также расходятся. Такие западные исследователи, как Струбе-де-Пьермонт и Шлецер, в свое время обратили внимание на сходство постановлений Правды с нормами датского и шведского права и отсюда заключили, что содержание Правды заимствовано из северных законов, принесенных к нам варягами; Эверс, доказав, что сборники скандинавского права моложе Правды, полагал, также основываясь на замеченных им сходствах, что источниками Правды послужили варварские законы салических и рипуарских франков. В настоящее время никто этих взглядов не разделяет. Сравнительное изучение права указало сходные юридические институты у таких народов, которые вели совершенно изолированную жизнь и не могли ничего один у другого позаимствовать. Сходство юридических институтов находит свое объяснение в одинаковых условиях быта, переживаемых различными народами на соответствующих ступенях развития.

Наиболее распространенным научным мнением является, что Русская Правда возникла на почве местных, национальных источников, но далеко не исключительно. Первым по объему и важности источником является обычное право. Такие институты, как месть, выкуп, суд послухов, холопство, устранение сестер от наследства и т. п., у всех народов возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя – это самые древние институты обычного права. Вторым источником, сравнительно скудным, служили княжеские уставы. Однако этот вывод можно сделать только на основании прямых указаний самой Правды. Поклон или покон вирный назван уроком Ярослава; ему же приписано постановление об убийстве холопа за нанесение удара свободному мужу. Совместной деятельности Ярославичей приписывается возвышение виры за убийство огнищанина и княжого подъездного, отмена убиения за голову и введение выкупов, а также замена устава Ярослава об убийстве холопа денежным штрафом. Наконец, постановление о процентах названо уставом Владимира Мономаха. Других указаний на уставную деятельность князей в Русской Правде нет. Третий источник Правды составляли судебные решения. Некоторые из них занесены в Правду во всей их конкретной форме; например, за убийство старого конюха у стада назначена вира в 80 гривен, «яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убил Дорогобудьцы». Другие сохранили только некоторые подробности судебного случая; так, в статьях о краже скота упоминается в одном случае о 18 ворах, в другом о 10, которые «одину овцу украл». Наконец, четвертым

источником было византийское право, которое пришло вместе с принятием христианства и, несомненно, не только применялось в церковных судах, но влияло на практику и судов гражданских. Решения судов на основании норм византийского права, приспособленных к условиям древнерусского быта, также занесены в Правду. Статьи Правды о самовольном пользовании чужим конем, об убийстве вора на месте преступления почти буквально заимствованы из соответственных правил Закона Судного людям. Постановления о наследстве, статьи об опеке очень напоминают правила Эклоги. Они не тождественны, но, может быть, именно потому, что взяты составителем не прямо из Эклоги, а из судебной практики, которая могла и отступать от буквального текста византийских норм.

Таким образом, формирование единого культурного поля русской государственности, в том числе, в части развития русской правовой культуры, связано с влиянием трех основных аспектов межкультурного взаимодействия Средневековой Руси: формированием военной элиты, экспортированной из скандинавских стран, принятием христианства от Византии и сложившимися национальными культурно-историческими ценностями, возникшими на этапе перехода от племенных форм управления к государственным.

Глобализация и человеческая свобода

Сегодня в средствах массовой информации и других источниках достаточно часто можно встретить рассуждения о своеобразном переходе всего человечества. Этот переход главным образом детерминируется сменой материальных ценностей духовными. Сущность такого перехода находит свое логичное отражение в различных высказываниях известных мыслителей. Например: «Мир не меняется, меняемся мы» (Торье) или «Не плачь из-за того, что мир меняется; плакать нужно, если он обретет стабильность и перестанет меняться» (Бриан)¹. Так что вопрос перемен стал актуальным не только сегодня. Одновременно с этим, например, в Древнем Китае перемены рассматривались как своеобразное проклятие: «Не дай бог жить во время перемен»².

Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день один из самых актуальных вопросов (безусловно, касающийся изменений и перемен всего мира) – это глобализация. Достаточно зайти в любой книжный магазин, чтобы увидеть, как много трудов посвящено данной проблеме; причем очень часто уже название книги говорит о том, как авторы относятся к вопросам развития глобального капитализма и всемирного объединения: может присутствовать слово «антиглобализм», а может быть и «Глобализация: путь к спасению». Разумеется, что возможны и иные варианты. К слову, велико было мое удивление, когда в библиотеке из десяти полученных книг о глобализации восемь в названии содержали антиглобалистские призывы. В данных тезисах хотелось бы высказать свое отношение к предложенному феномену, а также рассмотреть, каким образом глобализация связана со свободой каждого человека.

Глобализация, всеобъемлемость, глобальность в сущности определяются единым направлением развития, единой целью и всеобщностью человечества. Уже здесь наглядно видны следующие проблемы: «Вместо общего движения всех в одном направлении на основе общности интересов и единых стандартов, реали-

* **Николай Николаевич Давыдов** – студент 3-го курса специальности «Гражданское право» юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Цит. по: Янин И. Т. Энциклопедия мудрых мыслей. М., 2003. С. 153.

² Цит. по: Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 1994.

зуется агрессивная стратегия прорыва одних на “костях” других»³. Если сравнивать мировые человеческие культуры, то можно заметить отсталость и даже ущербность одних культур по сравнению с другими. Немаловажным является и то, что люди очень *разные*. Хотя это и банальная фраза, однако в ней содержится, на мой взгляд, главная сущность различного рода объединений. Представьте себе, как союз заключают двое людей, или трое, а может быть и четверо. Вроде бы понятно и просто. Но с увеличением числа «объединяющихся» такая арифметическая прогрессия все больше начинает смущать. А теперь представьте, что эти люди – приверженцы разного рода религий, различной этнической принадлежности, и наконец, элементарно имеют неравный материальный доход. Что тогда? Очевидно, что объединение таких людей начинает подвергаться сомнению. Стоит заметить, что XX век «подарил» XXI веку целый «букет» различного рода катаклизмов. Например, последствия двух мировых войн; проблемы, связанные с международным терроризмом; негативная экологическая обстановка. И вот сейчас встает вопрос о *человеческой свободе*. Волей не волей, все-таки одни люди довлеют над другими, а следовательно, логично будет сказать, что во время процессов глобализации человеческая свобода все больше будет ущемляться. Думаю, что данный тезис можно уверенно назвать аксиомой. Как было замечено в начале статьи, глобализация предполагает *единый* вектор развития. Это значит, что людей ущемляют, ставят в рамки, в каком-то смысле лишают свободы. После этого сложно представить себе глобализацию в “чистом” виде. Вернее, представить ее можно, однако последствия для обычных людей могут стать катастрофическими. Может показаться, что глобализация есть крайне негативный феномен сегодняшней повседневности, но это будет очень однобоко.

Хотелось бы привести определение, которое, на мой взгляд, представляет глобализацию как положительную тенденцию: «Глобализация – это то, что свойственно, полезно и принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия»⁴. Именно в таких условиях, наверно, возможно положительное сотрудничество. Не стоит также забывать о том, что глобализация – это мощный экономический инструмент. Ярким тому подтверждением является Евросоюз. Возможность торговли, единая валюта, а также различные сов-

³ Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 331.

⁴ Азроянц Э. А. Там же. С. 339.

местные программы позволяют странам ЕС достигать весьма положительных результатов.

Необходимо сказать о глобализации и в элементарном человеческом представлении. Начинать всегда полезно с самого себя: «Только в глубине самого себя человек может найти настоящим образом глубину времен, потому что глубина времен не есть что-то внешнее, чуждое человеку, извне ему данное, извне ему навязанное, глубина времен есть глубочайшие сокровенные пласты внутри самого человека, пласты лишь прикрытые, лишь оттесненные узостью сознания на второй или третий план» (Н. А. Бердяев)⁵. Так и глобализация – это феномен, который начинает зарождаться и развиваться внутри человека, в глубине его духовного мира, в идеях построения общества и государства. И ведь мысль эта – далеко не новость. В книге В. Л. Иноземцева «Расколота цивилизация» приводятся слова монаха Средних веков (!), которые, на мой взгляд, должны стать заповедью тех, кто сегодня руководит процессами глобализации и является их участником:

«В XI веке католический монах оставил в книге, дошедшей до наших дней, запись, которая может и должна стать уроком для будущих поколений. “Когда я был подростком, – писал он, – я своими порой нерациональными усилиями стремился изменить весь мир; когда я стал юношей, я не жалел сил, чтобы изменить свой город; повзрослев, я пытался сделать лучше свою семью; когда же я состарился, мне оставалось лишь совершенствовать самого себя, ощущая, что я не достиг ничего из достигнутого. Тогда я осознал, что изменив самого себя в ранние годы, я тем самым изменил бы и свою семью; та, став лучше, сделала бы совершеннее и город, в котором мы жили, а это в свою очередь, подняло и весь мир на новую ступень чистоты и совершенства”»⁶.

В целом, глобализацию можно считать положительной тенденцией, ее можно критиковать, а можно просто принять этот стремительно набирающий обороты процесс как данность. Однако самая первая глобализация, которая должна произойти сегодня, – это *глобализация сознания*. Лишь тогда страны мира будут действительно объединяться и сотрудничать, не ущемляя при этом человеческой свободы.

⁵ Цит. по: Малахов В. П. История политических и правовых учений. М., 2000. С. 3.

⁶ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М., 1999. С. 618.

С. А. Денисов*

Конституционный Суд РФ в конфликте двух правовых культур

Автор выделяет две основные правовые культуры, борющиеся в современном мире за выживание. Первая, самая древняя – административная правовая культура. Ее суть в том, что члены общества рассматривают государство (его бюрократию) как основной регулятор общественных отношений. Правотворческая функция передается не демократическому государству. Эту правовую культуру можно назвать суперэтантической. Другая правовая культура, гражданская, родилась в странах Запада (поэтому часто ее называют западной). Она возникла вследствие того, что класс частных собственников сумел встать над государством, подчинить бюрократию своей воле. Возникшее гражданское общество само творит право и закрепляет его в различных источниках посредством своих представителей в государственном аппарате (парламенте, суде). Естественно, право здесь выражает интересы общества, его членов и ограничивает полномочия должностных лиц, государства.

Россия традиционно имела административную правовую культуру. Гражданское общество было слабым и пассивным. Вся правовая жизнь страны направлялась классом управленцев, составляющим государственный аппарат. Сегодня в Россию «вброшены семена» гражданской правовой культуры. В 1993 году Б. Н. Ельцин октроировал Конституцию, отражающую западные ценности. Класс управленцев, для сохранения своей власти, вынужден признать права частных собственников и допустить закрепление в праве элементов рыночных отношений.

Конституционный Суд РФ является типичным продуктом соединения двух правовых культур. С одной стороны, он вынужден придавать конституционный вид политической власти класса управленцев, поддерживать отношения патернализма между государством и обществом. С другой стороны, своими решениями он защищает предпринимателей от чрезмерного давления бюрократии, встает на защиту личных прав человека.

* Сергей Алексеевич Денисов – канд. юр. наук, доцент кафедры публичного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

1. Обеспечение политического господства класса управленцев.

Сохранение административного характера государства обычно связано с обеспечением единоличной власти правителя. В сентябре 1993 года Конституционный Суд РФ принял решение, направленное против государственного переворота, совершенного Президентом РФ. Он нашел основания для отрешения Б. Н. Ельцина от должности Президента РФ. Вследствие этого работа Суда была приостановлена главой государства. Возникла угроза его роспуска. Это стало хорошим уроком для судей. В последующих своих решениях по конфликтным ситуациям они, как правило, принимали сторону главы государства. Отвергая принцип правового государства, Суд в своем Постановлении от 31 июля 1995 года признал, что Президент РФ не связан нормами Конституции РФ и законами. Он может присваивать себе новые полномочия, которые не перечислены в тексте Конституции, но их можно вывести из нее, ссылаясь на цели, которые должен реализовать глава государства. Принцип целесообразности поставлен выше принципа законности. Это решение открыло дорогу безмерному расширению полномочий Администрации Президента, действующей от имени главы государства. Поэтому иногда ее называют новым ЦК КПСС или канцелярией его императорского величества.

В Постановлении от 30 апреля 1996 года № 11-П Конституционный Суд признал право Президента РФ осуществлять законотворческие функции, грубо нарушая принцип разделения властей. Это до сих пор позволяет главе государства посредством своих указов разделять страну на федеральные округа и формировать в них не конституционные органы власти, которые подменяют собой органы власти в субъектах Федерации. Указное право определяет порядок осуществления кадровой политики Президента РФ, в частности порядок назначения глав регионов. В Постановлении от 22 апреля 1996 года № 10-П Суд признал судебные полномочия главы государства. Он посчитал, что Президент РФ имеет право осуществлять надзор за соблюдением процедуры принятия законов в палатах Федерального Собрания и если она нарушается, отказывать в подписи принятому закону, направляя его в Федеральное Собрание на новое рассмотрение.

Конституционный Суд, как мог, оказывал помощь Президенту РФ в восстановлении традиционного для России имперского государственного устройства с централизованным управлением страной. В Постановлении от 21 декабря 2005 года № 13-П он признал вполне конституционным лишение населения регионов права избирать главу региона и передачу права назначения его Президенту РФ при формальном участии представительных органов региона. В этом же постановлении Суд признал конституционным детальное

регулирование в федеральном законе правил формирования органов власти регионов и установление системы этих органов. Он полностью проигнорировал положения Ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, где сказано, что эти вопросы относятся к предмету ведения субъекта Федерации. Суд отказался признать даже ограниченный суверенитет субъектов Федерации (Постановление КС РФ от 7 июня 2000 года № 10-П), несмотря на то, что Конституция РФ говорит о них, как о государствах (ч. 2 ст. 5 и ст. 73). Постановление от 21 декабря 2005 года значительно подорвало авторитет самого Конституционного Суда в глазах демократической общественности, так как Суду, для того чтобы не вступить в конфликт с Президентом, пришлось отказаться от своего собственного решения, зафиксированного в Постановлении от 18 января 1998 года. В последнем он ясно выразил мысль, что участие законодательного (представительного) органа субъекта Федерации в назначении (выборах) на должность главы региона не конституционно.

2. Поддержание патерналистских отношений между обществом и государством.

До трети решений Конституционного Суда касается разрешения жалоб граждан, касающихся их социальных прав. Ссылаясь на конституционную декларацию о том, что Россия является социальным государством, Суд требует от органов власти страны исполнять свои патерналистские функции с целью поддержания доверия населения к государству. Недемократическое государство не может стать социальным. Оно может стать только патерналистским. Так, Конституционный Суд пытался заставить государство исполнять принятые им на себя обязанности, закрепленные в законах. Он признал, что закон о бюджете не может отменять действие других законов путем отказа выделения средств на их реализацию (Постановление КС РФ от 23 апреля 2004 года № 9-П).

3. Защита личных прав человека.

Как известно, человек часто оказывается беззащитным перед произволом государственных чиновников, попадая в сферу уголовного преследования. Федеральное Собрание долгое время отказывалось вводить в уголовный процесс нормы, закрепленные в Конституции РФ. Конституционный Суд в Постановлении от 14 марта 2002 года № 6-П принудил законодателя ввести в Уголовно-процессуальный кодекс нормы, обеспечивающие задержание и арест граждан только по решению суда. Для российского законодателя, представляющего в первую очередь класс управленцев, характерно стремление облегчить работу дознавателя, следователя, суда. Это может делаться в ущерб интересам сторон уголовного процесса. Конституционный Суд своими решениями восстанавливает права граждан. Например, в своем Определении от 6 июля 2000 года.

Суд признал право лиц, чьи права и свободы затрагиваются решением об отказе в возбуждении уголовного дела, на доступ к материалам, на основании которых было вынесено это решение. Конституционный Суд признал неконституционной норму УПК РФ, позволяющую суду надзорной инстанции рассмотреть дело без ознакомления потерпевшего с протестом, без извещения потерпевшего о времени и месте судебного заседания и без обеспечения потерпевшему права довести до суда свою позицию по имеющим к нему отношения доводам протеста (Постановление КС РФ от 14 февраля 2000 года).

Административное государство стремится разрешать споры о праве в административном порядке, минуя судебную инстанцию. В Постановлении от 24 мая 2007 года № 7-П Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, которая заключается в том, что гражданам не может быть отказано в выплате социального пособия при утрате кормильца, если не доказано в суде, что гражданин умышленно совершил правонарушение, которое привело к его смерти. Решения правоохранительных органов о том, что гражданин погиб по причине совершения им преступления, недостаточно.

4. Защита экономических прав предпринимателей.

Административное государство пытается ограничить права предпринимателей, поставить их под свой жесткий контроль, отнять у них произведенные ими блага. Услужливая интеллигенция выдвинула теорию, согласно которой на объединения граждан не распространяются права человека, закрепленные в Конституции РФ. Конституционному Суду РФ пришлось разъяснить, что нормы Конституции РФ, обращенные к гражданам, в такой же степени обращены и к объединениям граждан. Объединения граждан, в том числе юридические лица, являются субъектами конституционных прав и свобод (Постановление КС РФ от 24 октября 1996 года № 17-П).

Любимой у российской бюрократии является Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, позволяющая классу управленцев ограничивать права человека и гражданина, ссылаясь на общественные потребности. Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, гласящую, что указанное ограничение прав и свобод должно быть соразмерно значимости достигаемых общественных целей (Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П).

Конституционный Суд вынужден был напоминать российской бюрократии, что новые налоги могут быть введены только федеральными законами. Он пытался пресечь введение косвенным путем дополнительных налогов на предпринимателей: через введения различных марок учетной информации, сертификации продукции и т. д. В Постановлении от 23 декабря 1999 года Конституционный

Суд РФ сформулировал требование к государству не провоцировать частных лиц на нарушение закона путем установления чрезмерно высоких налогов и сборов.

Конституционный Суд РФ является типичным органом переходного периода от одной правовой культуры к другой. Его политика отчасти направлена на консервацию и даже на восстановление административной правовой системы, а отчасти содержит в себе черты либерализма.

Формирование правовой культуры школьников – неотъемлемый процесс правового воспитания

Модернизация российского образования актуализировала проблемы правовоспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях (лицеях, гимназиях, школах), который является одним из важнейших факторов гуманизации общественных отношений, формирования новых жизненных установок личности.

Сегодня важно говорить о правовой культуре всех участников образовательного процесса, но прежде всего школьников, которая выражается в единстве правовых знаний, адекватно отражающих правовую действительность, эмоционального социально полезного отношения к правовым явлениям и правомерного поведения. Ядром правовой культуры является развитое правосознание как ее необходимый активный элемент, через который проявляется воздействие человека на общество.

Суть правовой культуры школьника заключается в образе его мышления и поведении, основанном на признании и познании общечеловеческих ценностей права, требований законности и режима правопорядка, в соответствии с которым осуществляется воспитательная деятельность, правореализующая и социальная практика.

Правовая культура школьников предполагает не только знание юридических норм, но и соответствующее поведение, а, следовательно, правовое воспитание должно включать в себя не только усвоение определенного объема информации, но и формирование навыков правового поведения, соответствующих ценностных ориентаций, создание правовой атмосферы в школе.

Механизм формирования правовой культуры школьников, по нашему мнению, состоит из четырех базовых элементов:

- формирования сознательного правового поведения;
- включения школьника в активную деятельность учреждения через создание правового пространства;
- формирования личности школьника, обладающей качествами гражданина российского государства;

* Людмила Георгиевна Егина – начальник отдела Департамента образования и науки Кемеровской области (г. Кемерово).

- воспитания школьника в духе уважения прав и законных интересов человека.

Отсутствие внимания к правовому воспитанию школьников не способствует искоренению или хотя бы уменьшению распространения в нашем обществе правового нигилизма, сущность которого – в негативном, неуважительном отношении к праву, закону, законности, нормативному порядку, а также в юридическом невежестве и правовой невоспитанности.

Проявление нигилизма в отношении социальной ценности права – специфическая черта российской ментальности. Правовые ценности в российском обществе не воспринимались и, как показывает практика, сложно воспринимаются в настоящее время в качестве необходимых для его существования. Напротив, нередкое нарушение правовых предписаний, скрытое, а порой откровенное попрание права, непонимание и нежелание понять фундаментальные ценности правового бытия – все это проявление правового нигилизма¹.

Анализ деятельности учреждений общего образования в Российской Федерации, проведенный на основании приказов, методических писем Министерства образования и науки Российской Федерации, Федеральной службы по контролю и надзору в сфере образования и науки по вопросам нарушения действующего законодательства в сфере образования, свидетельствует о проявлении правового нигилизма всеми участниками образовательного процесса, в том числе и школьниками, в системе общего образования.

Как показывают итоги исследования, проведенного Департаментом образования и науки Кемеровской области и Центром социологии Кузбасского РИПКиПРО, 70 % опрошенных учителей пользуются авторитарными методами воспитания и не знают их правовых последствий.

В общеобразовательных учреждениях правовой нигилизм выражается в следующих формах:

- прямое нарушение действующего законодательства Российской Федерации и субъектов РФ в сфере образования (конкурсный прием в 1 и 10 классы, привлечение школьников к труду, перевод их из класса в класс без согласия обучающихся и их родителей и пр.);
- неисполнение юридических предписаний (участники образовательного процесса не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм);
- издание противоречивых, взаимоисключающих нормативных правовых актов;
- несоблюдение прав участников образовательного процесса.

¹ См.: Байниязов Р. С. Правосознание и русский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 31–40.

Форма борьбы с правовым нигилизмом – это установление в учреждениях общего образования системы правоотношений между всеми участниками образовательного процесса. Правоотношения – это общественные отношения, урегулированные нормами права. Это особая связь участников образовательного процесса, которая состоит в том, что стороны, вступившие в отношения, наделяются правами, обязанностями, ответственностью.

Вовлечение школьника и его родителей (законных представителей) в особую область отношения со школой – область права – необходимо понимать как обновление содержания образования. И это не просто исполнение законов, инструкций, положений, правил, а формирование правового пространства школы – общих для всех правил, основанных на ценностях права.

Актуальность развития правового воспитания в общеобразовательных учреждениях определяется особой доминирующей ролью правовой культуры в процессе социализации личности. В современном обществе правовая культура выступает важнейшим компонентом общевойсковой культуры человека.

В то же время нельзя не отметить, что правовая культура человека учитывает уровень правовых знаний индивида, отношение его к правовой ценности, к закону, уровень правовой установки на соблюдение юридических предписаний. О правовой культуре личности можно судить по ее поведению в правовой сфере².

Правовая культура школьника – это часть его общей культуры, совокупность соответствующих правовых знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, осознание социальной ценности права как формы культуры, выполнение норм права, форма правового развития, обеспечивающая его правомерную деятельность. В правовой культуре школьника аккумулируются разносторонние знания действительности, ее история и перспективы развития.

Выпускник общеобразовательного учреждения должен обладать такими качествами, как уважение закона, прав своих и чужих, толерантность, убежденность в неразрывности прав и обязанностей, умение ориентироваться в правовом поле.

Известно, что в культуре человека преобладают три компонента: интеллектуальный (когнитивный); практический (поведенческий); аффективный (ценностно-смысловой)³.

² См.: Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: НОРМА-ИНФРА*М., 1998. С. 334.

³ См.: Габдулхаков В. Ф. О технологии формирования толерантной личности // Мир образования – образование в мире. Научно-методический журнал. № 1(13). 2004. С. 64.

Мы считаем, что правовая культура школьников характеризуется также наличием интеллектуальной, практической и аффективной (эмоционально-психологической) составляющих.

Формирование интеллектуального компонента правовой культуры школьников осуществляется, прежде всего, на основе освоения знаний о системе права, действующего законодательства, правовых предписаний, закрепленных в нормативных правовых документах общеобразовательного учреждения.

Формирование практического (поведенческого) компонента правовой культуры школьников осуществляется в правовом пространстве школы, где применяются полученные правовые знания, где формируется правовая социализация детей: они на практике используют свои права, соблюдают права других участников образовательного процесса, а также защищают свои права и законные интересы в случае их нарушения. В этом случае мы рассматриваем правовую культуру через призму становления личности, которая начинает осознавать, а затем требовать и создавать правовые способы защиты своей зарождающейся свободы и автономии⁴.

Формирование эмоционально-психологического компонента правовой культуры школьников осуществляется на основе уважения к праву, развития правового сознания, установки на правомерное поведение, отрицательного отношения к нарушению правовых норм, прав человека, преодоления правового нигилизма.

В зависимости от полноты формирования правосознания школьников мы предлагаем выделять три уровня правовой культуры: высокий, средний, низкий.

Высокий уровень правовой культуры школьника проявляется в правомерном поведении, знании и соблюдении прав человека как в школе, так и за ее пределами, активном участии в социально-правовой деятельности.

Средний уровень правовой культуры школьника характеризуется устойчивым правомерным поведением, но не участием в социально-правовой деятельности. Обучающиеся этого уровня знают свои права и обязанности, правила поведения в школе и соблюдают их.

Для низкого уровня правовой культуры школьников свойственен неустойчивый тип правового поведения, со слабым знанием норм морали и права. Обучающиеся этого уровня часто нарушают правовые нормы, права других школьников.

Как показывают результаты нашего исследования, для большей группы школьников (более 85 %) наиболее характерны средний и низкий уровень правовой культуры. Это свидетельствует об ос-

⁴ См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 1996. С. 13.

трой необходимости активизации правового воспитания в школе, систематической и плановой работы по повышению правовой культуры школьников на всех ступенях общего образования. При этом основным вопросом является не только расширение правовых знаний обучающихся, но и культивирование правовых ценностей, выработка основ правовой культуры, навыков правомерного поведения, активной социально-правовой деятельности.

Формированию правовой культуры всех участников образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях, в том числе и школьников, в настоящее время служит и Общественная межрегиональная целевая программа правового воспитания детей, подростков и молодежи России на 2006–2010 годы, предложенная межрегиональной детской общественной организацией «Юный друг закона» и одобренная профильными комитетами Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Управлением по правам ребенка Apparata Уполномоченного по правам человека в РФ и др.

Предлагаемые Программой мероприятия направлены на оздоровление детей, подростков и молодежи, в том числе школьного возраста, с положениями основных российских законов, воспитание у молодого поколения уважения к закону, формирование уверенности в том, что права молодых людей могут быть надежно защищены, укрепление авторитета правоохранительных органов.

Указанные меры основаны на сохранении существовавших ранее традиций правового воспитания, предусматривают расширение участия в этой работе общественных формирований, использование сильных сторон сложившейся за последние годы в России системы профессионального юридического образования. Предлагаемые меры носят системный характер, их реализация будет проходить поэтапно, создавая молодым людям условия для повышения привлекательности правовых знаний, обеспечения их поведения, отвечающего интересам личности, общества, государства. Кроме этого, предлагаемые мероприятия призваны сформировать устойчивое положительное мнение о законе и правоохранительной деятельности.

Основной целью Программы является определение места и роли правового воспитания детей, подростков и молодежи как важнейшего направления общественной деятельности по воспитанию законопослушного гражданина России, а основным критерием результативности – формирование правовой культуры молодого поколения.

Ю. И. Жегусов*

Конфликт культур в праве

Распад СССР и последовавшие за ним радикальные реформы по преобразованию общественных отношений без учета специфики социальной сферы, менталитета населения, исторически сложившихся особенностей культуры и модели взаимодействия неизбежно привели российское общество к обвальным процессам криминализации широких слоев населения, разных сфер общественной жизни и структур власти. Инициированная элитой идея «возвращения на столбовую дорожку цивилизации», попытки механического переноса чужого опыта на российскую почву, всеобщий отказ от традиционных ценностей, нигилистическое отрицание самой допустимости положительного и ценного в отечественной истории, особенно советского периода, породили кризис и конфликт социокультурных норм в обществе. Среднему россиянину стало крайне затруднительным различение целого комплекса социальных норм и явлений: нравственного от аморального, законного от преступного, позитивного от негативного.

На фоне социальной аномии массовое сознание во многом утратило способность рационально-критического отношения к социальной действительности. Население страны находится в социальном безвременье, балансирует между противостоящими нормами и ценностями. Снизилась эффективность правовых норм. Основным мотивом правового поведения большинства в аномичном обществе выступает личная выгода, прагматические расчеты, а не внутренние убеждения в сфере социально-правовых отношений.

По нашему мнению, на снижение эффективности правовых норм повлиял конфликт старых традиционных и новых внедряемых «сверху» норм и ценностей. В связи с этим мы попытаемся проанализировать этот процесс с позиций теории конфликта культур Т. Селлина¹. Она исходит из положения о том, что конфликт между кодексами двух или нескольких разных культур приводит к нарушению правовых норм, обычаев и правил. Конфликт между нор-

* **Юрий Иннокентьевич Жегусов** – канд. социол. наук, научный сотрудник Ин-та гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

¹ *Селлин Т.* Конфликт норм поведения // Социология преступности. М., 1966. С. 282.

мами поведения возникает в том случае, когда поведение личности в определенной ситуации одновременно регулируется нормами, входящими между собой по своему содержанию. Если Т. Селлин анализировал конфликт культур в отношении этнических групп в локальном масштабе в городах США, то конфликт культур в современной России более масштабен. Здесь происходит конфликт между либеральной западной и традиционной российской культурами. Попытка радикального внедрения норм и ценностей в таком виде, как они сложились на протестантском Западе, в многонациональной стране с культурой, основанной на православной и мусульманской традициях, обладает определенным криминогенным потенциалом.

Так, культурологи разграничивают культуру, ориентированную на материальное потребление, и культуру, ориентированную на духовное развитие. В любой культуре эти два подтипа гармонично уживаются. Однако удельный вес каждого из этих элементов различный. Западная культурная интервенция резко увеличила долю того элемента культуры, где она ориентирована на материальное потребление, обеспечение состояния («легкое счастье», «кайф»), в ущерб культуре, ориентированной на обеспечение деятельности, способной вызвать у человека ощущение глубокой и стойкой удовлетворенности («трудное счастье»). «Легкое счастье» (в таких культурах обычно богатство и счастье – понятия равнозначные) является идеалом криминальных типов, а стремление к нему – повод абсолютного большинства корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Соответственно, гипертрофирование материальных элементов культуры не может не вызывать роста преступности². Атомизация общества, его переход к экономике «дикого рынка» вызвал резкую смену ценностных ориентаций, выражающихся прежде всего в росте приоритета крайнего индивидуализма и материального обогащения.

Конфликт культур происходит и в правовой сфере. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, главное внешнее отличие правовых систем западного и традиционного российского (советского) общества состоит в степени формализации норм права, их представления в виде законов и кодексов. За ним стоит соотношение между правом и этикой. В любом обществе система права базируется на господствующей морали, на представлениях о допустимом и запретном. В отличие от традиционного общества, в западном все это формализовано в большей степени, поскольку в нем устранена единая этика. В западном обществе контроль общей этики заменяется

² См.: *Иниаков С. М.* Культура и ее воздействие на преступность // Преступность и культура. М., 1999. С. 10.

контролем закона. В традиционном обществе обыденное право существует в виде норм, запретов и преданий. Эти нормы выражены на языке традиций, передаваемых без посредников от поколения к поколению. В России право ассоциируется с правдой – сводом базовых этических норм. Эти нормы до такой степени сливаются с правовыми, что большинство людей в обыденной жизни не делают между ними различия³. Например, Н. Г. Багдасарьян считает, что «российская ментальность скорее ориентирована на *правдосудие*, чем на *правосудие*. Западная модель нормативно-правовой системы способна функционировать только при наличии глубоко индивидуалистического гражданского общества, регулятором жизни которого и выступает закон, а применение его строго формализовано и деперсонализировано. В России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – это правда и справедливость, а высший судья – совесть»⁴.

Таким образом, конфликт новых и традиционных правовых культур предопределил кризис правосознания общества, который стал причиной роста преступности в постперестроечный период. Попытка внедрения несовместимых с российской действительностью западных социальных норм и ценностей также явились причиной кризиса национальной правовой системы и снижения эффективности правовых норм.

³ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Истмат и проблема Восток – Запад. М., 2002. С. 68–69.

⁴ *Багдасарьян Н. Г.* Мораль и право как феномены культуры // Культурология. М., 2004. С. 175–176.

Эмфитевтическое качество спартанской илотии (попытка историко-правового сопоставления)

Изучение правовой истории любого древнегреческого полиса неизбежно сталкивается с ключевой проблемой, которую можно сформулировать с помощью следующих вопросов: во-первых, каким образом мы можем структурировать наши знания о предмете (древнегреческом праве), и, во-вторых, какими специальными терминами, правовыми понятиями и юридическими доктринами мы можем пользоваться для этой цели, не впадая, с одной стороны, в откровенную модернизацию и, с другой, оставаясь на почве профессионального историко-юридического исследования?

Наиболее правильным было бы воспользоваться специальным юридическим инструментарием самих древних греков. Однако решение этой задачи, как показывает современный опыт изучения древнегреческого права, оказывается весьма непростой задачей¹. Дело в том, что греческая цивилизация – во всяком случае, до римского периода – не знала профессиональных юристов, занимающихся изучением и анализом жизненных ситуаций в рамках широкой системы специальных правовых представлений – греческая античность не знала юриспруденции как таковой. Даже афиняне с их любовью к сутяжничеству (не говоря уже о спартанцах) просто не имели развернутых и разработанных в рамках особых школ профессиональных юридических понятий и доктрин. Поэтому, между прочим, язык тех греческих авторов, которые напрямую касались правовой сферы, – в частности, язык аттических ораторов, от которых сохранился большой корпус судебных речей, – носит в высшей степени *нетерминологический* характер. Право за достаточной редкостью – хотя и, безусловно, интересными – исключениями не было предметом рефлексии греческих мыслителей. Другими словами, для адекватного описания интересующих нас пра-

* *Андрей Викторович Зайков* – канд. ист. наук, доцент юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Обсуждение данной проблемы см. в разделе «Метод» в монографии С. Тодда: *S. C. Todd. The Shape of Athenian Law. Oxford: Clarendon Press, 1995* (особенно с. 14–17).

вовых явлений и структур того или иного древнегреческого общества зачастую оказывается весьма затруднительным использовать соответствующий юридический инструментарий самих греков просто за неразвитостью такового.

В свете вышесказанного есть все основания при исследовании некоторых экономико-правовых феноменов, характерных для разных греческих государств, прибегать в более широких пределах, нежели это делается до сих пор, к помощи того институционального² опыта в правовой сфере, который накапливался греко-римским миром вплоть до эпохи Юстиниана и который наглядным образом воплотился, с одной стороны, в сочинениях классических римских юристов, а с другой – в ранневизантийском законодательстве.

Конечно, различные элементы римского юридического языка³ формировались в различных конкретно-исторических условиях, а правовое мышление римлян в основе своей являлось весьма казуистичным. Тем не менее римская юридическая «система координат» обладает богатым инструментальным потенциалом, доступным для успешного использования при анализе или, по крайней мере, при описании многих экономических и правовых явлений, характерных для иных, не римских социумов. Это верно, конечно, лишь в том случае, если общество, к исследованию которого применяется римский юридический инструментарий, обладает более или менее развитой правовой системой, уже отделившейся от сферы сакрального. Хозяйственная жизнь такого социума также должна преодолеть известный примитивный уровень. Другими словами, указанный метод можно применять лишь к обществу, межличностные и межгрупповые отношения в котором достигли такого уровня сложности и многообразия, что возникающие по их поводу конфликты решаются уже не с помощью простейших культовых предписаний, а с помощью судебной власти, принимающей решения на основе более или менее широкого комплекса специализированных правовых норм.

Известный «вневременной» характер римской «системе координат» во многом придала рецепция римского права – один из определяющих культурных процессов Западной цивилизации, начавшийся на закате античности и продолжающийся до сих пор. Если современный историк, находящийся в рамках европейской традиции, пытается мыслить *юридически*, это с неизбежностью означает, что он пытается мыслить *«по-римски»* (это верно даже

² В учебном и научном смысле этого слова (от лат. «institutiones» в смысле «наставления», «элементарный учебник»).

³ В данном случае выражение «юридический язык» следует понимать в широком смысле слова, не сводя его к одному лишь вокабулярию.

в отношении исследователей, занимающихся англо-саксонской правовой историей). Что касается использования указанной «системы координат» при изучении права древних греков, то оно тем более оправданно, поскольку большинство римских концепций и доктрин испытали на себе явное или скрытое влияние со стороны греческой философии, а многие римские юридические понятия были прямо заимствованы из греческого языка.

Одним из феноменов древнегреческого мира, для более полного понимания которого, по нашему мнению, можно было бы обратиться к институтам римского права, является спартанская *илотия* – система взаимоотношений между *спартиатами* (полноправными гражданами спартанского полиса) и *илотами* (зависимым сельскохозяйственным населением этого государства), обрабатывавшими наделы (т. н. *клеры*) спартиатов и отдававшими последним фиксированную часть собранного урожая. Проблема клеров – изначально равных участков земли, распределенных между спартиатами, – как и проблема отношений между обладателями этих участков и обрабатывавшими их илотами, всегда привлекала (и продолжает привлекать) внимание и исследователей конкретных эллинических реалий, и ученых, склонных к широким теоретическим обобщениям. С завидной регулярностью предпринимаются попытки объяснить не только исторические корни илотии, но и установить суть тех особенных черт данного института в социально-экономической и правовой сфере, которые резко отличают его от классического греческого рабства. То обстоятельство, что такие постоянно возобновляющиеся попытки зачастую приводят к весьма различным выводам, объясняется, по нашему убеждению, не только недостатком источников, но и тем обстоятельством, что чаще всего современные исследователи сосредотачивают внимание [1] на политических аспектах рассматриваемого феномена, [2] на режиме спартиатского владения землей, а также [3] на характере илотской зависимости. Вопрос об отношении илота к обрабатываемому им земельному участку в аспекте вещного права чаще всего просто игнорируется⁴. Проблема усугубляется указанным выше обстоятельством – у историков нет устоявшегося терминологического аппарата, с помощью которого можно было бы адекватным и убедительным образом описать интересующее нас конкретно-историческое явление. Именно в этой связи плодотворной выглядит перспектива сравнительного анализа. В част-

⁴ Исключением являются работы английского исследователя С. Ходкинсона. См., например, его монографию: *Hodkinson S. Property and Wealth in Classical Sparta*. Swansea, 2000 (особенно глава 4 – «Илотия и эксплуатация спартанской территории»).

ности, мы предлагаем взглянуть на проблему отношения илотского домохозяйства к культивируемому им участку земли через призму хорошо известного римскому праву института *эмфитевзиса*.

Ниже дано краткое описание римского эмфитевтического права с акцентом на те его черты, которые обнаруживают сходство с основными нам элементами спартанской системы поземельных отношений. Затем этот материал представлен в виде сравнительной таблицы. При этом следует понимать, что полноценный компаративистский анализ в данном случае затруднен в силу несоответствия сравниваемых объектов с точки зрения степени их изученности: если эмфитевзис хорошо зафиксирован в источниках (в том числе в императорском законодательстве V и VI вв. н. э.), то илотия остается крайне сложной для изучения темой как раз из-за недостатка надежных свидетельств об этом явлении⁵.

В позднем римском праве эмфитевзис (*emphyteusis*) – это вещное, отчуждаемое и наследуемое право пользования чужой сельскохозяйственной землей с присвоением плодов с обязанностью обрабатывать и не ухудшать имения и регулярно выплачивать установленный оброк (эмфитевтическую плату). Объектами эмфитевзиса могли быть государственные земли (*ager vectigalis*), земли императора (*ager fiscalis*), муниципальные земли (*ager municipalis*); земли жреческих коллегий (*ager sacerdotales*); частные земли (*ager emphyteutici*). Субъектами эмфитевзиса являлись: с одной стороны – собственник земли, с другой – *эмфитевта* (лицо, управомоченное на пользование земельным именованием и присвоение плодов).

Данное отношение могло возникнуть несколькими способами.

1. По договору. Вопрос о том, является ли эмфитевтический договор вариантом аренды, или это вариант купли-продажи, имел важное практическое значение: в неурожайный год арендатор по общим правилам мог требовать отмены арендной платы (*remissio mercedis*), в договоре купли-продажи это невозможно. Император Зенон (476–484 гг.) решил данную проблему в том смысле, что эмфитевзис – это контракт «своего рода» (*sui generis*) – ни аренда, ни купля-продажа, а «третье право» (*jus tertium*), при этом было постановлено, что в неурожайные годы плата за пользование зем-

⁵ Поскольку данная статья носит предварительный характер и публикуется в сборнике тезисов конференции, мы вынуждены убрать все ссылки на древние источники, а из литературы оставить только указание на несколько основательных работ, в которых можно найти подробное описание римского эмфитевтического права: *Барон Ю. Система римского гражданского права* / Пер. Л. Петражицкого. СПб., 1908–1910. §§ 176–182; *Хвостов В. М. Система римского права*. М., 1996. § 38; *Bove L. Ricerche sugli agri vectigales*. Napoli, 1960.

лей аннулирована быть не может (см.: Кодекс Юстиниана. IV. 66. 1). Для установления эмфитевзиса не требовалось никакого формализованного акта (за некоторыми исключениями). Сведения об эмфитевтическом договоре регистрировались в кадастровой книге.

2. Эмфитевзис мог быть установлен судебным решением (при разделе общей собственности).

3. Эмфитевзис мог быть установлен по завещательному отказу (легату).

4. Эмфитевзис мог быть установлен по давности.

Основные права эмфитевты: право на полное и исключительное пользование чужой вещью; право на все плоды и приращения; право на изменение хозяйственной характеристики вещи, но без ее ухудшения; право обременять вещь как реальными (сервитуты), так и обязательственными повинностями (залог); право отчуждать эмфитевзис; право передавать эмфитевзис по наследству.

Обязанности и ответственность эмфитевты: возделывать землю и не приводить ее в худшее состояние (при этом эмфитевта обязан обрабатывать землю и тогда, когда уже не желает этого, во всяком случае до момента юридического прекращения эмфитевзиса); выплачивать все публичные налоги и исполнять все повинности, лежащие на земле; уплачивать собственнику ежегодную плату в назначенные сроки; эта плата прямо не зависит от доходности вещи; это скорее знак признания чужой собственности, поэтому ее размер небольшой; при этом эмфитевта (в отличие от арендатора) не мог требовать снижения платы, например, в случае неурожая; вообще, размер эмфитевтической платы не мог быть изменен односторонне; при отчуждении своего права эмфитевта должен уведомить собственника и ждать два месяца его согласия; за согласие собственник получал 2 % цены сделки; собственник, однако, имел право преимущественной покупки (*jus protimeseos*).

Защита сторон осуществлялась следующим образом. Эмфитевта имел все владельческие интердикты. Также он мог защищать свое право в судебном порядке с помощью вещного иска *actio vectigalis*, в котором ответчиком выступало любое лицо, нарушившее эмфитевзис (в том числе собственник вещи); истец должен был доказать существование своего права и факт его нарушения. Собственник в случае неисполнения эмфитевтой своих обязанностей имел против него свой собственный специальный иск.

Помимо тех ситуаций, которые всегда приводят к прекращению вещных прав (гибель вещи, захват ее неприятелем и т. п.) и прав на чужие вещи (*confusio, consolidatio*), эмфитевзис заканчивался в результате следующих особых обстоятельств: изгнание эмфитевты собственником в случае нарушения первым своих обязанностей (неуплата оброка, ухудшение земли или оставление ее без

обработки и др.); смерть эмфитевты без наследника; давностное осуществление собственником действий, составляющих содержание прав эмфитевты. Во всех этих случаях хозяин земли получал ее в свое полное распоряжение, поскольку его собственность с этого момента освобождалась от обременения эмфитевзисом.

Сравнение римского эмфитевзиса и спартанской илотии

Позиции для сравнения	Римский эмфитевзис	Спартанская илотия
Объект правоотношений	Сельскохозяйственные земли (государственные; императорские; муниципальные; жреческих коллегий; частные)	Земли спартиатской общины (возможно, <i>politike chora</i>), поделенные на клеры между спартиатскими семьями
Субъекты правоотношений	Собственник земли - эмфитевта	Хозяин клера - илот
Установление правоотношений	1) эмфитевтический договор; 2) судебное решение о разделе общей собственности; 3) завещательный отказ; 4) давность	Неизвестно (проблема остается дискуссионной)
Права земледельца	1) полное и исключительное право пользования землей; 2) право на плоды; 3) право изменять хоз. характеристики земельного участка без его ухудшения; 4) право обременять эмфитевзис повинностями; 5) право отчуждения эмфитевзиса; 6) право передавать по наследству	1) право пользования клером; 2) право на плоды; 3) (?) илот сам определял, как ему вести хозяйство на клере; 4) неизвестно; 5) неизвестно; 6) вероятно, право пользоваться клером переходило к наследникам илота
Обязанности земледельца	1) обрабатывать землю (даже если этого не желает); 2) нести все публичные налоги и повинности, связанные с землей; 3) уплачивать собственнику земли ежегодную строго установленную плату, которая не подвержена частым изменениям; 4) при желании продать эмфитевзис уведомлять собственника и ждать его решения	1) обрабатывать землю (даже если этого не желает); 2) публичные повинности (напр., принимать участие в военных походах); 3) уплачивать хозяину строго установленную апофору, за повышение которой на хозяина налагается религиозная санкция; 4) неизвестно
Защита земледельца	1) административная защита: владельческие интердикты; 2) судебная защита: вещные иски против любого лица, нарушающего эмфитевзис (включая собственника)	1) неизвестно; 2) неизвестно; 3) сакральная защита: проклятие хозяину клера за превышение апофоры

Окончание табл. см. на след. стр.

Прекращение правоотношения	1) обычные причины прекращения вещных прав (гибель вещи и т. п.); 2) обычные причины прекращения прав на чужие вещи (confusio, consolidatio); 3) изгнание эмпитевты в силу невыполнения им своих обязанностей; 4) смерть эмпитевты без наследника 5) давностное выполнение собственником действий, составляющих содержание эмпитевзиса	1) захват земли неприятелем; 2) неизвестно; 3) неизвестно; 4) неизвестно; 5) неизвестно
----------------------------	--	---

Данная таблица наглядно демонстрирует, что многие важные элементы в спартанской системе землепользования по сути своей очень близки римскому эмпитевтическому праву. Во всяком случае, характер связи илота с обрабатываемым им земельным участком вполне может быть описан в понятиях *вещного права*, а именно с помощью концепции *прав на чужие вещи*. Это отнюдь не означает, что мы склонны определять спартанских илотов как свободных арендаторов, имевших право на наследуемую аренду или эмпитевзис. Илотия и эмпитевзис *исторически*, конечно же, совершенно разные институты, но, по нашему убеждению, они близки *типологически* – оба относятся к одному типу зависимого труда.

Влияние права на формирование и развитие правовой культуры

Формирование правового сознания и правовой культуры занимает одно из ключевых мест в механизме правового регулирования общественных отношений, является составным элементом проведения в стране правовой реформы, которая сопровождается бурным развитием национального законодательства.

Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Ценностные свойства права обусловлены его значением как особой формы общественных отношений, его местом и задачами в социальной системе общества. Концептуальный подход к праву как элементу культуры и цивилизации позволяет характеризовать истоки, значимость и социальную ценность права в широком, общесоциологическом плане. Как глубокий элемент культуры, право не только вбирает в себя ее ценности, но и реализует основополагающие требования и достижения цивилизации [См.: 1. С. 126], обеспечивая тем самым сохранение, а в известной мере и преумножение потенциала материальных, социальных и духовных богатств общества.

С помощью права обеспечивается достижение многообразия целей социального бытия: воспроизводство материальных благ, утверждение социальных ценностей, определение границ свободы, закрепление правовых основ власти, охрана естественных условий обитания, обеспечение всеобщего устойчивого правопорядка. Воплощая целый мир отношений – от главных, глубинных пластов жизни до самых житейских, – право тем самым объективизирует и реализует в законах требования культуры, социального прогресса, цивилизации в целом [См.: 2. С. 57–58].

Право есть исторически обусловленная мера человеческой свободы, сложившаяся для того, чтобы поддерживать динамическое равновесие между интересами личности и общества. Известно, в процессе жизнедеятельности общество вырабатывает систему правил общественно необходимого, возможного или желаемого.

* Яна Валерьевна Зубова – канд. социол. наук, доцент филиала Ухтинского государственного технического ун-та (г. Усинск).

мого социального поведения, а тем самым и критерии правомерного, неправомерного или несправедливого поведения. Через нравственность, традиции вырабатывается и нормативно закрепляется справедливость, в рамках которой гармонизируются интересы личности и общества.

Право – регулятор отношений между людьми, который исходит от государства и охраняется от нарушений, наряду с воспитанием и убеждением, такой свойственной только праву мерой, как возможность государственного принуждения. Эта взаимосвязь проявляется в различных правовых явлениях, в том числе в правотворчестве, правоприменении, правовом регулировании, юридической ответственности. С другой стороны, с помощью права закрепляется соответствующий данному обществу государственный строй, права и свободы человека и гражданина, формы правления, национально-государственного и административно-территориального устройства, политический режим; формируется механизм (аппарат) государства, определяется правовой статус государственных органов, осуществляется их деятельность по выполнению задач и функций государства [См.: 3. С. 40].

Известны кантовские положения о праве как сфере свободы; в обеспечении внешней автономии личности Кант видел основную цель в назначении права. Ценность права – это способность служить средством для удовлетворения справедливых потребностей и интересов общества и отдельных его членов. Ценность права, по мнению Лазарева В. П., выражается в том, что [См.: 4. С. 169–170]:

право – это средство организации управления обществом, оно придает действиям людей согласованность; реализация правовых норм приводит к упорядоченности общественных отношений; право – необходимое условие жизни и развития современного общества;

право – это действенное средство защиты существующего общественного строя, правовые нормы устанавливают меры ответственности (уголовной, административной, иной) за общественно опасные и вредные для общества деяния;

право – это средство обновления общества, фактор прогресса; оно развивает те общественные отношения, в которых общество заинтересовано; крайне важно значение права как инструмента перехода к новым экономическим и политическим отношениям, решения глобальных проблем современности;

право – выразитель справедливости; по своему назначению оно противостоит несправедливости, что подчеркивает многие правовые понятия (право – правое дело, юстиция в переводе с латинского означает справедливость);

право определяет меру свободы личности в обществе; право и свобода личности неотделимы друг от друга, поскольку право,

определяя масштаб границы свободы, помогает индивиду их осознавать; конкретизируя два последних момента, можно говорить о том, что право является средством утверждения нравственных начал в общественной жизни, средством воспитания населения, средством формирования правовой культуры.

С помощью права обеспечивается достижение многообразия целей социального бытия: воспроизводство материальных благ, утверждение социальных ценностей, определение границ свободы, закрепление правовых основ власти, охрана естественных условий обитания, обеспечение всеобщего устойчивого правопорядка.

Обычаи, нравы, законы являются разновидностью культурных норм и образуют нормативную систему культуры. Она предписывает членам общества, что надо делать, каким образом и в каких ситуациях следует поступать так, а не иначе [См.: 3].

Право сыграло незначительную роль в духовном и культурном развитии русской интеллигенции, состоящей из людей, которые ни индивидуально, ни социально не были воспитаны (не говоря о простолюдинах). По мнению Б. А. Кистяковского, «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в большом загоне». Не могло быть и речи о формировании прочного правосознания и правовой культуры. В связи с этим выдающиеся русские мыслители XIX века предлагали развить правовую сознательность посредством разработки правовых идей в литературе. Можно заметить, что в идейном развитии нашей интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея, так как она не была отражена в литературе. Что касается других стран, то у англичан, к примеру, были в соответствующую эпоху, с одной стороны, трактаты Гоббса «О гражданине» и о государстве – «Левиафан» и Фильмера «Патриарх», а с другой – сочинения Мильтона в защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна и правовые идеи уравнивателей – «левеллеров». В немецком духовном развитии правовые идеи сыграли большую роль. Здесь к концу XVII столетия создалась многовековая традиция благодаря Альтузию, Пуфендорфу, Томазию. Право признавалось неотъемлемой частью культуры. Именно культура является мерой свободы, включает в себя и духовно-нравственные общечеловеческие ценности, и национальное самосознание, и конкретные меры поведения. Культура, выраженная в законах, и есть право. Право есть Минимум Общего Блага. Общее благо – мера Свободы (Аристотель, Платон) [См.: 5. С. 46].

Культура оказывает решающее воздействие на формирование личности человека, без ее влияния невозможно не только его гармоническое развитие, но и полноценное включение в общественный процесс, созидательную деятельность на благо государства и общества.

Н. А. Бердяев, связывая стиль русской жизни с особенностями души человека, писал: «Россия – самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире.... Русский народ как-будто бы хочет не столько свободное государство, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве... Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами.... Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни.... Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем: к абсолютной свободе и абсолютной любви» [6. С. 25].

Создание истинно гражданского общества, обеспечение приоритета прав и свобод человека остаются сегодня наиболее значимыми для России, ибо без них невозможна демократическая государственность. На пути к правовой государственности необходимо укрепление государственной власти и утверждение господства права. Все общеобязательные акты (Конституция, законы, подзаконные акты) должны быть правовыми и по форме, и по процедуре принятия, и в действии. Для этого как основа, и как условие прежде всего, необходима высокая правовая культура в обществе. Понятие правовой культуры связано с «качественным состоянием» жизни общества, где при совершенстве правовых актов деятельность, сознание и развитие личности подчинены общим нормам и в то же время свободны. Об уровне правовой культуры любого социума можно судить на основании степени развития всей системы правовых текстов данного общества, в которых концентрируется прежде всего нормативно-правовое богатство юридической системы, отражается социально-правовая ситуация, выражающая сущность и формы проявления общественных отношений современного этапа исторического процесса. Однако мы постоянно сталкиваемся с низким уровнем правовой культуры, а нередко и с отсутствием ее во всех сферах общественной жизни. Сегодня все чаще наблюдается либо безразличное отношение к праву, либо неверие и даже полное отрицание его ценностей, потребностей в нем. Такое состояние правовой культуры – это историческая проблема российского государства. Каковы же основные причины такого состояния общества?

Нельзя не согласиться с мыслью, что право будет уважаемо народом только тогда, когда оно будет уважаемо властью. Правовая культура российских чиновников деформирована не меньше, чем у обывателей. Ярким примером этого является то, что власть отказалась от идеологии, от молодежных организаций, от стремления удовлетворить потребности человека и личности, злоупотре-

требляет правом, не контролирует исполнение своих законов – главный признак бессилия власти [См.: 3. С. 67].

Все это поднимает проблему правового воспитания как одного из важнейших способов сформировать и поднять правовую культуру, а следовательно, и правовое сознание на принципиально новый уровень и придает ей статус первостепенной и наиболее важной государственной проблемы. Сегодня высшей ценностью государственной политики должен быть человек, его права и свободы. Государство, его органы, общественные объединения, то есть все социальные институты должны играть служебную по отношению к личности роль, быть ответственны перед ней.

Литература

1. *Нерсесянц В. С.* Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 1997.
2. *Алексеев С. С.* Теория права. – М.: Бек, 1994.
3. *Зубова Я. В.* Правовое образование в аксиологическом осмыслении: Монография. – Майкоп: ООО «Аякс», 2007.
4. *Лазарев В. В.* Теория государства и права. – М.: Спарк, 1998.
5. *Букреев В. И., Римская И. Н.* Этика права. – М.: Юрайт, 2000.
6. *Бердяев Н. А.* Судьба России: [Репринтное воспроизведение издания 1918 г.]. – М., 1990.

Пути повышения правовой культуры школьников

В настоящее время российское общество переживает перестройку общественной жизни, осмысление ее социокультурных предпосылок и последствий составляет одну из основ перехода к новому состоянию жизнедеятельности. Это объясняется рядом известных фактов. Россия провозглашена правовым государством, в рамках осуществляемой правовой реформы происходит демократическое обновление законодательства на принципах верховенства права. Права и свободы человека и гражданина утверждаются как высшая ценность в обществе, усиливается роль суда как независимого гаранта соблюдения прав человека. Укрепляется отношение граждан к праву как механизму бесконфликтной реализации своих интересов в обществе. Право приобретает конкретные черты и практическое значение для каждого. Социологические опросы свидетельствуют об устойчивом интересе молодежи к правовым знаниям, который основан на понимании их непосредственной значимости, применимости, полезности в реальной жизни.

Однако по мере объявления законодательства и накопления соответствующей правоприменительной практики становится все более явным разрыв между новым демократическим законодательством и низким уровнем правосознания населения. В первую очередь, конечно, это относится к людям старшего поколения, выросшим в условиях преобладания политической целесообразности над правом. Но вместе с тем, доля подростков, ориентированных на ведение законопослушного образа жизни, обладающих устойчивой морально-нравственной позицией, с каждым годом становится все меньше¹. Весьма низка правовая подготовка молодежи в вопросах прав человека, гражданского права, избирательного права. Значительная часть учащихся относится к праву только как средству решения личных и общественных проблем при возникновении конфликтов правового характера, тогда как правовая культура подразумевает изучение и впоследствии положительное

* *Ирина Валерьевна Идерова* – помощник депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (г. Югорск).

¹ См.: *Кожемяков А. В.* Предупреждение подростковой преступности // *Право и государство.* 2008. № 3.

отношение к праву как инструменту регулирования отношений, постоянно складывающихся в повседневной жизни – имущественных, трудовых, семейных и др.

Этот тревожный факт ставит проблему формирования правового сознания и правовой культуры в ранг приоритетов государственной политики. Как сказал в Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ Д. А. Медведев (5 ноября 2008 г.): «Хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: “Прежде всего, надлежит создать гражданина, и когда задача эта будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот”».

Необходима серьезная и систематическая работа по правовому образованию молодого поколения. Переход к правовому государству невозможен без одновременного формирования у населения соответствующих правовых знаний и правосознания, которые в свою очередь зависят от правовой культуры.

Правовое образование школьников является актуальной задачей всего российского общества, и в первую очередь государства, его молодежной политики. В связи с этим перед обществом и системой образования стоит задача помочь учащимся пережить сложное время с минимальными потерями, адаптироваться в современных условиях, научиться жить в демократическом обществе, строя свои отношения с государством, социумом на основе норм, отражающих права и свободы человека.

Существенным фактором, влияющим на развитие правового сознания граждан, служит система организованного правового обучения и воспитания, представляющего собой сложный, противоречивый процесс.

Правовое образование – многогранное понятие, которое включает в себя правовое воспитание, правовое обучение и правовое развитие.

Воспитание человека в духе уважения к праву должно являться первоочередной задачей каждого государства.

К сожалению, одна из самых тревожных тенденций современного российского общества – распространение противоправных настроений, особенно в подростковой среде. Это выражается в неуважении к закону, правовом нигилизме, в привычке и даже апологии насилия и т. д. В этой связи чрезвычайно важной является задача развития правовой культуры личности. Она связывается преимущественно с распространением правовых знаний, что, безусловно, очень важно².

² См.: *Шанко И. В.* Социокультурные основы российского правосознания // *Материалы регион. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 1999.

Между тем, как и культура вообще, правовая культура не может быть сведена к знаниям, она вырастает из повседневной практической жизни людей, из реальной практики взаимоотношений человека с другими людьми и государством. Организуя свою повседневную жизнь, люди структурируют свои отношения с окружающей социальной средой, устанавливают институциональный порядок, вследствие чего формируются общепринятые представления как нечто очевидное, само собой разумеющееся. Одних правовых знаний и умений их применять недостаточно для покорения вершины правовой культуры. Следующая ступень – правовые чувства, и прежде всего – чувства ответственности, справедливости, уважения к праву. Если не воспитаны положительные чувства, отношения, сами по себе правовые знания, умения в нравственном отношении могут быть нейтральными. Благодаря правовым чувствам право приобретает для конкретного человека ценность. Человек, чувственно положительно относящийся к праву, по меньшей мере, не станет правонарушителем, а это уже очень значимо в масштабах всего государства.

Вообще, о правовой культуре говорят и пишут достаточно давно, но в разные времена по-разному. В советский период истории нашей страны праву обучали идеологизированно. Гражданин страны был за партию, страну и народ. Сейчас мы подчеркиваем, в первую очередь, значимость знания своих прав, свобод, обязанность и умения их защитить.

Правовая культура является сферой общечеловеческой культуры, и подобно тому, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом, правовая культура диктует каждой личности принципы правового поведения, а обществу – систему правовых ценностей, идеалы, правовые нормы, обеспечивающие единство и взаимопонимание правовых институтов и организаций.

Необходимость повышения уровня правового образования граждан в современных условиях вызвана возросшим значением роли права и требованием законности в совершенствовании правовой основы государственной и общественной жизни общества.

Потребность в повышении правовой культуры почувствовали и отдельные регионы Российской Федерации, которые на уровне субъекта или муниципальных образований создают центры, университеты правовой культуры (Липецкая область, республика Якутия (Соха)), также принимаются целевые программы, положения по повышению правовой культуры молодежи и общества в целом (г. Нижневартовск Ханты-Мансийского автономного округа – Югры).

Проведенное исследование уровня правовой культуры школьников Советского района и города Югорска Ханты-Мансийского

автономного округа – Югры показало наличие потребности у школьников в правовых знаниях о том, какими правами они обладают, как можно оказать правовую помощь близким. Часть правонарушений совершается из-за незнания правового запрета в целом, либо незнания меры ответственности, которая ожидает нарушителя. Восполнить данный пробел при правильной организации обучения праву не составляет труда.

Зачастую школьники, особенно младшие, в своей повседневной жизни руководствуются нравственными правилами, нормами этикета. Это вообще свойственно для российского менталитета.

Из глубины веков идет неразрывная связь права и морали, религии. И правовая культура на сегодняшний день – часть общей культуры человека. Процесс окультуривания должен быть постепенным, всесторонним и динамичным в течение всей жизни человека. Но зачатки этого процесса должны быть заложены ребенку в школьном возрасте, а еще эффективнее, если в дошкольном, когда ребенку впервые прививаются общие социально значимые образцы поведения в обществе.

В ходе правового образования на всех ступенях школьник будет развивать уровень своей правовой культуры, которая включает в себя не только юридические знания, но и правовые ценности, которые отражают качественное состояние правовых явлений и процессов. Что касается правовой культуры общества в целом, то необходимыми элементами, помимо правосознания общества, также следует отметить уровень совершенства законодательства, юридической практики, правового развития личности и прочего, что прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества.

Говоря о качестве действующего законодательства и юридической практики, еще раз отметим, что создается это законодательство и практика людьми и от того, насколько юридически грамотны и развиты правокультурно наши законодатели, зависит качество законов, по которым живет общество. Ведь, имея блестящие юридические знания, но не обладая достаточным уровнем правового сознания, можно принимать законы в интересах только определенных слоев населения.

И эта проблема сегодня звучит даже из уст школьников. Многие из них уже убеждены, что право – не регулятор общественных отношений, а только лишь средство взимания налогов, штрафов и метод ограничений свобод граждан. С этим стереотипом и должно бороться правовое образование, призванное формировать позитивное отношение к праву, государству и связанным с ними государственно-правовых явлений.

Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что формируется правовая культура школьников под воздействием многих субъективных и объективных факторов реальной действительности. Это достаточно многоаспектный, динамичный и противоречивый процесс, который должен быть под сознательным контролем со стороны самой личности, школы, родителей и в целом государства. Все указанные субъекты с помощью доступных им средств способны воздействовать на процесс формирования правовой культуры учащихся. Особенно школа, как универсальный институт социализации личности, призвана решать посредством правового образования задачу поступательного повышения уровня правосознания учеников. И от того, насколько правильно будет построен данный процесс, зависит развитие личности, общества и государства в целом.

Е. Ю. Калинина*

Многогранность межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации

Современный западный мир определяет себя как свободное демократическое толерантное мультикультурное общество, в котором объединены на добровольной основе разноплановые государства. Отличительной особенностью этого объединения является множественность культур, религий, политических взглядов. Свобода быть таким, какой ты есть, и жить в мире рядом с миллионами других людей, уважая их отличия, является основой для современного глобального мира. Постхристианская Европа переживает в этом смысле определенный кризис миропонимания, поскольку исторически Европа складывалась как совокупность национальных государств, базисом культуры которых было христианство. В то же время ряд регионов Европы развивался как совокупность различных культур и религий. Путь развития этих регионов был противоречивым: с одной стороны, необходимость жить вместе порождала конфликтные ситуации, с другой же, культуры взаимообогащались в непрерывном контакте, порождая новые культурные тенденции. Ярким примером такого развития является Россия. Здесь рядом сосуществуют самобытные культурные группы, с одной стороны, порождая феномен «пограничной» культуры, то есть нечто новое, с другой стороны, эволюционируя, сохраняя свои национальные особенности и традиции.

Взаимопроникновение культур в эпоху глобализации сопровождается неизбежными конфликтными ситуациями, трудностью привыкания, взаимопонимания. Терпимое отношение к иному миропониманию, взглядам, идеям и необходимость сосуществования в одном обществе ведет к интеллектуальному и духовному совершенствованию. Такой новой формой сосуществования явилась толерантность. Основной целью толерантного взаимоотношения можно назвать недопущение конфликтной ситуации и умение разрешать ее. Инструментом установления толерантных отношений между представителями разных национальностей, культур, этносов современное мировое сообщество считает мультикультурализм.

* *Елена Юрьевна Калинина* – доцент кафедры теории права и гражданского правового образования юридического ф-та Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Однако стоит заметить, что это явление вызывает огромное количество вопросов со стороны специалистов. С одной стороны, не подвергается сомнению тот факт, что в законодательстве и в повседневном общении непреложной истиной должен стать тезис о полном равноправии представителей любых национальностей в конкретном государстве, особенно, если эти люди являются гражданами указанного государства. Это положение закрепляется в законодательстве России и других стран в виде нормы Конституции о недопущении дискриминации по любому признаку. Такое законодательное закрепление позволяет установить санкцию за нарушение указанной нормы. С другой стороны, если мультикультурализм понимается как полное и безусловное равенство всех национальностей, а следовательно, их отдельных представителей, то это вызывает проблему его реализации. Причем необходимо отметить абсурдную, казалось бы, ситуацию: полное равенство не соответствует ментальности как представителей национального большинства (что обычно является материалом для обсуждения в рамках проблемы «толерантность-интолерантность»), так и того самого дискриминируемого меньшинства. Таким образом, прекрасно оформленная законодательно, ситуация заходит в тупик. Дело в том, что при явном и простом, казалось бы, стремлении к равенству прав стороны (как большинство, так и меньшинство) продолжают отстаивать сегодня... право на идентичность, то есть на «инаковость». Тем самым, хорошо сформулированная, казалось бы, норма права не может правильно функционировать. Тем более сложная ситуация складывается при ее нарушении.

Примеров такой ситуации можно привести много, а вывод напрашивается один: необходимо признать новый вызов эпохи глобализации, который заключается в том, что глобальной мировой интеграции неизбежно сопутствуют дезинтеграционные тенденции. Стремление жить в мире без границ и с полнотой одинаковым (равным) статусом любой национальности сочетается со стремлением к национальной и культурной самоидентификации, пониманию своего места в этом мире через свою национальную и культурную принадлежность.

Следовательно, совершенствование законодательства предполагает, прежде всего, осознание этого факта. Следующим этапом должно стать принятие законов, которые учитывали бы не только полное и безусловное равенство прав граждан, но и их групповые особенности. Это должно реализоваться путем принятия ряда законов и подзаконных нормативно-правовых актов, которые бы детализировали эти общие положения о равенстве прав и обязанностей, недопущении дискриминации по какому-либо признаку, причем,

возможно, путем установления именно исключений, дополнительных возможностей и так далее.

Особенно ситуация осложняется, если речь идет не о представителях тех культурных групп, которые проживают на определенной территории исторически, а о мигрантах. Города-мегаполисы сегодня представляют собой мультикультурные общества, и в первую очередь благодаря растущему потоку миграции, что соответствует современной мировой ситуации. Особенно серьезную проблему это представляет на фоне депопуляции населения крупных городов, где смертность серьезно превышает рождаемость. Примером такой ситуации может служить Санкт-Петербург, где проблема толерантного взаимоотношения между различными социальными группами в последнее время стала одной из самых популярных. Причем эта ситуация характеризуется недоверием и неблагоприятным отношением не только по отношению большинства к меньшинству, но и наоборот. Впрочем, это соответствует и общеевропейской тенденции.

Представляется, что это может быть связано именно с тем, что все группы населения (большинство и меньшинство, маргинальные группы, мигранты и т. д.) в современной обстановке стремятся к идентичности и признанию именно своих особенностей. При этом никакая из групп не проявляет стремления к тому, чтобы, напротив, отказаться от своих особенностей в пользу толерантности, мультикультурализма и иных декларируемых государством и обществом в целом (но не его группами) ценностей. Более того, если это предлагает группа большинства, то остальные группы считают это дискриминацией и попыткой ассимиляции и потому активно сопротивляются. Вхождение новых культур в сложившиеся и устоявшиеся культурные стереотипы порождает серьезные конфликты, в том числе национальные, потому что толерантность как восприятие чужих идей для многих означает отказ от своих собственных, а то и вовсе лишение веры, а ведь человек не может существовать без системы ценностей.

Однако даже при столкновении разных национальных культур всегда есть нечто наднациональное, что может заложить основу для мирного или даже дружеского взаимодействия. Кроме того, самое ценное из национальной культуры всегда будет иметь ценность для другой культуры. Так истинно национальное становится интернациональным.

Каждая социальная группа современного государства, которое участвует сегодня в процессе глобализации, должна привнести свои культурные ценности, которые в совокупности должны сформировать новую наднациональную, надгрупповую культуру толерантности и мультикультурализма.

Межкультурное взаимодействие в праве как явление

Понятие «право» – основная категория правоведения. От него зависят другие правовые категории и отраслевые понятия юридических наук. Термин «право» имеет не только научное значение, но и практический смысл. Его толкование влияет на законодательную деятельность и ориентацию юридической литературы.

От понятия этой основной категории правоведения зависят интересы людей, они влияют на подход людей к праву. Право в различных обществах и конкретных случаях проявляет себя по-разному. На понятие права влияют не только научные исследования, но и обстановка в той или иной стране. В современной юридической науке термин «право» используется в нескольких значениях.

Во-первых, правом называют социально-правовые притязания людей, например право человека на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и т. п. Эти притязания обусловлены природой человека и общества и считаются естественными правами.

Во-вторых, под правом понимается система юридических норм. Это – право в объективном смысле, ибо нормы права создаются и действуют независимо от воли отдельных лиц. Данный смысл вкладывается в термин «право» в словосочетаниях «российское право», «трудовое право», «изобретательское право», «международное право» и т. д. Термин «право» в подобных случаях не имеет множественного числа.

В-третьих, названным термином обозначают официально признанные возможности, которыми располагает физическое или юридическое лицо, организация. Так, граждане имеют право на труд, отдых, охрану здоровья, имущество и т. д., организации располагают правами на имущество, на деятельность в определенной сфере государственной и общественной жизни и т. п. Во всех этих случаях речь идет о праве в субъективном смысле, то есть о праве, принадлежащем отдельному лицу – субъекту права.

В-четвертых, термин «право» используется для обозначения системы всех правовых явлений, включая естественное право, пра-

* *Александра Евгеньевна Каменева* – студентка 3-го курса юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

во в объективном и субъективном смысле. Здесь его синонимом выступает термин «правовая система». Например, существуют такие правовые системы, как англосаксонское право, романо-германское право, национальные правовые системы и т. д.

В современном мире очевидно возрастание роли права, превращение его в важный фактор человеческой жизни, развития современного общества. Этот процесс невозможен без участия людей, готовых и умеющих работать в условиях стремительно изменяющегося мира. Одной из наиболее ярких особенностей развития современного отечественного права является его демократический, открытый характер. Для решения задач развития в правовой сфере все активнее устанавливаются разнообразные связи с различными правовыми институтами как внутри страны, так и за рубежом. Таким образом, межкультурное взаимодействие является одним из основополагающих факторов развития российского права. Это обусловлено расширением международных контактов современного российского законодательства, предполагающим применение различных современных мер и норм в контексте межкультурного взаимодействия.

Само по себе понятие «право» находится на стыке, на грани. Оно возникает повсюду, порой даже в таких ситуациях, когда само по себе его присутствие уже кажется диким. Например, в случае соотношения таких понятий, как талант и право быть талантливым.

Межкультурное взаимодействие понимается сегодня как соприкосновение и влияние, воздействие специалистов, принадлежащих к разным культурам, друг на друга в профессиональной деятельности в социальных системах. Основами межкультурного взаимодействия являются: речь и речевая культура; культура общения; информационная культура; стиль, культура поведения в условиях профессиональной деятельности; культура творчества; профессиональная культура; культура труда и быта; культура самореализации; культура потребления; нравственная культура; правовая культура; политическая культура; этическая культура; научно-техническая культура; культура управления (принятия решения, решений конфликтов, культура риска и т. д.).

На мой взгляд, существует несколько путей подготовки к межкультурному взаимодействию в праве. Обозначим некоторые из них:

1. Изучение правовой этики и делового этикета разных стран, которое не только способствует, но и необходимо для установления успешных деловых связей с представителями других правовых культур. Примеры: правовая этика и деловой этикет США, Великобритании, других стран.

2. Международные проекты как наиболее перспективное направление развития деловых связей правовых систем; финанси-

руются международными и национальными правительственными и неправительственными организациями, обычно обеспечивают консультативную помощь со стороны зарубежных партнеров в реализации конкретных программ реформирования системы законодательства, которая выражается в проведении семинаров и конференций с участием представителей зарубежных государств.

3. Терминологическая подготовка для достижения взаимопонимания с представителями других культур (недостаточно выучить английский язык по школьной программе, чтобы успешно провести переговоры в области права, необходимо знание и понимание профессиональной терминологии).

Но в большинстве своем взаимодействие в праве происходит путем, скорее, негласным, специальные программы не проводятся. Процесс происходит сам собой – путем смешивания норм различных правовых институтов. На мой взгляд, международные конференции и семинары, посвященные развитию межкультурного взаимодействия, необходимо проводить систематически. Нужно обратить на это явление больше внимания. Различного рода проекты и подготовки (в том числе терминологическая) должны быть подчинены одной цели – созданию единой теории и практики достижения согласия в области межкультурного взаимодействия. Лишь в этом случае мы сможем наиболее четко прослеживать «соприкосновение» разных культур и норм в праве, а также сможем этот процесс контролировать.

В. А. Камышин*

К уточнению уголовно-процессуального понятия «стороны»

Философские диалектические законы единства и борьбы противоположностей относятся и к процессуальным категориям, таким как «обвинение» и «защита»¹, что позволяет называть их парными категориями. «Обвинение» и «защита» вырастают из единого основания и существуют как взаимообусловленная система. Обвинение как элемент системы не может быть без защиты, и наоборот, они всегда существуют вместе.

Обвинение всегда первично, поскольку формируется от имени государства и проходит этапы от обнаружения признаков преступления до формирования достаточной совокупности улик. Однако с противоположной стороны всегда выступает защита, даже если по объему ее совсем немного. Например, когда подозреваемый и обвиняемый в праве молчать, используя свидетельский иммунитет, выдвигать свою версию происшедшего, заявлять ходатайства и пр. При этом в основе всех изменений в системе «обвинение-защита» выступает взаимодействие, которое можно представить в виде двух сообщающихся сосудов. Увеличение объема жидкости (прав и возможностей) в одном сосуде приводит к ее уменьшению в другом, и наоборот. Названное явление А. П. Шептулин характеризует следующим образом: «Каждая сторона взаимодействия действует на другую сторону и в то же время оказывает сопротивление (противодействие) ее воздействию. Налицо отношения, члены которого, являясь относительно устойчивыми реальностями, обладающими противоположными тенденциями, ведут между собой борьбу. Исключая друг друга, они находятся в органичной взаимосвязи, составляют единство противоположностей»².

* **Владимир Анатольевич Камышин** – канд. юр. наук, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ По справедливому замечанию Т. Г. Бородиновой и И. Ф. Демидовой, «обвинение» и «защита» являются понятиями первичными и невыводимыми из иных определений. Они обладают высокой степенью общности, которая фиксирует базовые знания об основных свойствах и связях уголовного процесса. См.: Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 35–43.

² Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 202–203.

В уголовно-процессуальном законодательстве участники, выполняющие функцию обвинения (следователь, дознаватель, орган дознания и прокурор), а также субъекты, осуществляющие защиту от обвинения (защитник, подозреваемый, обвиняемый), именуются «сторонами» (п. 45 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). В таком значении термин «сторона» используется в законе более 200 раз.

Возникает вопрос. Означает ли противопоставление обвинения и защиты и противоположность их интересов обязательному наличию сторон?

Ответ может быть только один. Нет! Стороны – это не столько противоположность позиций и появление какого-либо участника (участников) уголовного процесса, сколько особое явление.

Под стороной в уголовном судопроизводстве следует понимать комплексный правовой феномен, который характеризуется совокупностью необходимых свойств:

- 1) противоположностью интересов участников;
- 2) наличием формального равенства противодействующих субъектов;
- 3) единством (однозначностью) факта противостояния;
- 4) применением в качестве средства «борьбы» судебных доказательств;
- 5) наличием арбитра при разрешении спора, которым всегда выступает суд.

Названные признаки присущи состязательному уголовному судопроизводству, где основной фигурой выступает независимый арбитр – судья. Если нет судьи, то нет и состязательности, а значит, нет и сторон.

В розыском уголовном процессе есть участники с диаметрально противоположными интересами, но их нельзя именовать «сторонами». Понятие «сторона» порождается состязательностью и имеет право на существование исключительно в состязательной форме производства. Именно здесь, в состязании, происходит накопление необходимых и достаточных свойств. Говоря языком философии, количество переходит в качество, и реализуется главное условие сторон – их полное равенство по получению, предоставлению и использованию доказательств с целью обоснования собственной позиции. Однако следует помнить, что и при отсутствии сторон функция обвинения и функция защиты остаются.

Таким образом, наличие соответствующих субъектов, прокурора и адвоката, появление защитника в уголовном деле совсем не означает появления сторон. Налицо логическая ошибка – отождествление участников со сторонами, когда делается вывод: «Субъект преследования и адвокат защиты – это и есть стороны».

Разновидностью указанной позиции является точка зрения, согласно которой расширение полномочий защиты, после принятия

нового уголовно-процессуального кодекса, является безусловным признаком появления стороны защиты уже на предварительном расследовании.

В количественном плане такая постановка вопроса не вызывает сомнений. Юристы правы, когда говорят, что следователю и дознавателю всегда противодействует адвокат обвиняемого, поскольку у них разные цели и позиции по делу. Однако это совсем не означает появления стороны, ибо иные обязательные свойства (равенство, использование доказательств, наличие арбитра) отсутствуют. Появление адвоката на ранних этапах производства и расширение его прав указывает лишь на то, что в предварительном расследовании у субъектов обвинения полномочий стало немного меньше, а у защиты немного больше.

В судебных стадиях законодатель предусмотрел для защиты еще больше возможностей в сравнении с досудебными инстанциями. Но, несмотря на присутствие независимого арбитра – судьи, и здесь преждевременно говорить о наличии сторон, поскольку уравнивания прав и возможностей не произошло. Неравенство и перевес позиции обвинения проявляется во многом. Как и ранее, сегодня перед судом находится только обвинительное заключение и материалы исключительно обвинительного характера, которые и служат предметом изучения судебного следствия. Отечественный уголовный процесс не смог наполнить необходимым содержанием понятие «сторона», что в свою очередь указывает на декларативность утверждения о состязательной форме процесса.

Выводы:

1. Обвинение и защита – это элементы взаимообусловленной системы уголовного процесса, где одно не может существовать без другого и где всегда первично обвинение.

2. Участники обвинения и участники защиты всегда находятся в противоборстве.

3. Сторона – это комплексный правовой феномен, который характеризуется: противоположностью интересов участников; равенством возможностей; правом использовать судебные доказательства в обоснование своей позиции; единством предмета спора; наличием независимого арбитра-судьи.

4. Ошибочно отождествлять стороны и само наличие субъектов с противоположными функциями: обвинения и защиты. Расширение права на защиту нельзя толковать как появление сторон.

5. Участники получают право именоваться «сторонами» только в состязательном уголовном процессе, где их права и возможности уравниваются.

5. В современном уголовном процессе России законодатель не смог реализовать равенство противодействующих субъектов, поэтому стороны отсутствуют (как в досудебном, так и в судебном производстве).

Развитие концепций авторского права в романо-германской и англосаксонской правовых системах

После того, как в XVIII веке охрана литературных произведений впервые стала признаваться не привилегией, даруемой сувереном, а правом, основанным на законе, возникают две концепции авторского права в рамках англосаксонской и романо-германской правовых систем.

К. Гессе считает, что разница подходов обусловлена напряжением между утилитарной и естественно-правовой юридическими доктринами¹. Объективистская утилитарная доктрина говорит об отсутствии естественной собственности на идеи, манифестирует общественное благо. Субъективистская доктрина признает естественное и вечное право собственности на идеи, святость индивидуальности должна быть ведущим принципом любого законодателя.

Обратимся к различиям между правовыми системами. Во-первых, в большинстве стран романо-германской правовой системы используется не английское слово «copyright» (право на изготовление копий), а термин «авторское право» – le droit d’auteur (фр.), das Urheberrecht (нем.). Во-вторых, в англосаксонской системе во главу угла ставится изготовление с разрешения автора экземпляров книги, картины, фильма. Романо-германская система делает упор на личность создателя и его права. В-третьих, охрана по англосаксонской системе распространяется на произведение, принадлежащее юридическому лицу. Охрана же по романо-германской системе не распространяется на юридические лица, так как ее смысл в том, что произведения неразрывно связаны с автором как физическим лицом.

Минков А. М. пишет: «в центре регулирования континентальных [романо-германских] авторско-правовых систем находится за-

* Анна Александровна Карташева – аспирант, философский ф-т УрГУ им. А. М. Горького, редактор изд-ва «Академический проект» (г. Москва).

¹ Hesse C. The rise of intellectual property, 700 b. c.– a. d. 2000: an idea in the balance. Daedalus Spring, 2002. [http://www.amacad.org/publications/spring 2002/hesse.pdf].

щита создателя произведения, в то время как англосаксонская система авторского права нацелена на охрану произведения как такового»². Таким образом, мы можем признать, что англосаксонская система авторского права близка по духу утилитаристской юридической доктрине, а континентальная – доктрине, основанной на теории естественных прав.

В странах англосаксонской правовой системы (Великобритания и США) авторам была предоставлена лишь ограниченная имущественная защита. Целью законов признавалась, прежде всего, защита имущественных прав создателей и издателей, которые приобретали права у первого создателя либо у его правопреемников. Автор признается как индивидуальность с особыми правами, но общественное благо диктует ограничения этих прав.

Совсем иная ситуация в континентальной Европе, законодательство которой опирается на традицию естественного права. Произведение признавалось принадлежащим автору в силу факта его создания. Внимание акцентировалось на идее распространения охраны не только на имущественные, но и на личные неимущественные права авторов. Именно во Франции возникла дуалистическая концепция авторского права (моральные и имущественные права).

Важной особенностью романо-германской правовой системы являются «моральные права» (сегодня называются личными неимущественными). Их становлению способствовали воззрения И. Канта, который трактовал авторское право не просто как форму собственности, обеспечивающую экономическую выгоду. Кант признал литературное или иное творческое произведение продолжением и отражением личности автора³. Таким образом, автор наделен естественным правом защиты своего произведения не просто как разновидности товара, а как неотъемлемой части своей личности.

Сегодня можно говорить о моральных правах создателей и в Америке. Ш. Вайдханатан, говоря о проблемах современного авторского права и путях их решения, упоминает судебное решение по делу группы английских комиков Монти Пайтон⁴, как яркий пример того, как моральные права появляются и в американском законодательстве. Права на выступление Монти Пайтон принадлежали

² Минков А. М. Международная охрана интеллектуальной собственности. СПб., 2001. С. 45.

³ См.: Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции. М., 1989. С. 6–18.

⁴ McLaren Carrie. Copyrights and Copywrongs. Interview with Siva Vaidyanathan // Stay Free! № 20 [http://www.ibiblio.org/pub/electronic-publications/stay-free/archives/20/siva_vaidyanathan.html].

медийной корпорации, которая, внося некоторые изменения в готовый фильм, выпустила в эфир уже измененную версию. Монтти Пайтон обратился в суд и выиграл дело.

Сегодня наметилось сближение между разными теориями интеллектуальной собственности, вызванное влиянием международных правовых актов и общей тенденцией к сближению континентальной и англо-американской правовых систем. Многие исследователи считают, что естественно-правовая доктрина усиливает свое влияние на авторское право. Об этом говорит увеличение срока охраны произведения до 50 (в некоторых странах до 70) лет после смерти автора.

Итак, в рамках англосаксонской и романо-германской правовых систем возникают две концепции авторского права: англо-американская стоит на стороне общества, обеспечивая защиту произведения как такового; континентальная система стоит на стороне автора. Не лишена смысла параллель между континентальной правовой системой в отношении интеллектуальной собственности и теорией естественных прав, а также между англо-американской системой и утилитаризмом.

О. А. Колоткина*

Активность личности в реализации ее права на безопасность в контексте категории «правовая культура»

Реалии бытия и функционирования современного российского государства, идущего по демократическому пути развития, свидетельствуют, что проблема осуществления прав и свобод личности выступает в качестве одного из важнейших приоритетов реализации государственной правовой политики¹. Право личности на безопасность, при явном отсутствии нормативного закрепления в действующем российском законодательстве, является одним из фундаментальных прав человека, реализация которого зачастую ставится в зависимость от определенного уровня правовой культуры, правосознания самой личности и, как следствие этого, во многих случаях недостаточной ее правовой активности в достижении такого блага, как безопасность. В то же время, реализация личностью своего права на безопасность зависит и от понимания, оценки ею потенциально опасного состояния, характера угроз полноте реализации ее жизненно важных интересов, осознания необходимости и возможности нахождения в более безопасных для своей жизнедеятельности условиях, а порой и желания находиться в состоянии опасности (увлечение человека экстремальными видами спорта и др.), и т. д.

Само право личности на безопасность предлагается рассматривать в качестве основного, фундаментального права, представляющего собой, во-первых, меру возможного поведения личности в ситуациях, характеризующихся наличием разностепенных угроз; во-вторых, обязанность государства по созданию условий для реализации личностью своих прав и свобод, полноценного развития ее посредством прогнозирования, предупреждения, минимизации, устранения угроз (процесс управления рисками), которые могут

* *Оксана Анатольевна Колоткина* – аспирант Гуманитарного ун-та, ст. преподаватель кафедры теории и истории государства, конституционного и международного права Уральского ин-та коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Рыбаков О. Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 7.

причинить вред жизненно важным интересам личности либо препятствовать полноте их реализации.

Реализация прав и свобод, в широком понимании, представляет собой один из факторов, обеспечивающих политическую активность, стимулирующих гражданскую инициативу и повышающих социальную ответственность личности². В узком смысле, реализация прав представляет собой регламентированный нормами права процесс, обеспечивающий каждому лицу те материальные или духовные блага, которые лежат в основе его прав и свобод³. На процесс реализации права на безопасность оказывает влияние уровень социализации личности, ее правовой культуры, правосознания, что обуславливает степень необходимой активности волеизъявления в отношении реализации своих прав и законных интересов, в том числе и права на безопасность.

Правовая культура представляет собой часть общей культуры, в то же время занимая самостоятельное, обособленное место в социокультурном пространстве. По своему содержанию правовая культура является достаточно емким понятием, включающим в себя такие элементы, как уровни правосознания, законность, совершенство законодательства и юридическую практику⁴. В целом, в литературе можно встретить и указание на иные ее составляющие, к которым относят: право; правовые отношения; законность и правопорядок; правомерную деятельность субъектов; юридическую науку, юридические акты; государственно-правовые институты⁵. Одним из ключевых элементов правовой культуры является *правосознание*. Во многих случаях личность свободна в осуществлении своих прав и свобод (права на образование, труд, отдых и т. д.), однако право на безопасность отличается тем, что реализация его связана в большей степени с деятельностью государства, направленной на создание безопасных условий существования и развития личности. В этой связи особо остро стоит вопрос о взаимодействии воли личности с волей обязанного субъекта. Воля личности может быть направлена на то, чтобы побудить государ-

² См.: Орлова О. В. Социально-правовой механизм реализации и защиты прав и свобод личности в гражданском обществе // Государство и право. 2008. № 7. С. 71.

³ См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. М.: Норма, 2008. С. 337.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 214–215.

⁵ См., например: Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3; Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: Монография. М.: Права человека, 2008 и др.

ственные органы воплотить в жизнь приоритетные интересы личности в сфере обеспечения безопасности. Для этого человек должен обладать определенным уровнем правосознания, что позволит личности иметь способность и возможность подчинять своей воле и своим интересам государственные органы, которые в свою очередь должны выстроить такую «матрицу» взаимоотношений личности и государства, в которой основной акцент будет сделан на гармонизацию интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения безопасности (такая модель поведения личности, как правило, встречается в государствах, где на должном уровне функционирует сильное гражданское общество свободных индивидов и их организаций). Для нахождения подобного рода компромисса интересов человека, общества и государства в сфере обеспечения безопасности, на наш взгляд, необходимо активизировать участие самого человека в механизме обеспечения его права на безопасность. В настоящее время большинство наших граждан обладает *патерналистским правосознанием*, для которого характерна надежда на заботливого правителя, «отеческую» заботу со стороны государства⁶. Таким образом, российские граждане, обладая в общей массе инфантильно-патерналистским правосознанием, ожидают от государства (преимущественно от Президента РФ) конкретных действий, направленных на обеспечение их безопасности во всех сферах, исключая фактически собственное участие в данном процессе. Усугубляет положение и общая правовая неграмотность большинства российских граждан, которые в случае конфликтных ситуаций с обществом, государством, их институтами действуют в отрыве от правовых знаний, руководствуясь иными соображениями, а вне конфликта ждут от государства постоянного содействия в реализации предоставленных им прав, в том числе и права на безопасность.

Именно правосознание выступает в качестве важнейшего фактора правового поведения различных субъектов, их правовой активности, а также в целом условием развития гражданского общества и всей правовой системы. Дееспособность гражданского общества, как и сила государства, может возникнуть только из активистского правосознания граждан, избавившихся полностью и навсегда от патерналистского правосознания⁷. Только в этом случае будет происходить переориентирование деятельности государства с патерналистского подхода на персонцентристский, где личность отличается особой автономией, которая сводится к ее непо-

⁶ См.: Затонский В. А. Эффективная государственность / Под ред. А. В. Малько. М.: Юрист, 2006. С. 155.

⁷ Там же. С. 153.

допечности государству⁸, а признанные права и свободы человека будут являться такой высшей ценностью, которая позволяла бы ограничивать произвол и всевластие государства. При этом государство не должно снимать с себя обязанности по охране и защите прав и свобод человека, так как большинство из них, не исключением является и право личности на безопасность, не могут быть полноценно осуществлены без силы (участия) государства (речь идет, в первую очередь, о гарантировании этих прав, охране и защите).

Таким образом, необходимо повышать сплоченность общества, гражданское доверие к собственным духовно-культурным ценностям, что в конечном итоге позволит активизировать роль самого человека в механизме как реализации, так и защиты его права на безопасность, а значит, государство должно будет находить реальный компромисс между интересами личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности, считаясь с мнением гражданского общества.

⁸ См.: Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 263.

О. И. Леканов*

Межкультурное взаимодействие в сфере договорного права

Говоря о праве гражданском, следует указать, что в его предмет входят три основные группы отношений: отношение собственности в статике, в динамике и отношения, содержанием которых является сама деятельность субъектов связи.

Любой человеческой культуре, поскольку правовая культура является ее частью, свойственно право собственности на вещи – статика отношений собственности. Однако это также предполагает и договорные отношения постольку, поскольку существует имманентная социуму (а человек может быть таковым лишь в социуме) необходимость обмена, распределения собственности. Обмен, распределение – как действия человека или социума (по отношению к своему члену либо к другому социуму) – предполагает в самом себе волю соответствующего субъекта на его совершение, и прежде всего волю собственника на распоряжение вещью (разрыв правовой связи между лицом и вещью). Вместе с тем следует принимать во внимание и волю приобретателя вещи, направленную на создание такой связи между собой и вещью. Такая разнонаправленность воли, ведущая, однако, к одинаковому результату – передачи вещи от одного лица другому, установлению новой правовой связи, заключает в себе смысл и предел договора.

Сходным образом, обусловленные различиями людей и необходимостью коммуникации, обстоят дела и применительно к действиям лиц – работам и услугам. И здесь соединение воли имеет решающее значение – в ином случае связь является субординационной и протекает в иных формах, что обуславливает и иные правовые механизмы.

Несомненно, что в различных культурах правовая форма, придаваемая такому соединению воли, конкретные условия совершения этого акта, а также последствия (конкретные права и обязанности), им влекомые, – различны. Одинаковы только два момента – единение воли и передача вещи в хозяйственное господство от одного лица другому (совершение определенного единением воли действия).

* **Олег Иванович Леканов** – аспирант кафедры частного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Далее, поскольку лица связали себя словом совершить определенное действие, возложили на себя эту, прежде всего, моральную (что ярко видно из последствий неисполнения такого обещания в Китае до XX в.) обязанность, прекращение ее возможно только в соответствии с волей обязавшегося (но не действиями его собственной воли). Вместе с тем, поскольку человек существует в социуме, персонцентрическое и социцентрическое начала могут находиться в разных отношениях, однако не приходится отрицать истины того, что социум имеет возможность (применительно к любой культуре, поскольку это имманентно социуму) прекратить социальную связь индивидуальных лиц. Но индивидуальные лица ни применительно к друг другу (коль скоро они равны), ни применительно к социуму (если социум выступает в качестве носителя власти) не могут прекратить своей обязанности. Но всегда могут прекратить обязанность другого при исполнении собственной, что коренится в волевой сущности обязательства.

Однако данные утверждения имеют универсальное значение только в такой, наиболее общей, абстрактной форме. Но в этом случае очевидно, что они применимы к природе, но не к истории. В каждой культуре, и даже в каждом государстве, причастном к данной культуре, как сама социальная связь, так и порождаемая ею правовая форма являются уникальными по отношению к иным. Договорное право, опосредующее экономические связи, не только детерминируется этими последними, но и, в свою очередь, детерминирует их. Таким образом, даже наиболее космополитичная отрасль права – гражданское – не может быть просто «вырвана» из правовой системы данной культуры и даже данного государства, поскольку не только связана с иным массивом норм, но и с традицией их реализации, а также всеми теми обычаями, правосознанием, в системе которых она действует. Это, в свою очередь, означает уникальность, фактичность как процедур заключения договоров, так и оснований и процедур прекращения возникших из них обязательств.

В этой связи с точки зрения межкультурного взаимодействия, в том числе и в сфере права, следует указать следующее.

Пока еще право не разорвано с породившим его фактическим отношением (не «очищено» от иных норм и их влияния, не абстрагировано от всех частных, свойственных именно данной культуре или даже «части» ее) – оно предопределяется не закономерностью (или необходимо признать за правом трансцендентальность, что не верно и не соответствует факту). Оно, используя термины О. Шпенглера, живое, оно не предмет познания, оно предмет чувства – справедливости. Когда рассудок начинает расчленять право и породившую его социальную связь, абстрагировать правило от тех условий, которые его породили, редуцировать решение до нормы, –

мы можем говорить о смене культуры, о качественном изменении сознания. Но, вместе с тем, ни одна из конкретных форм не может полностью игнорировать лежащее в ее основании социальное отношение. Вместе с тем предел такого «очищения» – человек. В чем и заключается стремление к персонцентризму. Принятие необходимости такой абстрагированности права позволит отыскать в самых различных конкретных формах, посредующих возникновение, прекращение обязательств, в том числе и в нормах, устанавливающих тот или иной факт в качестве связующего звена, через которое и реализуются нормы о возникновении и прекращении обязательства, общее, единое для любой человеческой культуры. На тождественности такого рода, на такой схожести должно пониматься стремление всего человечества к коммуникации, поскольку обмен, посредуемый договорными обязательствами, является также и способом коммуникации людей различных культур.

Данный конкретный социум настолько способен к взаимодействию на «одном языке» с другим, насколько он персонцентричен. Наоборот, чем более социум социцентричен, тем менее он способен к «общению», к пониманию другого на языке права. Связано это с тем, что социцентричность социума необходимо обрекает его на «самость», на уникальность – тем самым он более историчен, фактичен и неповторим. Соответственно его язык права также историчен и неповторим, что создает барьер на пути его взаимодействия с другим социумом. Примерами такого «неудачного» опыта являются, в частности, попытки привнесения американского института разделенной собственности в российское право. Наоборот, чем более социум персонцентричен, тем этот барьер менее ощущаем. В самом деле, человек вне социума не может быть историчен, он внекультурен и не является ни уникальным, ни неповторимым, ни фактическим человеком. Он находится вне культуры, он восприимчив, он открыт для любой формы – это не угрожает задеть его самость просто потому, что в смысле культуры этой самости просто нет. Ярким тому примером служит универсальная (и даже тотальная) концепция «естественных прав».

Это означает «очищение» экономических отношений от всего исторического, подчинение связи только и исключительно закономерностям самой связи, экономики, но не традиции, судьбе. Таким образом, в социальной связи происходит различение собственно экономического (универсального, тотального) от культурного (исторического, единичного) и, как следствие, очищение правовой нормы от «неюридического содержания» – то, что С. С. Алексеев называет «отдифференциацией правовой нормы от иных норм». В этой отдифференциации утрачивается собственно культурное, она становится «косной», не подвластной судьбе, но подчиненной универсальной «мертвой» закономерности природы, но не истории. Та-

ким образом, «очищение» правовой нормы, языка права от религии, морали, единично-присущему – социальному – до нормы универсальной, что единственно возможно в условиях «персонификации» социума и права. Основанием права становится не социум с его историчностью, уникальностью и неповторимостью судьбы, но персон, индивид, человек с его внеисторичностью («экономичностью»), типичностью и универсальностью. Это весьма рельефно проступает сегодня, в период глобальной миграции, глобальной информатизации, глобальной экономики, глобального взаимодействия.

Таким образом, то, что в традиции материалистической диалектики именовали базисом – социальное экономическое отношение, позволительно рассматривать в качестве ставшего, подчиненного закономерности. Однако надстройка, форма, право – это факт, становление, лишь в Новое время (что для права позволительно, поскольку собственно наука права сформировалась не раньше XIX века) ставшее предметом науки и, в этом смысле, законное, переставшее твориться жизнью, но творящееся теперь наукой. Из права-истории право стало правом природы, «академическим» правом. Право стало подвластно закономерности, систематике, но при этом перестало быть фактом (что не изменяет детерминированности его, безусловно не тотальной, экономическими отношениями). Следовательно, в этом смысле, право получило возможность стать правом универсальным, тотальным и всеобщим. Поэтому возникновение и прекращение обязательств, в той мере, в которой они не зависимы от отношения персонцентризма и социоцентризма данной правовой системы, также универсальны и замкнуты на идее соответствия теперь уже «чистой» воли. Здесь же следует отметить, что абстрагирование права от породившего его отношения, применительно к воле, несомненно приведет к ее абстрагированию от «живого», фактического индивида к воле «чистой», воле – не как величине, но воле как функции, и здесь – воле формальной в противовес воле содержательной, а значит – фактической.

В заключение следует отметить, что с точки зрения межкультурного взаимодействия неизбежно происходит «отрыв» отдельных элементов от той системы, что их породила и в которой они существовали. Формальные рецепции, таким образом, не означают механического перенесения конкретных элементов их одной культуры в другую. Привнесенный элемент рецепиент наполняет новым содержанием, изменяя его порой настолько, что при внешней схожести рецепированный элемент принципиально отличается от «родителя». Таким образом, взаимодействие культур, в том числе и в сфере права, означает создание новой правовой культуры, возникающей на стыке взаимодействующих. Основанием для такого «созидания» является человек; в сфере договорного права – его «естественная» воля, не находящаяся под влиянием культуры.

В. О. Лобовиков*

Конституционное право, международное право, естественное право: конституционные суды, международные суды и принципиальная возможность создания естественно-правового суда для разрешения межкультурных конфликтов в сфере права

Конституционные суды работают на основе *позитивного* конституционного права. Их деятельность не выходит за рамки права *позитивного*. Они проверяют те или иные фрагменты системы позитивного права на соответствие конституции, то есть эти суды сравнивают позитивное право с позитивным правом: вся их деятельность замкнута внутри системы *позитивного* права. А что если сама конституция той или иной страны в какой-то своей части дефективна, в том смысле, что не соответствует праву естественному и, поэтому, порождает серьезные проблемы на уровне межкультурного взаимодействия? Компетентен ли конституционный суд для разрешения и даже для постановки такого рода вопросов? Нет, это находится за пределами его компетенции. Конституционный суд не уполномочен проверять нормы позитивного права вообще, и конституцию в особенности, на соответствие или несоответствие системе права естественного (даже в том случае, когда существование системы естественного права юристами не отрицается).

Согласно доминирующей в наше время философии юридического позитивизма, если само существование международного права все-таки признается, то особо подчеркивается, что международные суды работают на основе *позитивного* международного права. Их деятельность не выходит за рамки права *позитивного*. Они проверяют те или иные международные взаимодействия на соответствие *позитивному* международному праву. А что если

* **Владимир Олегович Лобовиков** – д-р филос. наук, профессор, гл. научный сотрудник отдела права Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

сама система международных договоров в какой-то своей части дефективна, в том смысле, что не соответствует праву естественному и, поэтому, порождает серьезные проблемы на уровне межкультурного взаимодействия? Компетентен ли некий международный суд для разрешения и даже для постановки такого рода вопросов? Нет, согласно доминирующей точке зрения, это находится за пределами его компетенции. Международный суд не уполномочен проверять нормы позитивного права и, в частности, конституции каких бы то ни было стран на соответствие или несоответствие системе права естественного (даже в том случае, когда существование системы естественного права юристами не отрицается).

Но в таком случае, если рассуждать абстрактно-теоретически, допуская, что существование системы естественного права юристами не отрицается, вполне логично предположить, что решением указанного круга вопросов должны заниматься суды, уполномоченные проверять нормы позитивного права и, в частности, конституции (каких бы то ни было стран) на соответствие или несоответствие системе права естественного. Существуют ли такие суды где-нибудь в наше время? Насколько мне известно, нет. Существовали ли такие суды где-нибудь раньше? Насколько мне известно, тоже нет. Была, правда, попытка выдать за естественно-правовой суд то, чем занималась инквизиция, но эта попытка оказалась неудачной в принципе, так как собственно естественное право – система вечных универсальных ценностей всех возможных разумных существ – подменялась *позитивным* правом церкви. (Что неизбежно порождало кровавые межкультурные конфликты.) Но в таком случае закономерно возникают вопросы. Если естественно-правовых судов в собственном смысле слова раньше не было нигде (и сейчас нет), то почему? И могут ли они появиться в будущем, то есть возможно ли их существование в принципе? Если допущение о существовании системы естественного права юристами принимается, и (пришедшее к нам от римского права) требование соответствия позитивного права естественному праву юристами также принимается, то ответ очевиден.

В принципе, *институт* естественно-правового суда может и даже должен быть создан. Он *необходим* для обеспечения (и контроля) *адекватности* законодательной деятельности: имеется в виду ее адекватность (соответствие) системе естественного права. Ответ на вопрос «Как (на основании чего) может и должен естественно-правовой суд работать (и каким методом)?» тесно связан с ответом на вопрос «Почему до сих пор такого суда люди нигде не создали (и даже речи о его создании всерьез никто не вел)?». Всерьез о создании института естественно-правового суда речи до сих пор не было, на мой взгляд, потому, что до сих пор

никто внятно не мог ответить на вопрос «Как (на основании чего) может и должен естественно-правовой суд работать (и каким методом)?». Ответ «Естественно-правовой суд работает (и принимает решения) на основании системы естественного права» не принимается всерьез, так как юристы распались на две группы. Первая (позитивисты) явно провозглашала (или тайно, но твердо верила), что системы естественного права нет и быть не может в принципе, следовательно, деятельность обсуждаемого гипотетического суда беспредметна (представляет собой вредную утопию). Вторая группа юристов – юснатуралисты, то есть сторонники юснатурализма (*iusnaturalism*) – явно провозглашала (или тайно, но твердо верила), что система естественного права существует, и любое позитивное право должно быть в гармонии (соответствии) с ней. Но эти юристы не могли привести (организовать) естественное право в систему, которой могут пользоваться все люди, в частности судьи (для разрешения межкультурных проблем). Юснатуралисты прошлого не смогли ничего вразумительного предпринять в связи с бесспорными фактами: во-первых, объективного *изменения конкретных* (классово-исторического) содержания поступков и условий их совершения; во-вторых, объективной *относительности* морально-правовых *оценок конкретного* (классово-исторического) содержания поступков и условий их совершения.

Отсутствие интеллектуально респектабельной реакции юснатуралистов на указанный им обширный эмпирический материал, не вызывающий сомнений, привел к тому, что все благие намерения и разговоры философствующих юристов-интеллектуалов о якобы возрожденном (на стыке XIX и XX веков) естественном праве оказались пустым звуком, не имевшим серьезных последствий ни в теории, ни на практике. Противоречащие естественному праву кровавые социалистические революции и прочие межкультурные конфликты XX века предотвратить не удалось. Да и само естественное право как таковое было попорно и предано забвению даже на уровне теории. Однако в движении философствующих юристов-интеллектуалов (на стыке XIX и XX веков) за возрождение естественного права проявилась и была особо подчеркнута (например, в трудах Р. Штаммлера) важная деталь: во-первых, естественное право есть право с *переменным содержанием* (деятельности). И, следовательно, во-вторых, естественное право есть *форма* деятельности, *отвлеченная от ее конкретного исторического содержания*. В такой интерпретации юснатурализм представляет собой некую *формальную* юриспруденцию поведения, аналогичную *формальной* логике мышления. Обе дисциплины дают некие предельно точные (и общие) формулировки правил (канонов формы) адекватной деятельности, которые должны соблюдаться всеми

(разумными существами) и являются вполне проверяемыми. Проверкой их соблюдения в случае *формальной* юриспруденции юснатурализма и должен заниматься естественно-правовой суд.

Но как (каким методом) может и должна осуществляться такая проверка? На мой взгляд, методом такой проверки является дискретная математика. В язык естественно-правовой доктрины необходимо включить специальные средства для адекватного выражения морально-правовых ценностных *переменных* и морально-правовых ценностных *функций* в строго математическом значении слов «переменная» и «функция». Система естественного права есть система вечных универсальных ценностей, а ценности суть ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных. Естественный язык (любой) для адекватного определения и систематического обсуждения в самом общем виде ценностных функций, не являющихся константами, почти непригоден: его использование для этих целей неэффективно. Для успешной работы естественно-правового суда необходимо адекватное математическое моделирование подсудных ситуаций, предполагающее систематическое использование искусственных языков и методов дискретной математики. Очевидно, что профессиональная культура и подготовка (образование) компетентных членов такого гипотетического суда существенно отличается от той, которой обладают, согласно старому государственному стандарту, типичные судьи нашего времени. Перспектива «цифрового раскола» (digital divide) между юристами в данном конкретном отношении очевидна, но в наше время новый государственный стандарт подготовки правоведов дает возможность молодому поколению юристов приспособиться к новой реальности – освоить информационно-правовые технологии с помощью современных курсов символической логики, информатики и математики, ориентированных на приложение к праву.

Н. А. Мальцева*

Обязательства из неосновательного обогащения во французском праве: исторические истоки

Вопрос об исторической правовой основе иска de in rem verso (иска из неосновательного обогащения) является одним из наиболее дискуссионных вопросов истории французского права. Был ли известен римскому праву общий принцип недопустимости неосновательного обогащения? Какие римские институты оказали влияние на современную французскую конструкцию l'enrichissement sans cause (неосновательное обогащение) и в какой степени?

Римскому юристу Помпонию принадлежит следующая знаменитая сентенция: «Согласно природе справедливо, чтобы никто не обогащался в ущерб другому лицу» – *jurae naturae aequum est, neminem cum alterius detrimento et injuria locupletiolem fieri* (*Variae lectiones*, кн. IX; эта фраза, ставшая классической, впоследствии была включенная в Дигесты Юстиниана)¹. Вопрос о ее правовом смысле по сей день вызывает многочисленные научные споры. Являлась ли данная фраза принципом, пронизывающим все римское право и санкционирующим все возможные выгоды, несправедливо полученные в ущерб другому лицу? Или это было нечто иное – выражение «юридических предпочтений», своего рода лишенное практического значения утверждение «принципа высшей справедливости»?

Утвердительный ответ на вопрос о квалификации высказывания Помпония в качестве нормы права, санкционирующей все формы неосновательного обогащения, позволил бы утверждать, что современная теория обязательств из неосновательного обогащения уже существовала в римском праве и была просто заимствована французским законодателем. Тем не менее, большинство исследователей дают отрицательный ответ на данный вопрос.

Согласно Савиньи (Savigny), слишком широкий, общий характер данного высказывания делает невозможным его непосредственное применение для разрешения конкретных юридических споров².

* **Наталья Алексеевна Мальцева** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (Франция, г. Париж).

¹ DJ.XII.VI.14.

² *Savigny F. C. System des heutigen Romischen Rechis*, T. V. 1841. P. 451.

Другие авторы, к примеру, Марсель Мосою (Marcel Mosoiu)³, отмечают, что для того, чтобы иметь возможность оценить значение данного принципа, нам нужно было бы знать конкретные обстоятельства, при которых он был сформулирован Помпонием. Лишь один текст, дошедший до наших дней, содержит данный постулат. Известно, что римские юристы уделяли больше внимания поиску справедливых решений для конкретных юридических споров, нежели созданию цельных правовых теорий. Это позволяет утверждать, что обсуждаемая сентенция («согласно природе справедливо, чтобы никто не обогащался в ущерб другому лицу») служила, скорее, для разрешения конкретного практического случая, а отнюдь не являлась правилом общего значения.

Енри, Леон и Жан Мазо (Henri, Leon et Jean Mazeaud), Франсуа Шаба (Francois Chabas) отмечают, что эта сентенция носила *моральный характер* и не носила характер нормы права⁴.

Однако нам хотелось бы подчеркнуть, что даже если данный принцип не имел универсального значения в римском праве, он все же существовал как некая идея справедливости в сфере имущественных отношений между людьми. Об этом свидетельствует тот факт, что римскому праву было известно большое количество юридических способов защиты лица, в ущерб которому кто-то неосновательно обогатился. По выражению Герота (Gerota), эти способы представляли собой «целую мозаику, состоящую из многочисленных разнородных, абсолютно не связанных между собой правовых средств, одобренных римским правом постепенно, незаметно, при отсутствии какого-либо метода»⁵ (можно назвать следующие институты: *in integrum restitutio*, иски *in factum* или иски *fictices, utilis*, виндикация, *actio rerum amotorum* и т. д.). Но при этом лишь два вида римских исков оказали *непосредственное* влияние на формирование французской теории обязательств из неосновательного обогащения – *condictiones* и *actio de in rem verso utilis*.

Начнем с *condictiones*. «Сабин одобрил для всех случаев мнение древних, считавших, что оказавшееся у кого-либо в силу неправомерного основания может быть истребовано путем кондикции; такого мнения придерживается и Цельс»⁶. Действительно, уже в доклассический период различали *condictio certae pecuniae* (иск о возврате определенной денежной суммы), *condictio certae rei* (иск о возврате определенной вещи) и *condictio incerti* (иск о возврате

³ Mosoiu M. De l'entichissement injuste. Étude de droit compare: thèse pour le doctorat. Paris, 1932. P. 21–22.

⁴ Mazeaud H., L. et J., Chabas F. Leçons de droit civil. Les obligations. T. II. Vol. 1. 8e ed., 1991. P. 693.

⁵ Gerota D. D. La théorie de l'enrichissement sans cause dans le Code civil allemande: thèse. Paris, 1925. P. 41.

⁶ D. XII. 5. 6.

другого – не определенного – обогащения), появление которой относят к классическому периоду⁷. Кондикции классифицировались не по *causa* (дело в том, что формула любой кондикции носила абстрактный характер), а по их объекту. Лишь в ходе дальнейшего развития римского права кондикция стала терять свой абстрактный характер. Юстиниан, преобразовав старую систему римских *condictiones*, закрепил в XII и XIII кн. Дигест новую классификацию, теперь построенную именно на *causa*.

Не останавливаясь подробно на отдельных видах *condictiones*, мы отметим три важных момента.

Во-первых, кондикции имели как договорную, так и внедоговорную природу. По этому подводу существует две теории. Некоторые авторы, такие как Пферш (Pfersche)⁸ и Савиньи (Savigny)⁹, считают, что истоки римского института *condictiones* лежат в *mutuum* (договор займа), правила которого распространили свое действие на случаи *datio ob causam*, уплату недолжного, а также на литеральные и вербальные контракты, где обогатившийся был обязан *ex mutuo* (как если бы он был связан договором займа) вернуть свое неосновательное обогащение. Во всех этих случаях речь шла о том, чтобы дать собственнику, утратившему возможность виндицировать, субсидиарное средство для возврата имущества (*condictio*).

Важно отметить, что на сегодняшний день рассмотренная теория утратила свою актуальность¹⁰. Ей была противопоставлена иная, согласно которой основанием кондикции является принцип справедливости, обязывающий вернуть то, чем лицо обладает без оснований и в ущерб другому лицу¹¹. Обязательство вернуть то, что было получено по *mutuum* (займу) является *лишь одним из случаев* применения данного иска. Идея о том, что необходимо вернуть все *habere sine causa* применяется в равной степени как к договорным отношениям, так и к случаям, когда имущество перешло из одной собственности в другую при отсутствии какого бы то ни было соглашения (например, *condictio furtiva* – иск о возврате того, что получено посредством кражи).

Во-вторых, кондикции применялись исключительно в случае прямого обогащения одного лица за счет другого, то есть без посредничества третьих лиц и их имущества¹².

⁷ См.: Хвостов В. М. Система римского права: Учебник. М., 1996. С. 76.

⁸ Pfersche E. Die Bereicherungsklage. Vienne, 1883. P. 22–24.

⁹ Savigny F. C. Traité de Droit romain / Trad. Guenoux. 1851–1855. P. 513–617.

¹⁰ См.: Girard P. F. Manuel élémentaire de Droit romain. Paris, 1924. P. 647.

¹¹ См.: Girard P. F. Manuel élémentaire de Droit romain. Paris. 1924. P. 647; Perniche. Marcus Antistius Labeo, Romisches Privatrecht 2. ten Jahrhundert der Kaiserzeit. 1892. III. 1. 211.

¹² D. XII. 6. 49; D. XII. 1. 32 и т. д.

И в-третьих, обстоятельства неосновательного обогащения определяли выбор конкретной *condictio*, подлежащей применению, иными словами, каждая кондикция санкционировала лишь отдельный вид неосновательного обогащения. Большинство авторов отрицают существование единого иска (как могло показаться при анализе *condictio sine causa* или *condictio ex iniusta causa*)¹³. Действительно, несмотря на то, что римскому праву было известно большое количество юридических способов защиты лица, в ущерб которому кто-то неосновательно обогатился, многочисленные случаи такого обогащения продолжали существовать в силу отсутствия общего иска.

Происхождение *actio de in rem verso* тесно связано с институтом римской семьи. Согласно римскому праву *pater familias* мог стать кредитором посредством иных членов семьи, находящихся под его властью, то есть мог обогащаться за счет договоров, заключенных его *filius familias* (подвластным сыном) или рабом. При этом превратиться в должника таким же способом он не мог. В целях разрешения сложившегося противоречия между потребностями текущей жизни и существующими принципами права претор ввел новое процессуальное средство, позволяющее третьим лицам – кредиторам – действовать в судебном порядке против *pater familias*, если он неосновательно обогатился благодаря контракту, заключенному членом его семьи или его рабом. Данное процессуальное средство, введенное претором ближе к концу Республики, получило название *actiones adjecticiae qualitatis* (иски с дополнительным назначением). В действительности, это была лишь своеобразная процессуальная «техника», позволяющая возбудить иск из договора таким способом, чтобы в интенции (содержательная часть формулы, содержащая требование истца) было указано лицо, находящееся под властью домовладыки (*in potestate*), тогда как кондеманация (часть формулы с формулировкой приговора) содержала имя *pater familias*. Иски, которые могли быть поданы таким способом, делились на две группы.

Первую группу составляли иски, проистекающие из идеи представительства (*exercitoria*, *institoria* и *actio quod jussu*). Однако наибольший интерес для нашего анализа представляет вторая группа исков, основанных на идее неосновательного обогащения: *actio de peculio* и *actio de in rem verso*. *Pater familias* в силу совершенных его сыновьями или рабами сделок извлекал для себя выгоду в

¹³ См.: *Mosoiu M.* De l'entichissement injuste. Étude de droit comparé: thèse pour le doctorat. Paris, 1932. P. 27; *Possa M.* Étude de la jurisprudence et développement de la théorie l'enrichissement sans cause: thèse pour le doctorat. Paris, 1916. P. 19.

ущерб третьим лицам. В этом случае не требовалось условие о том, чтобы подвластное лицо действовало по приказу господина (*ex jussu domini*) либо руководствовалось намерением вести его дела¹⁴.

Постепенно преторский иск *de in rem verso* распространил свое действие и на иные ситуации, в частности, на случаи, когда лицо своего права (*persona sui juris*) неосновательно обогатилось за счет договора, заключенного другим лицом своего права. Речь уже шла об иске *de in rem verso utilis* – иске, санкционирующем косвенное обогащение в конкретных практических ситуациях при отсутствии возможности предъявить иск из договора¹⁵. При этом отметим, что в эпоху юстиниановской кодификации *actio de peculio* уже утратил свое практическое значение и постепенно был забыт.

Итак, римское право, закрепляя многочисленные правовые средства, санкционирующие отдельные случаи неосновательного обогащения, не выработало *общего правила* о недопустимости неосновательного обогащения. Лишь значительно позже, в частности в рамках французского права, идея принципиальной недопустимости неосновательного обогащения за счет другого лица стала самостоятельным источником обязательств.

Итак, можем ли мы говорить о рецепции римского права во Франции в части института обязательств из неосновательного обогащения? На наш взгляд, современный французский иск *de in rem verso* обладает всеми основными чертами римского *actio de in rem verso utilis*. В число условий для предъявления французского иска из неосновательного обогащения входят два обязательных требования: (1) наличие обогащения одного лица и, как следствие, обеднения другого лица, при этом взаимосвязь между ними может носить как прямой, так и косвенный характер¹⁶, а также (2) отсутствие у потерпевшего иных средств защиты, вытекающих из контракта, деликта, квази-деликта или иных квази-контрактов (субсидиарный характер иска)¹⁷.

Институт обязательств из неосновательного обогащения прошел долгий путь развития в рамках французского права, его правовому закреплению предшествовала целая серия теорий, концепций, научных споров, в ходе которых римские правовые конструкции всегда оставались моделью правового регулирования. Из целого арсенала римских исков, санкционирующих различные случаи неосновательного обогащения, французское право выбрало *actio de in rem verso utilis* – иск, который в наибольшей степени отвечает французскому пониманию принципа справедливости.

¹⁴ D. XV. 3. 10. 10.

¹⁵ D. XVII. 2. 82.

¹⁶ Req. 4 février 1901, S. 1902. 1. 229.

¹⁷ Req. 12 mai 1914, S. 1918, 1, 41 и Req. 2 mars 1915, D. 1920, 1 102.

Гражданский кодекс Франции и Свод законов Российской Империи: общее и особенное в регламентации сервитутов

Сервитуты являются одним из интереснейших правовых институтов, известных на протяжении многих веков, но тем не менее остающихся не до конца выясненных с точки зрения сущностных и содержательных характеристик. Естественно, что сервитуты были и остаются известными как французскому, так и российскому праву, хотя в недавний период правового развития России советская юридическая доктрина отрицала наличие сервитутов в социалистическом праве в связи с провозглашением отказа от частной собственности и даже от деления вещей на движимые и недвижимые.

Показательно, что при сравнении законодательных норм о сервитутах России XIX века с зарубежным законодательством мы обнаружим явное количественное несоответствие. Например, во французском кодексе более ста статей посвящены сервитутам, в то время как российский Свод законов содержит их в несколько раз меньше, хотя опыт Франции был, безусловно, известен и оказал влияние на содержание российского законодательства.

Попытки соединить в российском законодательстве и национальные традиции, и зарубежный опыт привели к определенным противоречиям. Одной из сложных проблем, обсуждавшихся дореволюционными цивилистами, являлось соотношение прав участия и сервитутов (угодий). Первые подразделялись на право участия общего, то есть оно возникает для всех субъектов, и право участия частного, которое возникает в пользу определенного лица. Это признавалось прямым заимствованием из ФГК деления на публичные и частные сервитуты. Однако не было единой позиции по этому вопросу. Часть ученых ставили знак равенства между этими понятиями, другие видели в правах участия не сервитуты, а законные ограничения прав собственника в отношении соседей либо неопределенного круга лиц, третьи занимали промежуточную позицию. Особое распространение получила вторая точка зрения, поскольку,

* Александр Юрьевич Маракулин – ст. преподаватель кафедры частного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

по мнению ее сторонников, собственник земельного участка не может использовать в своем интересе имущество соседа, а лишь получает законную возможность защищать свой интерес от посягательства другого лица.

Если провести сравнение российского и французского законодательства, то мы обнаружим, что в последнем ограничения, подобные праву участия частного, прямо определены как сервитуты, и нормы кодекса помещены в соответствующий раздел [См.: 1]. При этом, видимо, необходимо учитывать, что классификация сервитутов наряду с иными основаниями предполагает их деление на положительные, предполагающие именно использование чужой вещи, и отрицательные, позволяющие требовать от собственника обремененного участка воздержаться от каких-то действий. Предложение учитывать при разграничении права участия частного и сервитута разные основания их установления, а именно закон и договор, также не учитывает деление сервитутов на легальные и договорные.

В последующем, при разработке нового Ветчинного устава на рубеже XIX–XX веков была предложена конструкция права участия частного, по которой соседи могли договориться об отмене ограничений по закону в пользу одного из них, что рассматривалось именно как сервитут. Однако в связи с революцией 1917 года этот документ так и не вступил в силу.

Право участия общего также не рассматривалось некоторыми как сервитут, хотя в этом случае обладатели данного права могли пользоваться чужой землей для проезда или в силу установленного положения о бечевнике при водном сообщении. При этом, если французский кодекс определяет обязанности собственника земли, по которой проходит дорога, ее ремонт как сервитут, в России это рассматривалось как особая повинность, не носящая частноправовой характер. Конечно, в такой ситуации мы сталкиваемся с властными установлениями, но это не отменяет гражданско-правовую сущность отношений. Кроме того, неизбежно возникает проблема, связанная с характеристикой законодательной техники. Либо нужно признать, что цивилистическая наука в конкретный термин вкладывает разное содержание, либо считать, что законодатель смешал в одном понятии совершенно разные правовые явления.

При сравнении сервитутов в российском и французском праве необходимо сопоставить основания возникновения и прекращения сервитута. В обеих странах одинаково признавалось возникновение прав в силу закона и в силу договора. При этом в России строго требовалось нотариальное оформление соглашения об обременении земельных участков. По-разному решался в законодательстве вопрос о приобретательной давности. Во Франции истечение 30 лет

позволяло говорить о возникновении сервитута, но лишь в том случае, если он был непрерывным и явным, в то время как в России срок почти не учитывался. Заинтересованное лицо могло ссылаться на то, что сервитут существует с незапамятных времен, приводя в доказательство не свидетельские показания, а только официальные документы. Возникновение новых по давности не допускалось за исключением случаев, предусмотренных для отдельных территорий, где устанавливался 10-летний срок относительно водных сервитутов. Также во Франции сервитут мог устанавливаться по отцовскому распоряжению, если он разделил свое имущество, в России же подобное не предусматривалось.

Основанием для прекращения сервитута являлись гибель вещи, совпадение в одном лице собственника господствующего и служащего участка, истечение срока давности, смерть лица при личных сервитутах. Однако ФГК допускает восстановление сервитута, если появляется возможность вновь использовать право, кроме тех случаев, когда срок истек. По поводу срока давности постановления российского и французского законодательства различались. В России сервитуарий терял свое право, если не пользовался им в течение 10 лет, а во Франции срок устанавливался в 30 лет. Кроме того, ФГК определяет, что если правом пользуется несколько лиц, то действия хотя бы одного погашают срок для всех остальных. Также если хотя бы один из сервитуариев является несовершеннолетним, срок не действует и в отношении него, и в отношении других. В России дополнительными основаниями являлись соглашение соседей или оформленный отказ от сервитута, а также прекращение права въезда в казенные леса путем выдела лесного участка.

Интересно расхождение в законодательстве при определении разновидностей сервитутов. В России в большей степени перечисляются отдельные виды, при чем сохранилось упоминание о специфических, нетрадиционных сервитутах: бортные ухажья, бобровые гоны, звериная охота и рыбная ловля, а во Франции наряду с этим установлено деление на городские и сельские, явные и неявные, непрерывные и осуществляемые с перерывами. Кроме того, во Франции в отдельный титул выделены положения об узуфрукте, пользовании и проживании. В России аналогом узуфрукта являлось пользование или пожизненное владение, но нормы о нем носили разрозненный характер, а пожизненное проживание вообще не упоминалось в законе, хотя и имело распространение на практике.

Еще одной особенностью российского права является проблема платы сервитуария за пользование чужим имуществом. В Своде законов такое положение отсутствовало, но зато в проекте Вотчинного устава, который так и не вступил в силу, предусмат-

ривалась возможность взимания вознаграждения [См.: 2]. Французский Кодекс также содержит нормы о выплатах, но лишь в тех случаях, когда собственнику служащего участка причинялся ущерб. Положения о соразмерной плате за пользование участком земли закреплено и в ныне действующем Гражданском кодексе РФ (Ст. 274). Но в подобном случае сервитут, по сути, приобретает обязательственный, а не вещный характер.

Подводя итог, можно сказать, что в России нормативные положения о сервитутах не получили достаточной проработки, хотя и заимствовался зарубежный опыт. Неизбежный отпечаток накладывали национальные традиции и конкретно-исторические особенности.

Литература

1. Гражданский кодекс Франции. Ст. 640.
2. Проект Вотчинного Устава с пояснительной к нему запискою. СПб., 1893. С. 175.

Типология уголовного процесса как элемент межкультурного взаимодействия в праве

Процесс взаимовлияния и взаимопроникновения национальных правовых систем носит естественный и неизбежный характер. Он является следствием культурного диалога, который страны мира вели и ведут в ходе исторического развития. Этот процесс в юридической науке может происходить как стихийно, так и организованно в рамках политики правовой интеграции. Причины осуществления данной политики: необходимость обеспечения опережающего развития своей собственной страны, соответствие требованиям «глобального» мира, сотрудничество с другими государствами для решения сходных или общих проблем. Перед государством встает задача модернизации собственной правовой системы и выбора соответствующего способа.

История знает два таких способа: заимствование отдельных элементов другой правовой системы (фрагментарная юридическая аккультурация) и заимствование идеи права (тотальная юридическая аккультурация). В первом случае подразумевается межкультурное взаимодействие, сопровождающееся заимствованием и адаптацией правовых образцов других стран. Во втором – коренная ломка составляющих правовой жизни общества в целом, способствующая либо обогащению, либо разрушению. Последнее происходит при отторжении национального права, но и неприживании чужого.

Российское государство несколько раз на протяжении своего многовекового развития использовало рецепцию для модернизации права. В конце XX века Россия в очередной раз оказалась перед необходимостью реформирования национальной правовой системы с учетом западного правового опыта и постсоциалистической модернизации. На данный момент условия реформ принципиально иные. Международное право все больше превращается в инструмент глобализации, транснациональные интересы выходят на

* *Александр Михайлович Марков* – аспирант кафедры частного права Гуманитарного ун-та, юрист ООО «ИнФин–Аудит» (г. Екатеринбург).

передний план, и правовая политика ведущих стран становится все более интернациональной.

Правовая система любой страны есть результат ее исторического развития, своего рода культурно-исторический феномен. Необходимо учитывать не только правовое прошлое, но и настоящее, относится к нему как к правовому наследию, в том числе с учетом западного опыта и специфики национального менталитета.

В указанном контексте представляется важным сравнение типологии российского уголовного процесса с процессами ведущих западных стран.

Уголовное судопроизводство в Англии, Франции, Германии и России представляет конкретное состояние действующей правовой системы, сложившееся в результате длительной историко-правовой эволюции. Традиционно в качестве типичных сходств и различий выделяются: наличие или отсутствие кодификации, целеполагание (цель и задачи), господство закона над прецедентом или прецедента над законом, использование следственного или состязательного метода, преобладание публично-правовых или частноправовых интересов.

Уголовное судопроизводство Германии и Франции относят к континентально-правовому (романо-германскому типу); уголовный процесс США и Англии и Уэльса – к англосаксонскому (англо-американскому) типу. Российское уголовное судопроизводство всегда рассматривалось как относящееся к романо-германскому типу.

По своему типу уголовный процесс России близок к французскому и германскому. Еще в 1864 году, после судебной реформы, российский уголовный процесс сформировался под влиянием того, что существовал в странах континентальной Европы, где большое влияние имело французское уголовно-процессуальное право образца Кодекса уголовного расследования 1808 года, утвержденного Наполеоном I. Особенности современного уголовного процесса Франции являются: наличие кодифицированного закона (УПК Франции 1958 г.), опирающегося на конституционные нормы; предварительное расследование, сохранившее свою следственно-розыскную природу, в то время как в судебном разбирательстве более сильна состязательность; формализованное предварительное производство, состоящее из трех частей: дознание, возбуждение уголовного преследования и предварительное следствие; разделение органов предварительного следствия на органы первой инстанции (следственные судьи, осуществляющие свою деятельность единолично) и второй инстанции (следственные камеры, осуществляющие деятельность коллегиально); значительные дискреционные полномочия у председательствующих в судебном заседании; отделение судебного следствия и прения сторон друг от друга; существование

кассации как формы пересмотра судебных решений по вопросам права и ревизии как возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам; наличие у упрощенного производства форм немедленного привода (доставления нарушителя в суд сразу для разбирательства дела) или непосредственного вызова в суд (вызов на судебное разбирательство без предварительного расследования).

Особенностями германского (немецкого) уголовного процесса являются: основной источник (УПК 1877 г.); существование формального предварительного расследования, без четкого деления его на этапы, без предварительного следствия и судебного следователя; осуществление судебного контроля на предварительном расследовании; широкое использование суда шэффенов (народных заседателей, решающих вопросы совместно с профессиональным судьей); выделение предания суду в самостоятельную стадию судебного производства; осуществление упрощенного производства в форме судебного приказа о наказании. Как и для французского, характерны значительные дискреционные полномочия председателя судебного заседания и наличие кассации.

Также нельзя не отметить наличие у российского уголовного процесса некоторых черт, напоминающих о влиянии англо-американского судопроизводства, например введение суда присяжных, ограничение следственной активности профессионального судьи, увеличение процессуальных возможностей сторон и ряд других изменений.

В УПК РФ судопроизводство заявлено как состязательное. Однако тип нынешнего российского уголовного процесса можно определить как публично-следственный, хотя он испытывает на себе заметное влияние отдельных розыскных и частно-состязательных признаков. Для современного российского уголовного процесса характерны: сохранение следственно-розыскной природы предварительного расследования, объединение в руках следователя (дознателя), прокурора процессуальных функций обвинения, защиты и принятия решения; предоставление гарантий обвиняемому (подозреваемому) по защите своих прав и интересов, заметное возрастание роли защитника, связанное с широким судебным контролем над органами предварительного контроля, судом присяжных, правилами недопустимости доказательств, предоставлением роли их самостоятельного собирания, что дает основания для именованного судопроизводства как следственного.

В. А. Муравский*

Мультикультурность как свойство права

Мультикультурность является основным свойством права, последнее можно назвать монокультурным феноменом только для определенных, ограниченных (учебных, политических, идеологических, прикладных) целей. Мультикультурность есть таковой же существенный признак права, как и его общеобязательность, то и другое – различные стороны права, выражающие его неоднородность и многогранный характер. И естественно, что они проявляются при применении различных методов исследования правовой материи.

Мультикультурность права заключается в его неоднородности, правовая система любого государства включает в себя чужеродные по происхождению и содержанию правовые явления – нормы права. Чужеродность не распространяется на формы (источники) права, которые относятся к числу органических элементов правовой системы государства, благодаря чему, собственно, право и получает мультикультурный характер, в противном случае мы бы просто имели дело с мультикультурностью социума, но не его права.

С одной стороны, право принадлежит к числу монокультурных явлений, основной целью права является обеспечение универсального, публичного порядка отношений, абстрагирующегося от экономических, социальных, племенных, религиозных и иных интересов. Если в праве фиксируются какие-либо привилегии определенных классов и социальных групп, то они носят общеобязательный характер и должны обеспечиваться всеми членами общества. Лучшим средством выражения универсальности права является нормативно-правовой акт, облеченный в письменную форму.

Мультикультурность привносится в право в процессе применения закона и обнаруживается при изучении феномена актуального, то есть фактического, реального права. Представление об актуальном праве дает возможность отказаться от фикций, как явлений, которые не существуют в реальных отношениях, но представлены в виде правовых конструкций, и в первую очередь от фикции государства. В конкретных правоотношениях участвуют только люди, независимо от того, выступают они в качестве част-

* **Виктор Андреевич Муравский** – канд. юр. наук, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ных лиц или представителей каких-либо общностей. При определенных обстоятельствах, которые возникают не так уж и редко, поведение людей как субъектов правоотношений определяется главным образом разделяемыми ими ценностями, а культура, как гласит наиболее часто употребляемое ее определение, и есть совокупность фундаментальных материальных и духовных ценностей, выступающих в качестве средства индивидуальной и групповой идентификации людей¹. Можно сказать, что мультикультурность права выражает автономию личности, своеобразие и уникальность каждого человека, его право на свободу в рамках социума. Поэтому нельзя назвать ни одного государства, в котором актуальное право было бы лишено признака мультикультурности.

Разумеется, мультикультурность как сосуществование юридических норм, закрепляющих чужеродные ценности, может возникать и в позитивном праве, то есть в содержании нормативно-правовых актов, например, из-за принятия неконституционных законов, либо вследствие несоответствия законодательства субъектов Федерации федеративным нормам, либо благодаря правотворчеству корпораций или органов местного самоуправления, не учитывающему нормы закона. Эти проявления мультикультурного характера права не рассматриваются в данной статье, поскольку носят случайный характер, они созданы субъектами правотворческой деятельности и не выражают существенных свойств права, они субъективны, так как представляют собой нарушение основных принципов права и преодолеваются при помощи средств конституционного или судебного контроля. Но если же вследствие сопротивления социальных групп этого не происходит, то мультикультурный характер права становится элементом правоприменительной практики и его существенным признаком.

Исторически первым проявлением мультикультурного характера права было изъятие этнических групп из правопорядка государства. Например, в Древнем Риме в архаический период развития частного права, в силу национального характера римского права, оно не распространялось на иностранцев (палатинцев), которые вынуждены были в своих общинах жить по национальному праву. В Спарте ретра Ликурга устанавливала нормы поведения главным образом для представителей высшего сословия полноправных спартиатов, и потому неполноправные илоты и периэки были собственниками имущества, занимались ремеслом и торговлей, заключали браки по своему праву. Помимо вышеуказанного типа

¹ См.: Волкова Т. П. Философская концепция Другого в контексте формирования мультикультурного общества // Вестник МГТУ. Т. 11. 2008. № 1. С. 85.

мультикультурности права (существование чужеродной части в целом) в истории права встречается и другой – сосуществование разнородных частей целого. Так, во Франкском государстве после утверждения Салического закона (*Lex Salica*) сосуществовало несколько правовых подсистем: римско-галльская, франкская и созданная представителями других германских племен.

В средневековых государствах мультикультурность становится основным принципом права и придает ему партикулярный характер. В странах Западной Европы представители каждого сословия (а число их было весьма значительным, всего, в зависимости от рода занятий, места жительства, отношения к религии и к дворцовой службе, состояния в браке, обладания замком и т. д., насчитывалось до 12 сословий) должны были существовать в соответствии с внутрисословными нормами, имеющими юридический характер и создаваемыми по большей части не централизованно, а в процессе внутри- и межсословного общения.

В Новое и новейшее время в связи с формированием наций, признанием равноправия индивидов и повышением роли закона, особенно в странах континентальной системы права, значительно ограничивается круг условий, способствующих проявлению мультикультурного характера права, но это отнюдь не означает, что право утрачивает данное свойство. Мультикультурность права сохраняется в тех государствах, в которых существует разрыв между уровнем культуры общества в целом и отдельных этнических групп. Это обстоятельство в настоящее время нашло признание на международно-правовом уровне. Статья 8 Конвенции о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах от 7 июня 1989 года закрепляет право коренных народов сохранять собственные обычаи и институты, если они не противоречат основным правам человека. Статья 9 этой Конвенции подчеркивает, что при рассмотрении правонарушений, совершаемых представителями соответствующих народов, проявляется уважение к методам, традиционно практикуемым соответствующими народами, при рассмотрении уголовных дел судами и органами государства принимаются во внимание обычаи этих народов.

Кроме того, феномен мультикультурности права в значительной мере обуславливается наличием в развитых странах этнических сообществ иммигрантов, где существование общинного субправа или его фрагментов обусловлено, помимо прочего, и религиозными различиями. Мультикультурный характер право приобретает из-за особого отношения к закону членов асоциальных или профессиональных групп. Так, вследствие сплоченности мафиозных образований (профессиональных преступных группировок) или чиновников игнорируются нормы закона и создаются особые правовые зоны,

в которых не действует официальное право. В настоящее время возможно и существование регионального права. Если в России в целом на законодательном уровне не урегулирован вопрос о преподавании в школах основ религиозного мировоззрения, то в Чеченской республике в 5–11 классах осуществляется преподавание ислама.

Право приобретает мультикультуральный характер вследствие того, что происходят изменения как содержания, так и формы права. Изменение содержания права заключается в том, что происходит модификация или отмена нормы закона благодаря появлению подсистемы права или отдельных правовых норм. Может происходить и изъятие членов определенной, например, преступной, группы из сферы действия правовых норм. Их взаимоотношения становятся непроницаемыми для права государства, но регулируются нормами, которые никем не признаны в качестве правовых (феномен «черной дыры»). Изменения формы права сводятся к тому, что при появлении групповых юридических норм актуального права создается новый, до сих пор не существовавший источник права – правовой обычай или обычай применения закона. Однако его новизна не имеет культурологического значения, ибо он соответствует требованиям, предъявляемым в данном обществе к источникам права, и в этом отношении ничем от них не отличается.

Создаваемые социальной группой нормы, выражающие чужеродные ценности, становятся правовыми только потому, что они признаются государством. Это признание осуществляется двумя способами – явным и молчаливым. Явно выраженное признание происходит посредством нормативно-правового (внутригосударственного или международного) или индивидуально-правового (судебного решения) акта. Молчаливое признание является подразумеваемым и существует благодаря тому, что органы государства допускают существование в сфере права неофициальных норм социальной группы, выражающих иные ценности.

А. А. Нелюбина*

Проблемы межкультурного взаимодействия на примере института мировых судей

Мировая юстиция появлялась в истории отечественного государства и права дважды: в 1864 и в 1996 годах. (Последняя дата связана с принятием Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», статья 28 которого на законодательном уровне предусмотрела учреждение мировых судей в судебной системе России.)

Начиная с 1864 года и в последующие годы, вплоть до 1917, была создана уникальная модель мировых судебных учреждений, представлявшая собой относительно обособленную систему местных судов. При ее формировании – и это общеизвестно – учитывался опыт организации и деятельности мировых судов в европейских государствах.

Современный нам период становления мировой юстиции еще не завершен. На данный момент последней попыткой оптимизации деятельности мировых судей следует считать внесение в 2008 году изменений в гражданское процессуальное законодательство в части подсудности гражданских дел мировым судьям.

При воссоздании института мировых судей достаточно четко прослеживается внешняя историческая преемственность. Однако, в сущности, мировые судьи Российской Федерации имеют мало общего с мировыми судебными учреждениями Российской Империи.

Мировые судьи дореволюционного периода, во-первых, были выборными. По общему правилу, имевшему, правда, множество исключений, выборы мировых судей осуществлялись земскими собраниями и городскими думами. Во-вторых, в их деятельности имелась выраженная направленность на примирение сторон, обеспеченная соответствующими процессуальными процедурами. Так, мировой судья, согласно уставу гражданского судопроизводства, мог перейти к рассмотрению дела по существу, только если считал, что все возможности для примирения сторон исчерпаны. Более того, при рассмотрении дел мировой судья мог руководст-

* *Анна Александровна Нелюбина* – канд. юр. наук, доцент кафедры прокурорской деятельности УрГЮА (г. Екатеринбург).

воваться местными обычаями, однако это правило фактически ограничивалось апелляционным, а главным образом кассационным производством, поскольку вышестоящие судебные инстанции основывали свои акты на положениях закона. В-третьих, у мировых судей существовали особые упрощенные и сокращенные процедуры рассмотрения дел по сравнению с процессуальными правилами, действующими для общих судебных мест.

Названные особенности, конечно, не являются исчерпывающими, но представляются наиболее значимыми, предопределившими сущность мировой юстиции России второй половины XIX – начала XX веков. Аналогичные признаки в той или иной степени присущи и мировым судам зарубежных государств. Между тем, ни один из них не свойствен мировым судьям современной России, которых по этой причине правильнее относить к участковым, а не мировым судьям.

Что касается вопроса о необходимости заимствования указанных особенностей, то, думается, российское общество наиболее остро нуждается не в выборном судье – примирителе, а в наличии упрощенной процессуальной формы (для более оперативного и менее затратного по сравнению с общим порядком) рассмотрения несложных судебных дел. Именно такой признак, как наличие специальных упрощенных правил судопроизводства, на сегодняшний день является, на наш взгляд, критерием отграничения мировой юстиции от других типов местных судов.

Однако таких специальных правил рассмотрения судебных дел мировыми судьями законом не предусмотрено. В гражданском процессе существует институт судебного приказа, но сфера его применения ограничена статьей 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, где закреплен закрытый перечень требований, по которым может быть выдан судебный приказ.

Между тем необходимость упрощения судопроизводства у мировых судей, очевидно, осознавалась законодателями, о чем свидетельствует пункт 1 статьи 154 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, сокращающий срок рассмотрения и разрешения гражданских дел мировыми судьями с двух месяцев, принятых в других судах общей юрисдикции, до одного.

Поэтому следующим шагом к совершенствованию деятельности мировых судей должно быть введение процессуальных средств, обеспечивающих соблюдение столь коротких сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел. К таким процессуальным средствам можно отнести сокращение стадий судопроизводства или отдельных процессуальных действий, совершаемых участниками судопроизводства. Например, можно наделить мирового судью правом переходить сразу же к рассмотрению дела по су-

ществу при условии явки сторон в суд на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Кроме того, по несложным гражданским делам допустимо вынесение решения без описательно-мотивировочной части с согласия сторон и при отсутствии их обращений в вышестоящие суды о пересмотре или отмене указанного решения.

Для соблюдения процессуальных сроков необходимо осуществление и организационных мер, направленных на обеспечение своевременной доставки судебных извещений и на повышение ответственности участников судопроизводства за неявку в суд и злоупотребление процессуальными правами.

При этом следует высказаться против восстановления в прежнем (дореволюционном) объеме примирительной функции мировой юстиции. Представляется, что для решения задачи скорого и справедливого рассмотрения дел достаточно имеющихся в действующем законодательстве мер. Имеется в виду закрепление в статье 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации примирения сторон в качестве одной из задач подготовки гражданского дела к судебному разбирательству.

Таким образом, можно сделать вывод, что заимствование института мировых судей как из собственного исторического, так и зарубежного опыта, к сожалению, проводится лишь по внешним признакам (территориальное приближение к населению, участковый принцип организации, наименование звена судебной системы, попытка вычлнить простые судебные дела по количественным, таким как цена иска, а не по качественным критериям). При этом наиболее яркие и значимые функциональные особенности (упрощенная процессуальная форма) остаются без должного внимания и не получают востребованного обществом уровня развития в действующем законодательстве.

Виды мониторинга правотворчества

Мониторинг правотворчества в Российской Федерации – достаточно многообразное правовое явление, требующее проведения подробной классификации. Так, Ю. А. Тихомиров выделял следующие виды мониторинга: комплексный и отраслевой мониторинг; мониторинг федеральный, региональный, муниципальный; постоянный, временный, чрезвычайный мониторинг¹. Подобного подхода к классификации, очевидно, придерживается и О. Ю. Еремина².

Классификацию целесообразно проводить по различным основаниям. Первое и достаточно важное основание – это разграничение по уровням, на которых осуществляется мониторинг, которыми мы и ограничимся в данной работе. Конституционное закрепление принципа федерализма, а также принципов организации местного самоуправления вызвало рост регионального и муниципального законодательства и процесса правотворчества. Развитие правотворчества на разных уровнях способствовало появлению большого количества проблем, включая противоречия в регулировании, возникновение пробелов и фрагментарности. Таким образом, исследуя мониторинг по уровням, можно выделить следующие его виды:

- **Федеральный, осуществляемый на федеральном уровне.** Особо важен, поскольку именно на федеральном уровне происходит основная работа по систематизации полученных данных, по разработке и принятию управленческих решений, по контролю над выполнением поставленных задач. Сложность представляет огромный массив нормативных актов.

- **Региональный, осуществляемый на уровне субъектов федерации.** На данный момент, в результате длительного развития регионального нормотворчества в отрыве от федерального, имеется большое количество противоречащих друг другу законов. Нередко

* *Александр Андреевич Озеров* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та, начальник юридического отдела ООО «ПСВ» (г. Екатеринбург).

¹ *Тихомиров Ю. А.* О мониторинге закона // Президентский контроль. 2004. № 8. С. 27–33; *Он же.* Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3. С. 3–6.

² *Еремина О. Ю.* О правовом мониторинге // Журнал российского права. 2006. № 3.

© А. А. Озеров, 2009

они не просто противоречат законам своего или более высокого уровня, но и являются незаконными, принятыми с выходом за пределы полномочий региональной законотворческой ветви власти, например: введение межрегиональных барьеров на ввоз или вывоз товаров; введение межрегиональных барьеров на перемещение рабочей силы; введение не предусмотренных федеральным законодательством (Налоговым кодексом РФ) региональных и местных налогов и сборов; незаконное регулирование цен и торговых надбавок.

- **Муниципальный, осуществляемый органами местного самоуправления³.** Одной из основных проблем здесь является частое отсутствие квалифицированных работников. Нередки ситуации, когда в небольших муниципальных образованиях не только нет юридически образованных должностных лиц, но и фактически отсутствует какое-либо представление о технике принятия нормативных актов. Также нередко отсутствуют работники, имеющие иное образование, которое необходимо для принятия мотивированного нормативного акта. Результатом является спонтанное нормотворчество, нагромождение недействующих актов, противоречие нормативным актам на более высоком уровне. Эти виды мониторинга имеют существенные различия не только в технологии организации и проведения, но и с точки зрения представления и распространения результатов, способов принятия и реализации управленческих решений по их результатам.

Подобной классификации придерживается и Я. Е. Наконечный⁴, дополнительно к указанным видам он добавляет корпоративный мониторинг. Предполагается, что данный вид мониторинга, скорее, относится к системе органов исполнительной власти. Тем не менее, данная точка зрения имеет право на существование.

Следует отметить в заключение, что рассмотрение видов мониторинга – это один из важнейших вопросов в теории права, так как он выводит непосредственно на методы, средства и инструментарий мониторинговой деятельности, приводящие в итоге к совершенствованию как правотворческой, так и правореализационной деятельности.

³ См. подробнее мою статью: *Озеров А. А.* Мониторинг в правотворчестве // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2007. С. 208.

⁴ *Наконечный Я. Е.* Мониторинг в правотворчестве (проблемы теории и практики): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. 2008. С. 15.

К вопросу о понятии возмещения «ущерба» в межкультурном взаимодействии в праве

Вопрос о возмещении ущерба всегда был актуальным в практическом аспекте и вызывал подчас самые дискуссионные полемики в его теоретическом толковании.

Ни для кого не секрет, что такой принцип, как соразмерность возмещения ущерба, в большей степени соотносится с идеей справедливости, которая обычно используется в двух различных значениях: 1) Последовательное осуществление действующего права и борьба против всякого произвольного нарушения права; 2) Идеальный элемент всякого права, «идея», которой служат.

Принцип полного возмещения ущерба является стержневым, и его отражение в действующем российском законодательстве является индикатором интеграционных процессов (на примере части 4 ГК РФ касательно товарных знаков и восстановительного принципа компенсации убытков). Данный принцип можно проследить в ретроспективе. Появление права в Риме во многом обусловило правовое сознание людей касательно того, кому, сколько и за что возмещать. На начальной ступени превалировало «право сильного». Поэтому основной аспект хочется сделать на постреволюционное законодательство. Необходимо отметить, что еще в ГК РСФСР 1922 г. такой принцип имел место. Так, в ст. 403, 404 ГК РСФСР указывалось об ответственности за причиненный вред. В этом смысле закон того времени имел в виду возмещение всех причиненных убытков, возмещение вреда в полном объеме.

Дальнейшее развитие принцип полного возмещения вреда получил в Основах гражданского законодательства. Так, в ст. 88 написано, что вред, причиненный личности (имуществу), подлежит возмещению в полном объеме. Именно развитие данный принцип здесь получил в связи с исключением дополнительного возмещения вреда (связанного с пенсионным обеспечением и возмещением вреда за утрату трудоспособности).

* *Артём Валерьевич Павлов* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Что характерно, правила возмещения вреда того периода были связаны с четким перечнем оснований для его возмещения (например, увечье на рабочем месте; увечье несовершеннолетних и т. д.).

Таким образом, полное возмещение вреда на тот период – это восстановление того состояния, которое имело или могло иметь лицо, если бы вред не был причинен. Представляется, что понятия «вред» и «ущерб» на тот период не были должным образом разграничены, так как вред признавался лишь имущественного характера или от увечий.

Очевидно, что отсутствие детальной теоретической разработки понятий «ущерб», «вред» сказалось на кодификации закона.

Современное гражданское законодательство оперирует понятиями убытки (как способ защиты гражданских прав) и вред (как основание возникновения обязательства). Необходимо их разграничить.

В словаре русского языка С. И. Ожегова даны следующие определения: «Убытки – это потеря, ущерб, урон. Убытки можно терпеть или нести. Возместить убытки. Продать без убытка. Быть в убытке. Себе в убыток; ущерб – это потеря, убыток, урон». Ущерб также сочетается с глаголами причинить, нанести, терпеть (например, курить в ущерб здоровью, действовать в ущерб другим). Такая терминологическая пестрота говорит о том, что обеим категориям присущи понятия «потеря» и «урон».

Для определения понятия «вред» в словаре также используется термин «ущерб».

«Вред – это ущерб, порча. Причинить вред. Вред здоровью. Ни вреда, ни пользы. Действовать во вред делу, во вред себе». Категория «вред» определяется не через категорию «убытки», а через категорию «ущерба». В юридической литературе по этому вопросу высказаны различные точки зрения.

В Германском гражданском уложении четко перечислены основания по возмещению ущерба (убытков) и по возмещению вреда. Да, в ГК РФ тоже закреплена, тоже предусмотрена ответственность за причинение вреда, но у нас возмещение имеет целью восстановление предшествующего состояния, а в ст. 249 ГГУ – еще и возмещение, помимо предшествовавшего состояния, соответствующей денежной суммы (компенсационный принцип).

Таким образом, экономико-правовой аспект понятий «ущерб», «убытки», «вред» является дискуссионным в национальном праве, при проведении сравнительно-правовых исследований.

Институт ответственности за вред, причиненный товарами ненадлежащего качества, как элемент межкультурного взаимодействия в праве

С древнейших времен общество и законодатель были заинтересованы в справедливом разрешении конфликта, возникшего между сторонами обязательства (будь то деликтные обязательства или обязательства из договора). Данный спор берет начало в римском праве, в дальнейшем получил свое освещение как в романо-германской правовой системе, так и в англосаксонской. Вопрос ответственности за вред, причиненный товаром ненадлежащего качества, частично освещался древнеримскими юристами (ответственность за проданную вещь), после чего, с формированием двух основных правовых систем, данный вопрос получил новое, несколько отличное толкование. В том числе это обусловлено различиями культур, которые пришли к практически идентичному результату разными путями. Рассмотрим межкультурное взаимодействие в праве на примере ответственности за вред, причиненный товарами ненадлежащего качества. Проследим развитие данного института, его эволюцию. Что может в полной мере выразить его значимость как структурного элемента межкультурного взаимодействия в праве, обусловленную необходимостью восприятия межкультурного опыта для создания благоприятной почвы для решения проблем.

В римском праве данный вопрос освещен наиболее ярко, на примере ответственности продавца за недостатки проданной вещи. Ответственность продавца за надлежащее качество проданной вещи развивалась постепенно, причем наряду с правилами, которые регулировали этот вопрос в отношении общегражданских договоров купли-продажи, в римском праве сложилась еще особая дополнительная система норм, определявших ответственность продавца за пороки и недостатки рабов и скота, продававшихся на рынках.

По законам XII таблиц достаточно было предоставить вещь не с такими качествами, какие были прямо обещаны, чтобы про-

* **Василий Викторович Песнохоров** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

давец понес штрафную ответственность в двойном размере. Если же вещь имела обещанные при продаже свойства, продавец считался исполнившим свою обязанность. Этот принцип ответственности лишь за то, что было прямо обещано, весьма характерен для гражданского римского права в течение ряда столетий.

Расширение ответственности продавца за недостатки вещи произошло в практике курульных эдилов, регулировавших торговлю на рынках и базарах, и лишь в классическую эпоху из основной области применения эдикта курульных эдилов (торговля на рынках и базарах) расширенная ответственность была распространена и на общегражданские договоры продажи.

По гражданскому праву продавец отвечает за свои заявления и обещания. Эти два понятия разграничиваются в источниках так: простое заявление, когда имеется только простой разговор (но имевший серьезное значение); прямое обещание, оформлявшееся иногда в форме стипуляции. Но ответственность продавца имела место только при условии, если заявления и обещания делались с целью установления ответственности, но не были простым расхваливанием товара, с которым нельзя связывать принятие продавцом на себя ответственности (в целях простой рекомендации продаваемой вещи).

Таким образом, по гражданскому праву продавец несет ответственность перед покупателем, если он прямо обещал, что вещь имеет такие-то положительные качества, а их не оказалось, или что вещь не страдает такими-то недостатками, а они имеются в вещи.

Древнеримское право отождествляет понятия продавец и производитель, подразумевая одно и то же лицо, это некоторым образом размывает границы об ответственном за некачественный товар.

Следует сказать и о положении вещей в области ответственности за вред в римском праве, что, хотя теоретических положений о защите покупателя (потребителя) из римских текстов можно извлечь немного, римские источники богаты казусами, свидетельствующими о внимании римских юристов к этой проблеме.

Несколько иначе регулируется вопрос в странах англосаксонской и романо-германской правовых систем.

Традиционно в англо-американском праве регулирование этого вида ответственности строилось на нормах договорного права о прямых и подразумеваемых гарантиях. Для новой доктрины ответственности была характерна устойчивая тенденция к отказу от одного из основных принципов договорного права, а именно принципа «договорной связи», применение которого резко ограничивало возможности защиты интересов потребителя недоброкачественной продукции, поскольку исключалось предъявление иска о возме-

щении ущерба непосредственно к производителю продукции, которой причинен вред.

Причины, скорее всего, заключаются в том, что этот подход был истолкован не только как принцип, подчеркивающий замкнутый характер договорных отношений, но и был неправильно понят как исключающий ответственность производителя или продавца перед непосредственным потребителем или пользователем за ущерб, причиненный отсутствием должной заботливости производителя о своей продукции. Но в разное время высказывались и другие мнения. Среди них можно упомянуть и такое: американские суды проводили политику, направленную на обеспечение интересов предпринимателей, охраняя их от расходов, которые могли бы возникнуть в связи с предъявлением к ним исков и возмещением убытков.

Первые атаки на принцип «договорной связи», препятствовавший осуществлению права потерпевшего потребителя обратиться к производителю продукции с требованием о возмещении ущерба в случаях, когда между ними был посредник или потерпевший не являлся потребителем в узком смысле (то есть сам не приобрел вещь), имели место в судебной практике не в отношении отдельного вида юридических отношений, а были связаны с особым видом товара – пищевыми продуктами. Как отмечали многие авторы, здесь решающую роль играли соображения «публичного порядка» об охране жизни и здоровья, и суды не слишком заботились о правовой аргументации, которая нейтрализовала бы действие принципа «договорной связи».

Согласно выработанным принципам, потребитель, понесший ущерб в связи с использованием недоброкачественного товара, который не соответствовал заявлениям, сделанным в рекламе, мог предъявить прямой иск к производителю. Оценивая значение этого решения, видный американский судья Кардозо высказал мысль, которая впоследствии нашла широкое признание в юридических кругах, что этим решением отвергалась идея об исключительно договорном происхождении обязанности не допускать причинение вреда жизни и здоровью, когда последствия небрежности в производстве продукции могли быть предвидены. В результате широкого распространения в судебной практике данного подхода возможности привлечения производителя к ответственности за вред, причиненный его некачественной продукцией конечному потребителю, значительно расширились (можно отметить это как позитивную динамику). Однако эффективность защиты, построенной на деликтной основе, несколько снижалась для потерпевшего, так как он (потребитель) должен был доказать, что причиной нанесенного ущерба была небрежность, допущенная производителем в процессе изготовления товара. Доминировавшая тенденция к расширению

ответственности производителя стимулировала развитие в судебной практике принципов, облегчавших защиту интересов потерпевшего потребителя.

Также, судебная практика США, выбрав путь наделения ответственности за нарушение гарантии чертами деликтного обязательства, создала некую гибридную конструкцию, которая на практике давала возможность пользоваться в зависимости от конкретной ситуации наиболее удобными для регулирования моментами как одной, так и другой трактовки ответственности за недоброкачественную продукцию, это обусловлено различными по содержанию прецедентами в разных штатах, имеющих различное законодательство. К середине 60-х годов в судебной практике сложилась такая система регулирования ответственности производителя за недоброкачественную продукцию, которая стала квалифицироваться в качестве разновидности абсолютной деликтной ответственности. Важным событием в закреплении такого подхода было второе издание свода деликтного права США, который касался ответственности продавца за ущерб, причиненный продукцией ее пользователю или потребителю.

В английском праве установление ответственности за ущерб от дефектной продукции с самого начала строилось либо на принципах договорного права, либо на деликтных началах. Следует отметить, что, хотя судебные решения по искам к производителю о возмещении причиненного его продукцией ущерба были известны в Англии задолго до широкого распространения и утверждения «ответственности за продукцию» в США, развитие английского права в этой области до последнего времени было едва заметным. В большинстве других западноевропейских стран отражение таких проблем происходило в рамках сложившихся правовых конструкций. Например, в романо-германской правовой системе концепция ответственности производителя развивалась путем расширения применения довольно общих статей Гражданского кодекса о деликтной ответственности. Ответственность за дефекты товаров включает в себя прежде всего относящиеся к договорной и деликтной ответственности. Тот, кто умышленно или по неосторожности противоправно лишил человека жизни, причинил ему телесные повреждения или расстройство здоровья, лишил его свободы, права собственности или других прав, обязан возместить причиненный этим ущерб; та же обязанность наступает для того, кто нарушил закон, защищающий личную безопасность другого лица. Если по смыслу закона возможно его невиновное нарушение, то обязанность по возмещению вреда наступает только при наличии вины. Из содержания приведенных положений видно, что они направлены на возмещение определенных видов ущерба и основанием

для ответственности является виновное поведение причинителя ущерба.

В связи с развитием ответственности производителя за дефекты продукции сфера применения этих норм была значительно расширена судебной практикой, в частности путем перенесения в случае использования деликтного основания ответственности бремени доказывания с потерпевшего на ответчика, а также широким толкованием объема ответственности производителя продукции за ее качество, включая его ответственность за конструкционные решения, используемые технологию и материалы.

Данный институт, будучи отраженным в законодательстве разных стран, является не чем иным, как элементом межкультурного правового взаимодействия.

*Л. С. Постоляко**

Идеологические установки правосознания и состояние мультикультурализма: проблема совместимости

Идеологические установки правосознания можно считать уровнем юридического мировоззрения, а последнее – рассматривать как ценностную основу правовой культуры, соотносящей собственные ценности с нравственными, религиозными, политическими смыслами, представлениями об общественном идеале. Таким образом, названные установки – это в то же время форма связи правового мышления с политической культурой и личности, и конкретного общества.

Состояние мультикультурализма – динамичное сосуществование множества культур в едином «полисном» пространстве. Это процесс, описание которого предполагает наличие пересекающихся координатных осей. Горизонтальный срез обнаруживает национально-этнические (включая религиозно-конфессиональные), образовательно-профессиональные (в том числе по признаку рода занятий и характера деятельности) основания культурной специфики. Вертикальный срез содержит культурно-возрастные критерии («постсоветская молодежь» и т. п.). На пересечении названных осей появляются характеристики сродни привычному выражению «писатель-шестидесятник».

Мультикультурализм – ныне состояние глобальное, то есть имеющее планетарный масштаб. В этом смысле Урал принадлежит к числу регионов, представляющих уменьшенную модель мира как «мегаполиса». Парадокс и проблема видятся в том, что такая «модель» есть внутренняя часть государственной организованной нации, культурно-этническую основу которой составляют русские. А, как известно, любой регион испытывает на себе последствия осуществления единой государственной политики (П. «е» ст. 71 Конституции РФ).

В настоящее время в российском обществе противоречиво сосуществуют две главные идеологические установки, а именно

* *Лариса Станиславовна Постоляко* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии УрГЮА (г. Екатеринбург).

либерализм и национал-консерватизм. Конституция РФ, не признав необходимости официальной государственной идеологии (Ст. 28, 29, 44), по духу и смыслу является либеральной. Основные принципы либеральной идеологии: рынок как основа экономического роста и общественного прогресса в целом; свобода труда, экономическая инициатива и предпринимательство; значительная социальная дифференциация и мобильность; развитые институты гражданского общества; многопартийность; светское демократическое государство, основанное на доктрине «правления права» (включая принцип разделения властей); взаимная ответственность государства и гражданина; культурный и мировоззренческий плюрализм; *индивидуальная* личность как «бенефициант» (А. А. Прохин) прав и свобод человека. Под индивидуальностью здесь понимается характеристика отдельного человека как субъекта развития социальности, реализующего созидательно-индивидуалистическую поведенческую ориентацию и частный интерес. Либерализм предполагает также либертарно-юридическую, в духе И. Канта трактуемую солидарность (сограждане солидарны в признании обращенного к каждому из них требования, гласящего: «Разрешить другим все то, что ты разрешаешь себе»).

В течение последних лет эти идеи подверглись в России основательной критике. Доводы противников таковы: либеральные лозунги маскируют неподконтрольность деятельности прозападных олигархических структур российскому гражданскому обществу, потерю экономической и политической самостоятельности России. От практики либерализма проигрывают слои населения, нуждающиеся в государственном патернализме (дети, инвалиды, маргиналы и т. п.); сообщество, воспринявшее либеральные идеи, не способно к самоограничению и признанию «пределов роста»; либерализм характеризуется лишь формальным провозглашением гуманистических ценностей, абстрактным универсализмом и космополитизмом. Порой делается радикальный вывод о том, что либеральный дискурс в России при отсутствии наднациональной государственной идеи закономерно ведет к распаду государства, в результате чего власть в целях сохранения страны и поддержания социальной стабильности вынуждена осуществлять интеграцию внеправовыми, в том числе открыто силовыми, методами (Т. П. Вязовик).

В качестве панацеи от названных бед предлагается идеология национал-консерватизма. Кредо последнего: защита традиционных ценностей, их иерархии, уважение к основным общественным институтам (семье, религии, общине, государственной власти), требованиям дисциплины и морали. Консерватизм преподносится как сугубо национальное явление. Ценность этой идеологии связыва-

ется с формированием установки на реальное осуществление конкретных исторических задач, действительное (а не декларативное) признание и отстаивание права человека на достойное существование. Идеология российского консерватизма основывается на следующих принципах: значительная роль государства в регулировании экономических и культурных процессов; патерналистская трактовка прав и свобод человека; державность – признание высшего авторитета государственной власти, приоритета государства как стабилизирующей, жизнеобеспечивающей силы; патриотизм – самоотверженное служение государству и народу; народ как «соборная» (коллективная) личность; неприятие отвлеченной идеи демократии, решение исторических задач силой «народного духа» (Н. А. Бердяев), религиозный источник этой силы; православие как истинная религия, православная трактовка солидарности как «взаимной любви всех во Христе» (П. И. Новгородцев). Идеология национал-консерватизма, однако, редко прямо указывает на сомнительные (с точки зрения их конструктивности) смысловые аспекты и следствия сформулированных принципов. Я назову лишь некоторые из них.

У П. И. Новгородцева (!) читаем: «Все, живущие в России, ... под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться ... одним высшим началом..., а именно – преданностью русской культуре и русскому народу. ... Это ... приобщение... к единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному»¹. Так мыслитель-неолиберал дает начало легитимации и возрождению имперской идеи (единого Блага, всеобщей предустановленной гармонии, которые гарантирует «народ-богоносец»). Имперское мировоззрение игнорирует самоценность инаковости, аннулирует культурные различия, делая их недействительными в свете основной идеи. Империя допускает лишь «вынужденную солидарность» (И. А. Исаев), препятствует формированию «народной личности». Исходя из смысла имперской идеи сохранение государственной целостности приоритетно по отношению к праву народов на самоопределение, ибо «исторические национальности» не могут иметь равных прав (Н. А. Бердяев). И либеральный национализм может стать источником имперских устремлений, «будто форма политической жизни и культура одной, пусть и старейшей, демократии является примером для всех обществ»².

Государственная поддержка одной религии (конфессии) под видом возрождения национальных святынь таит в себе опасность.

¹ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // П. И. Новгородцев. Сочинения. М., 1995. С. 438.

² Хабермас Ю. После 11 сентября // Ю. Хабермас. Расколотый Запад. М., 2008. С. 37.

Как пишет Ю. Хабермас, религиозная «ортодоксия превращается в фундаменталистскую, если пастыри и представители истинной веры игнорируют эпистемическую ситуацию мировоззренчески плюралистического общества». Профилактика религиозного фундаментализма – это «рефлексия над религией, позволяющая ей учиться видеть себя глазами другого... Только этот когнитивный сдвиг и сделал возможным религиозную терпимость, позволил отделить религию от мировоззренчески нейтральной силы государства»³.

Авторитарный патернализм трактует существование культурных меньшинств не в терминах прав, а в смысле «дара», «привилегии», «благодейния свыше» (со стороны государства и доминирующей культуры). Так идея равенства подменяется идеей терпимости, а любая терпимость, как известно, имеет пределы (устанавливаемые нередко произвольно и в одностороннем порядке).

Традиция – «медаль» с двумя сторонами. Невозможно добиться консервации лишь одной из них. Распространение национал-консерватизма в России чревато разрушением и без того непрочной правовой культуры. Традиционное сознание отдает предпочтение содержательным ценностям и недооценивает формальные, важнейшая из которых – право (Б. Кистяковский). Правосознание при этом легко растворяется в морали и политике. Не случайно «даже на суд присяжных у нас существовало только две точки зрения: или политическая, или общегуманитарная», а борьба за «новое право» на деле означала лишь борьбу за «известный политический идеал»⁴.

К национальным российским святыням сторонники консерватизма, вероятно, отнесут и фетишизацию регламентирующих, внешне-дисциплинирующих, принудительных аспектов права. Это – лишь свидетельство того, что «правосознание... находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности». Консерваторы, превознося народную мудрость и созидательность, забывают о том, что «наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала *правовой личности*»⁵.

Искомая стабильность в мультикультурном социуме не может быть гарантирована ни консервацией сомнительных традиций, ни провозглашением формального равенства культур и «правлением права». Как замечает Ю. Хабермас, «в *международном* общении среда права, обуздывающего насилие, играет сравнительно незначительную роль. А в *межкультурных* отношениях право в лучшем случае создает институциональные рамки для формальных попы-

ток понимания»⁶. Отчасти прав и Т. П. Вязовик, считающий, что «консерватизм может сыграть стабилизирующую роль в том случае, если будет актуализировать культуру в целом, а не отдельные ее элементы, выгодные тем или иным властным элитам»⁷. Мировоззренчески нейтральные властные структуры должны направить усилия на организационное обеспечение отнюдь не принятия всеми (или большинством) известных идеологических установок, а *процесса повседневного доверительного межкультурного диалога*. Насилие, по Ю. Хабермасу, начинается с нарушения коммуникации. «Усилия понять могут быть успешными лишь в том случае, если они предпринимаются в ситуации симметричных условий для *взаимного* признания и освоения перспектив... Если не сложилась структура коммуникативной ситуации, свободной от искажений и латентного присутствия власти, результаты коммуникативного процесса всегда вызывают подозрение»⁸. Эффективность использования правовых механизмов, успехи «патриотического воспитания» в ситуации мультикультуризма напрямую зависят от формирования адекватной структуры коммуникации. В условиях нынешней России, как и в современном мире вообще, понимание является основой правовых форм общения, а не наоборот.

⁶ Хабермас Ю. Указ.соч. С. 21.

⁷ Вязовик Т. П. Российский консерватизм как фактор социокультурной и политической стабилизации // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. М., 2005. Т. 5. С. 590.

⁸ Хабермас Ю. Указ.соч. С. 23.

³ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 15, 16.

⁴ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. С. 142, 145.

⁵ Там же. С. 137, 126.

Проблема социально-правовой защищенности детей с синдромом Дауна

Каждый имеет право на жизнь. Так гласит ст. 20 Конституции Российской Федерации. А также, в соответствии со ст. 38, 39 Конституции Российской Федерации, п. 2 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации, каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье. Ребенок имеет право на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие. Материнство и детство, семья в целом находятся под защитой государства.

Согласно п. 1 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации несовершеннолетний имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Дополнительно каждый имеет право на образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации, Федеральный закон «Об образовании»). Родители являются первыми педагогами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного, интеллектуального развития личности ребенка в раннем возрасте. Органы местного самоуправления организуют и координируют методическую, диагностическую помощь семьям, воспитывающим детей дошкольного возраста на дому.

Таковыми же правами обладают и дети с ограниченными возможностями, а в частности дети с синдромом Дауна.

Синдром Дауна – не приговор, а генетическая особенность. Такие люди могут и должны жить как полноценные члены общества. Это утверждение уже привычно для Европы. Но не для России. 80 % родителей отказываются забирать из роддома детей, у которых выявлен синдром Дауна. Так, в 2007 году в Свердловской области таких детей родилось 78, в семьях воспитываются 7 человек.

В нашей стране жизнь людей с синдромом Дауна до сих пор окружена массой заблуждений и предрассудков. Их считают глубоко отсталыми, необучаемыми, агрессивными. Они не рассматриваются как личности. На самом же деле дети с синдромом Дауна обладают уникальной индивидуальностью, и тех из них, которые

* *Марина Александровна Розбаум* – студентка 5-го курса кафедры социальной работы и социальной педагогики социального ин-та РГППУ (г. Екатеринбург).

живут в семьях, погружены в атмосферу любви со стороны родственников, получают необходимое образование, медицинское обслуживание.

Порядок воспитания и обучения детей-инвалидов на дому определяется в Постановлении Правительства Российской Федерации № 861 от 18.06.1996 г. «Об утверждении порядка воспитания и обучения детей-инвалидов на дому и в негосударственных образовательных учреждениях». Образовательные учреждения совместно с органами социальной защиты населения и органами здравоохранения должны обеспечивать образование детей-инвалидов, создавать дополнительные специальные дошкольные, школьные учреждения. Основной федеральный закон, которым руководствуются родители детей с синдромом Дауна, – «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 1995 г. Данный Федеральный закон определяет государственную политику в области социальной защиты в Российской Федерации, целью которой является обеспечения инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, предоставляется скидка не ниже 50 % на оплату жилого помещения и оплату коммунальных услуг. Также в соответствии со ст. 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов» инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. В соответствии со ст. 93 Трудового кодекса Российской Федерации по просьбе работника, имеющего ребенка-инвалида до 18 лет, работодатель обязан установить ему неполный рабочий день.

К сожалению, перечисленная нормативно-правовая база не находит должной реализации на практике. Семьи, воспитывающие детей с синдромом Дауна, постоянно сталкиваются с несоблюдением, нарушением реализации прав, а главное, с дискриминацией со стороны окружающих. С подобным брезгливым, иногда равнодушным отношением семьям приходится жить, сопротивляясь и надеясь на лучшее.

Особенности интеллектуального элемента легкомыслия

Поскольку легкомыслие, как правило, связано с осознанным нарушением определенных правил предосторожности, установленных для предотвращения вреда, осознанность поведения делает этот вид неосторожной вины более опасным по сравнению с небрежностью. Лицо, действующее легкомысленно, всегда сознает отрицательное значение возможных последствий и именно поэтому возлагает на определенные обстоятельства надежду на их предотвращение. Следовательно, при легкомыслии виновный сознает потенциальную общественную опасность своего действия или бездействия, полагая, что если подобное поведение и приведет к опасным последствиям, то уж в данном конкретном случае их не будет.

Интеллектуальный элемент легкомыслия заключается в предвидении виновным возможности наступления общественно опасных последствий. Предвидением возможности наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия) легкомыслие сходно с такой формой вины, как умысел, и одновременно по этому же признаку отличается от небрежности. Предвидение при легкомыслии имеет определенные особенности. Лицо предвидит, что совершаемые им действия (бездействие) в подобных случаях в аналогичной обстановке могут вызвать вредные последствия, но самонадеянно полагает, что в данном конкретном случае эти вредные последствия не наступят.

Таким образом, при легкомыслии лицо, сознавая абстрактно общественно опасный характер своего поведения, предвидит возможность наступления вредных последствий вообще, в подобных случаях, но считает, что в данных конкретных условиях реальность их наступления маловероятна или даже невозможна¹. Однако это не означает, что виновный не предвидит возможность, хотя и менее определенную, наступления вредных последствий в данном кон-

* *Андрей Геннадьевич Рублев* – канд. юр. наук, преподаватель кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Такая точка зрения была высказана в уголовно-правовой литературе и раньше: см., например: Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г. А. Кригера. М., 1988. С. 136.

кретном случае. Таким образом, предвидение при легкомыслии отличается от предвидения при умысле (чаще всего косвенном) меньшей степенью определенности: если при косвенном умысле виновный предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, то при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная, при данных конкретных обстоятельствах, по мнению виновного, невозможная.

Некоторые авторы характеризуют интеллектуальный момент при легкомыслии – разновидности неосторожной формы вины – как осознание лицом общественно опасного характера своих действий, то есть точно так, как закон характеризует интеллектуальную сторону умысла, как прямого, так и непрямого. Практически это может привести (и нередко приводит) к устранению границ между принципиально разными формами вины и признанию наличия косвенного умысла там, где фактически имела место неосторожность в виде легкомыслия.

В действительности же, легкомыслие отличается от косвенного умысла двумя моментами интеллектуальной стороны психической деятельности² – как характером предвидения, так и состоянием осознания.

При косвенном умысле лицо предусматривает, как и при легкомыслии, возможность наступления вредных последствий, но, как было отмечено, с большей вероятностью и сознательно допускает их наступление. Эти обстоятельства и лежат в основе наличия у субъекта в момент совершения действия осознания его общественно опасного преступного характера. При этом, как правильно подчеркивается в литературе, косвенный умысел предусматривает наличие осознания общественно опасного характера, когда «лицо знает определенные фактические обстоятельства и понимает их уголовно-правовое значение. А именно: лицо знает, что его действия направлены против определенного объекта и способны повлечь ему указанный в соответствующем составе преступления вред и что отсутствуют любые существенные препятствия, которые способны не допустить наступления данного вреда»³.

При легкомыслии и степень вероятности наступления вредных последствий значительно меньше, чем при косвенном умысле, на-

² При косвенном умысле виновный предвидит реальную, то есть для данного конкретного случая, возможность наступления общественно опасных последствий, а при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная: субъект предвидит, что подобного рода действия вообще могут повлечь общественно опасные последствия, но полагается, что в данном конкретном случае они не наступят.

³ *Кригер Г.* Разграничение умысла и преступной самонадеянности // Сов. юстиция. 1980. № 17. С. 14.

пример, в сфере безопасности дорожного движения водитель рассчитывает на их отвлечение, полагаясь на целый ряд реально существующих субъективных и объективных факторов, способных, по его мысли, не допустить наступления вредных последствий.

Это и дает основание многим авторам прийти к выводу, что при легкомыслии у лица отсутствует осознание общественно опасного характера своих действий. Так, А. Базунов писал по этому вопросу: «В типичных случаях неосторожной вины в виде преступной самоуверенности (легкомыслия) отсутствует осознание общественно опасного характера действий (бездействия), которые совершаются, поскольку, в силу наличия расчета на устранение общественно опасных последствий и уверенности лица относительно их устранения, действие (бездействие), которое фактически вызывает последствия, не может осознаваться опасной для общества тогда, когда оно было еще не совершено»⁴.

Аналогичную позицию занимал и П. С. Дагель, который удачно дополняет аргументацию по защите концепции, а именно: «...предвидение общественно опасных последствий при самоуверенности (легкомыслии) не равнозначно осознанию общественной опасности действия, которое совершается, поскольку оно нейтрализуется уверенностью в ненаступлении этих последствий...»⁵.

Позиция, где виновное лицо при легкомыслии не осознает общественно опасный характер своих действий, была сформулирована П. С. Дагелем, который писал: «Поскольку основным признаком неосторожности, который отличает ее как от умысла, так и от невиновного совершения общественно опасного действия, есть отсутствие осознания общественно опасного характера действия, которое совершается при наличии обязанности и возможности такого осознания». Мы придерживаемся этой точки зрения и предлагаем изменить формулу преступной неосторожности.

В статье 26 УК РФ, определяя легкомыслие как вид неосторожности, законодатель подчеркивает самонадеянный расчет субъекта на предотвращение общественно опасных последствий. Согласно словарям русского языка, «самонадеянный» означает «чрезмерно уверенный в самом себе, выражающий пренебрежение к другим»⁶. Исходя из этого, можно сделать вывод, что субъект рассчитывает при легкомыслии только на себя. Это возможно, когда

⁴ Базунов А. Ограничение косвенного умысла от преступной самонадеянности // Сов. юстиция. 1970. № 5. С. 6.

⁵ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 130.

⁶ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1998. С. 607.

он рассчитывает на свое профессиональное мастерство, опыт, навыки, физические данные и пр.

Однако при легкомыслии он может рассчитывать не только на себя, но и на действия других лиц. Например, водитель вопреки правилам дорожного движения не пропускает на перекрестке пешеходов, рассчитывая, что сам пешеход, как лицо заинтересованное, сумеет проскочить или увернуться от автомашины.

Расчет при легкомыслии может также касаться естественных сил природы (например, виновный полагает, что начавшийся дождь затушит разведенный в лесу костер); обстановки (например, выбрасывая ночью из окна тяжелый предмет, субъект полагает, что в это время около дома, там, где и днем-то не бывает людей, это вполне безопасно); орудий и средств совершения преступления (например, полагая, что ружье неисправно, виновный нажал на курок и ранил своего товарища); и т. п. Учитывая это, представляется более точным исключить при определении легкомыслия слово «самонадеянно», оставив лишь слова «без достаточных на то оснований»⁷, как удачно предложено И. М. Тяжковой. Однако при этом замена слова «самонадеянно» термином «необоснованно», «недобросовестно» будет только дублировать слова «без достаточных оснований», следовательно, необходимо исключить слово «самонадеянно» без какой-либо замены при определении легкомыслия. Тогда определение преступного легкомыслия могло бы выглядеть так:

«Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния (действия или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований рассчитывало на предотвращение этих последствий».

⁷ Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершенные при использовании источников повышенной опасности: Дис. ... д-ра юр. наук / МГУ. М., 2003. С. 48.

А. П. Семитко*

Столкновение правовых культур

Глобализация приводит к смешению культур и цивилизаций на одном географическом пространстве, каковым теперь становится вся планета. Правда, где-то пока затишье в плане культурного взаимодействия различных цивилизаций, а где-то наблюдается определенная активизация указанных процессов – здесь то и можно попытаться увидеть модели и схемы дальнейшего развития человечества, свидетелями которых станут наши будущие поколения. Предсказанное Хантингтоном столкновение цивилизаций разворачивается на всех «фронтах», в том числе и, наверное, в первую очередь в лоне культурного взаимодействия различных народов. Рассмотрим очень кратко лишь юридическую составляющую культуры – правовую культуру, которую, разумеется, невозможно четко вычленивать из общего культурного «тела».

В 60-е годы культурологи стали увлекаться подсчетом количества существующих определений культуры. Начали с двух-трех сотен дефиниций, которые уже были к тому времени в научной литературе, и быстро дошли до полутысячи; где-то мелькнули цифры на одну-две сотни больше последней цифры, пока, наконец-то, не поняли бессмысленность и бесперспективность этого занятия. Дело в том, что понятие «культура» – одно из фундаментальных, базовых в науках о культуре, о духе, и оно вмещает в себя в свернутом виде весь социальный и духовный мир. Поэтому понятно, что определить все это в одной краткой или даже не краткой дефиниции невозможно (разумеется, это не означает необходимости прекращения попыток определения предельных понятий). Культура – это сверх сложное и даже таинственное понятие, едва поддающееся пониманию и рационализации. В нем заложена неисчерпаемая тайна, к постижению которой мы едва-едва подступаем. И здесь, как говорил поэт М. Волошин, «мысль замирает пред вечною тайной». Поэтому, обозначив задачу определения понятия «культура» и вслед за ней понятия «правовая культура» как задачу, требующую специальных методологических усилий и особого теоретического внимания (соответственно и громадного печатного пространства), сосредоточимся лишь на некоторых ее признаках,

* *Алексей Павлович Семитко* – д-р юр. наук, профессор, декан юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург), приглашенный профессор университетов Париж-Х, Париж-ХП, Клермон-И (Франция, г. Париж).

свойствах и порой даже внешних проявлениях. Констатируя при этом значительные отличия одних культур от других по интересующим нас параметрам, попытаемся понять, неизбежны ли их столкновения, насколько операциональны и эффективны имеющиеся теоретические представления о культуре, к каким практическим мероприятиям приводят они правительства различных стран.

В разных культурах существуют подчас весьма различные ценности и приоритеты. Можно ли совместить их без того, чтобы обязательно страдала и разрушалась какая-нибудь одна из взаимодействующих культур, или, точно по С. Хантингтону, неизбежно их столкновение и поглощение («проглатывание», уничтожение) одной культурой другой? Действительно ли можно всерьез полагать, что на одном географическом пространстве совместимы, например, европейская и мусульманская концепция прав человека (или, более конкретно, прав женщин)? Либо одна из них неизбежно должна уступить место другой. Не приведет ли их объединение к конструктам наподобие понятий «жареный снег» или «мокрый огонь»? Насколько жизнеспособны окажутся такие образования, если их попытаться хотя бы на некоторое мгновение воспроизвести в реальной жизни?

Одно из недавних судебных дел, рассмотренное во Франции сначала судом первой инстанции (1 апреля 2008 г.), а затем апелляционным судом (ноябрь 2008 г.), вызвало широкую национальную дискуссию в этой стране. Оно показало столкновение различных правопорядков, различных правовых культур, существующих реально в одном территориально-правовом пространстве. Господин Х. обратился в суд г. Лилля (Франция) с иском о признании его брака с госпожой Х. недействительным на том основании, что его супруга не обладает важным для него признаком девственности, что он, по его словам, и установил в первый же вечер после регистрации брака. Хотя при организации данного брака родители будущей супруги (ее мнение при решении брачных вопросов в соответствии с мусульманской традицией никого не интересует) представили ее ему как соответствующую по данному признаку всем культурным мусульманским обычаям (скажу сразу, что в исламе нет разграничения на право и мораль, поэтому там почти все культурное есть одновременно и правокультурное). Статья 180 ГК Франции (Кодекс Наполеона, как его стали называть вскоре после его принятия в 1804 г.) устанавливает, что «если имело место заблуждение относительно личности или основных качеств личности, другой супруг вправе требовать признания брака недействительным». Формально, в первом приближении к юридическому анализу данной проблемы возникает вопрос о том, является ли признак девственности основным, или «существенным» (можно переводить и дан-

ным словом французское «*essentiel*»), используемое в тексте закона на языке оригинала), качеством личности, позволяющим привести в действие положение части 2 ст. 180 ГК Франции. Французская судебная практика считала таковыми до сих пор лишь качества, препятствующие созданию полноценной семьи, возможности рождения детей (наличие соответствующего здоровья супругов и т. д.)¹. Указанный спор возник впервые и готовых ответов у суда не было. Осложняющим фактором было, прежде всего, то, что супруги являются представителями мусульманской общины Франции, которая пытается сохранить в своей повседневной жизни на территории Европы многие культурные особенности, характерные для исламских сообществ. Формально закон дает право супругам самим определять, какие качества личности являются существенными, основными и затем убеждать в этом суд, требуя от него признания своего подхода к данному культурному понятию соответствующему законодательному предписанию. Но «суверенитет» личности в данном случае ограничен понятием публичного порядка, фундаментальными принципами европейской правовой системы. При этом у европейца, в европейской правовой культуре эти принципы существуют интегрально, в нерасчлененном виде. И поэтому те качества, которые могут считаться в этой культуре существенными, попадают в общий культурный контекст, взаимодействуют с целостной системой иных правовых принципов.

Для мусульманской же культуры данное понятие существенных качеств встроено в другой культурный и юридический контекст. И поэтому, прочтя буквально ст. 180 ГК Франции, господин Х. имел все, с его точки зрения, основания требовать признания его брака недействительным по причине введения его в заблуждение по вопросу, являющемуся для него существенным. Суд первой инстанции согласился с заявителем, признав признак «девственности» существенным, а обман, с ним связанный, достаточным основанием для признания брака недействительным.

Оговорюсь, что современное французское право является достаточно либеральным по вопросу о разводе супругов по требованию одной или обеих сторон. Поэтому истцу не представляло никакого труда получить положительное решение, обратившись в суд с иском о расторжении брака. Однако наш герой – господин Х., – полагая, что его честь и достоинство были вероломно попорчены неискренностью другой стороны, настаивал именно на признании брака недействительным. В связи с указанными тонкими юриди-

¹ Французский гражданский кодекс: учебно-практический комментарий / Пер. с французского Ю. Гонгало, А. Грядова, К. Криеф-Семитко и др. М.: Проспект, 2008. С. 96.

ческими отличиями и культурным контекстом, в который они были помещены, разгорелась острая национальная дискуссия. Практически все печатные издания, телевидение, Интернет-издания и другие средства массовой информации обсуждали сложившуюся ситуацию. Бурный скандал разгорелся в парламенте, на одном из заседаний которого Рашида Даги, на тот момент министр юстиции, очень резко выступила против требований депутатов от социалистической партии о пересмотре указанного дела в вышестоящей судебной инстанции. Она исходила, по-видимому, из того, что распространенные в определенных культурных общинах Франции насильственные или «организованные» браки, когда за женщину решение принимают ее родственники, приводят к тому, что свобода женщины ограничивается таким образом пожизненно и самым фундаментальным образом; принуждение бывшей пары к совместному общежитию (в результате отмены решения суда о признании брака недействительным) после таких пертурбаций приведет к еще более незавидному положению супруги и т. д., и т. п. Правда, в дальнейшем ее ведомство все-таки возбудило производство в апелляционной инстанции и решение суда первой инстанции было отменено – брак был признан существующей юридической реальностью. Предполагается, что господин Х. не имеет оснований для признания брака недействительным, но, разумеется, может требовать «просто» расторжения брака со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какие правокультурные основания обсуждались в ходе упомянутой уже национальной дискуссии по этому вопросу. Прежде всего, закрепленные во Французской Конституции принципы свободы и равенства, нарушенные решением суда первой инстанции (поскольку в мусульманском праве нет указанных принципов в отношениях между мужчиной и женщиной, как бы исламские правоведы не пытались утверждать обратное). Возьмем принцип равенства. Если мужская физиология не предусматривает возможности подтверждения или отрицания его «девственности», то цивилизованное право, если оно признает принцип равенства, не может предъявлять такие требования женщине. Этот признак не только не существенный (важный или не очень важный) – он просто не существует для права и уходит в сферу морали. Указанные две сферы – право и мораль – достаточно четко различаются в европейской культуре.

В этой культуре существуют и иные юридические ценности. Скажем, принцип «никто не может быть судьей в своем собственном деле». У господина Х. нет, и в той ситуации, как она сложилась, не может быть, никаких доказательств для своих утверждений по поводу девственности его супруги. Здесь же европейский суд берет

на вооружение мусульманскую процессуальную доктрину, в соответствии с которой показания мужчины более значимы, чем показания женщины: муж вдруг выступил судьей в своем собственном деле и его утверждения не подвергаются сомнению. Опровергнуть утверждение женщины о том, что она обладала признаком девственности до первой брачной ночи, нет никаких юридических и в случае ее несогласия на экспертизу никаких иных инструментов. Кроме того, из специальной медицинской литературы известно, что в некоторых случаях разрыв девственной плевы происходит без обычных видимых и иных признаков. Если для супруга этот вопрос существенен, то он мог бы настаивать на предварительном проведении соответствующей медицинской экспертизы (при согласии на нее будущей супруги, хотя в мусульманской культуре согласие на брак вопреки некоторым предписаниям Сунны никого не интересует, и, видимо, также насильственно можно добиться от женщины проведения соответствующей экспертизы), которая могла бы сделать интересующее стороны заключение.

В любом случае все эти вопросы не могут входить в правовую сферу с точки зрения европейской правовой культуры, так как она базируется на принципе равенства. В этой же культуре есть еще такая ценность, как свобода, и поэтому женщина обладает определенной свободой и не может рассматриваться правом как нечто похожее на собственность своего будущего мужа, что бы заставляло ее ожидать свой будущий брак с массой определенных ограничений, отсутствующих у мужчины.

Ссылка на неискренность в вопросе о девственности для цивилизованного права имеет такое же значение (точнее, не имеет никакого значения), как ссылка на то, что женщина до вступления в брак утверждала (самым обманчивым образом), что ей нравится венская классика, а когда вышла замуж, то фактически оказалось, что она слушает лишь современную музыку. Разные вкусы – это повод для бракоразводного процесса, но никак не для признания его недействительным.

Фактически современные европейские суды сталкиваются с проблемой разных культурных оснований в тех или иных случаях и оказываются перед неразрешимыми порой противоречиями. Если опираться на распространенный еще на Западе лозунг мультикультурализма, то надо принимать в расчет культурные особенности спорящих сторон. Но не редко оказывается, что эти особенности разрушают саму европейскую правовую культуру. Так, в Германии судья отказал в иске о расторжении брака женщине исламского вероисповедания, не признав достаточным основанием ее ссылки на то, что муж (тоже мусульманин) ее избивает. Поскольку Коран разрешает мужу воспитывать женщину, нанося ей при необходи-

мости побои, то, основываясь на идеологии мультикультурализма – учета культурных различий, – женщина не может требовать развода в подобных случаях. Насильственные браки на территории Европы в среде исламской культуры, превращение девочек в инвалидов путем распространения в той же среде практики ампутации у них клитора (чтобы женщина не испытывала никакого влечения к противоположному полу и оставалась тем самым верной своему будущему мужу), убийства чести (когда женщина не соглашается с насильственной ее выдачей родственниками замуж и сама выбирает себе мужа, то это расценивается как распутство, наносящее глубокое оскорбление семье, смыть которое можно лишь убийством ослушницы своими ближайшими родственниками) и т. д., и т. п. Все это очень долго проходило, а в чем-то и по сей день проходит по ведомству «мультикультурализма», «учета культурных различий», а на деле представляет из себя отступление от принципа приоритетной защиты прав человека и, как результат, разрушение европейской правовой культуры в частности и всей европейской культуры вообще.

Ученые-культурологи, прожившие некоторое время в среде аборигенов, находящихся на уровне первобытного строя, и впервые на этом основании заявившие о том, что нет культуры выше или ниже, хуже или лучше, были слишком самонадеянными, а попросту они глубоко и серьезно ошиблись. Они и не могли не ошибаться, так как у них не было никаких методологических средств постижения тайны другой культуры. Описание некоторых внешних событий аборигенской жизни с какими-то гипотезами по этому поводу вряд ли способно заглянуть глубоко в душу указанной культуры. Наши этнографы ведь не могли прожить две жизни – каково-нибудь аборигена-интеллектуала и интеллектуала-европейца и потом сравнить эти принципиально различные культуры изнутри. Самое большее, что можно было сделать в той ситуации, – это построить более или менее правдоподобные гипотезы, вымыслы или мифы по поводу изучаемых культур и продолжать наблюдать их развитие не одно десятилетие и не один век. Утверждение о том, что нельзя делить культуру на варварскую и цивилизованную, противоречит здравому смыслу и существующей практике, оно просто абсурдно! Что разве культура инквизиции не лучше нашей культуры, она равноценная нашей? Мне кажется, что современная европейская культура лучше и гораздо цивилизованнее той, которая была на этой территории полтысячелетия назад, или лучше и гораздо цивилизованнее современной, но находящейся на соответствующей – 500 лет назад – стадии развития. Пожив некоторое время в среде аборигенов, синстадиальных первобытному обществу, наши этнографы возомнили, что разгадали все тайны культуры

вообще, ну а уж культуры-то аборигенской в частности и тем более. Им показалось, что они вправе диктовать свою теоретическую волю политикам, которые строят отношения с различными культурными мирами. К сожалению, теоретические воззрения культурных этнографов прожигали глубоко и в обыденное сознание (анекдот с удивляющимся аборигеном по поводу того, почему во время войны европейцы убивают, но не съедают своих врагов – вот это для него есть настоящее варварство). Называть какие-то факты – жестокости, войны и прочее, – имеющие место в разных культурах, и на этом основании признавать их равноценными – глубоко ошибочно, ибо одна культура глубоко скорбит и осуждает эти факты, а другая делает из них доблести. Не видеть в этом фундаментального отличия соответствующих культур ошибочно. При этом факт деления культур на варварские и цивилизованные есть факт относительный, что подтверждает само его существование, и, с другой стороны, культуры, резко отличающиеся друг от друга, считают друг друга одинаково нецивилизованными. Например, представители мусульманской культуры совершенно искренне считают тот уровень свободы, который имеет европейская женщина, – варварским, низменным и распутным. Так ведь оно так и есть на самом деле, если смотреть на европейскую культуру глазами культуры, застывшей в своем развитии как минимум на полтысячелетия (это вытекает из особенностей источников мусульманского права). К чему приводит очередная европейская мультикультуральная политкорректность – не называть отдельные варварские обычаи варварскими? К уничтожению самой европейской культуры. Разве не являются варварскими те положения различных культур, которые, например, унижают человеческое достоинство женщины и ставят ее в подчиненное положение перед мужчиной, превращая ее в объект и вещь для последнего? Мы должны защищать и оберегать наши ценности от тех ценностей, которые мы не принимаем и не признаем. Если же называть их также цивилизованными и культурными, то зачем же тогда от них обороняться (это – горькие последствия ошибочных теоретических выводов некоторых культурных этнографов и антропологов)? Боюсь, что в настоящий момент это, может быть, уже слишком поздно, так как мультикультурализм пустил очень глубоко свои ядовитые корни и остановить разрушение европейской правовой культуры в длительной перспективе вряд ли удастся. Нужно проводить мудрую политику в России, чтобы не повторить указанных ошибок, но только дай нам Бог не впасть в другие крайности, которые называются этническим экстремизмом и русским фашизмом. Нужно признавать и защищать все ценности и идеи прав человека, закрепленные в нашей Конституции, но необходимо защищаться от тех культурных особенностей других цивилизаций, которые нарушают наши законы.

М. Н. Семякин*

Частное право как явление межкультурного дискурса

Кроме сугубо юридического аспекта частное право может быть охарактеризовано также в качестве явления культуры – результата аккумуляции на протяжении длительного времени и выражения социального, духовного и иного богатства человечества. Очень важным и недостаточно исследованным аспектом частного права является изучение его как явления межкультурного взаимодействия, межкультурного дискурса.

Частное право с этих позиций «раскрывает свои достоинства как общекультурная ценность»¹ – явление межкультурного взаимодействия. Методологически правильно представляется подход, используемый А. П. Семитко, к исследованию правовой культуры, когда он вопросы «о происхождении и становлении права и правовой культуры» связывает с анализом не только путей формирования правового механизма защиты личности, ее достоинства и свободы, личной (частной) собственности, но и «практически всех сторон человеческого общества и культуры»².

За основу, отправной методологический пункт в исследовании частноправовой культуры следует взять личность, персону, исходя из заветов древних мыслителей, в частности Протагора, о том, что человек есть мера всех вещей. Прогресс частноправовой культуры оказывается возможным только в результате расширения объема прав и свобод человека, обеспечения должного уровня их охраны и защиты. Известный дореволюционный цивилист, историк и философ гражданского права И. А. Покровский часто подчеркивал связь категорий частного права и общечеловеческой культуры. Говоря о жесткой централизации управления экономикой, он, в частности, предупреждал, что «предлагаемый централизованный строй характеризуется как новое “грядущее рабство”, которое неминуемо повлечет за собой полную гибель культуры и возвращение к варварству»³.

* *Михаил Николаевич Семякин* – д-р юр. наук, профессор, завкафедрой частного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ *Алексеев С. С.* Частное право. М.: Статут, 1999. С. 76.

² *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 82.

³ *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 46–47.

На это обстоятельство обратил внимание также С. С. Алексеев: «Если достаточно развитое частное право может быть охарактеризовано в качестве элемента общей культуры человечества, то явление обратного порядка – неразвитое, ущербное в данном обществе частное право, и тем более частное право, “изгоняемое” властью из общественной жизни, представляет собой свидетельство низкого уровня культуры. Если угодно – свидетельство своего рода *антикультуры*, несовершенства, пожалуй, даже (как это произошло в советском обществе) порочности социальной системы, которая оборачивается крупными бедами для людей»⁴. Вот почему, как отмечается в литературе, «лишение собственности или ограничение на владение ею деформирует... человека. Делает его агрессивным, завистливым и вороватым»⁵.

Вместе с тем частное право представляет собой явление культуры и в более узкой сфере – «непосредственно в юридической области»⁶. Оно – важнейший источник правовой культуры, где формируются очень многие правовые категории и конструкции, которые затем используются в целом ряде иных отраслей права; оказывает мощное влияние на правосознание человека; обуславливает его поведение в повседневной жизни; и т. д.

Как свидетельствует история права, на протяжении многих веков правовые системы Древнего мира характеризовались примитивностью, аморфностью своего содержания, когда правовые установления не распределялись по сферам и выражались в юридических документах и практике как нечто трудноразличимое. И лишь тогда, когда в национальных правовых системах произошло структурное и понятийное обособление частного и публичного права, – как это особо впечатляюще имело место в Древнем Риме, – исторически начался в достаточно интенсивной форме правовой прогресс. Именно с той поры, когда правовые институты четко «выкристаллизовались», правовые потенциалы, и в особенности частного права, смогли проявить себя в полную меру не только сугубо юридической стороны, но и как явления культуры.

Отсюда – один из важных моментов в истории правового прогресса и культуры заключается в том, что с указанной поры они стали реализовываться по двум различным, хотя и тесно взаимосвязанным, культурно-правовым сферам – публичному и частному праву. При известной общности правового прогресса и культуры в сфере публичного и частного права все же их основные тенденции и ценности изначально формируются и реализуются отдельно по двум указанным фундаментальным сферам⁷.

⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 78.

⁵ Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М., 1994. С. 53.

⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 78.

⁷ Там же. С. 80.

Требует отдельного обсуждения и такая важная проблема, как выяснение природы частноправовой культуры: носит ли она сугубо национальный характер или представляет собой универсальное, интернациональное («наднациональное») явление. В этой связи И. А. Покровский замечал, что «исторические корни современного гражданского права Европы уходят далеко вглубь времен. Всемирно-историческая преемственность имеет место в области права в такой же степени, как и в области культуры вообще: право является лишь одним из элементов этой общечеловеческой культуры»⁸.

Действительно, с этой точки зрения принятые и действующие в XIX–XX веках гражданские законы с достаточной убедительностью отражают «связь времен и культур». Гражданский кодекс Франции, Германское гражданское уложение, современный Гражданский кодекс Российской Федерации, как и гражданские законы ряда других стран, – это прямые преемники одного из великих шедевров правовой культуры Античности – римского частного права, его юридического богатства, выраженного в уникальных, во многом не превзойденных на сегодняшний день категориях и правовых конструкциях, математически отточенных формулах и четких классификациях.

Важно отметить и то, что гражданские законы стали воспримателями таких достижений культуры, которые «обогащены разумом». Древнеримские юридические категории, конструкции и формулы после периода расцвета древнеримской правовой культуры во II–III веках стали предметом интеллектуальной обработки, раскрывшей их значение «писаного разума» в более позднее время – в юстиниановой систематике (VI в. н. э.), а затем, значительно позднее, – в проработках глоссаторов и постглоссаторов, приведших к формированию нового культурно-правового шедевра – «права университетов» средневековой Европы⁹.

В этой связи невозможно согласиться с мнением О. Шпенглера, который, характеризуя римское частное право, говорит о необходимости «знания античного права, причем не как образца значимых ныне понятий, но как блестящего примера права из чисто *практической* жизни эпохи»¹⁰. Римское частное право – это не только блестящий пример «из чисто практической жизни эпохи», но и выдающийся исторически уникальный образец кристаллизации «чистой мысли», «писаного разума», воплощенных в системе, логике права, в его понятийном аппарате, юридических конструкциях.

⁸ Покровский И. А. Указ. соч. С. 49.

⁹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 86.

Отмеченные моменты, думается, выражают одну из существенных особенностей права, его значение для цивилизации как общекультурной ценности. «Право, и в первую очередь частное право, как справедливо подчеркивает С. С. Алексеев, олицетворяет и поддерживает целостность и единство человеческой цивилизации во времени. Оно в этом отношении – именно тот механизм культуры, который обеспечивает череду сменяющихся эпох и национальных культур непрерывность, преемственность в регулировании экономических, личных неимущественных отношений, то есть – во всем том, что выражает ценность права как механизма непрерывного воспроизводства социальной системы, причем не только «данной» (исторически определенной, национальной), но и в принципе самой по себе общественной организации как таковой – способ существования любого человеческого общества»¹¹.

Вместе с тем наряду с универсальными («наднациональными») чертами в правовой культуре, в ней воплощаются и специфически национальные свойства, отражающие те или иные исторические, культурные, национальные и иные особенности конкретного народа. Примечательно в этом смысле замечание Ф. Энгельса, который, говоря об универсальном (всеобщем) влиянии экономики на правовые формы и институты, подчеркнул: «... но только с этой точки зрения трудно было бы доказать, что абсолютная свобода завещаний в Англии и сильное ее ограничение во Франции объясняются во всех частностях только экономическими причинами»¹².

Представляется необходимым обратить внимание и еще на один момент при характеристике частного права как явления культурологического дискурса. Частноправовая сфера явилась той исторически исходной, первичной социальной областью, которая возникла не по государственно-властному велению, а сформировалась естественным путем как результат длительного развития имущественных отношений и иных отношений между людьми при переходе их от первобытнообщинного состояния к цивилизации. Те факторы, которые связаны с разумом, творческой деятельностью человека, его культурой, обусловили появление частноправовых установлений, равных между собой субъектов имущественных отношений, свободных определять свою волю и поведение. Поэтому неслучайно очень многие основные юридические категории и конструкции выработаны именно в результате развития частноправовой культуры и затем использовались в иных сферах.

Происходящие сегодня в нашем обществе изменения в правовом, в особенности частноправовом, регулировании носят дос-

таточно серьезный характер. Включение этих процессов в контекст развития мирового правопорядка позволит проверить адекватность и «правильность» частноправового развития в нашей стране и на этой основе более четко определить пути и критерии, ценности и цели совершенствования частного права в России. Все это позволит приблизиться к разрешению основной проблемы: откуда и куда идет развитие российской частноправовой культуры, есть ли у нее свои собственные (национальные) критерии и ориентиры, или она идет в русле интернационального («наднационального») прогресса; каковы смысл и цель происходящих в настоящее время частноправовых изменений.

¹¹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 77.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

«Время памяти» в европейских садовых топосах Нового времени: политико-правовой аспект

Исследование семантики садово-паркового искусства имеет солидную научную традицию как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Превращая сад в объект отражения «ментального климата» Прошлого, историки садовых стилей обычно придают приоритетное значение анализу социо-культурных аспектов тех семантических представлений, которые могли возникнуть в эстетическом мышлении посетителей старинных садов иного исторического времени при желании «прочитать» аллегорическую символику «зеленой архитектуры»¹.

Значительно меньше внимания уделяется в истории садов вопросу о специфике идеологического воздействия садовых топосов на людей Другой эпохи, которые, подобно живущим сегодня, неизбежно должны были идентифицировать себя не только с определенной социальной средой, но и в качестве носителей особых культурных архетипов, сформированных под воздействием архитектоники политико-правового пространства, вписанного в контекст частной жизни человека Прошлого.

Обращение к изучению типологии политических топосов садово-паркового искусства представляет интерес и для историко-правовой науки, которая в силу своей традиционной приверженности к формально-юридическому методу пока недостаточно мобильно реагирует на тенденцию к расширению и обновлению методологического инструментария гуманитарных дисциплин. Задача осмысления темпорального контекста истории идей носит актуальный характер применительно к исследованиям историков-юристов, позволяя определить эвристический потенциал ряда теоретических концептов прошлого, неоднократно использованных на официальном уровне европейскими государствами Нового времени для разработки механизма социальной трансляции тех стереотипов политической культуры, которые можно рассматривать в качестве идеологических приоритетов для конструирования политико-правовых

* Елена Станиславовна Соколова – канд. юр. наук, доцент кафедры истории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

мифов о легитимных пределах и сущности институтов власти в ее взаимодействии с личностью.

Расширение границ методологической свободы историков права и государства диктуется необходимостью воссоздания специфики семантических систем, составляющих неотъемлемую часть духовной атмосферы, отражающей специфику становления и функционирования государственно-правовых институтов Нового времени, нередко аккумулирующих в себе на качественно новом уровне репрезентацию предшествующего историко-политического опыта. Историк государства и права не должен отказываться от задачи проникновения в специфику аллегорических представлений о природе и сущности власти, с помощью которых моделировались политические сценарии, закрепляющие в сознании различных социальных категорий миф о легитимном характере «эпической дистанции», отделяющей властную элиту от остального социума. Научная перспективность обозначенного исследовательского курса заключается, прежде всего, в том, что история государства и права постепенно будет утрачивать свойственную ей инскрипционность, ориентируясь на поиск соотношения между официальной правовой парадигмой и уровнем политической культуры общества, специфика которого в значительной мере зависит от мемориальных тенденций, спровоцированных как событиями истории, так и способами их идеологической интерпретации, использованными государством, всегда выступающим в качестве непрерывно функционирующего института формирования коллективной памяти.

Понимание сада как особого зашифрованного текста восходит своими корнями к античной культуре и связано, прежде всего, с философским представлением о взаимосвязи человеческого мира и макрокосма. В античных трактатах встречается немало упоминаний о благотворном воздействии деревенской глуши на мысли и чувства тех, кто ищет чужой мудрости, «стремясь к лучшему и убегая от худшего» в умении мыслить «надлежащим образом». Уединение в частной вилле создавало для античных интеллектуалов иллюзию общения с Вселенной. Оставаясь «наедине с собой», человек учился «жить согласно своей природе», постепенно узнавая божественное в проявлениях земного круговорота вещей².

Классический облик античного сада, концентрирующего в себе места и образы памяти, был перенесен в западноевропейскую культуру периода Ренессанса. По мнению Лоренцо Медичи, «выдающиеся мужи древности» имели все основания превращать свои библиотеки и сады в своеобразные театры памяти, облагораживая их произведениями искусства, прославляющими деяния тех, кто прежде блистал славой и мудростью³.

Существенной особенностью садов Возрождения являлась их насыщенность символикой, отражающей особый тип отношения личности к политическому пространству, построенный на провозглашении равнозначной ценности утонченной саморефлексии мудреца-отшельника и активного участия «человека совершенного» в государственной деятельности, направленной на созидание общего блага. Синтез частных и публичных аспектов, характеризующий семиотику садов Ренессанса, хорошо прослеживается на примере виллы кардинала Ипполитто д'Эсте в Тиволи, спроектированной в 1550 году известным знатоком античности Пирро Лигорио. В основу иконографии, использованной в декоративном оформлении дворца и окружающих его садов, была положена идея прославления личности и деяний ее заказчика. В декоре внутренних дворцовых интерьеров преобладают мотивы античного мифа о похищении Гераклом чудесных яблок из сада Гесперид, обладание которыми было связано с даром вечной молодости. Орлы д'Эсте и по сей день украшают знаменитую аллею ста фонтанов, горделивые струи которых радужно переливаются в свете тибуртинского солнца, знаменуя триумф преображения природы, поставленной на службу человеку и прославляющей его непреходящую доблесть⁴. Указанная тенденция, основанная на использовании классических мотивов в оформлении декора, стала доминирующей чертой архитектурно-садовой концепции Нового времени, которая формировалась на фоне постепенной смены культурно-эстетической парадигмы и политических стереотипов.

Семиотическая универсальность Ренессанса оказалась весьма созвучной «монархическому» компоненту дворцово-парковых ансамблей периода абсолютизма, космология которых строилась на сочетании идиллических мотивов с комплексом рациональных представлений о легитимном характере суверенной королевской власти, обладающей постоянством функций и социально-политической независимостью в действиях. Версаль воплотил в себе новую модель Вселенной, сконструированную в духе французского рационализма, где главенствует Король-Солнце, подчиняющий себе как земной мир, так и небеса. Моделируя сакральное пространство «очарованного острова», расположенного в прозрачной дымке пленера и окруженного боскетами, фонтанами и парадными партерами, посвященными сюжетам античной мифологии, создатели Версаля, очевидно, стремились к формированию особого микрокосма, способного соперничать с «Градом Божьим» и демонстрирующего безграничные возможности королевской власти в обустройстве земного рая⁵.

Аналогичная модель садово-парковой идеологии оказалась весьма востребованной и в Восточной Европе, слабо знакомой с

античными реминисценциями в культуре западного Ренессанса, но готовой к поверхностному синтезу традиций барокко и классицизма, который являлся неизбежным последствием постепенного укрепления экономических и культурных контактов России рубежа XVII–XVIII вв. с Голландией, Англией и странами северо-европейского региона. Уже в манифесте от 16 апреля 1702 года о приглашении иностранцев в Россию Петр I открыто провозгласил достижение «общего блага» приоритетным направлением государственной политики, реализация которого невозможна без обеспечения внешней безопасности страны и усвоения социокультурного опыта европейской цивилизации⁶. Перспектива повышения международного статуса Российской державы после успешного завершения первого этапа Северной войны предопределила курс Петра I на открытую подражательность его многочисленных инициатив социально-политической направленности, что неизбежно вело к закреплению данной тенденции в сфере культурного пространства.

Использование новых для России многокультурных политических кодов, направленных на формирование абсолютистской модели отношений подданства, является ведущей чертой концепции Летнего сада, расположенного вокруг царской резиденции, предназначенной для проведения ассамблей в теплое время года. Подчиняя организацию садового пространства дидактическим принципам воспитания и наставления, Петр I позаботился о создании знаковых аллегорий ренессансного типа на основе мифологических сюжетов, прочно вошедших в культуру Нового времени через эстетику маньеризма и барокко. Просветительский характер Летнего сада потребовал от его создателей решительного разрыва с некоторыми традиционными художественными концептами средневекового православия, отрицавшего искусство объемной скульптуры как чрезмерно мирское и языческое. Реформируя московскую старину, Петр I придавал огромное значение развитию навыка «новых» европейцев к восприятию семиотической смысла аллегорий и символов, включенных в текстологическую структуру Летнего сада.

Знакомая с искусством скульптурного декора западноевропейских садов, Петр I дал в 1716 году распоряжение С. Рагузинскому переслать из Венеции «Роспись, каковы статуи употребляют в наилучших садах царских, королевских и протчих господ великих». Регламентация соответствующих канонов, судя по донесению русского посланника, отличалась к началу XVIII столетия сложной знаковой системой, которая строилась на сочетании семантики мифологических образов, символов и эмблем, подчиненных решению композиционных, стилистических и мировоззренческих задач. Рагузинский информировал царя о том, что в хорошо устроенном регулярном саду знатного вельможи королевского происхождения по-

лагаются иметь изваяния греко-римских богов, прославляющих политические добродетели в соответствии с сюжетами самых известных античных авторов. В этот же перечень он рекомендовал включить 12 статуй «в манере египетской», олицетворяющих «знаки небесные» на основе эллинистических представлений о богах-планетах. Использование данного топоса было характерной чертой семантики версальских садов, тесно связанной с культом Аполлона-Феба, в образе которого прославлялась божественная сущность Короля-Солнце. По совету того же Рагузинского Петр I заказал «наилучшим мастерам венецким» 24 статуи, изображающие «12 главных царей римских и 12 цесаревен», что вполне соответствовало имперским притязаниям российской короны⁷.

Неофициально посетив Францию в 1717 году, Петр I не остался равнодушным к политической программе, воплощенной в эстетике королевских садов. Планируя перенести значительную часть публичных мероприятий на широкие просторы Невы для придания им большей масштабы, царь придавал исключительное значение визуально-зрелищным возможностям природного ландшафта. Находясь под явным впечатлением от размаха версальской резиденции, Петр I частично даже использовал планировку королевских садов при разбивке Летнего сада. Судя по описаниям современников, его южная сторона была отведена под строительство оранжереи, а широкая гладь Невы превратилась в аналог Северного партера⁸.

Топографическая роль Невы напоминала концепцию версальского Большого канала, где при Людовике XIV проходили многолюдные морские празднества стилизованного характера и скользили по водной глади уменьшенные модели лодок и кораблей, доставленные по приказу короля в 1669 году. По указу от 12 апреля 1718 года был разработан особый регламент царского катания по Неве. Преследуя цель «лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании», царь распорядился раздать в пользование жителей столицы парусные и гребные суда из казны. Отказ от участия в царской прогулке считался нарушением воли государя и наказывался денежным штрафом. Прогулка начиналась от Летнего дворца в «вертограде царском» при любой погоде и завершалась после полуночи «под звуки прекрасных ноктюрнов», сопровождаемая порою несчастными случаями⁹. В интерпретации Петра I игровой компонент версальских садов, насыщенный французским изяществом и изысканностью, был превращен в прямолинейную и грубую демонстрацию исполинской силы самодержавия, играющего судьбами подданных, вынужденных перестраивать свой быт и образ мышления в соответствии с новой политической реальностью. Тем не менее, внешняя аура российской садовой символики быстро

приближалась к западноевропейским образцам аллегорических текстов садового декора, эстетизирующих идею абсолютности суверенной власти в политическом сознании подданных.

Рассмотренные выше общие принципы организации микромоделей политического пространства, выстроенные на основе сакрализации мотивов античной мифологии, осуществленной в контексте рационалистических идеологем Нового времени и синтезированной в садовых топосах официальных и частных резиденций, не исчерпываются приведенными примерами. Многокультурность и концептуальное разнообразие мнемонических кодов, использованных творцами садов Нового времени в качестве исходного материала для формирования мест и образов памяти, предоставляют широкие возможности для дальнейшей разработки исследовательской стратегии осмысления обозначенной проблемы в ее политико-правовом аспекте. В качестве одного из приоритетных направлений изучения официальной символики садовых топосов могло бы стать дальнейшее выявление их национальной специфики, наличие которой ни в малейшей степени не противоречит высказанному автором тезису о цивилизационном единстве их сущностной основы, объединяющей сакральное и профанное в целях поиска универсального политического абсолюта.

¹ См., например: *Hadfield M.* Gardening in Britain. London, 1960; *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Русские сады и парки. М., 1988; *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб., 1991; *Свирида И. И.* Сады Века философов в Польше. М., 1994; *Pinto J. A.* Hadrian's Villa and Its Legacy. New Haven; London, 1995; *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003.

² Сенека Луций Анней Младший. Нравственные письма к Луциллию. Письмо XLI // Сенека. Марк Аврелий. Наедине с собой. Симферополь. 1998. С. 79.

³ *Браччоллини П.* О благородстве // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 208. Лоренцо Медичи (1395–1440) – брат Козимо Медичи Старшего, с именем которого связано начало политического возвышения торгово-банковского дома Медичи во Флоренции.

⁴ *Тучков И. И.* Genius Loci: вилла д'Эсте в Тиволи // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997. С. 177–190; *Giagnoli R.* Тиволи. Вилла Адриана. Вилла д'Эсте. Вилла Грегориана. Tivoli, 2007. P. 49–53.

⁵ *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. I. С. 31–39; *Ленотр Ж.* Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003. С. 22–29 и далее; *Уг С., Соль Б.* Versailles. Ваша прогулка по Версалю. Versailles, 2004. С. 14–17; *Свирида И. И.* Версаль в русской культуре: между реальностью и мифом // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. С. 5–41.

⁶ Манифест о вызове иностранцев в Россию. 16 апреля 1702 года // Законодательство Петра I. М., 1997 С. 535–536.

⁷ Цит. по: Малиновский К. М. Скульптура Летнего сада // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 2. С. 184–185.

⁸ Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. [Репринт 1914 г.]. М., 1990. С. 631–633; См. топографическое описание садов Версаля в кн.: Уг С., Соль Б. Указ соч. С. 114–156.

⁹ Князьков С. Указ. соч. С. 637–638; Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 176–181.

Т. В. Филипповская*

Межкультурные реалии и право студентов на качественное образование

Было бы абсурдным оспаривать право студента на получение качественного образования. Проблема здесь проявляется на уровне представлений о сути и условиях, обеспечивающих качественное образование студентов – будущих юристов, а также о перспективах использования зарубежного опыта в нашей, по сути своей достаточно консервативной, педагогической практике.

Особую значимость приобретает здесь межкультурный опыт организации самостоятельной работы студентов (СРС). Известно, что не всякое учение является учебной деятельностью. Так, по мнению А. К. Марковой, учение тогда становится учебной деятельностью, когда учащийся овладевает не только знаниями, но и способами их приобретения, если эти способы не даны в готовом виде, а самостоятельно строятся, осваиваются, разрабатываются учеником, если в процессе реализации способов работы со знаниями реализуются способы работы с самим собой, то есть приемы самоконтроля и самооценки¹.

Что же мешает эффективному внедрению СРС?

Первым барьером, с нашей точки зрения, являются реальные структура и объем, а также информированность студентов о сути и значимости самостоятельной работы. Анализ 102 эссе студентов 1–5 курсов, обучающихся в государственном и негосударственном вузах по социально-гуманитарным дисциплинам (и в том числе юриспруденции), позволил выявить ряд общих для многих вузов тенденций.

Студенты высоко оценивают роль самостоятельной работы в получении качественного образования. Считают, что в современных условиях целесообразно уменьшить объем часов на лекционные занятия, заменив их активными семинарами, на которых студент сможет не только осваивать теоретический материал, но и учиться формулировать, отстаивать свое мнение, связывать тео-

* **Татьяна Владимировна Филипповская** – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и социальной психологии УрГЭУ (г. Екатеринбург).

¹ См.: Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990. С. 34.

ретические концепции с практикой их реализации, искать пути выхода из нормотворческих коллизий.

Обобщение мнения экспертов – преподавателей (в этой роли выступили 10 педагогов, работающих со студентами, писавшими эссе) позволило сделать вывод, что действующая в вузах система организации обучения в недостаточной мере способствует формированию у студентов навыков эффективной самостоятельной работы. При этом под понятием «эффективная самостоятельная работа» все преподаватели подразумевали разные практики. Одни считают, что качественным образованием в вузе для студентов-юристов становится в результате выполнения курсовых, дипломных работ. Другие доминантными видят занятия на факультативах, участие в деловых играх, когда студент должен применять на практике востребованные в будущей профессиональной деятельности компетенции: ораторского мастерства, работы с большими массивами информации, аргументации, ведения дискуссии в рамках цивилизованной деловой коммуникации и т. д.

Но, как выяснилось, и студенты, и преподаватели-эксперты по-разному оценивают удельный вес различных видов самостоятельной работы в формировании массива качественных знаний, умений и навыков будущего юриста. Да и сам перечень используемых форм и видов самостоятельной работы, с нашей точки зрения, представлен весьма традиционно. Здесь есть написание рефератов, курсовых работ, выполнение домашних заданий в форме конспекта, участие в конференциях и олимпиадах, деловых играх, поиск информации в системе Интернет. Однако студенты более прагматично оценивают значимость используемых видов и форм СРС. Для них написание рефератов и подготовка выступлений на семинарах с использованием системы Интернет представляется более значимым, чем для преподавателей. Большинство не имеет представления о перспективах саморазвития в процессе подготовки публикаций, личного участия в олимпиадах, конкурсах, научных исследованиях факультетов и кафедр. Более того, о направлениях научных исследований факультетов практически не информирован никто. А о направлениях научной деятельности педагогов у студентов весьма приблизительное представление. И оно конкретизируется только тогда, когда сам преподаватель рассказывает об этом на занятиях. Более того, по отзывам студентов, им хотелось бы знать о научной деятельности преподавателей больше, но такой информацией они практически не располагают.

Исходя из этого, можно представить второй барьер, мешающий активизации внедрения СРС. Он заключается в неготовности многих российских преподавателей к применению активно используемых педагогических практик

зарубежных коллег. Дело в том, что формы и методы СРС ограничены традиционными в течение многих десятилетий вузовскими практиками. Отсутствует то, что придает особую значимость самостоятельной студенческой работе: современный педагогический подход, осознанно направленный на формирование значимых в современном мире компетенций, связанных с развитием навыков анализа, синтеза, оценки и креативного потенциала будущих выпускников вуза.

Для многих преподавателей показателем эффективности СРС является объем конспекта, причем подготовленного студентом в рукописном варианте. Практически не используется такая форма заданий, как «самостоятельное составление задач, формулировка вопросов» (технология реципрокного обучения), «анализ практических ситуаций из личных повседневных и хозяйственных практик реально действующих субъектов», «презентации в режиме Power Point на семинарах». Практически нет заданий, связанных с поиском и переводом текстов из иностранных источников (за пределами программы курса изучения иностранного языка), поиском ошибок, с точки зрения студента, положений в теоретических концепциях, противоречий теории и практики в деятельности конкретных существующих предприятий, нестандартных решений актуальных практических проблем, подготовкой к дебатам и их модификациям, и т. д.

Незначителен объем освоенных студентами заданий, носящих открыто проблемный характер («Выскажите свое мнение по..., Произошло то-то и то-то, как вы поступите и почему? Укажите «за» и «против» при выборе решения ... Дайте 10 аргументов в защиту тезиса:..., опровергающего тезис:...»). Практически не используется такой массив, как анализ и оценка с современных позиций выполненных предшествующими поколениями студентов, изучающих какой-то курс (например, за 3–5 лет), самостоятельных работ. Это – серьезное направление организации самостоятельной работы студента из опыта зарубежных коллег.

И здесь неизбежно указание на третий мотивационный барьер: отсутствие объективного регламента трудозатрат как студента, так и преподавателя для работы в инновационных условиях, связанных потребностью реализовать межкультурные реалии в практике обучения студентов. Если в планировании СРС внесен некоторый регламент, то трудозатраты преподавателя на реализацию инноваций и, главное, их дидактическую подготовку остаются нелегитимизированными. Причем с регламентом организации самостоятельной работы студентов преподаватели государственного вуза, пусть условно, но знакомы. Для преподавателей негосударственного вуза эта информация оказалась неизвестной совсем. Пример регламента представлен в таблице.

№	Виды учебных (аудиторных) работ	Коэффициент удельных затрат времени на самостоятельную работу (на 1 час аудиторной работы)
1	Лекции	0,1-0,25
2	Упражнения (практические занятия) с домашними заданиями	0,3-0,7 (с учетом выполнения домашних заданий)
3	Упражнения (практические занятия) без домашних заданий	0,2-0,4
4	Семинарские занятия	0,2-0,6 (без учета конспект. лит. источ.)
5	Лабораторные работы (с оформлением отчета в ходе аудиторных занятий)	0,15-0,25
6	Лабораторные работы (с оформлением отчета дома)	0,3-0,5
7	Подготовка к зачету	0,1-0,2
8	Написание эссе по проблемным вопросам курса, написание рефератов, аннотирование монографий и статей в периодической печати	1 час на каждую страницу текста А4 (примерно 1850 знаков, включая таблицы, схемы и рисунки)
9	Подготовка конспекта литературных источников	0,2 часа на каждую страницу
10	Подготовка к контрольной работе или коллоквиуму, иной контрольной точке, проводимой в том числе по балльно-рейтинговой системе	2 часа на каждую контрольную точку
11	Перевод иностранного текста	0,6 часа на 1000 знаков

Востребованная студентами и временем, практикуемая зарубежными коллегами в организации учебного процесса, собственно процедура частичной замены фронтальных лекций и семинаров на различные формы самостоятельной работы потребует реальной перестройки процесса педагогической деятельности. А для этого придется произвести перерасчет временных затрат на работу не только с каждым студентом (при персональном консультировании), но и с каждой подгруппой 4–6 человек, на которые неизбежно придется разбить коллективы студенческих групп для выполнения «командных» заданий СРС.

Например, трудозатраты зарубежных коллег, прежде всего, в расчете учебной нагрузки регламентируются следующим образом². Здесь у членов факультета, работающих полный день, нет четкого расписания по количеству часов. Но они должны исполнять следующие обязанности:

1. Преподаватель низшего ранга (инструктор) должен проводить 15 кредитов за семестр («кредит» – зачетная единица в вы-

² Режим доступа: <http://www.ndu.edu.lb/administration/VP/faculty/workload.htm>

сшем учебном заведении; как правило, количество кредитов за курс равно количеству аудиторных занятий в неделю в течение семестра: 1 аудиторное занятие в неделю – 1 «кредит» за курс, 2 аудиторных занятия – 2 «кредита», и т. д.) и работать в офисе как минимум один час за три семестровых кредита в неделю.

2. Преподаватель (лектор) обязан проводить 12 кредитов за семестр и как минимум один час работать в офисе за каждые три кредита своей преподавательской нагрузки. В дополнение он должен активно проявлять себя в сфере своей специализации и участвовать в жизни университета.

3. Старший преподаватель обязан проводить 12 кредитов за семестр и как минимум один час работать в офисе за каждые три кредита своей преподавательской нагрузки. В дополнение, он так же как и преподаватель, должен активно проявлять себя в сфере своей специализации и участвовать в жизни университета.

4. Доцент обязан проводить 12 кредитов за семестр и 9 за второй семестр текущего года, адъюнкт-профессор (доцент) обязан проводить 9 кредитов за семестр, профессор обязан проводить 9 кредитов за семестр и 6 за второй семестр текущего года. Все они должны как минимум один час работать в офисе за каждые три кредита своей преподавательской нагрузки. В дополнение обязаны активно проявлять себя в сфере своей специализации, включая исследования и публикации, а также принимать активное участие в жизни университета.

По утвержденному регламенту, любому преподавателю на факультете, не занимающему административную должность и не находящемуся в отпуске, может быть назначено от одного до пяти дополнительных кредитов в семестр, с учетом того, что эти занятия не отразятся негативно на его основной деятельности. Количество сверхурочных кредитов преподавателям, уже имеющим полную университетскую занятость, не должно превышать 1% от общего количества кредитов. Преподаватель зарубежного университета имеет право на исследовательское время взамен 3-х семестровых кредитов с сохранением обычного оклада. Это время может быть предоставлено только ректором по причинам важности и уникальности исследовательского проекта, который должен быть одобрен исследовательским комитетом. По окончании семестра преподаватель должен предоставить письменный отчет со всеми прилагающимися документами, касающимися прогресса в исследовательской работе. В случае получения одобрения со стороны коллег, преподаватель имеет право продлить исследовательское время еще на один семестр, но не более. В случае продления исследовательского времени более чем на два семестра, преподаватель должен снова подать заявление на обычных основаниях.

Мы же пока отмечаем, что подготовка студентов-юристов весьма специфична. И регламент, общий для большинства коллег, преподающих социально-гуманитарные дисциплины, здесь не всегда можно реализовать. Об этом аргументированно говорит Т. В. Свистунова³. Автор отмечает, что нельзя не видеть, что нормы времени, установленные как министерством, так и вузом на отдельные виды работы преподавателя, ведущего юридические дисциплины, явно занижены по сравнению с теми неизбежными затратами времени, которые будут, если работу делать качественно. К таким видам работ Т. В. Свистунова относит следующие:

1. Подготовка к лекционным занятиям. Специальность «Юриспруденция» относится к числу тех, которые информационно перегружены. Идет сплошной поток законодательных актов, по одним и тем же вопросам в короткое время один закон сменяется другим, активно вносятся изменения и дополнения в действующие законы. Издают свои нормативные акты Президент и Правительство. Активно занимаются нормотворчеством министерства и ведомства. Новизна нормативных актов, нередко существующие в них пробелы, порой и противоречия между ними порождают проблемы в правоприменении. Преподаватель должен овладеть информацией о правоприменительной практике, и прежде всего судебной, использовать ее в лекциях. При таком объеме информации фактические затраты времени на подготовку по всем видам лекций будут несоизмеримы по сравнению с нормативными. Подготовка качественных лекций по юридическим дисциплинам в настоящее время возможна в большей мере за счет личного времени преподавателя, что нельзя оценить как оптимальную форму организации труда преподавателей со стороны управляющей системы.

2. Руководство курсовыми работами студентов специальности «Юриспруденция». Норма времени ограничена 1,5–2 часами. Такая норма времени на руководство курсовой работой по юридическим дисциплинам не дает возможности преподавателю обеспечить качественное руководство.

Действительно, требования к курсовой работе студента-юриста направлены на формирование и развитие умений и навыков научной работы, толкования правовых норм, поиска информации, ее анализа и обобщения в правоприменительной практике, юридического мышления, обработку юридического стиля изложения, само-

³ Свистунова Т. В. Некоторые аспекты обеспечения качества подготовки студентов специальности «Юриспруденция» // Юридическое образование, наука, практика: Взаимодействие и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. С. 66–72.

стоятельности и творчества студента. Студент нуждается в систематической помощи руководителя. Это не только неоднократные встречи, но и проверка, оценка всех видов студенческих работ при написании курсовой. Сюда входят проверка и оценка объема источников, структуры работы, проверка черновики, как по частям, так и в целом, и др. В результате на практике преподаватель, качественно исполняющий свои обязанности, затрачивает на фактическое руководство каждой курсовой работой не менее 8–12 часов, и уже, как правило, за счет своего свободного времени. То же касается и подготовки совместных со студентом научных публикаций, студенческих выступлений на олимпиадах и конкурсах и пр.

Качество обучения здесь вступает в прямую корреляцию с желанием и возможностью преподавателя тратить свое свободное время безвозмездно. И здесь параллельно встает задача изменения подхода к распределению аудиторного фонда в вузах, технологического обеспечения рабочего места каждого преподавателя и т. д. Кроме этого, актуализируется задача разработки мотивирующих тарифов оплаты труда практиков, ценность учебных контактов с которыми возрастает вне зависимости от их «остепенности», и многое другое. Только преодоление указанных нами барьеров позволит отойти от традиционных форм СРС и начать реальное обновление сути и результатов педагогического процесса обучения студентов-юристов в вузе.

Понятие, природа и развитие категории права публичной собственности в России и зарубежных странах

Институту права публичной собственности в юридической науке всегда уделялось большое внимание. В правовых системах европейских государств XIX века, в том числе в России, были предложены теоретические подходы к определению данного понятия, которые соответствовали историческим тенденциям развития формирующегося капиталистического общества. В советский период созданная учеными теория права государственной социалистической собственности соответствовала административно-командной экономической системе и на протяжении всего существования советского государства применялась на практике. Однако с переходом к рыночной экономике эта теория не нашла своего отражения в современном законодательстве, что обусловило новый интерес к указанной проблематике. В настоящее время правовой институт отношений публичной собственности еще недостаточно регламентирован законодателем, поэтому цивилистические исследования в данном направлении сохраняют свою актуальность.

Законодательство стран континентальной Европы о праве собственности имеет единый исторический источник – римское частное право, в котором в качестве самостоятельного объекта правоотношений выступали так называемые публичные вещи, составляющие предмет общего обладания (*res publicae*), правовой режим данных объектов определялся нормами публичного права. Для обозначения вещей, принадлежащих частному лицу, применялась категория *res privatae*. В зависимости от своего назначения объекты *res publicae* распадались на несколько категорий:

- вещи, находящиеся в общественном (публичном) пользовании, которые эксплуатируются всеми членами общества (реки, порты, дороги, театры и т. п.);

* **Наталья Юрьевна Чельшева** – канд. юр. наук, преподаватель кафедр гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России (г. Нижний Тагил).

- вещи, служащие специфическим целям государства и изъятые из непосредственного пользования граждан (казна, военное снаряжение и т. п.);

- вещи, являющиеся объектом коммерческой деятельности государства (земля)¹.

Вещи первой категории, предназначенные для постоянного общего пользования, не были включены в гражданский оборот. Оборот вещей последующих категорий, предназначенных для постоянного расходования на общественные нужды, был регламентирован нормами гражданского права².

Данный механизм, разработанный древнеримскими юристами, явился прообразом современной концепции права публичной собственности, применяемой в европейском праве. В зависимости от значимости объекта для общества в действующем законодательстве Испании, Португалии, Франции М. И. Кулагин выделял две формы реализации права собственности публично-правового образования³. К первой форме реализации относятся правоотношения публичной собственности, объектом которых выступает имущество, признаваемое законодателем «национальным достоянием». Объекты национального достояния принадлежат на праве собственности исключительно государству, не подлежат отчуждению, не могут быть предметом гражданского оборота. Обычно к данной категории отнесены территориальные воды, морские берега, ценные полезные ископаемые и т. п. По общему правилу, объекты национального достояния могут быть использованы только на общее благо, что чаще всего отражено в нормах конституционного права.

Ко второй форме реализации относятся правоотношения публичной собственности, объектом которых является оборотоспособное имущество, правовой режим которого закреплен в нормах гражданского права без учета специфики правового статуса публичного собственника.

В дореволюционной русской правовой доктрине многие исследователи предлагали дифференцировать объекты права собственности государства в зависимости от их назначения на две категории. Г. Ф. Шершеневич предлагал разделять все государственное имущество на казенные вещи и вещи общественные. В отношении

¹ См.: *Дождев Д. Р.* Римское частное право: учебник для вузов. М.: Инфра-М-Норма, 1996. С. 305.

² См.: *Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 597.

³ *Кулагин М. И.* Предпринимательство и право: опыт Запада // М. И. Кулагин. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут (Классика российской цивилистики), 2004. С. 272.

казенных вещей государство приравнивается к частному лицу и вправе исключить иных лиц от пользования ими (земли, крепости, военные орудия). Общественные вещи, хотя и принадлежат государству, но предоставлены в общее пользование всех граждан ввиду значительного культурного интереса, который они представляют (дороги, реки, музеи)⁴.

Другого мнения придерживался В. И. Синайский, писавший, что отдельные объекты государственного имущества (дороги, площади) по своему назначению могут служить непосредственно общественно полезным целям, в связи с чем в отношении них законом устанавливаются некоторые ограничения «в интересах общего пользования», но при этом данные объекты не составляют особого вида объектов права государственной собственности⁵.

Центральное место в научных дискуссиях советского периода занимал анализ экономической природы собственности государства, основополагающим сущностным признаком которой признавалось отношение коллектива советских граждан к государственному имуществу как к своему⁶. Однако уже тогда данный подход в науке оценивался критически. С. М. Корнеев считал, что в социально-экономическом смысле собственником государственной (общенародной) собственности является народ, но субъектом права государственной собственности является государство⁷. Б. Б. Черепяхин писал, что понятие «достояние республики» не должно быть отождествляемо с государственной собственностью. Данный термин отмечает лишь общегосударственное значение подобного рода объектов и обусловленное им установление государственного надзора за их использованием⁸.

Пережив на отечественном историческом опыте отрицательные стороны социалистического строя, нельзя забывать и о его некоторых положительных факторах. Как отмечает М. В. Власова, в социалистический период собственность являлась всенародным достоянием — то есть общим достоянием всего народа, а государство как представитель народа выступало в роли управляющего

⁴ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 148.

⁵ Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 138.

⁶ См., например: Васильев Ю. С. Право государственной социалистической собственности. М., 1984. С. 18–19.

⁷ Корнеев С. М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964. С. 89–95.

⁸ Черепяхин Б. Б. Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву // Б. Б. Черепяхин. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 76–77.

этим достоянием⁹. Как выразитель интересов социалистического общества, государство было заинтересовано в поддержании статуса великой державы. Тридцатые годы XX века ознаменовались для СССР строительством новых предприятий, становлением новых отраслей индустрии. По справедливому замечанию М. В. Власовой, негативная сущность современной российской приватизации заключается в том, что в ее процессе в собственность отдельных лиц переходит то, что раньше было собственностью всего советского народа, а не советского государства как самостоятельного обособленного от общества субъекта гражданско-правовых отношений.

В настоящее время Е. А. Суханов утверждает, что участниками публичной собственности как экономической категории являются все члены общества как «совладельцы» (в экономическом смысле) материальных благ. В правовых отношениях, напротив, имущество государства всегда обособлено от имущества иных лиц¹⁰. Как справедливо отмечает В. Г. Голубцов, имущество, отнесенное законодателем к объектам исключительной государственной собственности, имеет особый правовой статус, правомочия государства относительно этого имущества имеют специальный характер, но в то же время это должны быть конструкции, известные гражданскому праву¹¹.

По указанию Конституционного Суда РФ, в федеральном законодательстве термин «достояние» применяется преимущественно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть важность и уникальность определенных объектов (природных ресурсов, культурных, исторических, археологических ценностей, животного мира, информационных ресурсов) и тем самым установить для собственника дополнительные ограничения в интересах общества. При этом собственниками данных объектов могут быть как публично-правовые образования, так и физические и юридические лица. Народ в качестве субъекта права собственности выступать не может. В то же время, согласно ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, народ может быть субъектом общественных отношений, в которых тот или иной объект объявляется как его достояние, как основа его жизни и

⁹ Власова М. В. Право собственности и социальная справедливость в процессе развития российской государственности // История государства и права. 2002. № 1. С. 55.

¹⁰ Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 62.

¹¹ Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 136.

деятельности¹². Из сказанного следует, что обязательным исходным условием для приобретения права собственности, как и любого другого субъективного права, является наличие гражданской правосубъектности. Народ, общество, гражданское население и иная подобная структурированная совокупность частных лиц, проживающих на определенной территории, не является субъектом гражданского права, а следовательно, юридически не может быть собственником. Таким образом, общественные отношения национального достояния, участником которых признается народ в целом, не являются правовыми.

При этом следует отметить, что многие авторы предлагают закрепить в законодательстве России участие народа в решении вопросов относительно публичного имущества (например, приватизация предприятий энергетической отрасли, отрасли народного хозяйства) в виде референдумов, опросов, собраний и иных форм совместного волеизъявления¹³. Данные предложения носят справедливый характер. До настоящего времени в России отсутствует правовой механизм определения юридической судьбы социально-значимых объектов, обеспечивающий защиту интересов как общества в целом, так и его отдельных членов. Кроме этого, в законодательстве отсутствуют критерии, согласно которым тот или иной объект следует признать общественным достоянием, что зачастую позволяет изымать из общественного пользования и передавать в собственность частных лиц, а также менять назначение таких объектов, которые по своей социально-экономической сущности должны являться объектами исключительно права публичной собственности.

¹² См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В. О. Лучина к Постановлению Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции республики Алтай и Федерального Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

¹³ См.: Морозова Л. А. «Государство и собственность (Проблемы межотраслевого института)» // Государство и право. 1996. № 12. С. 20–21; Калалов О. А. Гражданская правосубъектность муниципальных образований: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2002. С. 14.

Д. С. Шистеров*

Коммерческое обозначение в российском гражданском праве и международном частном праве как элемент межкультурного взаимодействия

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы и открывают возможность прямого действия и применения правил международного договора к соответствующим общественным отношениям. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Участие РФ наравне с другими странами в международных договорах, конвенциях и организациях для достижения лучших результатов в решении наиболее важных вопросов для государств и мирового сообщества в целом является одним из примеров межкультурного взаимодействия в праве.

В СССР, а затем в России термин «коммерческое обозначение» был известен из статьи 2 (VIII) Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, от 14 июня 1967 года (далее – Конвенция, учреждающая ВОИС), где в качестве объекта интеллектуальной собственности наряду с фирменным наименованием (*nom commercial, trade name*) указано коммерческое обозначение (*denomination commercial, commercial name*)¹.

В настоящее время в РФ институт коммерческого обозначения регулируется нормами ч. IV ГК РФ, которая вступила в силу с 01.01.2008 г. Само понятие коммерческого обозначения в нормах Ч. IV ГК РФ не раскрыто, а указаны только признаки, которым данный институт должен соответствовать.

Важным следует отметить, что с вступлением в силу ч. IV ГК РФ произошел ряд изменений, касающихся использования тер-

* **Дмитрий Сергеевич Шистеров** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Еременко В. И. Правовое регулирование коммерческих обозначений в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 4. С. 5–10.

мина «коммерческое обозначение», а именно в п. 2 ст. 132 ГК РФ, содержащей основные признаки предприятия как объекта прав. В данной статье слова «фирменное наименование» заменены словами «коммерческое обозначение». Также в новой ст. 559 ГК РФ, нормах которой регулируется договор продажи предприятия, термин «фирменное наименование» отсутствует.

На мой взгляд, данные изменения носят положительный характер, поскольку фирменное наименование не входит в состав имущества предприятия как объекта гражданских прав и, следовательно, не может быть отчуждено.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующий вывод: участие РФ, в частности, в указанной международной конвенции повлекло возникновение в правовой системе нового элемента – «коммерческое обозначение». Что указывает на положительное развитие внутренней правовой системы и соответствие ее нормам международного права.

В современном международном частном праве объекты авторского и патентного права стали объединяться в одну общую группу, получившую наименование «интеллектуальная собственность». Это связано с заключением Стокгольмской конвенции 1967 года, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС). Согласно ст. 2 Конвенции интеллектуальная собственность включает права, относящиеся, в том числе, к фирменным наименованиям, коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях². За рубежом институт коммерческого обозначения развивался как дополнение к институту фирменного наименования.

Если фирменное наименование было отражено в универсальном международном договоре еще в конце XIX в. (Ст. 1, 8, 9 Парижской конвенции), то упоминание о коммерческом обозначении появилось в Конвенции, учреждающей ВОИС, в 1967 году, и только лишь в статье 2 (VIII).

В законодательстве и судебной практике государств с развитым правопорядком коммерческое обозначение известно под различными названиями: например, вывеска (в Испании, Италии, Португалии, Франции), вымышленное или официальное наименование (в США), вторичный символ (в Финляндии, Швеции).

Если в отношении фирменных наименований в отдельных странах приняты специальные законы, то в сфере правовой охраны ком-

² См.: *Богуславский М. М.* Международное частное право: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.

мерческих обозначений такие законы отсутствуют. Основная особенность коммерческих обозначений заключается в том, что они не подлежат регистрации и территориальная сфера их действия ограничена местом нахождения торгового предприятия, то есть они имеют локальный характер, дополнительное к фирменному наименованию значение³.

В настоящее время большинство промышленно развитых стран располагает национальными законами о товарных знаках. Так, в Германии действует Закон о товарных знаках 1994 года, устанавливающий правовую охрану для всех обозначений, которые могут быть представлены в виде букв, чисел, слов, имен, рисунков, звуков, трехмерных изображений форм товаров или цветовой гаммы и которые позволяют отличить товары одного производителя от товаров других производителей. Законом также регулируются вопросы правовой охраны незарегистрированных товарных знаков и фирменных наименований, названий публикаций и географических наименований.

Во Франции действует Закон о Кодексе интеллектуальной собственности Франции 1994 года (Т. VII: Товарные знаки, знаки обслуживания и другие отличительные обозначения), согласно которому правовая охрана предоставляется различным наименованиям (слова, комбинации слов, имена, географические названия, псевдонимы, буквы, цифры, аббревиатуры), слышимым обозначениям (звуки, музыкальные фразы), изобразительным обозначениям (рисунки, ярлыки, этикетки, печати, кромки, клейма, рельефы, голограммы, девизы, собирательные образы; форма, в особенности форма предмета или его упаковка, либо форма, позволяющая отличать услуги; расположение, комбинация или оттенки цветов).

В Великобритании действует Закон о товарных знаках 1994 года, пришедший на смену Закону 1938 года, в США – Закон о товарных знаках 1995 года, в Швейцарии – Закон о товарных знаках 1993 года⁴.

Подводя итог, отмечу, что в международном частном праве, на примере рассмотренных стран, термин «коммерческое обозначение» также является новым, его понятие не закреплено в законах.

В современной отечественной цивилистике существует мнение об ошибочности употребления в русском тексте Конвенции тер-

³ См.: *Еременко В. И.* Правовое регулирование коммерческих обозначений в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 4. С. 5–10.

⁴ См.: *Городов О. А.* Право на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения. М.: Волтерс Клувер, 2006.

мина «фирменное наименование». Дело в том, что словосочетания «*le nom commercial*» (фр.) и «*trade name*» (англ.) из французской и английской версий Конвенции соответственно означают в законодательстве соответствующих зарубежных стран не что иное, как средство индивидуализации бизнеса (предприятия), то есть никак не фирменное наименование, а коммерческое обозначение, каким в настоящее время его знает отечественный законодатель⁵.

В другом краеугольном международном договоре – Стокгольмской конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности 1967 года – используются понятия «*noms commerciaux et dénominations commerciales*» (фр.) и «*commercial names and designations*» (англ.), которые переведены на русский язык как «фирменные наименования и коммерческие обозначения». Однако заметим, что в Стокгольмской конвенции, так же как и в Парижской, не упоминаются понимаемые во французском, английском и американском праве как аналог нашего фирменного наименования термины «*dénomination sociale*», «*company's name*» или «*corporate name*». То есть нормы Конвенции имеют предметом своего внимания только коммерческие обозначения, что опять же ставит вопрос о правильности употребления в российском тексте Конвенции понятия «фирменное наименование»⁶.

Таким образом, категория «коммерческое обозначение», указываясь в законодательствах различных стран, выступает как элемент межкультурного правового взаимодействия государств, что оказывает влияние на формирование законодательств, развитие правовых систем государств.

⁵ См.: *Шишкин Д. А.* Соотношения фирменного наименования и коммерческого обозначения // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 5–8.

⁶ Там же.

Д. А. Ягофаров*, О. А. Колоткина**

Культура прав человека в современном юридическом дискурсе

Обсуждение всякой научной или практически значимой темы в идеале должно быть (служить) примером дискуссионной (дискурсивной) культуры, исключающей, по меньшей мере, использование принципа «сам такой». Это может быть, и даже должно быть отнесено к обсуждению многочисленных граней правозащитной проблематики в современный период. Обратим внимание лишь на две органически взаимосвязанные между собой грани, имеющие, на наш взгляд, исключительно важное значение как для осмысления и обсуждения самой проблематики, так и (что особенно существенно) для выработки научно-практических рекомендаций по корректировке (если не решительному изменению) стратегии и тактики, да и в целом *культуры правозащитного движения* в современных условиях.

Во-первых, речь идет о необходимости повышения степени научности обсуждения различных социально-практических проблем правозащитной проблематики. Это имеет особое значение для правозащитного дискурса в рамках более широкого дискурсивного поля – юридического. Становится, а точнее, уже стало понятным для всех, в том числе и – подчеркнем – для самих правозащитников, что что-то в этом дискурсе следует поменять. Достаточно привести в качестве если не аргумента, то примера, слова Д. Драгунского, высказанные им в статье «Большой правозащитный софизм» в одном из знаковых для каждого представителя правозащитного движения изданий: «Права человека – это отнюдь не универсальная ценность. Именно в качестве универсальной ценности они наиболее уязвимы» [Неприкосновенный запас. 2006. № 1 (045). С. 026]. Иными словами, приходит (а на наш взгляд, уже пришло) время, когда дискурс о правах человека должен приобрести действительно научный облик, превратиться из досужих многочисленных и мало к

* *Дамир Асхатович Ягофаров* – канд. юр. наук, доцент кафедры теории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

** *Оксана Анатольевна Колоткина* – аспирант Гуманитарного ун-та, ст. преподаватель кафедры теории государства и права, конституционного и международного права Уральского ин-та коммерции и права (г. Екатеринбург).

чему и кого (в том числе власть) обязывающих дискуссий в нормальный и результативный профессиональный дискурс. Пространство подлинно профессионального и, тем самым, культурно обоснованного юридического дискурса и может и должно дать такие возможности.

Во-вторых, существующая дискурсивная практика правозащитной тематики достигла того клишированного, стереотипного уровня, когда ни слова, ни личности самих правозащитников (либо тех, кто носит тогу правозащитника) уже не вызывают у людей не то чтобы душевного (и духовного) волнения, как это было еще в недавнем прошлом, не то чтобы они служили стимулом к проявлению какой-то особой социально-политической и правовой активности гражданами (не говорим уже здесь о массах), для которых в общем-то и живут, и «работают» правозащитники, но все чаще они не вызывают к себе хотя бы минимальное доверие. Правозащитные клише и штампы («жертвы репрессий», «тоталитарный режим», «беззаконие», а то и «коммуняки»...) стали едва ли не основным, в сущности, рекламным (PR-овским) средством пропаганды собственной востребованности. Но и здесь мы встречаемся с ситуацией, когда эти штампы лишней раз демонстрируют либо полную юридическую неподготовленность адептов «классического» правозащитного движения, либо лукавую (умышленную или неосторожную) односторонность в использовании правового инструментария в своей аргументации. Как точно подметил А. Верховский в статье «Российские правозащитники и тема угрозы безопасности» [С. 005–012 в уже упомянутом источнике], «правозащитники традиционно усматривают свою задачу в защите человека от незаконных репрессий и иных злоупотреблений со стороны государства, а не от любого зла» [С. 005]. Это с одной стороны. С другой стороны, для правозащитников, демонстрирующих «чистоту» своих помыслов, важно поддержать политические (чаще и прежде всего), моральные, религиозные взгляды жертв государственных репрессий. И снова прав А. Верховский: «Нужно снова и снова объяснять, что защита жертв нарушения прав человека обусловлена защитой самих этих прав, а не поддержкой взглядов жертв» [Там же. С. 006]. И действительно, как часто здесь мы встречаемся уже не просто с юридической некомпетентностью, но хуже – с преднамеренным (бывают, конечно, и ситуации заблуждения) искажением подлинного смысла правозащитной миссии.

Остановимся на этих двух моментах подробнее. Однако это требует хотя бы краткого обращения к теме дискурса вообще и юридического дискурса в частности.

Категория «дискурс» – современный и достаточно быстро и широко распространяющийся инструмент философского и научного

познания. Сравнительно молодая биография дискурса во многом объясняет и многозначность этого термина, и отсутствие, тем самым, единого, общего и удовлетворяющего притязаниям различных наук определения понятия данного познавательного инструментария. Это отнесется и к тому, что принято обозначать как «юридический дискурс».

Жанр юридического дискурса может быть интерпретирован как текст права в динамике, то есть в процессе его толкования (уяснения и разъяснения). Это позволяет говорить о том, что такой дискурс является интегральным, поскольку включает в себя дискурсы *различных институтов*, определенным образом реагирующих на социальную ситуацию, и тем самым конструирующим данную проблему. Это находит свое отражение в инструментализации разнообразных юридических категорий, выражающих собой актуальные в бытийном отношении социально-значимые проблемы («норма», «закон», «преступление», «вина» и т. д.). К числу таких категорий, выражающих специфику политико-правового, морального, психологического и иных дискурсивных пространств, относятся и категория «права человека».

Содержание дискурса прав человека как сегментарного по отношению к юридическому дискурсу – сложное, многоаспектное, многослойное. Дискурсивными *привязками* могут выступать самые разнообразные смысловые орбиты, в пределах которых ведутся суждения, – от аргументации дискурсивных позиций относительно генезиса естественно-правовых представлений о сущности и природе прав человека до юридического содержания самих этих прав, характеристики соотношения понятий «права человека» и «субъективное право» и др. Каждый такого рода смысловой пласт обеспечивает возможность просто вести дискурсивный диа(поли)лог с другими участниками дискурса. Главное здесь – демонстрация своего представления относительно дискурсивного предмета без императивного навязывания такого представления. При этом следует учитывать, что подобная демонстрация предполагает хотя бы поверхностное (идеально – глубокое) знакомство с соответствующими социально-культурными практиками.

Определение смысловых сегментов проблематики прав человека в рамках современного юридического дискурса отражает социальную остроту (актуальность) этих сегментов. Подходы здесь могут быть разными, обычно формально правильными, но очень часто стереотипными, клишированными, хрестоматийными... Именно в этом плане было бы обоснованным и своевременным обратиться к юридико-дискурсивной характеристике *права личности на безопасность* – права, более чем когда и со всей очевидностью нуждающегося в наше время в несомненной актуали-

зации. По нашему убеждению, в настоящее время исключительно важными и своевременными привязками к обсуждению правозащитной темы в рамках юридического дискурса (в первую очередь в теоретико-правовом и конституционно-правовом его срезах) можно признать положения (позиции), которые могут быть сведены к следующему.

- Право личности на безопасность следует признать универсальным, фундаментальным правом, таким правовым институтом, который должен получить конституционное закрепление, особое государственно-общественное признание и эффективное юридическое обеспечение.

Как это ни покажется удивительным, но в нашей Конституции практически отсутствует норма, специально посвященная защите безопасности личности. В сущности, даже само право личности на безопасность оказывается «вне закона (Основного)». И это в эпоху глобализации, которая, как отмечалось, проникает – тотально проникает! – во все поры мирового сообщества. И здесь весьма кстати будет привести небольшую, но очень важную в поле настоящего дискурса выдержку из лекции одного из основателей движения «Новых правых», современного французского философа Алена де Бенуа, прочитанной им на социологическом факультете МГУ 24 ноября 2008 года. Говоря о глобализации, философ выделяет пять ее главных признаков-явлений-процессов:

- индивидуализация как процесс, противоположный некой общности и единению, в котором на первое место выходит индивидуум;
- процесс массивификации, означающий стирание различий в культурном плане и принятие всеми стандартизированного образа жизни;
- процесс десакрализации, то есть отказ от фундаментальных метафизических систем в пользу чисто научного толкования мира;
- рационализация образа жизни и доминирование «инструментального разума»;
- универсализация, то есть распространение в планетарном масштабе одних и тех же ценностей и систем мышления.

Главное в глобализации, говорит Бенуа, что все сводится к экономическим ценностям, а сам человек сводится к определению «производитель-потребитель».

Очевидно, что каждый пункт можно охарактеризовать с точки зрения посягательства его на безопасность и человека и общества в целом. Но это ли не опасность, которой человечество, человек как таковой не могут не сопротивляться, не могут допустить попадания в железные тиски информационного – постиндустриального – общества, когда приходится возвращаться в эпоху неолитической революции?

- Право личности на безопасность – это не только право на безопасные условия труда (Ч. 3 ст. 37 Конституции РФ). Это и не заявление (в сущности, мимоходом), что в целях безопасности граждан их права и свободы могут быть ограничены федеральным законом (Ч. 1 ст. 56). И тема, и само право человека (личности) на безопасность должны быть заявлены безусловно, громко и четко, ибо безопасность есть то, что может служить в наше время средством *гармонизации интересов* всех главных, но не противостоящих, а взаимодополняющих и взаимно обеспечивающих друг друга субъектов социума – *человека, государства, общества*. Именно право личности на безопасность в современных условиях глобализации является универсальным фундаментальным правом, аккумулирующим в себе иные права и свободы. При этом, разумеется, и саму безопасность личности, и право ее (личности) на безопасность следует рассматривать в широком смысле, а не только и даже не столько как безопасность от посягательств государства на жизнь, свободу, неприкосновенность и т. д. данной личности. Речь идет уже о безопасности, которая может и даже должна быть ограничена в интересах не только отдельно взятого индивида, а в интересах общества и того же государства. Более того, забывается то обстоятельство, что безопасность личность может эффективно обеспечить государство (и, тем самым, общество), если они сами находятся (могут и умеют обеспечить) в безопасности от самого разного вида опасностей и угроз – от международного характера до национальных, внутригосударственных. Казалось бы, это банально, но пока еще сохраняются стереотипы (и, признаться, во многом справедливые с прагматической, рационалистической точки зрения), что безопасность личности всегда оказывается вторичной по отношению к общественной и тем более государственной безопасности. Но ведь именно в этом и состоит научная и практическая проблема, которую сегодня нужно решать, но не ором, а на медиативном (примиренческом, согласительном) уровне. Однако «рафинированные» правозащитники (авторы просят извинить за данный термин, но он все же очень точен) на этой струне нередко пытаются сыграть симфонию неприятия всего государственно-общественно-коллективного. Верно заметил С. Смирнов, что «бескомпромиссный правозащитник, который отстаивает свою идеальную конструкцию, не учитывает чужие мнения и не пытается анализировать проблему с точки зрения поиска решения-баланса, превращается в трибуна-индивидуалиста. Он постепенно переходит от защиты прав людей к защите своего представления о том, как жить этим людям. Такой «миссионер» лишается понимания, а значит, автоматически, поддержки общества [Указ ист. С. 018]. Схожая ситуация, когда такой правозащитник начинает указывать

государству, как надо действовать в той или иной ситуации, особенно ситуации, связанной с состоянием и обеспечением безопасности в той или иной области.

• И понятие права личности на безопасность, и сама категория «безопасность» занимают в юридическом дискурсе свое особое место. О конституционных аспектах уже было сказано. В продолжение этой темы мы можем утверждать, что наступает время (или даже уже наступило), когда на конституционном уровне уже пора придать праву на безопасность особый социально-правовой статус, что потребует внесения в Конституцию соответствующих поправок и дополнений. Политические и юридические возможности для этого сегодня уже имеются.

• Еще один аспект юридического осмысления проблематики права личности на безопасность связан с характеристикой особого вида правоотношений, складывающихся в сфере безопасности, субъективного права как элемента содержания таких правоотношений, специфики структуры данного субъективного права, юридических механизмов обеспечения права личности на безопасность, правовой характеристикой различного рода опасностей, угроз и рисков, которые неизменно возникают перед самой личностью и субъектами нормотворческой, правоприменительной и иных видов правовой деятельности.

Как можно видеть, в настоящее время «классическая» правозащитная идеология, соответствующие ей риторика и практика уже не в состоянии разрешить громадный массив проблем, возникающих в этой области. Здесь востребован уже потенциал современной правовой науки, без чего правозащитная проблематика в целом и в особенности проблемы содержания и обеспечения права личности на безопасность останутся на нынешнем малоэффективном уровне.

Д. А. Ягофаров*, И. Д. Ягофарова**

Некоторые аспекты культуры интерпретации соотношения свободы и права

Многогранность и значимость культуры понимания и толкования соотношения и взаимодействия феноменов свободы и права закономерно ведут к расширению круга исследовательских задач в плане разновекторности рассмотрения соотношения соответствующих понятий. Выделим и обратим внимание лишь на два методологических вектора такого анализа такого отношения.

1. Обращение уже в самом общем плане к зарубежной и отечественной политико-правовой мысли прошлого и современности дает немало обоснованных поводов для того общего суждения, что весь ход познания природы, сущности, структурно-динамических и иных характеристик права как социального регулятора так или иначе, но всегда детерминирован познанием и оценкой феномена человеческой свободы. То, что понимание права в разные эпохи зиждилось на попытках поиска его природы не только в свободе человека, но и в феноменах справедливости, равенства, культуры, гуманизма, морали и иных социальных ценностях и т. д., не только не умаляет, но, напротив, повышает значимость раскрытия сущности права именно через свободу. Как заметил Гегель, «всемирная история есть необходимое только из понятия свободы духа, развитие моментов разума, и тем самым самосознания и свободы духа...»¹. Другими словами, прогресс человечества есть прогресс в культуре осознания своей свободы, прежде всего духовной, как объективной необходимости. Иное дело, что развитие научных представлений, прежде всего философских и политических учений, о свободе как части философии природы, духа и действия человека в каждый исторический период связано с его особенностями, нрав-

* **Дамир Асхатович Ягофаров** – канд. юр. наук, доцент кафедры теории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

** **Инара Дамировна Ягофарова** – канд. юр. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства, конституционного и международного права Уральского ин-та коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 370.

ственным состоянием общества, его мышлением². И в этом смысле категория «свобода» действительно аккумулирует в себе все иные социальные ценности – справедливость, равенство, право, мораль, обычаи и т. д., определяя одновременно их сущностные характеристики и параметры социального и психологического свойства.

Помня гегелевское замечание, можно видеть, что развитие человечества сопровождалось постепенной «привязкой» свободы к различным факторам сознания и бытия общества – к силе, принуждению, власти, духу, поведению, – всему тому, что опосредует духовную и материальную, коллективную и индивидуальную жизнь людей.

Такая «привязка» приобрела особые черты в соотношении свободы и права. Специфика отношения «право – свобода», представляя собой с точки зрения формальной логики много-многозначное соответствие³, состоит в том, что оно значительно богаче смысловыми дискурсами, чем понятийные дихотомические пары «право – неправое» и «свобода – несвобода». Как право может быть познано в своем сущностном отношении посредством обращения к свободе, для упорядочения (то есть ограничения в различных измерениях) которой оно (право) и существует, так и познание свободы как таковой объективно невозможно без учета и возможности, и необходимости ее ограничения различными социальными регуляторами.

Множество и разнообразие мер (средств и способов) ограничения свободы обуславливают возможность и необходимость их классификации по самым различным основаниям в зависимости от: природы их происхождения (естественные, искусственные, смешанные); природы социальных норм, выступающих ограничителями свободы (обычаи, традиции, нравственные, религиозные, политические, правовые нормы; особое место здесь занимают технические, экономические, экологические нормы и нормативы); срока действия ограничения (срочные (временные), бессрочные (постоянные или длительного действия)); степени «жесткости» ограничения (жесткие, гибкие); характера ограничения (прямые, опосредованные); субъектов выработки и применения ограничительных мер (общественные и/или государственные институты, институты международного сообщества, должностные лица, вообще любые властители и т. д.); форм и средств выражения и реализации (обязанности, дозволения, запреты, требования, условия и т. п.) и др. Среди всех существующих мер ограничения свободы одним из основных ограничителей является право.

² См.: Баглай М. В. Дорога к свободе. М., 1994. С. 8, 9.

³ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 353.

История философской и правовой мысли содержит значительное количество предположений, суждений, теорий соотношений права и свободы. Обобщая имеющийся материал, во-первых, обращаем внимание, что в контексте соотношения права и свободы связующим элементом между ними выступает категория «мера», и, во-вторых, можно сформулировать два основных смысловых среза соотношения категорий «право», «свобода» и «мера»:

1) право есть мера свободы (мера в данном случае понимается в ее абстрактном измерении (С. С. Алексеев⁴, В. П. Малахов⁵);

2) право как специфическая социально-нормативная система, содержащая в себе множество разнообразных средств и способов (мер), с помощью которых осуществляется объективно обусловленное и необходимое нормативное ограничение свободы правового поведения различных субъектов правовых отношений (А. Ф. Черданцев⁶, Д. И. Дедов⁷).

Большинство представителей обоих подходов солидарны относительно того, что ограничения свободы правом существуют, с одной стороны, объективно, с другой – они необходимы по различным причинам; различие между ними состоит лишь в методологических и ценностных подходах к категориям «право» и «свобода» и их соотношению.

2. Другой методологический подход к анализу соотношения категорий права и свободы недостаточно отчетливо отражен в современной литературе. Между тем, на наш взгляд, значимость его исключительно велика, поскольку он связан с одним из аспектов понимания свободы в контексте соотношения ее с равенством, трактуемым как выражением социальной справедливости. То, что в поле демократической институционализации современного социума это обстоятельство приобретает, и не только для нашей страны, особое звучание, более чем очевидно, хотя об этом «не принято», надо полагать, до поры до времени, активно дискутировать, по крайней мере в языке официальной политики и правовой практики.

На этот момент обратил внимание весьма удачно и, на наш взгляд, достаточно своевременно известный исследователь политико-правовых и философских проблем прошлого и современности И. А. Исаев в своей последней работе «Господство. Очерки поли-

⁴ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 22.

⁵ Малахов В. П. Философия права. Екатеринбург, 2002. С. 179.

⁶ Мудрость юриспруденции (Краткая латинская фразеология) / Сост. и комм. А. Ф. Черданцев. Екатеринбург, 1996. С. 40.

⁷ Дедов Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М., 2002. С. 151.

тической философии». Рассматривая соотношение равенства и свободы, он, прослеживая генезис становления этих категорий в трудах Аристотеля, А. де Токвиля, Р. Арона, Ш. Монтескье и других столпов политико-правового либерализма, обна-руживает не только и не столько противопоставление равенства и свободы, сколько, особенно в условиях демократически организованного общества, *активное противостояние* равенства и свободы («равенство против свободы»⁸). Не вдаваясь во всю эту интереснейшую и сложную политико-философскую и философско-правовую проблематику, обратим внимание только на ту сторону, о которой нередко предпочитают не говорить (или, по крайней мере, молчат) приверженцы неоллиберального толка. Дело в том, что свобода, трактуемая как справедливость, выраженная в социальном равенстве, имеющем правовую (законодательную, главным образом) форму своего реального бытия, проявляется не только в том, что она (свобода) соотносится с сознанием и волей «просто» граждан («простых людей», как принято выражаться в языке не только бытовой, но официальной политической риторики). Нужно иметь в виду, и на этот момент верно указывает И. А. Исаев, что при демократическом правлении свобода требует, чтобы, с одной стороны, народом как можно меньше действий осуществлялось по приказанию власти, а с другой, – чтобы никакое лицо (группа лиц) не располагало бы правом и возможностью приказывать другим исходя из ощущения своего превосходства над другими субъектами⁹. Трудно возразить, казалось бы, против такой постановки вопроса: действительно, носители власти не могут, не должны использовать свою свободу как инструмент реализации своего «законного права» на выработку и контроль (надзор) своих властных решений. Однако, мы добавили бы, что при том же демократическом устройении жизни социума и властереализации, мягко говоря, нецелесообразно исходить из принципа, что свобода волеизъявления может и должна быть присуща только подвластным, рядовым гражданам, поскольку именно эти свободные граждане в своей совокупности и образуют, следуя преобладающей пока трактовке, гражданское общество. Другими словами, лишать ощущения свободы и самого факта свободного волеизъявления в соответствии со своими ощущениями, социально или личностно значимыми интересами и целями (задачами) своего внешнего активного волеизъявления обладателя и/или носителя властных полномочий, будет, и с точки зрения социальной справедливости, и с позиций правового (нормативного) равенства, не-

⁸ Исаев И. А. Господство. Очерки политической философии. М.: НОРМА, 2008. С. 142 и след.

⁹ Там же. С. 143.

рационально, если вообще можно так говорить. Иначе говоря, идеально организованная система демократического правления и может и обязана найти оптимальные средства и способы обеспечения баланса распределения свободы и ее правовых форм (прежде всего, в виде соответствующих наборов субъективных прав и юридических обязанностей) объективации среди различных субъектов. То, что среди такого инструментария особое место должны занять контрольно-надзорные средства и методы, используемые по обе стороны оптимума, вряд ли нужно дополнительно аргументировать. Но, во всяком случае, перекосы в ту или иную сторону в таком соотношении от состояния гармонии (оптимальной меры соотношения) рано или поздно приведут к социальному бифуркационному эффекту, последствия которого невозможно предсказать.

Раздел второй

**Экономика Урала
в мультикультурном мире**

Рынок труда в условиях мультикультуральности региона: миграционный аспект

Мультикультуральность характерна для современного общества в условиях глобализации экономических систем. По этой причине, полагаем, необходимо не только принимать это явление как данность, но способствовать эффективному взаимодействию культур и народов для достижения социально-экономического эффекта в развитии региона.

Кросскультурные взаимодействия имеют не только негативный оттенок, проявляющийся в форме взаимной агрессии, межэтнических конфликтов и других социально неблагоприятных явлений. Гораздо большую пользу приносят положительные стороны данного процесса. Так, именно в процессе межкультурного взаимодействия возможна выработка новых способов ведения хозяйства. Обмен опытом зачастую обогащает культуры.

Остановимся на миграционных тенденциях, характерных для рынка труда, подчеркнув значимость межкультурного взаимодействия в ходе выполнения трудовых обязательств.

В этом направлении предлагаем ввести систему распределения вакансий на рынке труда следующим образом: распределять трудовых мигрантов по отраслям в зависимости от качества выполняемой работы с учетом культурных особенностей. Замечено, что в процессе трудовой деятельности наличие определенных национальных особенностей позволяет более эффективно справляться с поставленными задачами. Например, если бригада рабочих из Киргизии успешно справляется с работами по монтажу путей, то закрепить за ними этот сегмент рынка труда и предоставлять им прерогативное право на занятие этим видом деятельности в последующий период. Аналогично – с гастарбайтерами из других регионов, в случае, если наметилась тенденция к эффективному выполнению той или иной услуги или формы трудовой деятельности у определенной социальной группы, определяемой по разным критериям (половозрастной состав, национальная принадлежность, на-

* *Мария Евгеньевна Барсукова* – аспирант Байкальского государственного ун-та экономики и права (г. Иркутск).

личие членства в определенных некоммерческих и иных организациях, занимающихся отдельным видом деятельности и т. д.).

Такого рода оценку предлагается проводить в ходе подачи заявок от работодателей и проведения тестов на предрасположенность к тому или иному виду занятости. В некоторой степени подобные портфолио трудовых мигрантов позволят облегчить задачу по распределению участков работы на рынке труда. Таким образом, предлагается развивать не только профессиональных и высококвалифицированных сотрудников, но и тех лиц, которые предрасположены к осуществлению того или иного вида работ в силу своих трудовых навыков, личностных качеств, индивидуальных особенностей и интересов. Такой подход к трудовой деятельности позволит значительно расширить степень применения знаний, умений, навыков и элементов творчества в процессе развития рынка труда.

Здесь же можно говорить о возникновении креативности при перепрофилировании с выполнения одного вида деятельности на другой. Так, при смене места работы индивид становится более крепким в психологическом смысле, осознает, что переход из одной сферы деятельности в другую идет на пользу его персональному развитию, а соответственно и карьерному росту не только в рамках отдельной профессии, но в более широком плане. Рынок труда в этом случае выигрывает, поскольку основной его элемент – кадровый потенциал – становится сильным, конкурентоспособным, а значит качественным товаром. Такого рода предложение актуально для трудовых мигрантов вообще, поскольку любой индивид вне зависимости от того, гастарбайтер он или местный соискатель, в любом случае подвержен психологическим воздействиям.

Еще одним звеном экономической эффективности может послужить психологическая составляющая эмоционального настроения трудового мигранта в условиях мультикультуральности, зависящая от следующих факторов:

- отношения со стороны местного населения;
- поддержки друзей и знакомых, родственников;
- психологической атмосферы на работе, отношений с коллегами.

Небезызвестен тот факт, что от настроения работника зависит его работоспособность, а значит поддерживать его на должном уровне – задача не только отдельно взятого работника или коллектива, но каждого из жителей местного сообщества.

Гуманизм по отношению друг к другу, гостеприимное отношение к трудовым мигрантам – все это создает благоприятный климат не только в сфере человеческого общения, но способствует повышению качества выполняемой работы, а значит является оче-

редным шагом на пути к повышению экономической эффективности от использования труда работников-, как достаточно сложное явление, требует особой внимательности, поскольку от того, насколько грамотно применится этот феномен на рынке труда, зависит получение того или иного результата.

Трудовая миграция обычно обусловлена неравномерным размещением трудовых ресурсов по континентам, регионам, странам, образованием излишней рабочей силы в результате несбалансированности в некоторых из них рабочей силы с наличием рабочих мест, а также стремлением людей выполнять более легкую и гигиеническую работу, получать более высокую заработную плату, извлекать прибыль и т. д.

В странах с рыночной экономикой интенсивность миграционных процессов отражает уровень социально-экономического развития страны и региона, кроме того, Конституцией Российской Федерации провозглашен принцип свободного перемещения граждан. Необходимо добиться того, чтобы миграционные процессы в Российской Федерации стали позитивным фактором, способствующим развитию экономики, улучшению демографической ситуации и обеспечению безопасности страны. Поскольку возможности по оказанию помощи мигрантам ограничены, следует сосредоточить усилия государства на устранении препятствий для самообустройства мигрантов, на всемерной поддержке их инициативы и самостоятельности.

За последние годы в Российской Федерации усилилась экономическая, трудовая миграция. Россия в целом заинтересована в этой миграции, поскольку существует явная демографическая тенденция к снижению численности населения и миграция в какой-то мере восполняет постоянные потери населения.

На данном этапе развития экономических отношений важно не только принимать мигрантов как неотъемлемый элемент развития рынка труда, но осознанно привлекать и способствовать их адаптации. Мультикультуральное сообщество в этом смысле способно значительно облегчить поставленные задачи.

А. Г. Боровских*

Инвестиционная стратегия как основа деятельности предприятия

Инвестиции являются необходимым фактором развития страны, региона, предприятия. Однако сами по себе инвестиции не являются достаточным фактором успешного развития. Важно, как прогнозируются и планируются инвестиции, как организуется инвестиционный процесс, куда территориально направляются инвестиции, на какие цели и во что вкладываются, кто является инвестором и кто реализует проект [См.: 1].

Поэтому успешность инвестиционных решений зависит не столько от тщательности проработки их деталей на уровне конкретных проектов и программ, сколько от генеральной линии инвестиционной деятельности, вычерченной с учетом значимых факторов, влияющих на достижение конечной цели и решение поставленных задач. В этом случае возникает уверенность, что ограниченные ресурсы не будут растрочены впустую при отсутствии координации их использования. Речь идет о стратегии инвестирования.

Успешное развитие предприятия невозможно без грамотно разработанной инвестиционной стратегии. Она определяет приоритеты инвестиционной деятельности, характер формирования инвестиционных ресурсов и последовательность достижения долгосрочных инвестиционных целей, обеспечивающих общее развитие компании.

Инвестиционная стратегия компании представляет собой систему долгосрочных целей инвестиционной деятельности организации, определяемых общими задачами ее развития и инвестиционной идеологией, а также выбор наиболее эффективных путей их достижения. Таким образом, инвестиционную стратегию можно определить и как генеральное направление инвестиционной деятельности, следование которому в долгосрочной перспективе должно привести к достижению инвестиционных целей и получению ожидаемого инвестиционного эффекта [См.: 3].

Необходимость разработки инвестиционной стратегии предприятия определяется изменениями условий внешней и внутренней среды. Эффективно управлять инвестициями возможно только при

* *Анна Григорьевна Боровских* – финансовый менеджер ООО «Трест СКМ» (г. Екатеринбург).

наличии инвестиционной стратегии, адаптированной к возможным изменениям факторов внешней инвестиционной среды, иначе инвестиционные решения отдельных подразделений предприятия могут противоречить друг другу, что будет снижать эффективность деятельности [См.: 2].

Актуальность инвестиционной стратегии можно проиллюстрировать перечислением тех задач, которые данная стратегия решает в рамках обеспечения эффективного развития организации:

- обеспечивает механизм реализации долгосрочных общих и инвестиционных целей предстоящего экономического и социального развития компании в целом и отдельных ее структурных единиц;
- позволяет реально оценивать инвестиционные возможности компании в процессе изменения факторов внешней среды и осуществлять активное маневрирование инвестиционными ресурсами;
- предусматривает возможные вариации развития неконтролируемых факторов внешней инвестиционной среды и позволяет свести к минимуму их негативные последствия;
- обеспечивает четкую взаимосвязь стратегического, текущего и оперативного управления инвестиционной деятельностью;
- формулирует значение основных критериев оценки и выбора реальных инвестиционных проектов и финансовых инструментов инвестирования [См.: 3].

Таким образом, разработка инвестиционной стратегии представляет собой обширный творческий процесс, включающий постановку целей инвестиционной деятельности, определение ее приоритетных направлений и форм, оптимизацию структуры формируемых инвестиционных ресурсов и их распределения, выработку инвестиционной политики по наиболее важным аспектам инвестиционной деятельности, поддержание взаимоотношений с внешней инвестиционной средой [См.: 4].

Процесс разработки инвестиционной стратегии предприятия складывается из следующих этапов:

- 1) определение общего периода формирования инвестиционной стратегии;
- 2) формирование стратегических целей инвестиционной деятельности;
- 3) обоснование стратегических направлений и форм инвестиционной деятельности;
- 4) определение стратегических направлений формирования инвестиционных ресурсов;
- 5) оценка результативности разработанной инвестиционной стратегии.

Разработанная инвестиционная стратегия предприятия является первым этапом процесса стратегического управления инвестиционной деятельностью предприятия. Такая стратегия ложится в основу тактического (текущего) управления инвестиционной деятельностью путем формирования инвестиционного портфеля предприятия. В свою очередь тактическое управление является базой оперативного управления инвестиционной деятельностью путем реализации отдельных реальных инвестиционных проектов и реструктуризации портфеля финансовых инструментов [См.: 3].

Таким образом, рассмотренные теоретические аспекты являются базой для формирования инвестиционной стратегии конкретного предприятия, с учетом специфики его деятельности, сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз внешнего окружения.

Литература

1. *Корчагин Ю. А.* Инвестиционная стратегия. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
2. *Лахметкина Н. И.* Инвестиционная стратегия предприятия. – М.: Кнорус, 2007.
3. *Мецгер А. А.* Инвестиционная стратегия. – Екатеринбург, 2007.
4. *Шкодинский С. В.* Инвестиционная стратегия. – М.: Экзамен, 2008.

Маркетинговый подход к регулированию рынка труда в условиях мультикультурного общества

Потребность в изменении методов и форм работы по оказанию социально значимых услуг населению, включая профессиональное обучение и трудоустройство, объясняет обращение к маркетинговым технологиям в условиях общественных трансформаций в современной России.

В контексте реформы социальной сферы разработка и применение маркетинга направлены на более полное и эффективное обеспечение потребностей граждан той или иной территории в образовании, социальном и пенсионном обеспечении, трудоустройстве, управлении конкретным муниципальным образованием, обеспечении личной безопасности и защиты личных имущественных и немущественных прав, реализации и развитии гражданских прав и свобод, научном знании, сохранении и укреплении здоровья, саморазвитии и других ценностях, имеющих общественное значение.

Важнейшим сегментом общего муниципального рынка выступает рынок труда, который рассматривается как система отношений, складывающихся между работодателем и наемным работником по поводу спроса и предложения рабочей силы и ее воспроизводства, обеспечивающих процесс непрерывного общественного развития. На муниципальном уровне роль маркетинга в системе управления рынком труда заключается в поддержании соответствия спроса и предложения рабочей силы в конкретных условиях территории (муниципального образования), то есть в решении следующих задач: 1) оперативное изучение и анализ конъюнктуры спроса на рабочую силу и предложение рабочих мест для формирования трудового потенциала, соответствующего по своим количественным и качественным характеристикам требованиям муниципального хозяйства, региона с учетом менталитета населения; 2) обеспечение территории необходимыми кадрами из различных источников, в том числе и за счет межмуниципального (межрегионального) перераспределения; 3) выявление ориентации населения

* *Ольга Аркадьевна Дурандина* – канд. экон. наук, завотделением экономики Уральского ин-та практической психологии (г. Екатеринбург).

при выборе сферы занятости и места работы; 4) обеспечение эффективной и динамичной занятости населения (обучение, переобучение, трудоустройство высвобождаемых работников и незанятых граждан, нуждающихся в трудоустройстве).

Важно отметить, что регулирование занятости в направлении сбалансированности спроса и предложения рабочей силы и предупреждения массовой безработицы предполагает два достаточно самостоятельных направления деятельности местных органов власти: воздействие на спрос рабочей силы и ее предложение. Таким образом, исходным условием регулирования занятости является организация и проведение маркетинга муниципального рынка труда, поскольку именно в этом направлении формируются основные комплексы мер по улучшению общей ситуации в сфере обеспечения занятости населения конкретного муниципального образования и, как следствие, укрепления трудовых основ формирования доходов населения. Важным фактором занятости также должна стать способность городской (муниципальной) службы занятости населения формировать структуру учебной сети, которая в состоянии обработать имеющиеся трудовые потоки. Для этого требуется создание системы профессиональной подготовки и переподготовки незанятых граждан, как в учебных заведениях, так и на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Для реализации положений политики властей на муниципальном уровне необходимо проведение следующих маркетинговых мероприятий: 1) изучение тенденций развития отраслей, представленных в муниципальном образовании своими хозяйствующими субъектами; 2) формирование условий для развития инфраструктуры цивилизованного муниципального рынка труда, включая наличие следующих необходимых субъектов: продавцов и покупателей рабочей силы, посредников (муниципальные центры занятости, агентства по найму персонала, миграционные службы, профессиональные учебные заведения и т. д.); 3) проведение мониторинга трудовых ресурсов на соотношение спроса и предложения рабочей силы; 4) выявление и формирование условий для поддержания соответствия спроса и предложения рабочей силы в конкретных условиях муниципальных образований; 5) формирование условий для притока квалифицированной рабочей силы в соответствии с имеющимся на нее спросом; 6) разрабатывать маркетинговые планы и программы по развитию рынка труда и т. д.

Следует учитывать, что рынок труда напрямую связан с рынком образовательных услуг, так как любое образовательное учреждение так или иначе выходит на рынок рабочей силы. Однако влияние рынка труда на профессиональное образование не структурировано; пока не сложились механизмы трансформации ситуа-

ции на рынке труда в формирование образовательных программ, что связано с переходным состоянием данного рынка. Это приводит к появлению диспропорций между структурой подготовки кадров и структурой спроса на них. Поэтому одним из условий устойчивого состояния развития регионального рынка труда являются исследования возможного спроса на содержание, процесс и результаты деятельности образовательных учреждений, то есть маркетинговые исследования.

Наряду с этим чрезмерная коммерциализация профессионального образования способна привести к зависимости всей системы высшего образования от платежеспособного спроса населения, что ограничивает его доступность, дестабилизирует развитие. Сейчас спрос на образовательные услуги отражает в основном интересы платежеспособного населения, однако он не способен учитывать необходимую избыточность системы образования по отношению к сиюминутным запросам рынка. Рынок в принципе не способен формировать будущий спрос на профессиональное образование вследствие ограниченности занимаемого им экономического пространства и решаемых им задач. Устойчивый интерес к услугам учреждений высшего профессионального образования без учета предложений на рынке труда объясняется, на наш взгляд тем, что у россиян сложился социальный стереотип ценности высшего образования как залога стабильного социального положения гражданина в обществе.

С другой стороны, проблема инвестирования в человеческий капитал напрямую связана с нечетким определением результатов при получении образовательной услуги, а также временной задержкой между вложением средств и получением отдачи. Все это создает инвестиционный риск, так как профессиональная подготовка слабо ориентирована на структуру спроса на рынке труда. Низкий уровень информированности абитуриентов, студентов и выпускников о состоянии и динамике рынка труда, о спросе на конкретные специальности, а также воздействие мотива «престижности», сиюминутных предпочтений при выборе специальности и возможностей трудоустройства приводят к негативным последствиям. Потребителю предлагаются профессии, но отсутствуют ориентиры, позволяющие оценить их будущую востребованность.

Лишь государство способно своевременно учитывать потребности общества в целом, в том числе необходимость подготовки специалистов нового типа, вписывать образовательную политику в структурную, инвестиционную, социальную и др. Роль государства в обеспечении пропорциональности внутри системы высшего образования и между образовательной и другими сферами обще-

ственной жизни в условиях рыночной экономики несколько не уменьшается – меняются лишь механизмы решения этой задачи.

Основными задачами использования маркетинговых технологий являются: организация работы по формированию, выявлению мотиваций, стимулированию и прогнозированию развития целевых муниципальных рынков трудовых ресурсов; сегментирование данного рынка; разработка процедур и технологий эффективного контроля и мониторинга формирования и функционирования рынка труда; осуществление кратко-, средне- и долгосрочного прогнозирования потребностей, объемов и структуры рынка трудовых ресурсов конкретного муниципального образования, а также формирование системы эффективного оперативного управления этими ресурсами и контроля за их использованием; создание комплекса маркетинга трудовых ресурсов и формирование системы управления им; разработка интегрированных маркетинговых коммуникаций для различных категорий работодателей; обоснование целесообразности и результативности формирования службы маркетинга трудовых ресурсов, ее встраивание в существующие структуры действующих органов исполнительной и представительной власти муниципальных образований; создание информационного обеспечения и анализ функционирования рынка профессионального образования и рынка труда; разработка правил и процедур, методов и подходов стратегического планирования, а также составление и реализация маркетинговых программ по развитию рынка трудовых ресурсов.

Меры по регулированию занятости населения подразделяются по объектам, направленности и по содержанию маркетингового воздействия. Так, объектами маркетинговых воздействий могут выступать население муниципального образования, отдельные группы работников, предприниматели и их группы, а также определенные элементы организации труда.

По направленности воздействия различают методы, увеличивающие (уменьшающие) спрос на рабочую силу; технологии, увеличивающие (уменьшающие) предложение на рабочую силу; методы, воздействующие на структуру спроса и структуру предложения. По содержанию маркетинговых воздействий различают воздействия экономического и административного характера. К мерам экономического характера относится поддержка экономически целесообразных рабочих мест и организация общественных работ. К воздействиям административного характера относятся снижение пенсионного возраста, уменьшение продолжительности рабочего дня и другие. Государственная служба занятости координирует решение данных проблем и осуществляет предоставление социальных услуг по трудоустройству населению муниципального образования.

А. В. Кашутин*

Мировой финансовый кризис, реальные причины и влияние на российскую экономику

Механизм развития кризиса

03.08.2007 Телеконференция Сэма Молинаро, финансового директора Bear Stearns. В апреле–июне два хедж-фонда под управлением Bear Stearns потеряли все деньги инвесторов (\$1,6 млрд) на облигациях, обеспеченных высокорискованными ипотечными кредитами. *«Я в этом бизнесе уже 22 года. За это время на рынке инструментов с фиксированным доходом я еще никогда не наблюдал такой плохой ситуации»*, – заявил инвесторам Молинаро.

09.08.2007 Французский BNP Paribas сообщил, что приостанавливает работу трех фондов из-за неспособности оценить стоимость их активов (на тот момент – около 2 млрд евро), потому что *ликвидность с рынка секьюритизированных бумаг «полностью испарилась»*. После этого заявления фондовые рынки рухнули, а ставка однодневного LIBOR взлетела до самого высокого уровня с 2001 года в долларах и с октября 2002 года в евро. Европейский Центробанк впервые после терактов в США в 2001 году предложил банкам неограниченный кредит под 4 %; они заняли 94,84 млрд евро. ФРС добавила \$24 млрд.

Сентябрь 2007 В Великобритании впервые более чем за 100 лет вкладчики стали в массовом порядке забирать деньги из банка: оказавшийся в результате наплыва на грани банкротства Northern Rock был национализирован.

Декабрь 2007 Кризис достиг первого пика в середине декабря: банки перестали кредитовать друг друга, ЕЦБ выдал всем желающим – а их набралось 390 – кредиты на 350 млрд евро. В 2008 году ФРС начала кредитовать инвестбанки.

Январь 2008 Паника на фондовых рынках мира. ФРС продолжила снижать процентные ставки ускоренными темпами. В конце января Бен Берданке пошел на беспрецедентный шаг: за восемь дней базовая ставка была снижена на 1,25 процентного пункта.

* **Александр Валерьевич Кашутин** – ведущий специалист отдела клиентского бизнеса ООО «Аккорд-Инвест» (г. Екатеринбург).

Такого не было даже при Алане Гринспэне, готовом помогать рынкам снижением ставок. С сентября 2007 года по декабрь 2008 года ФРС снизила ставку с 5,25 % до 0,25 %.

Март 2008 В США ужесточаются требования к банкам. Эксперты говорили о возможном повышении процентных ставок. Американский JP Morgan Chase объявил о решении купить терпящий бедствие пятый по величине американский инвестиционный банк Bear Stearns за \$236 млн.

Лето 2008 Практически все рынки мира: фондовые, сырьевые, долговые начали стремительно снижаться, напряженность в финансовых кругах резко возросла.

Осень 2008 Крах финансовой системы США, национализация компаний, выступавших в былые годы столпами экономики.

Беспрецедентное падение фондовых, сырьевых и кредитных рынков по всему миру.

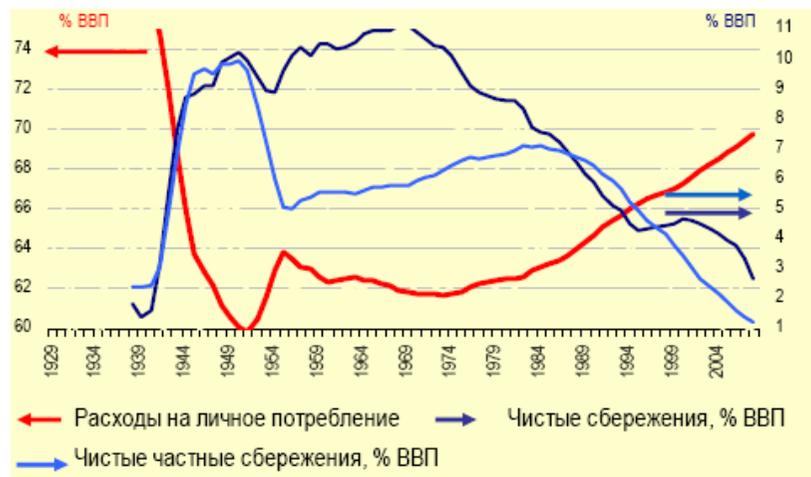
Экстренные меры по предотвращению финансово-экономического коллапса правительств всех вовлеченных в кризис стран.

Осень–зима 2008 Резкое ухудшение основных экономических показателей по всему миру (США, Европа, Латинская Америка, Япония, Азия, Тихоокеанский регион). Везде падение или резкое замедление роста ВВП и промышленного производства, рост безработицы, увеличение числа банкротств компаний реально сектора. Всех не покидает ощущение того, что этот кризис не «лечится» старыми испытанными методами.

Причины кризиса в мире

1. Стимулирование конечного спроса посредством крайне дешевых кредитов за счет эмиссии и займов в ведущих экономических державах с начала 90-х годов XX века. Огромный дисбаланс потребления и производства в развитых странах и обратный дисбаланс в развивающихся.

Скользящие средние: потребление и сбережения в США, СС, 10 лет

2. Неконтролируемый и нерегулируемый мировой финансовый сектор и долговой рынок.

3. Финансовые потоки, которые приобрели за счет многократного маржинального кредитования феноменальный размер.

Изменение мировых фондовых индексов с начала 2008 года:

	DJ	S&P 500	NASDAQ	MSCI ASIA PACIFIC	MSCI BRIC	MSCI EURO	PTC	ММББ
10.02.09	8270,87	869,89	1591,56	8342	18293	693,96	569,14	698,68
01.01.08	8776,39	903,25	1577,03	8958	17601	663,90	631,89	619,53
С нач. 2009, %	-5,76 %	-3,69 %	0,92 %	-6,87 %	3,93%	4,53 %	-9,93 %	12,78 %
01.01.08	13 365,87	1478,49	2674,46	15 779	44 297	1326,62	2290,51	1888,8
С нач. 2008, %	-38,12 %	-41,16 %	-40,49 %	-47,13 %	-58,70 %	-47,69 %	-75,15 %	-63,01 %

Влияние финансового кризиса на российскую экономику

1. С начала 2008 года наметилась тенденция к выходу с российского рынка иностранного капитала. При этом если раньше, уходя, нерезиденты довольно быстро возвращались на отечественные рынки, то на этот раз они не вернулись, чем существенно дестабилизировали российские рынки долга и активов. Так образовалась большая группа отечественных игроков, выкупившая продажи нерезидентов на достаточно высоких уровнях.

2. С начала 2008 года ЦБ РФ последовательно ужесточал монетарную политику, для российских банков самым болезненным было существенное увеличение фондов обязательного резервирования (ФОР), что привело к росту дефицита свободных денежных средств в банковской сфере. При этом монетарные власти смотрели сквозь пальцы на огромную задолженность российской банковской системы перед нерезидентами (отрицательное сальдо на начало 2008 года около \$100 млрд).

3. На фоне разразившегося в мире финансового кризиса российские банки столкнулись в 2008 году с резким ужесточением условий кредитования за рубежом, хотя совсем недавно могли относительно легко занять внушительные суммы под невысокий процент. Таким образом, банкам нужно было отдавать свои старые кредиты, но уже не за счет новых, а за счет собственных ресурсов или привлечения денежных средств из других источников. С такой же проблемой столкнулись и другие компании, занимавшие у западных финансовых институтов. Это привело к «удорожанию» денег внутри страны и возникновению их дефицита. На помощь в экстренном порядке было вынуждено прийти правительство РФ.

4. Крайне неудачные заявления правительства относительно компании «Мечел», а также начавшийся конфликт в Южной Осетии спровоцировали массовый отток зарубежного капитала из страны и резкий рост курса доллара относительно рубля. Как оказалось впоследствии, это лишь подтолкнуло к резкому выводу капитала из страны (он и так был неизбежен, но скорее всего не в таком темпе). Так или иначе, рублевые активы в глазах иностранных инвесторов мгновенно потеряли свою привлекательность.

5. Отрицательная переоценка рублевых активов российских участников рынка (банков, инвестфондов и т. п.) повлекла дальнейшее ухудшение на всех рынках страны. Теперь для «латания возникших дыр» продавать приходилось все, что еще можно продать.

6. Все эти факторы привели к очень серьезному снижению фондовых индексов РФ и, что очень существенно, к практически полному отсутствию спроса на российские акции и другие финансовые и материальные активы.

7. В этот момент началось принудительное закрытие маржинальных (открытых на заемные деньги) позиций.

8. В облигациях существовала точно такая же схема, и объемы подобных позиций были еще больше. Не мудрено, что акции таких компаний, как Газпром, Сбербанк и ВТБ, пострадали чуть ли не сильнее всех, ведь акции именно этих компаний с удовольствием принимались в качестве обеспечения по кредитам. Обвал котировок акций вышеупомянутых компаний привел к убыточности

позиций всех управляющих, которым пришлось продавать все остальное для остановки своих убытков. В итоге происходит продажа акций по любой цене и падение на 10–40 % за день.

9. Банки, несущие огромные убытки по портфелям ценных бумаг, имеющие долги в долларах США, столкнулись с оттоком вкладчиков и неплатежами по кредитам.

10. В результате начались задержки платежей и традиционная паника вкладчиков, многие банки с тех пор были куплены более удачливыми конкурентами.

11. Процесс снижения цен на менее ликвидные, нежели акции, активы и т. п. внутри страны идет полным ходом.

И к настоящему моменту ситуация выглядит следующим образом:

Назревающий дефицит платежного баланса и бюджета страны подвиг Правительство и ЦБ на масштабную девальвацию рубля к бивалютной корзине. Одновременно в банковскую систему вливались огромные средства в рублях (более 3 трлн руб.), на которые фактически были куплены у ЦБ доллары и евро. Возник существенный дефицит рублей. В валютную гонку включились предприятия (кто вынужденно, а кто и в ущерб своей основной деятельности) и население. «Кровеносная система» экономики ощутила существенный дефицит расчетных средств. Резкое ухудшение экономических показателей не заставило себя ждать.

Е. Б. Мицек*

Формирование системы показателей эффективности логистических систем

Процессы управления и принятия решений в ЛС должны основываться на системе соответствующих показателей, отражающих эффективность функционирования этой системы. При формировании такой системы показателей должны учитываться следующие требования: актуальность, однозначность интерпретации, точность, ориентированность на получение информации с учетом основных целей логистики.

Следует заметить, что в практике финансового анализа используют два основных подхода к определению экономической эффективности хозяйственной деятельности: результативность финансово-хозяйственной деятельности измеряется либо относительно величины авансированных ресурсов, либо относительно величин их потребления (затрат) в процессе производства. Этот подход взят нами за основу при построении системы показателей для количественной оценки экономической эффективности ЛС, которая может быть охарактеризована набором взаимосвязанных показателей (рис. 1).

Основным финансовым показателем функционирования ЛС является выручка от реализации продукции, оказания услуг (блок 1). Этот показатель учитывает и дает количественную оценку совокупному влиянию внутрипроизводственных, внешнеэкономических и социальных факторов. Для осуществления логистических операций требуются затраты ресурсов: труд персонала, занятого выполнением логистических операций (блок 2: **W** – затраты на оплату труда этой категории персонала); материальные ресурсы на создание запасов в ЛС (блок 3: **I** – среднехронологическая стоимость материальных запасов, находящихся в ЛС); часть основных производственных фондов (ОПФ), используемых для логистических операций (блок 4: **FL** – среднегодовая стоимость ОПФ, используемых для логистических операций). Использование перечисленных ресурсов находит свое отражение в показателе логистических издержек (блок 5).

* **Елена Борисовна Мицек** – канд. экон. наук, завкафедрой менеджмента и маркетинга, ст. преподаватель ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

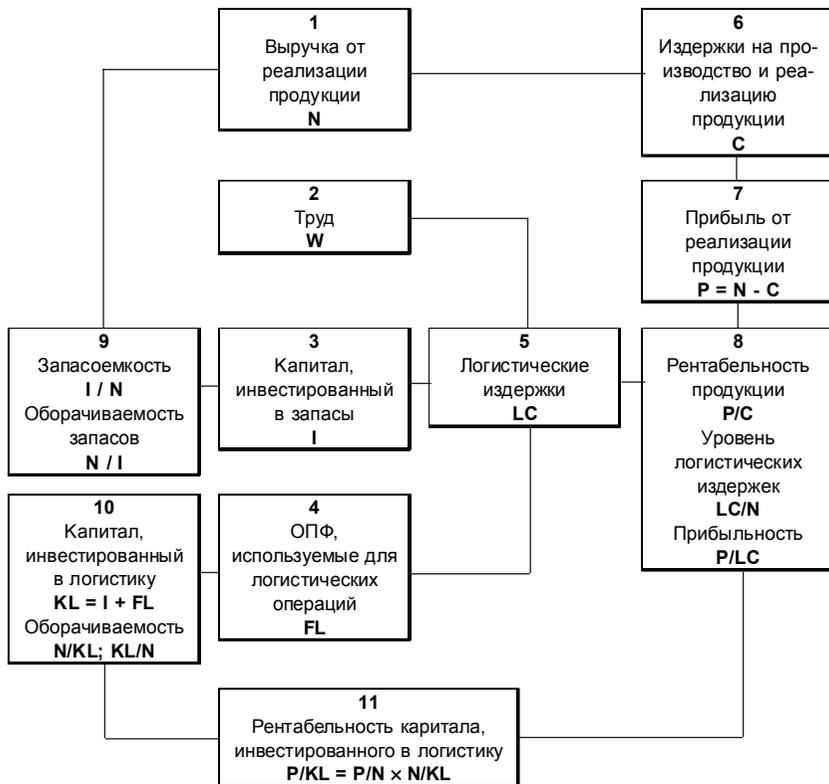

Рис. 1. Система показателей экономической эффективности логистической системы

При оценке логистических издержек необходимо учитывать, что издержки по осуществлению товародвижения можно подразделить на две группы:

- издержки, связанные с формированием и перемещением материало потока в сфере производства;
- издержки, связанные с процессом реализации продукции в сфере обращения.

Классификация логистических издержек по функциональному признаку представлена нами на рис. 2.

Издержки производства	Издержки обращения
Логистические издержки	
Транспортные издержки	
Издержки на хранение запасов:	
- стоимость капитала, инвестированного в запасы;	
- издержки на организацию заказов;	
- издержки на формирование и хранение запасов;	
- издержки "дефицита материальных ресурсов"	
Издержки по отправке товаров потребителям	
Расходы по страхованию	
Административные (накладные) расходы	
Прочие	

Рис. 2. Классификация логистических издержек

Осуществление учета логистических издержек в соответствии с предложенной классификацией представляет сложность из-за неприспособленности современных систем бухгалтерского учета к обслуживанию процесса управления материальными потоками.

Для учета полных логистических издержек целесообразно применять функциональный подход и пользоваться методами управленческого учета.

Интегрированным показателем экономической эффективности ЛС, по нашему мнению, может выступать показатель, представляющий отношение экономического эффекта, полученного в результате реализации логистической концепции, и капитала, инвестированного в логистику.

Математически этот интегрированный показатель экономической эффективности может быть представлен следующей формулой:

$$E = \frac{\sum_{i=1}^n Ri}{\sum_{i=1}^n KLi} \quad (1)$$

где: E – интегрированный показатель экономической эффективности;

Ri – экономический эффект, полученный от внедрения логистических мероприятий в i -ой логистической подсистеме, руб.;

n – количество подсистем, выделенных в исследуемой ЛС, шт.;

KLi – средняя за период величина капитала, инвестированного в логистику, в i -ой логистической подсистеме, руб.

В качестве логистического эффекта от осуществления логистических методов управления товародвижением может рассматриваться часть выручки от реализации, полученная за счет повышения качества продукции и соответствующей надбавки в цене

товара; эффектом также может быть прирост выручки за счет повышения конкурентоспособности продукции и расширения за счет этого рынков сбыта; результатом может быть экономия текущих затрат за счет сокращения длительности логистического цикла, сокращения простоев, снижения складских и транспортных расходов. Таким образом, экономический эффект в логистической системе складывается, во-первых, за счет прироста прибыли вследствие роста выручки от реализации; во-вторых, за счет сокращения издержек на осуществление логистических операций.

$$R_i = P_i + \Delta P_i + \Delta LC_i, \quad (2)$$

где: P_i – прибыль от реализации, получаемая при базисных условиях реализации для i -ой логистической подсистемы, руб.

ΔP_i – прирост прибыли от реализации, полученной вследствие роста выручки от реализации за счет применения методов логистики в i -ой логистической подсистеме, руб;

ΔLC_i – сокращение логистических издержек в i -ой логистической подсистеме, руб.

Среднюю величину капитала, инвестированного в логистику, можно определить как среднехронологическую стоимость материальных запасов, находящихся в границах системы, и среднюю за период стоимость части средств, используемой для осуществления логистических операций.

$$K Li = I_i + FL i, \quad (3)$$

где: I_i – среднехронологическая стоимость материальных запасов в i -ой логистической подсистеме, руб.;

$FL i$ – средняя за период стоимость основных средств, используемых для логистических операций в i -ой логистической подсистеме, руб.

С учетом (2) и (3), формула (1) преобразуется в (4) следующим образом:

$$E = \frac{\sum_{i=1}^n (P_i + \Delta P_i + \Delta LC_i)}{\sum_{i=1}^n (I_i + FL i)} \quad (4)$$

При расчетах экономической эффективности ЛС весьма важным является и наличие значительного социального эффекта. Не останавливаясь подробно на этом аспекте, выделим ряд позиций, относящихся к социальному эффекту функционирования ЛС:

- создание новых рабочих мест;
- ликвидация рутинных операций;

- организация творческой и менее психологически напряженной деятельности участников логистических операций;
- обеспечение высокой культуры обслуживания потребителей и другие.

Применение рассмотренных подходов к формированию системы показателей эффективности логистических систем повысит, на наш взгляд, качество управленческих решений, будет способствовать росту отдачи от инвестиций в материальные запасы и улучшению финансовых результатов хозяйствующих субъектов.

Математическое моделирование инвестиционной активности регионов России

Авторами были проанализированы факторы, которые определяют инвестиции в основной капитал в регионах России. Эконометрические оценки осуществлялись на основе выборки, включающей 68 регионов России за 4 года. Таким образом, выборка содержит 272 точки наблюдения.

В качестве зависимой переменной рассматривалась реновация основного капитала. В качестве независимых использовались 47 переменных, включающих экономические, политические, технологические, социальные, структурные, инфраструктурные, финансовые и внешнеэкономические факторы, а также ценовые индексы.

В результате эконометрических оценок было подобрано статистически устойчивое уравнение. Оно показало, что важнейшим фактором, определяющим инвестиции в основной капитал, является фондоотдача. Оценки не дают свидетельств в пользу приоритета нефтедобывающих районов. Основной структурной переменной, которая оказывает наиболее сильное влияние на инвестиции, является доля строительства в валовом региональном продукте. Нет никаких свидетельств существенного влияния технологических факторов на инвестиции. Социальные и другие переменные слабо связаны с инвестиционными процессами.

На основе оцененного уравнения были рассчитаны нормализованные вклады каждой из переменных подобранного уравнения в вариацию зависимой переменной. Результаты этих расчетов вновь показали, что наиболее мощное влияние на реновацию основного капитала оказывает фондоотдача. Она объясняет почти $\frac{2}{3}$ вариации зависимой переменной. На втором месте по влиянию на целевую переменную стоит доля строительства в ВРП, она опреде-

* *Сергей Александрович Мицек* – д-р экон. наук, доцент, завкафедрой финансов и бухучета, декан ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Елена Борисовна Мицек* – канд. экон. наук, завкафедрой менеджмента и маркетинга, ст. преподаватель ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ляет более 20 % ее вариации. Отметим также заметное влияние (с отрицательным знаком) индекса цен производителей промышленных товаров.

Для более полной экономической интерпретации полученных результатов была разработана ранговая система региональных данных. Анализ с помощью данной системы позволил выявить наиболее и наименее активные с точки зрения инвестиций в основной капитал регионы. В первую группу попали Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург и Краснодарский край. Во вторую – Брянская, Курганская, Псковская области и г. Москва. Москва стоит на 1-м месте в России по показателю фондоотдачи, но лишь на 16-м месте по реновации основного капитала.

Ранговый анализ показал, что регионы первой группы имеют высокую долю строительства в ВВП, высокую долю инвестиций в нежилые помещения, они мало зависят от государственной поддержки инвестиций. В регионах второй группы – прямо противоположная картина. Ранговая система также показала существенную зависимость инвестиционной активности от транспортного фактора и географического положения регионов. Это, в частности, сдерживает потенциал развития Сибирских регионов. Было также выявлено, что в ряде регионов инвестиционная активность будет сдерживаться дефицитом электроэнергии. Наиболее крупными производителями электроэнергии являются Тюменская и Иркутская области, а также Красноярский край, тогда как наибольшая инвестиционная активность имеет место в Европейской части России.

В статье делается заключение, что уровень инвестиционной активности в регионе определяется эффективностью его экономики. Следовательно, выигрывают те, кто создает наиболее благоприятные условия для развития бизнеса. Среди структурных факторов наибольшее влияние на инвестиции в основной капитал оказывает наличие строительных мощностей, но не технологическое развитие и не уровень человеческого капитала в регионе. Россия пока переживает стадию экстенсивного развития. Развитие технологий и человеческого капитала не получают адекватной инвестиционной поддержки. Инвестиции бизнеса в России имеют, к сожалению, недостаточную социальную направленность. Это особенно касается инвестиций в высшее образование. Данные не указывают на усиление роли государства в инвестиционных процессах. Основной нефтегазовый регион России – Тюменская область – не получает адекватных инвестиций. По показателю реновации основного капитала она стоит лишь на 18-м месте в России.

Инновации и инвестиции интенсивного и экстенсивного типа

В последнее время все больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, так как это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока еще нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Таким образом, в целом мировой опыт действительно свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народнохозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов – так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока еще не дают ожидаемого результата. В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации.

Однако, на наш взгляд, в современных условиях этого недостаточно, и кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экс-

* **Константин Викторович Павлов** – д-р экон. наук, профессор, завкафедрой мировой экономики Белгородского государственного ун-та (г. Белгород).

тенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет – как известно, на 1000 жителей России на сегодняшний день умерших приходится в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным являются водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности, очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько групп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т. д., в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что, говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели [См.:3]. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ре-

сурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономии стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики. Особенно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Это объясняется тем обстоятельством, что интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития народно-хозяйственного комплекса страны. Интенсификация производства является также одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности отечественной продукции [См.:1].

Действительно, в современных условиях именно наукоемкие технологии – роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что Япония, не имеющая сколько-нибудь серьезных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстроразвивающуюся страну – Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невозпроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе для России и Украины. И это при том, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Развитие российской экономики до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недогруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие,

не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и активизация процесса интенсификации производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли благоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рационального его использования.

Раньше, в условиях плановой экономики, в России о необходимости всемерной интенсификации экономики постоянно говорили руководители всех уровней [См.: 2]. Много в этом направлении делалось: внедрялись новые технологии на предприятиях, ускоренными темпами развивались фундаментальная и прикладная наука, в стране были широко развиты изобретательство и рационализация, причем в этой деятельности наша страна занимала одно из первых мест в мире. Другое дело, что новинки у нас не всегда оперативно внедрялись, в то время как в передовых странах за любое усовершенствование на производстве специалисты получают хорошее вознаграждение. В Японии, к примеру, в фирмах существуют кружки качества, деятельность которых стимулирует проявление инновационной активности трудящихся этих фирм как с материальной, так и с моральной точек зрения.

Необходимость перехода к рыночным отношениям в стране многие специалисты объясняли также и обстоятельством, что рынок должен был еще более повысить уровень интенсификации общественного производства, главным фактором которой является НТП. Однако результат получился прямо противоположным. В последнее время не только не произошло усиления интенсивного характера производства, существенного повышения темпов его роста, но и значительно снизился уровень интенсификации. На это указывают следующие факты. Такой важный показатель интенсификации, каким является производительность труда, существенно снизился (в сельскохозяйственных предприятиях, например, за десятилетний период рыночных реформ этот показатель снизился более чем на 20 %, соответственно затраты труда на производство центнера зерна за это же время возросли с 1,6 человеко-часов до 2,4). О снижении уровня интенсификации российской экономики в переходный к рыночным отношениям период свидетельствуют и другие показатели. В последнее время почти во всех отраслях

существенно уменьшились коэффициенты обновления основных фондов. Это привело к тому, что на многих предприятиях степень их износа приближается к 100 %.

Тенденция снижения темпов интенсификации производства в условиях рыночной реформы проявляется в разных регионах страны. В итоге средний уровень технооснащенности и конкурентоспособности российской экономики еще более отделился от мировых стандартов. В целом темпы внедрения новых технологий в промышленности России в 1990-х годах резко снизились: если удельный вес предприятий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений, в начале рыночных реформ превышал 16 %, то сейчас этот показатель составляет около 5 %. Особенно низка инновационная активность в сельскохозяйственном машиностроении и промышленности строительных материалов. А общая доля новой и усовершенствованной продукции составляла в последнее время лишь около 12 % от всего объема отгруженной продукции инновационно-активных предприятий.

В переходный к рынку период многие руководители об интенсификации экономики вспоминают редко, хотя именно интенсификация является по-прежнему важнейшим фактором роста социально-экономической эффективности производства и конкурентоспособности продукции. В этой связи нелишне напомнить, что основу экономического потенциала развитых стран составляют новейшие наукоемкие производства: роботизация, генная инженерия, биотехнология и т. п. Поэтому, чтобы в обозримой перспективе существенно повысить уровень и качество жизни россиян, необходимо принять срочные меры для повышения эффективности и темпов роста интенсификации производства.

Особенно это актуально для регионов с высоким инновационным потенциалом, к которым относятся, например, регионы Урала, традиционно являющиеся флагманами российского ВПК. Инновационные процессы в такого рода регионах в последнее время существенно затормозились. На предприятиях машиностроительного комплекса снизился удельный вес новых изделий в общей структуре выпускаемой ими продукции, слабо идет внедрение новых технологий, научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок.

Произошедшее за последнее десятилетие снижение темпов интенсификации вполне объяснимо: финансовых ресурсов часто не хватало не только на техническое обновление производства, но и на выплату заработной платы. Поскольку в последнее время ситуация в российской экономике несколько улучшилась (прежде всего, за счет благоприятной внешней конъюнктуры в отношении энергоносителей, традиционно составляющих основу российского экс-

порта), появившиеся резервы целесообразно использовать на повышение интенсификации производства, а следовательно, и роста конкурентоспособности продукции. Без этого невозможно обеспечить устойчивое развитие общества, тем более что Россия, как известно, в ближайшее время, скорее всего, вступит в ВТО, в связи с чем средний уровень конкурентоспособности российских товаров должен соответствовать мировым стандартам. Важнейшим условием ускорения процесса интенсификации является государственное регулирование экономики, осуществляемое в двух основных формах. Возможно прямое государственное финансирование или же создание льготных условий для тех предприятий, которые расширяют научно-исследовательскую деятельность, внедряют прогрессивную технику и технологию. Шире следует использовать и методы ускоренной амортизации фондов. Имеет смысл также разработать комплексно-целевую программу «Интенсификация экономики России и ее различных регионов при рыночных отношениях», в которой следует учесть отраслевые и территориальные особенности инновационного развития производства.

Для повышения уровня конкурентоспособности продукции и экономической эффективности российской экономики большое значение имеет также разработка проблем изучения влияния интенсификации производства на рост его конкурентоспособности и эффективности при рыночных отношениях. Социально-экономические процессы в условиях формирования рыночных отношений все более нестабильны и изменчивы. Неопределенность экономической среды требует качественно иного подхода к формам управления производством, в том числе процессом интенсификации. Следует отметить, что, хотя недостаточно высокий уровень интенсификации и явился одним из наиболее существенных факторов, обусловивших необходимость радикального реформирования российской экономики, анализ показал, что при переходе к рыночным отношениям темпы интенсификации значительно снизились. Это во многом связано с тем, что в процессе реформирования российской экономики на основе монетарной модели практически не учитывались особенности отечественной системы общественного воспроизводства.

Таким образом, результат получился прямо противоположный: в последнее время не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства и повышения темпов этого процесса, но и уровень интенсификации существенно снизился. Связано это в значительной мере с разрывом хозяйственных связей, с возросшей неопределенностью экономического пространства и другими причинами. Чтобы приостановить действие данной негативной тенденции и в дальнейшем избежать еще более серьезных последствий, необходимо разработать комплекс регулирующих и

стимулирующих мер, реализация которых позволит повысить эффективность и уровень интенсификации в новых рыночных условиях хозяйствования. В этих мероприятиях должна быть учтена также отраслевая и региональная специфика.

Литература

1. *Андреев В. А., Павлов К. В.* Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории // Общество и экономика. – 2006. – № 6. – С. 152–162.
2. *Александров Г. А.* Курсом интенсификации. – М.: Экономика, 1998. – 158 с.
3. *Павлов К. В.* Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.

М. С. Подчиненов*

Совершенствование структуры российско-китайской торговли как антикризисная мера

В связи с мировым кризисом многие специалисты в сфере международной торговли высказываются за активизацию торговли с Китаем. По нашему мнению, стремление России в недавнем прошлом сосредоточиться на более выгодном направлении Евросоюза и наращивать постепенно в российском экспорте в ЕС долю готовой продукции не противоречило развитию китайского направления торговли, необходимо было, а теперь это является главной антикризисной задачей, выбрать правильную стратегию во взаимоотношениях с КНР. Среди основных мероприятий такой стратегии можно назвать:

- 1) развитие транспортной и приграничной инфраструктуры;
- 2) организацию в России переработки сырья с китайским участием;
- 3) стимулирование кооперации в рамках производственно-сбытовых цепочек;
- 4) внедрение эффективных инструментов поддержки экспортеров;
- 5) развитие общей системы информационной поддержки и содействие контактам бизнесменов.

1. Как показывают опросы участников российско-китайской торговли, ни существующая инфраструктура, ни скорость ее модернизации не рассчитаны на достижение оборота в 60–80 млрд долл. Поскольку на границе в любом случае будет сохраняться таможенный, санитарный и тому подобный контроль, необходима дальнейшая модернизация пограничных пунктов, расширение их пропускной способности, строительство новых складских и логистических комплексов. В качестве первого шага необходим сбор информации по всем пограничным пунктам о степени их текущей загрузки и наблюдаемой динамики с целью выбора приоритетов для инвестирования по «расшивке» узких мест.

* *Михаил Сергеевич Подчиненов* – студент 4-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Для дальнейшего развития экспорта продукции российской обрабатывающей промышленности необходима ориентация на развитие трансграничных производственных комплексов, которая сопряжена со строительством железных и автомобильных дорог в масштабах всей южной части Дальнего Востока и Сибири. При этом, на наш взгляд, первоочередной мерой является завершение трассы Чита – Хабаровск, которая свяжет, наконец, основную часть России с Дальним Востоком. Предполагалось, что на этой трассе уже в 2006 году появится покрытие из щебеночной смеси, а к 2008 году – полноценная асфальтобетонная магистраль. Хроническое недофинансирование строительства и претензии к генеральным заказчикам привели к сильному переносу сроков, а ведь помимо общего значения для развития России эта дорога важна и тем, что в ее районе китайцы предполагают осуществить значительные инвестиции.

При любых подвижках в структуре российского экспорта в Китай роль энергоносителей будет оставаться весьма значительной. Ведь это одна из конкурентных позиций России на мировых рынках. Более того, в Сибири (особенно Восточной) существует потенциал наращивания добычи нефти и газа, которые из-за экономии на транспортных издержках и диверсификации рынков сбыта целесообразно экспортировать не в ЕС, а на Восток. В этой связи необходимо ускорить строительство трубопроводов.

2. Динамичный рост китайского рынка позволяет России наращивать экспорт переработанной продукции, не снижая поставок в Китай и исходного сырья. При этом, как показывают опросы российских предпринимателей и что признают сами китайцы, в КНР не будет создаваться препятствий для российской продукции с более высоким уровнем добавленной стоимости, особенно если в ее производстве будет задействована китайская сторона. В частности, Китай заинтересован в закупке в России таких товаров, при производстве которых осуществляется энергоемкая переработка сырья. При этом пример строительства новых ЦБК на Дальнем Востоке показывает готовность к участию китайских инвесторов.

Однако продуктивным может оказаться и организованное привлечение в Россию китайской рабочей силы. Оно решает проблему нехватки российских рабочих с необходимой трудовой этикой в тех районах, где такой дефицит наблюдается (а по опросам предпринимателей, в Сибири и на Дальнем Востоке квалифицированные и непьющие работники уже «при деле»). Китайская же сторона получает возможность смягчить собственную проблему безработицы.

3. Хотя в третьих странах прямое соперничество с КНР на большинстве товарных рынков Россия вряд ли выдержит, продук-

тивным должно стать включение России в производственно-сбытовые цепочки китайских производителей на тех стадиях создания добавленной стоимости, где отечественные компании действительно сильные, поскольку могут улучшить сбыт китайской продукции за рубежом (прежде всего в ЕС), принеся доход и российской стороне.

Особое внимание, если разбить всю производственно-сбытовую цепочку на три стадии – разработка продукта, его производство и маркетинг, необходимо обратить на поиск ниш на первой и последней стадиях. Дело в том, что наибольшее конкурентное давление в эпоху глобализации наблюдается именно на второй стадии (причем в немалой степени благодаря Китаю, где производственные издержки очень низкие)¹. Известно, что китайские компании – хорошие «имитаторы» западной продукции, но с разработкой собственных новинок у них часто возникают проблемы. Напротив, в России при меньшей дисциплинированности и больших запросах рядовых рабочих сохраняются хорошие инженерные кадры. При этом на стадиях НИОКР и разработки дизайна создается весомая доля добавленной стоимости продукции.

По-видимому, необходимо активизироваться и на стадии маркетинга, причем наибольшие шансы у России появляются на рынке Евросоюза, с которым наша страна пытается усилить интеграционные связи. В данном случае необходимо сломать стереотип, что сближение с ЕС (через скорейшую реализацию в жизнь концепции четырех «общих пространств») удалит Россию от других экономических партнеров, например, Китая. Напротив, уменьшение барьеров в российско-европейской торговле может быть использовано для развития кооперации российских и китайских производителей. Хотя Китаю удалось достичь положительного сальдо в торговле со всеми странами ЕС, он проникает главным образом в ниши, ранее занятые другими развивающимися странами, в то время как вытеснить с рынка европейских производителей более качественной продукции предприятиям КНР удается редко.

При этом государству не требуется придумывать сферы, где российский частный бизнес мог бы дополнить усилия китайских производителей по захвату зарубежных рынков. Необходимо лишь поддержать инициативы фирм, которым уже удалось «нащупать» соответствующие ниши.

4. Необходимо внедрять эффективные инструменты поддержки экспортеров, в частности, гарантирование экспортных кредитов. При этом в программу можно включить только фирмы опре-

¹ См.: *Kaplinsk R. Spreading the Gains from Globalization: What Can Be Learned from Value Chain Analysis? // IDS Working Paper. 2000. № 110.*

деленных отраслей (прежде всего высокотехнологичных для стимулирования изменения структуры российской внешней торговли) и определенного размера (исключение крупных компаний обычно объясняется стремлением избежать лоббирования). Данный инструмент особенно важен для российских предприятий, участвующих в тендерах в Китае, где требуется полная предоплата. При этом следует разработать нормативную документацию и подготовить изменения в законодательстве, связанные с созданием государственной корпорации по страхованию экспортных кредитов и инвестиций.

5. В задачу государства также входит грамотная информационная политика. При этом далеко не всегда информации об экономической среде, существующей в КНР, у россиян нет в принципе. В задачу государства входит в первую очередь координация усилий разных участников российско-китайских экономических отношений. Наиболее простым способом, на наш взгляд, является создание специального агентства, осуществляющего консалтинг с привлечением как специалистов из торгпредства, так и частных посредников.

Еще одной проблемой современных российско-китайских связей является преимущественная ориентация России на не самые развитые соседние провинции Китая. Более того, многие бизнесмены по-прежнему имеют дело не с высококлассными производителями (часто дочерними структурами западных фирм), а с предприятиями, выпускающими товары низкого качества, которые китайцам удастся сбывать только в России, где часть населения охотно покупает дешевую продукцию. В то же время содействие со стороны государства и властей отдельных субъектов Федерации в развитии контактов частных российских предпринимателей с предприятиями приморских провинций Южного и Восточного Китая может стимулировать импорт из КНР продукции, ориентированной на российский средний класс (это будет поддержано и китайской стороной). Одновременно ориентация на слои населения с довольно высоким уровнем покупательной способности позволяет «оторваться» от исключительно ценовой конкуренции и открывает возможности для кооперации российских и китайских производителей (например, в сфере адаптации китайских товаров к специфике спроса россиян).

Кроме того, необходимо оказать государственное содействие повышению практических навыков работы в китайской экономической среде у российских бизнесменов. Для этого на первом этапе необходимо расширить географию стажировок в рамках Президентской программы подготовки управленческих кадров (пока они проводятся только в различных странах ЕС и Японии). На втором этапе, поскольку это более эффективно, следует создать отдельную

программу (поездки управленцев в высокоразвитые страны все-таки призваны научить их работать в рыночной среде, что нужно и для работы в самой России, тогда как специфика торговых связей с КНР нужна далеко не всем).

Подытоживая сказанное, можно отметить, что возможностей изменить структуру российско-китайской торговли и придать связям с КНР новый характер не так уж мало. При этом от государства требуется принятие вполне посильных мер по стимулированию возникающих инициатив частных компаний, которые даже несмотря на кризис стремятся инвестировать в сотрудничество с китайскими предприятиями. Особо следует подчеркнуть, что в большинстве случаев поддержка хозяйственных отношений с КНР не вступает в противоречие с углублением экономической интеграции России и ЕС. Более того, существуют направления, где укрепление связей с КНР будет способствовать модернизации специализации России и во внешней торговле со странами ЕС.

Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский регион

По ввозу капитала Уральский регион сегодня занимает достаточно скромное место среди российских регионов, несмотря на усилия руководства, направленные на улучшение инвестиционного климата для отечественных и иностранных инвесторов. В УФО разработаны и будут реализовываться проекты, которые структурированы как комплексные, направленные на развитие как добывающих, так и перерабатывающих отраслей при одновременном развитии необходимой инфраструктуры. Это позволит повысить эффективность функционирования предприятий, усилить мультипликационный эффект от реализации этих проектов для хозяйства региона. Так, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах планируется освоение богатой ресурсной базы, на юге – в Тюменской области – будет создан крупнейший металлургический комплекс на базе Бакчарского железорудного месторождения. Уральские регионы будут постепенно избавляться от топливной специализации и сохраняют свой статус лидеров российской металлургии, химии, энергетики. Активно будет развиваться первичная переработка ресурсов, добываемых на Востоке и в Западной Сибири, причем основной объем инвестиций будет направляться на глубокую модернизацию и техническое перевооружение производств, построенных еще до революции и в советский период. Однако сегодня в экономику региона иностранные инвестиции поступают в основном в торговлю, общественное питание и так называемую общую коммерческую деятельность, а также в экспортноориентированные отрасли промышленности. Приток иностранных инвестиций в машиностроение, сельское хозяйство и производственную инфраструктуру, где острая нехватка инвестиций, невелик.

Невысокий приток иностранного капитала в экономику региона часто объясняют недостаточно хорошим инвестиционным климатом. Однако такое объяснение не будет до конца убедительным,

* *Светлана Ивановна Пономарева* – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории УрГЭУ (г. Екатеринбург).

так как ситуация с иностранным участием, например, в валовом накоплении основного капитала в России в целом лучше, чем в некоторых странах, где инвестиционный климат благоприятнее. Более убедительным объяснением низкого притока инвестиций в Россию является настороженное отношение к иностранному капиталу всего общества и в весьма специфических и трудных для восприятия иностранцев отношениях между бизнесом и государством.

В мировой практике ввоз капитала распределяется примерно поровну между тремя его формами – прямыми инвестициями, портфельными инвестициями и ссудным капиталом. Но в России и на Урале в частный сектор иностранный капитал в основном притекает в ссудной форме, хотя прямые иностранные инвестиции (ПИИ) имеют свои неоспоримые преимущества.

С исторической точки зрения ПИИ сыграли важную роль в развитии экономической инфраструктуры европейских колоний и бывших колониальных владений. В настоящее время влияние ПИИ на экономическое положение стран-реципиентов оценивается неоднозначно. Сторонники политики привлечения ПИИ утверждают, что иностранный капитал приходит в страну в условиях относительной нехватки внутренних ресурсов и увеличивает ее инвестиционные возможности. Кроме того, его приток сопровождается внедрением новых технологий и современных стандартов ведения бизнеса, что в конечном счете способствует экономическому развитию страны на основе усиления конкуренции на внутреннем рынке.

Противники политики привлечения ПИИ обращают внимание на ее негативные последствия, часто наблюдаемые в странах-получателях иностранного капитала. В том числе они отмечают, что ТНК активно вмешиваются в законодательные процессы в стране, склонны игнорировать ее экологическое и трудовое законодательство и полагаются главным образом на заграничных поставщиков.

Преимущества ПИИ очевидны. Исходя из положений теории отраслевых рынков можно назвать два довода в пользу осуществления ПИИ – сохранение контроля и сокращение издержек. Общеэкономическая предпосылка притока иностранного капитала заключается в возможности получения более высокого дохода за границей. Однако различия в норме прибыли на вложенный капитал не являются достаточным основанием для привлечения ПИИ. ПИИ имеют и иные существенные преимущества перед портфельными инвестициями и банковскими кредитами. Прежде всего, при портфельных инвестициях отсутствует эффективный контроль собственника над капиталом, ПИИ обеспечивают контроль инвестора над объектом размещения капитала. Благодаря ПИИ собственник капитала уменьшает вероятность его потери в результате экспро-

приации зарубежными должниками, то есть решает проблему долгового оппортунизма.

Еще одним доводом в пользу ПИИ выступает прямая экономия на издержках производства. Чаще всего сокращение внутрипроизводственных затрат происходит в рамках процесса консолидации предприятий компании при возникновении необходимых условий. Такими условиями могут быть создание экономических и торговых союзов, в том числе ШОС. Показательно, что наибольший удельный вес ПИИ приходится на страны – участницы торговых союзов. Отметим, что стимулирование ПИИ путем предоставления налоговых или экспортных льгот не считается верной политикой в долгосрочном плане. Такие льготы в лучшем случае привлекают неустойчивый капитал, а в худшем – приводят к сокращению стран с позиции максимального предоставления льгот.

Поскольку основной причиной привлечения иностранного капитала служит более высокая норма прибыли за границей, его экспорт является потенциально выгодным как для страны-экспортера, так и для страны-реципиента. Но, опасаясь экспроприации, владельцы капитала вынуждены нести расходы по его защите, которые могут быть распределены так, что страны-реципиенты окажутся в проигрыше. Поэтому экономисты подчеркивают необходимость координации национальной политики разных стран в отношении ПИИ, в частности, посредством участия в международных организациях.

О. С. Проскурякова*

Мировой кризис в отраслевом разрезе

Рост интенсивности хозяйственного и информационного обмена между отдельными регионами планеты бесспорен. Между тем взаимозависимость, которую обычно и предполагает понятие глобализации, отнюдь не очевидна. Наблюдается не столько нарастание взаимозависимости элементов мировой экономики, сколько беспрецедентный рост ее односторонней зависимости от основных центров постиндустриального мира.

На протяжении последних лет уверенно снижались цены на энергоносители и сырьевые товары, расширялись горизонты применения информационных технологий, в то время как цены на большинство видов промышленной продукции оставались относительно высокими.

Кризис продемонстрировал ограниченные возможности международных финансовых институтов, традиционно считающихся важным инструментом глобализации мировой экономики, в противостоянии негативным тенденциям.

Государство реагирует на масштабы кризиса по двум направлениям. Первое: стабилизация банковской системы (не дали обанкротиться большинству банков, работающих с населением, и одновременно защитили интересы вкладчиков, повышение уровня страхового возмещения по вкладам с 400 до 700 тысяч рублей). Второе направление – социальное (государство обязало все предприятия в режиме еженедельного мониторинга загодя сообщать о грядущих увольнениях).

Счетная палата РФ выступает за значительное снижение ставок по кредитам для российских предприятий, сообщил председатель Счетной палаты РФ Сергей Степашин. По его словам, средневзвешенные процентные ставки по кредитам в рублях для предприятий за последнее время выросли в 1,5 раза – с 13 до 19 %. «Тут, честно говоря, возникает много вопросов. Почему в большинстве стран Европы, в США, части Латинской Америки снижают ставку, а мы ее повышаем? Это большой вопрос, это вопрос стратегический. Я считаю, это важнейший вопрос, если мы реально

* *Олеся Сергеевна Проскурякова* – студентка 3-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

хотим говорить о спасении нашей промышленности и экономики», – сказал Степашин.

Одна из принимаемых государством мер – госзакупки. Внутреннему производителю готовы платить на 25 % больше, чем иностранному. Это и есть механизм импортозамещения. Прежде всего, он касается таких отраслей, как энергомашиностроение с его высокотехнологической продукцией.

О. С. Проскурякова*

Экономический кризис и Свердловская область

2008 год отмечен многими достижениями в политической, экономической и социальной жизни Свердловской области. Экономика области на протяжении последних девяти месяцев росла очень обнадеживающими темпами, замедлившись только осенью по известным причинам глобального характера. Удалось решить многие проблемы, в том числе с увеличением энергогенерирующих мощностей, с освоением производства инновационных видов продукции глубокой переработки в разных отраслях промышленности, с увеличением объемов продукции сельского хозяйства.

Специфика области в том, что мировой кризис в наибольшей мере затронул отрасли, являющиеся базовыми для ее экономики: добыча полезных ископаемых, металлургия и машиностроение, которые в своем развитии традиционно зависят от стабильности инвестиций, включая кредитные ресурсы. Ситуацию в значительной мере могли бы смягчить меры финансовой поддержки, принимаемые на федеральном уровне. Однако федеральные средства, направленные на рефинансирование банковской системы, до реального сектора экономики не доходят либо доходят в ограниченном объеме.

Региональным и окружным подразделениям прокуратуры предстоит аккумулировать силы по надзору за предприятиями в вопросах соблюдения законодательства об оплате труда, выплат выходных пособий и обеспечения гарантий работникам, попавшим под сокращение (в том числе иностранным гражданам), своевременности выплат пенсий и пособий. Иными словами, все руководители предприятий, которые, пользуясь ситуацией, решили сократить сотрудников, уменьшить пенсионные начисления и так далее, подвергнутся жестким проверкам со стороны надзорных ведомств.

«Промышленность Свердловской области формирует 47 % валового регионального продукта, поэтому негативное влияние, оказанное кризисом на этот сектор экономики, особенно важно. Налицо замедление темпов экономического роста. По итогам 11 месяцев индекс физического объема промышленного производства снизил-

* **Олеся Сергеевна Проскурякова** – студентка 3-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ся до 100,3 %. Причем ситуация ухудшилась в ноябре. Объем промышленного производства в этом месяце составил 93,4 % по отношению к ноябрю 2007 года и 93,3 % к октябрю 2008 года», – отметил полномочный представитель Президента РФ Николай Винниченко.

На примере округа видно, что наибольшее замедление развития в текущем году испытали на себе обрабатывающие отрасли. На общие показатели округа, 50 % промышленной продукции которого формирует добыча углеводородов, большее влияние оказывает динамика добывающих отраслей. Тот факт, что добыча нефти и газа в кризисные месяцы снизилась очень незначительно, предопределил, что промышленное производство в округе в последние месяцы снижается медленнее, чем в целом по России.

Конечно, мировой экономический кризис сказался на предприятиях Свердловской области, но главное, что удалось нейтрализовать все негативные социальные последствия этого удара и удерживать благосостояние свердловчан на достаточно высоком уровне. Губернатор и правительство области продолжают прилагать необходимые усилия для поддержания стабильности экономики и финансов.

В банковской сфере ситуация в основном нормализовалась, и подавляющее большинство банков работают в штатном режиме; показатели работы кредитных учреждений далеки от докризисных.

Сейчас и на уровне федерации завершается процесс согласования мер, которые будут приняты в ближайшее время для поддержки нашей промышленности, – Президент и правительство России включили Свердловскую область в число регионов, которым такая поддержка будет оказана в первоочередном порядке.

Несмотря на мировой кризис, по мнению Э. Росселя, «нельзя забывать и о положительных моментах», которые несет нам будущий год. Для желающих создать малые предприятия возможности в 2009 году будут «замечательные», потому что значительно увеличивается государственная поддержка малого и среднего бизнеса – в области с учетом средств, выделяемых из федерального бюджета, она составит более одного миллиарда рублей, а на каждый рубль государственных средств малые предприниматели получают по четыре рубля из коммерческих банков. Итого – пять миллиардов рублей.

Что же касается наших предприятий сельского хозяйства, то 2009 год, по мнению губернатора, обещает стать для них «просто золотым»: «Мировой кризис ведет к переделу рынков сельхозпродукции, а мы уже весной земли сельхозназначения перераспределим в пользу тех, кто действительно хочет на них работать, производить продукцию земледелия и животноводства, получать реальную прибыль».

О. С. Проскурякова*

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке Российской Федерации

Основной демографической характеристикой одного из наиболее значимых регионов России – Дальнего Востока – является незначительная численность населения данной территории в сравнении с ее площадью (36,4 %).

Одна из характеристик импорта китайской рабочей силы на Дальний Восток – ее квотирование. Администрациями краев и областей ежегодно фиксируется количество рабочих, необходимое для восполнения нехватки рабочей силы в данном субъекте Федерации. Однако в объемах импорта рабочей силы нет никаких закономерностей.

Те, кто работает по контрактам в строительстве, сельском хозяйстве и общественном питании, принадлежат преимущественно к низшим социальным слоям населения КНР из уездных городов. Среди них уровень неграмотности может достигать 30 % (Владивосток, Благовещенск) – 35 % (Забайкальск). Китайцы, занимающиеся торговлей, как правило, имеют среднее образование (75 %), часть из них – даже высшее (5 %).

Опросы общественного мнения показали, что большинство китайцев приезжают в Россию не из-за безработицы в КНР (16 % опрошенных), а из-за того, что в России проще, чем в Китае, заработать деньги (33 %).

Для российской экономики угроза со стороны растущего потока китайской рабочей силы заключается в следующем:

- низкое качество ввозимых потребительских товаров;
- рост преступности;
- разграбление ресурсов Дальнего Востока;
- масштабные вывозы наличной валюты;
- браконьерство на пограничных реках. Незаконный лов рыбы

в период нереста и размножения осетровых рыб.

Каковы положительные аспекты китайского присутствия на Дальнем Востоке России? Среди таковых следует выделить:

* *Олеся Сергеевна Проскурякова* – студентка 3-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

- наполнение рынка товарами ширпотреба и продуктами питания;
- заполнение вакантных рабочих мест в сферах промышленности и сервиса;
- ценовая конкуренция и удешевление товаров на местных рынках;
- китайские инвестиции в российскую недвижимость;
- наполнение федерального и местного бюджетов за счет налоговых сборов торговцев на рынках и предпринимателей, а также таможенные платежи;
- стимулирование дальневосточного турбизнеса.

Особенности миграционных процессов на Дальнем Востоке заключаются в устойчивом оттоке местного населения в центральные и западные регионы страны и замещении его внешними трудовыми мигрантами, представляющими потенциальную угрозу геополитической стабильности. Привлечение иностранных работников из государств с заведомо более низким уровнем жизни становится тормозом для социального и экономического развития России.

*Т. Н. Сиротинская**

Информация и конкурентоспособность субъекта экономической деятельности

Мы живем в мире, перенасыщенном информацией, которая становится все более актуальной и дефицитной и приобретает преобразующий и определяющий характер во всех сферах человеческой деятельности.

Долгое время информация не рассматривалась учеными как экономическая категория. Ее специфичность и многообразие породило множество определений и разнообразных подходов в толковании. Именно Н. Винеру мы обязаны введением термина «информация» в широкий научный оборот. Он исходил из того, что в основе любой целенаправленной деятельности лежит информация и природа субъекта и объекта этой деятельности несущественна.

Сегодня информацию можно смело приравнять к важным ресурсам и факторам, сопровождающим любое производство и его экономический рост. На основе информации, при реальной возможности трансформирования ее в жизнь, можно планировать и реализовывать деятельность любого предприятия.

Современный этап развития экономики обусловил резкий спад потребностей в безадресной информации. Быстро растущие потребности российских предприятий в новых информационных ресурсах, вызванные естественной конкуренцией, требуют адекватных изменений в вопросах информационного обеспечения. Постоянный рост объема информации, который можно наблюдать во всех отраслях, обусловлен увеличением объемов выпускаемой продукции и услуг, используемых материалов, оборудования, увеличением количества внешних и внутренних связей экономических субъектов. Умение работать с информацией стало необходимой потребностью предприятий.

Постепенное развитие и совершенствование товарного производства, когда производителей товара стало два и более, явилось предпосылкой зарождения и дальнейшего развития конкурентной информации. При этом необходимо отметить, что в данном кон-

* *Татьяна Николаевна Сиротинская* – аспирант Гуманитарного ун-та, ведущий специалист по ИТО Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

тексте важна активная информация, касающаяся действий конкурентов, предпринимаемых на рынке. Ведь только «активная информация – бизнес-информация, являющаяся действительным фактором предпринимательской деятельности» [См.: 1] дает возможность быть успешным. Конкурентная информация должна обладать рядом следующих важных свойств: доступностью, достоверностью, актуальностью, полнотой, уникальностью, ясностью, приоритетностью.

Главным свойством информации в разрезе информационного обеспечения конкуренции будет ее достоверность и актуальность. Достоверная информация помогает руководству принять правильное стратегическое решение. Не менее важна актуальность, учитывая динамизм конкуренции.

Высокая скорость получения конкурентной информации, ее эффективный анализ, проведенный с опережением своих противников, дает преимущества в обеспечении конкурентоспособности предприятия.

Запросы покупателей на те или иные товары и услуги имеют тенденции к постоянному изменению. Своевременное осознание потребности покупателя в том или ином товаре или услуге, которые будут более востребованы в будущем, делает это предприятие пионером во владении конкурентной информации. «В стране постепенно выросло поколение предпринимателей, способных достигать успеха не за счет махинаций или «хапка» ..., а путем верного предвидения того, какой именно товар или услуга по-настоящему нужны рынку ... и людям»[2]. Быть первым на рынке – шанс предприятия получить большую прибыль.

Рынок и его структуры стали главным информационным источником в конкуренции. Чтобы получить прибыль, предприятию требуется более пристальное изучение своих противников через информацию о рынке товаров и услуг, которая выходит на передний план, становясь одной из главных составляющих конкурентной информации. Сбор, систематизация, анализ и использование информации о ресурсах, намерениях и слабостях конкурентов в конкурентной борьбе может косвенно или напрямую стать причиной изменения ситуации на рынке как сегодня, так и завтра.

Необходим комплексный подход по созданию единого информационного пространства рынка, в процессе которого должны принимать участие как коммерческие, так и государственные структуры. При решении такой ключевой проблемы информация, накопленная в рамках этой системы, позволила бы «существенно повысить эффективность функционирования всех предпринимательских структур, за счет повышения уровня информационной поддержки их деятельности» [См.: 1].

По мнению российского ученого А. В. Шилейко, информация определяет направление, в котором совершаются процессы некоторой физической системы. Любая физическая система, будь то естественная или искусственная, обладает своим информационным ресурсом. Это дает основание утверждать, что любое предприятие, компанию или фирму мы можем отнести к искусственно созданной системе со своими энергетическими ресурсами (людьми, материалами, интеллектом сотрудников и т. д.).

Мы считаем, что информационный ресурс предприятия совместно с внешними воздействиями, которые оказывает рынок на предприятие, будет однозначно определять процессы, происходящие внутри этого предприятия. Правильно налаженное информационное обеспечение предприятия в полной мере обеспечивает его конкурентной информацией, может определить направление движения этого предприятия в рыночной среде.

Работа с информацией носит интеллектуальный характер, потому как ее анализом занимается человек. Поэтому во многом итоги полученного анализа зависят от его интеллектуальных способностей. Поскольку любые данные о конкурентах, проанализированные специалистом предприятия, которые в дальнейшем становятся информацией, воспринимаются и интерпретируются разными людьми по-разному, мы считаем, что эффективность конкурентной информации для практически равных предприятий при прочих равных условиях может оказаться различной. Именно разница в восприятии и интерпретации информации о конкурентах позволяет одним предприятиям в полной мере использовать полученную конкурентную информацию для извлечения прибыли и продвижения на рынке, а другим нет.

Кроме того, эффективное использование полученной информации дает возможность зарождения новой (уникальной) информации и нового (уникального) знания в отношении продукта или услуг, способных удовлетворить потребности потребителей.

При трансформации полученной новой (уникальной) информации в действия, а, именно, по удовлетворению покупательского спроса, предприятие получает шанс занять лидерские позиции на рынке и получить сверхприбыль. К. Фляйшер считает: «Обладание конкурентным преимуществом требует от компаний уникального предложения дынных и информации, создания упорядоченности среди хаоса и многообразия и трансформации знаний при направлении их в необходимом ключе» [См.: 3]. Для более эффективной работы с такого рода информацией, необходим постоянный процесс в обучении и совершенствовании навыков сотрудников, занимающихся сбором, обработкой и анализом любой информации.

Конкурентная информация помогает повысить прибыль и минимизировать издержки путем сведения к минимуму эффекта неопределенности при принятии руководством и не только руководством стратегических решений. Она необходима для сокращения неопределенности и риска в области принятия решений [См.: 3].

Считаем, что главная цель информационного обеспечения предприятия в обеспечении конкурентной информацией руководящих лиц, принимающих решение и сведение «к нулю» неопределенности предстоящих событий.

Информационное обеспечение конкурентоспособности любого предприятия это непрерывный процесс. Первостепенной задачей такого мониторинга является обеспечение персонала в целом необходимой информацией для успешной работы предприятия. И, как мы уже говорили, основой информационного обеспечения является конкурентная информация, которая может напрямую влиять на положение предприятия на рынке и конкурентоспособность его продукции и берет свои основы из исследований в области экономики, маркетинга, военной теории и стратегического менеджмента.

Не станем отрицать, что финансовые ресурсы по-прежнему играют существенную роль в обеспечении конкурентоспособности предприятия, но более успешными сегодня становятся предприятия, совмещающие также интеллектуальные, социальные и предпринимательские ресурсы.

Литература

1. Богданова Е. Л. Информационный маркетинг. СПб., 2000.
2. Опыт конкуренции в России: причины успехов и неудач / Кол. авторов; автор и координатор исследований А. Ю. Юданов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008.
3. Фляйшер К. Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / К. Фляйшер, Б. Бенсуссан. – М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2005.

Р. Р. Чугумбаев*

Учет ключевых свойств моделей экономики организации в разработке показателей эффективности ее деятельности

В процессе экономического анализа системному моделированию предшествует экономическое моделирование объекта анализа. Результат этого этапа может различаться в зависимости от выбранной теории фирмы. Современное состояние теории микроэкономики позволяет самостоятельно сосуществовать различными теориями фирмы. Прежде всего это обусловлено значительной многофункциональностью предприятий. Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов, рассматривая многообразие функций предприятий, отмечают: «Некоторые из них относятся к социальным, и даже их простое перечисление показывает, что они лежат в основе существования общества. По сути, возможность самореализации в труде, так же как и самоуважение через уважение со стороны коллектива, выражают фундаментальные потребности и права человека. Другие функции предприятия стимулируют на микроэкономическом уровне движение материальных, финансовых, информационных потоков, перемещение рабочей силы и реализуют действие экономических сил конкуренции» [2]. В экономической теории сложилось несколько основных концепций предприятия, описывающих его возникновение, деятельность и ликвидацию. В каждой из них предприятие рассматривается под определенным углом зрения, с акцентом на те или иные особенности изучаемого объекта. Можно выделить четыре основных направления исследований, связанных с теоретическим описанием функционирования предприятия [См.: 2]:

- неоклассическая теория фирмы;
- институциональная теория фирмы;
- эволюционная теория фирмы;
- предпринимательская теория фирмы.

* **Роман Рыспекович Чугумбаев** – канд. экон. наук, доцент кафедры теории финансов, кредита и налогообложения Волгоградского государственного ун-та (г. Волгоград).

Модель анализа эффективности предприятия, согласно неоклассической теории фирмы, предполагает исследование производственной функции, выражающей зависимость результатов производства от затраченных факторов, и конфигурации области в пространстве ресурсов, отражающей размеры и соотношение используемых факторов. «Поведение» предприятия – выбор объемов и структуры привлекаемых ресурсов и (тем самым) производимой продукции. Неоклассическое понимание предприятия (фирмы) как носителя основной (производственной) функции – преобразования ресурсов в продукцию, продающуюся на свободном рынке, – является в настоящее время общепризнанной, базовой в мировой экономической науке концепцией. Параметры производственной функции предприятия определяются теми конкретными технологическими процессами, которые используются для производства продукции, а главная задача, которую решает фирма, действующая как на рынке ресурсов, так и на рынке продуктов, – найти такие объемы и соотношения ресурсов, которые позволили бы установить цену на продукцию, максимизирующую прибыль предприятия. При этом предполагается, что фирма выпускает такое количество продукции, при котором предельные издержки равны рыночной цене, что и является условием максимизации прибыли. Прибыль выступает здесь как форма выражения результативности, эффективности работы фирмы. Предполагается, что если предприятие не максимизирует прибыль, то оно рано или поздно будет исключено из числа агентов рынка в ходе естественного отбора, реализуемого механизмом рыночной конкуренции. Таким образом, фирма в неоклассической теории с позиции системного подхода выглядит как «черный ящик», в котором ресурсы трансформируются в продукты. При этом, данная трансформация осуществляется в соответствии с характером производственной функции, выражающей технологическую зависимость производимых продуктов от используемых ресурсов, и той внешней средой (рыночной структурой), которая определяла способ максимизации прибыли как целевой функции фирмы. На базе неоклассической теории фирмы создан довольно мощный аналитический инструментарий. В то же время, целый ряд проблем, имеющих первостепенное значение в функционировании предприятия, в том числе проблемы организационного устройства предприятий, механизмы принятия решений, стимулирования и контроля их исполнения и т. д., оказывались за пределами как интересов исследователей-экономистов, так и «разрешающей способности» самой теории фирмы как части неоклассической экономической теории. В результате, появился целый ряд модификаций, направленных на включение в анализ явлений неценовой конкуренции, воздействия географического положения фирмы на цены

продуктов и ресурсов, а сезонных колебаний производства – на занятость, учет проблем оптимизации и управления запасами, и т. д. Известен и целый спектр конкурирующих, дополняющих и сменяющихся в разных обстоятельствах друг друга вариантов целевой функции фирмы: кроме максимизации прибыли, максимизация продаж, валового дохода, дохода на одного работающего, дохода акционеров, различные многофакторные аппроксимации функции полезности, стратегические цели и т. д. Все эти модификации были естественными реакциями на регулярно возникающие несоответствия между предпосылками и выводами неоклассической теории и практикой деятельности фирм.

И. Ансофф выделил следующие ключевые пункты в деятельности предприятия, не укладывающиеся в рамки неоклассической теории фирмы [1]:

- 1) обесценивание опыта управляющих, обусловленное возникновением принципиально новых задач;
- 2) усложнение управленческих проблем, вызванное нарастанием множественности задач в связи с расширением географических рамок рынков;
- 3) возникновение и расширение разрыва между сложностью и новизной задач, с одной стороны, и наличными управленческими навыками, приобретенными в прошлом, с другой стороны;
- 4) рост вероятности стратегических неожиданностей, вызванный увеличением частоты возникновения новых задач.

Однако концепция стратегического планирования Ансоффа, сыгравшая базисную роль в развитии стратегического менеджмента, осталась в рамках теории менеджмента или, несколько шире, экономики бизнеса как прикладного направления исследований. Предприятие рассматривалось как объект управления, а стратегическое планирование – как одна из его функций, причем вопросы о сути целевой ориентации управления оставались (в отличие от неоклассической теории фирмы) без предварительного ответа (иными словами, предполагалось, что этот ответ каждый менеджер дает по-своему). Разрыв между этой теорией и общеэкономической теорией фирмы не был преодолен.

Осмысление многообразных теоретических и прикладных проблем функционирования предприятия, в том числе и связанных с расхождением двух указанных направлений, существенно облегчается при использовании идей, лежащих в основе иной экономической теории, так называемой неинституциональной экономики. Новая институциональная экономическая теория (new institutional economics) исходит из двух отправных суждений: во-первых, из того, что институты имеют важное значение в хозяйственной жизни, и, во-вторых, из того, что они поддаются экономическому анализу

[См.: 4]. Развитие названной теории началось в 30-е годы нашего столетия, когда были отмечены разительные достижения в рамках юридической, экономической и организационной наук. Сторонники научной школы современного институционализма пытались расширить возможности неоклассического анализа путем изучения проблем организации и того, как структуры прав собственности и трансакционные издержки (то есть на подготовку, заключение и реализацию сделок) влияют на мотивацию и экономическое поведение.

Основная мысль этой теории обнаруживается в следующей цитате:

«... использование механизма цен связано с определенными издержками. Фирма, внутри которой рыночный механизм заменен механизмом выработки и применения предписаний, избавлена от таких издержек (хотя, конечно, осуществляет затраты на управление, отличные от издержек использования механизма рынка). Тем самым фирма как эмпирически фиксируемый феномен, как производственная организация возникает (и заменяет собой свободную куплю-продажу факторов производства) там и постольку, где и поскольку нерыночный механизм эффективнее» [3].

Таким образом, в институциональной концепции фирма рассматривается как организация, создаваемая людьми для более эффективного использования их возможностей. Связанные с приобретением нужных материалов и оборудования трансакционные издержки в случае образования фирмы оказываются ниже, чем при производстве той же продукции без организации фирмы, что и объясняет существование предприятий. «Поведение» предприятия характеризуется особенностями заключения и исполнения контрактов с внешними организациями и работниками.

«Институциональный вариант теории фирмы в отличие от неоклассического не делает акцент на предсказании поведения фирмы в соответствии с существующей производственной функцией как формой выражения технологической зависимости между затратами факторов производства и максимально возможным при соответствующей комбинации затрат выходом продукта. Здесь в центре внимания другое: объяснение существования и соответственно в дальнейшем сосуществования многообразных форм деловых предприятий, пределов их роста, возможных вариантов решения проблем мотивации работников, организации, контроля, планирования и др. С этой точки зрения институциональная версия теории фирмы является как бы «мостиком» между стандартной неоклассической теорией и теориями управления» [3].

Таким образом, развитие моделей экономики фирмы раскрывает закономерности ее развития как сложной системы и становится основой для формирования показателей, комплексно характеризующих ее экономическую эффективность.

Литература

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – С. 25.
2. Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. Л., Качалов Р. М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. – М.: Экономика, 1997. – С. 10.
3. Коуз Р. Г. Фирма, рынок и право: пер. с англ. – М.: «Дело ЛТД»: Изд-во «Catallaxu», 1993. – С. 39.
4. Уильямсон Оливер И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Под ред. В. С. Катякало; пер. с англ. Ю. Е. Благова, В. С. Катякало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. – СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. – С. 17.

Раздел третий

**Культурное разнообразие
в зеркале медиа: чьи интересы
и что интересно?**

Изобразительные элементы прессы в аспекте визуальной культуры

Эволюция развития так называемого «иллюстративного ряда» в отечественной прессе прошла длительный путь от распространения его в виде массовых примитивных народных картинок с текстами (лубка в России) до размещения самостоятельных визуальных материалов в Интернете, которые еще только требуют отдельного системного изучения. Развитие полиграфического и технического производства, которое привело к тому, что каждый содержательный, «внутренний» компонент издания стал его тиражируемым элементом, разделил «иллюстративный ряд» в прессе на две категории. К первой относятся репродукции в прессе, то есть самостоятельные визуальные изображения, нашедшие «второе обличье» в том или ином издании. Ко второй категории относятся исключительно газетно-журнальные изображения, специально «заказанные» на договорной основе у штатных или внештатных работников редакций (художников, дизайнеров, фотографов) с целью оперативного размещения на страницах того или иного печатного СМИ. В этом смысле, с одной стороны, некоторые из изобразительных компонентов прессы, соприкасаясь со СМИ, приобретают прикладной характер. С другой стороны, каждый компонент в то же время не теряет своей уникальности, поскольку с творческой и технологической точки зрения изначально самостоятелен и, находясь в пределах номера печатного СМИ, становится лишь разновидностью синтетического искусства. При этом под «синтетичностью» (для прессы примерами такого синтетического искусства являются карикатуры – в большей степени, рисунки, коллажи и фотоиллюстрации – в меньшей степени, инфографика, как правило, представляет сжатое изложение в изобразительной форме каких-либо вещей) обычно понимают их модификацию.

Связь журналистики и искусства в печатных СМИ проявляется на уровне взаимообогащения двух категорий в визуальных материалах: факта и образа. С одной стороны, любая информация на фотоиллюстрации в прессе образна (фотоиллюстрация и карикатура связаны с художественной фотографией и проблемной

* *Антон Сергеевич Айнутдинов* – ассистент кафедры периодической печати ф-та журналистики УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

графикой). С другой стороны, находясь в газете, журнале, они модифицируются и в большей степени несут в себе фактической, актуальной, социально значимой информации, чем станковые изображения, которые могут не иметь практической пользы, а иногда и вовсе представлять собой абстрактные изображения. Таким образом, последствием технологической революции для искусства, а также для СМИ стала радикальная смена эстетической парадигмы, которая реализуется теперь в краткосрочном преодолении культурного пространства реципиентом с целью принятия репродукции, модификации визуального предмета, а не его подлинного образца. Иными словами, визуальная культура превратила зрительный источник информации в функциональную вещь индустриального производства, ее тираж и одновременно объект потребительского рынка.

Система изобразительных элементов в прессе является ни чем иным, как желательной элементарной единицей, функционально значимой для видового разнообразия информации, имеющей разные визуальные проявления. И те или иные СМИ на практике отдают формальное предпочтение некоторым из изображений, а также определенным их типам. Исходя из этого, изобразительные элементы прессы целесообразно рассматривать под двумя углами зрения.

Во-первых, все изобразительные элементы прессы актуализируются редакцией СМИ в пределах конкретного номера газеты, журнала. Но стоит заметить, что корреляция тех или иных изображений в номере может быть разной. Вместе с тем, любые изобразительные элементы (фотоиллюстрации, карикатуры, рисунки, коллажи, инфографика), независимо от их конкретного видового разнообразия в пределах одного издания (или группы СМИ), отвечают как единым информационным запросам аудитории, так и предпочтениям самого канала распространения. Таким образом, общим является наличие в печатных СМИ информации, которая содержится как в вербальных текстах (привычнее их принято именовать журналистскими), так и во всех изобразительных материалах. Причем под информацией, применительно к изображениям, следует понимать в первую очередь актуальную, общественно значимую информацию в рамках функционально-атрибутивного подхода к трактовке информации, при котором отражение разнообразия явлений действительности определяется целями отражающей системы.

Во-вторых, все изображения в прессе отличаются друг от друга по форме и содержанию. Изобразительные элементы в общем виде в прессе можно дифференцировать на три подгруппы. К первой относятся изобразительные элементы документального характера: фотоиллюстрации. Ко второй подгруппе относятся изобразитель-

ные элементы смешанного характера: инфографика и рисунки. К третьей подгруппе относятся изобразительные элементы комического характера: карикатуры, коллажи. Если фотоиллюстрации изоморфны реальности (запечатленные объекты на фотоснимке тождественны этим же объектам в реальной жизни), инфографика, рисунки гомоморфны по отношению к изображенному объекту (они копии), то карикатуры и коллажи произвольны в исполнении. Успешные, интересные карикатуры, коллажи напрямую зависят от художественных способностей их творца, знания им технологии производства и целей, которые преследуют те или иные СМИ, помещая на своих полосах комические изобразительные элементы.

Карикатуры, как правило, типизированы, их сюжеты и персонажи заострены, смысловое содержание полиморфно. Они многообразны, то есть соответствие между реальными объектами в окружающей жизни и теми образами, которые мы видим на картинке, вариативно.

Вместе с тем, и с технологической стороны карикатура в прессе стоит особняком. Для производства фотоиллюстрации, коллажа, инфографики необходима, как правило, творческая личность (фотограф, дизайнер и пр.), которая сможет исполнить снимок или создать коллаж, инфографику, и умение этой личности пользоваться техническим аппаратом (фотоаппаратом, персональным компьютером, работать с необходимым программным обеспечением), чтобы подготовить для печати сам кадр, изображение. В случае с коллажом могут понадобиться для работы уже готовые снимки и рисунки.

Иначе говоря, процесс производства этих изобразительных элементов прессы опирается на предельно простые, стабильные шаги со стороны сотрудников редакции, связанные с использованием фототехники, фиксирующей действительность, и профессиональную работу специалистов, виртуально моделирующих те или иные предметы, события на изображениях.

С технологической стороны производство карикатуры отличается от фотоиллюстрации, коллажа, рисунка, инфографики, и она является достаточно сложным изобразительным элементом периодики.

Во-первых, карикатура является видом графического искусства и, с одной стороны, как бы ни была произведена, представляет собой до публикации в газете, журнале вполне самостоятельное произведение неприкладного характера, эстамп. С другой стороны, размещенная в пределах номера СМИ та же карикатура является модификацией, тиражированной копией первозданного, подлинного рисунка.

Во-вторых, карикатура в отечественной периодике прошла длительный путь развития с точки зрения многообразия ее технологии производства. Первые карикатуры, которые появились в изданиях в начале XIX века (в 1808 году А. Г. Венецианов выпустил «Журнал карикатур на 1808 год, в лицах», чуть позже во время войны 1812 года карикатуры тиражировались самостоятельными периодическими листками и продавались в книжных лавках), исполнялись офортом, игловым приемом. Существует целый комплекс технических приемов, пригодных для решения локальных художественных задач при изготовлении оттиска: мягкий лак, лавис, акватинта, меццо-тинто, карандашная манера, цветной офорт. К ним прибегали, если необходимо было прорисовать какие-либо отдельные детали, предметы, создать конкретную цветовую атмосферу на изображении.

В целом любой офорт и сегодня представляет собой, в конечном счете, не что иное, как набор самых разных техник исполнения, если перед творцом стоит задача создать высокохудожественное произведение. К офорту обращаются и в настоящее время художники при изготовлении графических работ, в том числе и для рисования карикатур. Правда, случается это значительно реже, чем ранее, поскольку в XIX веке офорт был одним из самых доступных, общепринятых, наряду с литографией, современных на тот момент времени способов создания изображений для печати. В настоящее время он стал архаичным, отчасти элитарным способом отображения действительности в карикатурной графике, поскольку далеко не каждый художник в совершенстве владеет навыками производства офорта, а также умением хорошо рисовать.

Литография получила широкое распространение в России, начиная с 1816–1817 гг. в России, когда стали появляться частные литографии. Эти графические работы создаются на камне особой породы известняка. Выделяют несколько видов литографий: автолитографии (когда художник сам рисует непосредственно на камне, а затем делается оттиск) и репродукционные литографии (когда мастер-литограф копирует авторский оригинал рисунка). Карикатуристы сделали большое количество своих работ в этом жанре. Среди них такие авторы: В. Ф. Тимм, М. Л. Невахович, Н. А. Степанов, Н. В. Иевлев, П. М. Боклевский и многие другие мастера. В конце XIX века сильным соперником литографии стала фототехника, развивающаяся офсетная печать. Однако и сегодня можно встретить художников-графиков, карикатуристов, охотно работающих в технике литографии. Правда, их так же немного, как и мастеров, практикующих в офорте. Причиной тому является отсутствие художественно-технологических навыков, затратность времени на создание кропотливого рисунка, иные эстетические и информационные мотивации.

Линогравюра является относительно молодым в России способом создания графических изображений. Ее распространение началось в конце XIX – начале XX века. В технике линогравюры можно рисовать и карикатуры, однако этот способ производства более чем остальные является экзотическим для современной прессы.

Итак, карикатура как артефакт визуальной культуры может иметь самый разный технологический облик. Очевидно, что все три вида художественной печати, среди которой и глубокая (офорт), и плоская (литография), и высокая (линогравюра), не утратили своей выразительности и актуальности в наши дни. Но если в XIX веке отличительным свойством гравюры была ее тиражность, возможность с одной печатной доски сделать много оттисков, эстампов, тем самым, одновременно использовать их в газете, журнале или продавать в качестве самостоятельных произведений, неоднократно печатая, то сегодня изменились условия, в которых взаимодействуют друг с другом художники, СМИ, полиграфия. С одной стороны, развитие типографий, оснащение редакций позволяет тиражировать изобразительные элементы, выполненные в самой разной технике, самого разного качества. С другой стороны, развитие фотографии и компьютерных технологий привело к тому, что редакции газет, журналов могут обходиться и вовсе без карикатур, исполненных вручную. При этом в XX веке в прессе, а также в качестве самостоятельных работ, стали актуальными и популярными беглые карикатурные рисунки пером на бумаге, иногда с использованием цветных карандашей, акварели. Помимо этого также можно встретить карикатуры, выполненные вручную в различной авторской технике, однако затем обработанные в компьютере с целью поиска наиболее оптимального художественного изображения.

Так или иначе, традиция использования самого старейшего изобразительного элемента в отечественной периодике – карикатуры – сохранилась и в наши дни, но она обретает новые формы, связанные с технологией выпуска самого номера, функциональной значимостью всех структурных, материальных информационных единиц, а также, прежде всего, с их визуальным проявлением в пространстве полос СМИ. Кроме того, немаловажную роль играет профессионализм автора, художника-карикатуриста, исполнившего интересную, актуальную графическую работу.

Стоит подчеркнуть, что способы визуального отображения действительности в прессе крайне разнообразны. Это проявляется в номере современной газеты, журнала в калейдоскопическом наборе отличных друг от друга изображений и вербальных текстов в пространстве полос, что, по сути, является ни чем иным, как клипированным режимом предъявления информации и соответст-

вующего ее восприятия массовой аудиторией в условиях тотального развития и влияния электронных СМИ, видеокультуры.

Иными словами, в погоне редакции газеты, журнала за удобочитаемостью, детализацией, информационным разнообразием номера любое сообщение печатных СМИ утрачивает свой первоначальный смысл, уникальность, превращаясь в товар, привлекательную внешнюю упаковку визуальной информации газеты и журнала, инструмент их дизайна. В итоге картина мира человека, приобщенного к чтению, расширяется, лишается устойчивости, единственности. При этом нарушается чистота жанров сообщений, наступает информационный эклектизм, когда их фрагментарность и одновременно синтез приводит к тому, что человек пропускает через себя серии блоков информации. Человек вступил в информационную эпоху, когда при обращении к печатным СМИ он уже не только читатель, но и зритель.

Информированность населения о правах в области охраны здоровья: роль СМИ

Охрана здоровья населения – один из базовых инструментов эффективного функционирования социального государства, механизм социальной защиты и снижения социальной напряженности. Одним из наиболее важных международных правовых актов, касающихся прав человека в области охраны здоровья, является Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году. Статья 25 гласит: Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

Право на охрану здоровья и получение медицинской помощи закреплено в Конституции РФ (ст. 41):

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Нормы, закрепленные в Конституции РФ, нашли свое дальнейшее развитие в Основах законодательства РФ об охране здо-

* *Наталья Леонидовна Антонова* – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

рочья граждан, Законе РФ «О медицинском страховании граждан РФ».

Наши исследования уровня информированности пациентов о своих правах в области здоровья в Свердловской области (2003–2008 гг.) свидетельствуют о следующих основных проблемных зонах. Во-первых, пациенты слабо осведомлены о своих правах, что выступает тормозом в их полной реализации. Во-вторых, высокая готовность к защите прав на когнитивном уровне резко снижается на уровне поведенческом. В-третьих, страховщики (страховые медицинские организации) перекладывают функцию просвещения на «плечи» медицинских учреждений. В-четвертых, пациенты сами не стремятся к информационному насыщению. Полиграфическая продукция, которая активно используется как демонстрационный материал в лечебно-профилактических учреждениях, к сожалению, не может в полной мере ответить на все вопросы пациентов в правовой области. Отсюда, актуализируется проблема поиска источников правовой информации. Сами пациенты считают, что основным источником информации о правах в области охраны здоровья являются СМИ.

Работа со средствами массовой информации, пожалуй, самая трудная задача для страховщиков. Как отмечает один из специалистов: *«У нас есть несколько журналистов, которые пишут на тему прав застрахованных; ну, напишут они раз в год на эту тему, получают гонорар и все... Газете публикации подобного рода уже не нужны, пока не случится чего-нибудь особенного»*. Страховщики отмечают, что средства массовой информации «просят» большие финансовые средства для размещения элементарной «визитницы», в которой указаны телефоны, адреса и т. п. страховых медицинских организаций, Территориального фонда ОМС. *«После одной публикации другое издание перепечатало наши телефоны и нам продолжали длительное время звонить пациенты... И это неплохо, так мы можем повысить информированность пациентов, а по-другому, к сожалению, дорого...»*.

Неверная интерпретация информации о правах, которыми обладает застрахованный, очень часто становится причиной конфликтов между пациентами и медицинским персоналом. Вина же за недостоверность подобных сведений, как правило, возлагается на СМИ. Страховщики отмечают: *«Из средств массовой информации должна идти правильная информация, доступная ... а то мы говорим одно, а получается на самом деле другое, поэтому больные иногда путаются, веря средствам массовой информации. Приходят к врачам и сталкиваются с тем, что они иногда не могут выполнить работу в силу тех или иных*

причин. На всех уровнях должна быть достоверная информация».

Несмотря на мнение о недостоверности сведений, предоставляемых СМИ, именно они представляются экспертам одним из наиболее эффективных каналов трансляции информации о системе обязательного медицинского страхования. Основная роль в этом процессе отводится телевидению. *«Самый доступный вид агитации – это телевидение, у телевизора все «торчат», к сожалению, это здоровью не помогает, но это самый доходчивый способ».* Однако здесь делается и ряд оговорок. Освещение в СМИ проблем, связанных с функционированием системы обязательного медицинского страхования, в частности, и системы здравоохранения в целом, должно стать, во-первых, более квалифицированным, во-вторых, более системным. Должны освещаться не только отдельные частные случаи нарушения прав пациента, хотя подобные акции и имеют определенный рекламный эффект, необходимо формировать у потенциальных клиентов поликлиник целостное представление о правах в области медицинского обслуживания, и охраны здоровья, а также способах их защиты. *«В прессе эти проблемы освещаются очень плохо, малоквалифицированно. Но здесь имеет значение опять же следующее. Здесь нужно понимать прессу в том, что они работают с теми позициями, которые востребованы населением.... ..определенные моменты поднимаются, но проблемы рутинные не освещены».*

Таким образом, несомненно СМИ выступают наиболее доступным и действенным источником информации для населения по вопросам охраны здоровья. Однако инструменты взаимодействия СМИ и страховых медицинских организаций, территориального фонда обязательного медицинского страхования еще далеки от совершенства. Важной задачей становится формирование системы социального партнерства, которая позволила бы повысить информационный уровень населения в области охраны здоровья.

В. Н. Белимов*

Фактор доверия и влияние СМИ в поле экономики. Майк Блумберг: пять шагов к доверию аудитории

Сегодня, когда мир переживает крупнейший в истории финансовый кризис, становится все более очевидно: ключевой категорией экономических отношений является *доверие*. В рассуждениях аналитиков на тему кризиса часто можно встретить это слово, а некоторые даже прямо трактуют нынешнюю экономическую ситуацию как «кризис доверия». Получается, что и выйти из создавшегося трудного положения можно только через восстановление доверия между игроками экономического поля.

Процесс этот, мягко говоря, непростой. Он требует конвергенции знаний и опыта специалистов самых разных научных отраслей – экономики, философии, культурологии, психологии и многих других. Важнейшее значение здесь также имеют информационные обмены, а значит, вряд ли можно переоценить роль журналистики и СМИ в формировании атмосферы доверия между акторами социально-экономических отношений.

Одним из ярких и успешных медийных проектов, способствовавших возникновению атмосферы доверия на американском финансовом рынке конца 80-х годов прошлого века, стал «Bloomberg News». Этот проект реализовал Майк Блумберг, бывший работник Уолл-Стрит, а ныне – мэр города Нью-Йорк. Он создал компанию по производству деловых новостей и анализу рынков, сумев мастерски аккумулировать «в одном флаконе» экспертные знания, журналистские навыки и новейшие технологии обработки и доставки информации. По сути, это было медиа-предприятие нового типа.

Перечислим ряд идеологических и технологических решений, которые применил Майк Блумберг в процессе создания «Bloomberg News».

* **Виктор Николаевич Белимов** – ст. преподаватель ф-та телерадио-журналистики Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Решение № 1

Идея

Увидев, что экономика меняется, услуги забирают все большую долю валового внутреннего продукта, Блумберг задумал компанию, чтобы помогать финансовым организациям. Сначала это были скорее информационно-технологические решения, но к моменту крушения Берлинской стены (1989) Майк понял: вместо информации о гонке вооружений в мире формируется особый спрос на информацию о деньгах.

Технология

На правах блестящего знатока фондового рынка (и инвестора по совместительству) Блумберг усадил за один стол бывших коллег с Уолл-стрита – аналитиков, которые обладали уникальными экспертными знаниями, и журналистов, способных грамотно интерпретировать эти знания и передавать их «в виде информативной, краткой, убедительной прозы» (Блумберг М. Блумберг о Блумберге. М.: ИК «Аналитика», 2003.)

Решение № 2

Идея

В условиях высокой степени неопределенности, когда госбюджет США был готов взорваться от перегрева, Блумберг решил построить бизнес вокруг совокупности данных о ценных бумагах, причем предоставить такое программное обеспечение, чтобы анализ информации на этой базе могли проводить даже «нематематики» (мелкие инвесторы).

Технология

Большинство работников Уолл-Стрита слабо разбирались в компьютерных терминах. Блумберг это знал, поэтому появился продукт, ориентированный на «дружественного пользователя», – терминалы, с помощью которых обычные люди без специальной подготовки могли, нажав клавишу, получить ответ на финансовый вопрос.

Решение № 3

Идея

Блумберг сконцентрировался на отработке навыка сбора информации. Он понял, что американский фондовый рынок стал слишком сложным, чтобы данные о нем собирал «полуквалифицированный клерк». Пришли иные времена! – провозгласил Блумберг.

Если люди, занимающиеся сбором информации, не имеют достаточных навыков понимать, **что** лежит перед ними, вы получите мусор.

Технология

Первый Центр по сбору данных Блумберг открыл в городе Принстон, штат Нью-Джерси. Процесс сбора данных стал менее рутинным, конторским и более аналитичным, вдумчивым. «Отсевом», классификацией и хранением информации занялись, говоря словами Блумберга, «аналитики, обладающие детальным контекстным пониманием рынка или отрасли, исходя из текущей и исторической информации, собранной из множества источников» (Там же).

Решение № 4

Идея

С первых дней работы в медиа-бизнесе Блумберг был озабочен борьбой за эффективное распределение трудовых ресурсов и рабочего времени журналистов.

Технология

Для текущего описания ситуации на фондовых площадках была разработана компьютерная программа, которая позволила буквально за секунды переводить биржевые данные в слова. Машина была снабжена набором шаблонных фраз, в которые подставляла текущие цифры. Репортеры же сконцентрировались на описании изменений фондовых индексов. В начале 90-х годов Блумберг одним из первых стал использовать в работе радиостанций цифровые звукозаписи, что позволило отправлять репортажи в независимые радиостанции по всему миру. В середине 90-х годов весь контент корпорации был оцифрован. Это помогло, во-первых, расширить сферы влияния по всему миру, оперативно поставив контент для продажи или обмена. А, во-вторых, внедрить в практику работы СМИ технологии, которые мы сегодня называем конвергентными.

Решение № 5

Идея

Будучи великим технологом, Майк Блумберг, между тем, всегда повторял: спрос на своевременные точные новостные статьи, хорошие исследования и хороший стиль не исчезнет. Для него важнее «что», а не «как», потому работа в разных форматах не является самоцелью; главный продукт, по Блумбергу, – содержание.

Технология

Менее чем за десять лет Майк Блумберг создал медиа-империю, включающую информационное агентство, два журнала, три отраслевых информационных бюллетеня, книжное издательство, теле- и радиостанции, веб-сайт, телефонную службу финансовых новостей, сотни электронных табло с текущими финансовыми новостями, расположенные на вокзалах и в аэропортах. Сам Блумберг утверждает, что все это позволяет корпорации иметь «более широкое видение». В «Блумберге» в течение дня репортеры могут перемещаться с радио на телевидение и наоборот, используя почти одинаковые сценарии. Девиз корпорации: мы ничего не делаем независимо друг от друга.

Неизбежные выводы

Таким образом, хорошо продуманная идеология работы на рынке деловых медиа, грамотная технологическая политика позволили Майку Блумбергу создать корпорацию с огромным ресурсом влияния. Сначала он собрал классную команду экспертов, затем заручился доверием участников рынка как независимый источник информации, после чего технологизировал значительную часть рабочих процессов, организовал колоссальные по объемам информационные потоки и обмены и все это – с неизменной заботой о значении информации, с вечной думой не столько о форме, сколько о смысле.

Пример Блумберга, возможно, как никакой другой, подтверждает классическое правило: когда ты работаешь с деловой средой, в которой ежеминутно сопрягаются миллионы разных интересов, твоя главная задача – быть независимым и оперативным источником информации. Никакой новый ветер, никакая новая волна, никакое новое течение не должны оторвать тебя от твоей аудитории и ее нужд...

Э. М. Думнова***Роль массовой коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия**

Вопрос о роли массовой коммуникации в условиях полиэтничного общества заслуживает особого внимания. Для стабильного существования и успешного развития современного социума необходимо поддерживать межкультурное взаимодействие, предполагающее укрепление социальных связей между представителями различных этносов и культур, составляющих единый социокультурный конгломерат. Особое значение при этом имеет формирование межэтнической толерантности.

В основе толерантного поведения лежит толерантное сознание как отдельного человека, так и социума в целом. Толерантное поведение в современных реалиях представляется как сущностное основание современного мира. В настоящее время имеются исследования, посвященные проблеме толерантности, но в основном они касаются анализа истории становления феномена толерантности (Paul Ricoeur, Rainer Forst и др.) в политике, праве, религиозных отношениях. Вместе с тем проблематика толерантности далеко не исчерпана и оставляет за собой ряд пока еще не разрешенных противоречий, наиболее важными из которых на наш взгляд являются межэтнические противоречия. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть влияние массовой коммуникации на формирование межэтнической толерантности как основы межкультурного взаимодействия.

Этнос – это не только биологическая, но и социальная общность, имеющая свое этническое самосознание, а также элементы как материальной, так и духовной этнической культуры, таким образом, этнос выступает носителем этой культуры. Этническое самосознание во многом определяется стереотипами, сложившимися в данном этносе. Этнические стереотипы формируются как при реальных межэтнических отношениях, так и в результате воздействия СМИ.

СМИ начинают воздействовать на сознание человека с детства и продолжают оказывать существенное влияние на протяжении

* *Эльнара Михайловна Думнова* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин Новосибирского гуманитарного института (г. Новосибирск).

нии всей жизни, поэтому непрерывность является одним из важнейших качеств СМИ. Накапливаемая информация, согласно законам психологии, является наиболее устойчивой, в связи с этим информационные потоки, передаваемые СМИ можно расценивать как продукт программных идеологических действий, призванных сформировать человека с жесткой и инерционной психикой. Поскольку этническое самосознание формируется в ходе социализации, оно первоначально не очень отчетливо. Его формирование в значительной степени зависит от существующих в обществе стереотипов и от системы социализации, куда входят институты образования и средства массовой информации. Вместе с тем, в последнее время в отечественной и зарубежной этнологии формирование этнического самосознания рассматривается с разных позиций: сторонники примордиального подхода рассматривают этническое самосознание как объективную данность, изначально (примордиально – исконно) присущую разным народам, и признают приоритет природного начала в этническом разнообразии человечества; сторонники же конструктивистской позиции полагают, что этническое самосознание является продуктом интеллектуального конструирования. Подобную же позицию занимают инструменталисты: сохранение этнических групп объясняется потребностью человека в преодолении отчуждения, характерного для современного общества массовой культуры. Не вдаваясь в теоретические споры, остановимся на роли субъективного, идеологического фактора формирования этнического самосознания. Массовая коммуникация, в лице своего субъекта, прежде всего, выполняет роль агента социализации и формирует массовое сознание. Будет ли при этом учтена этническая самобытность определенных групп населения, зависит от интересов субъекта коммуникации, которым является государство.

Особое значение «этнической принадлежности» для государства подчеркивает в своей работе «Текущая современность» З. Бауман. Он акцентирует внимание на том, что «этническая принадлежность, в отличие от любой другой основы единения людей, имеет преимущества натурализации истории, представления культуры как «явления природы»... этническая принадлежность заставляет действовать: нужно выбирать верность своей природе – человек вынужден... вносить вклад в ее сохранение». З. Бауман полагает, что государство-нация, поддерживающее принцип этнического единства, доминирующий над всеми другими чувствами, является на сегодняшний день единственным успешным сообществом, имеющим надежды на результативность своего функционирования. Опыт развития западных государств, на наш взгляд, представляется мало возможным проецировать на Россию, имеющую

собственную этногеографическую специфику. Подтверждается это разрушительными попытками копирования экономического уклада западных государств. Не менее значимым для российского общества является сохранение социокультурной специфики. Если, по словам З. Баумана, «государство-нация ... обязана своим успехом подавлению местных обычаев или «диалектов», поддержанию единого языка» [2. С. 186], то для полиэтничного государства как Россия такие меры приведут к дезинтеграции общества и социальной напряженности. Многие субъекты РФ характеризуются численным превосходством коренного населения (Республика Алтай, Хакасия, Тыва), сохранившим собственную культуру, язык, обычаи. В данных регионах налажен межкультурный диалог, который способствует не только тесному сотрудничеству представителей разных этносов, а так же взаимообогащению разных культур. Немалая роль в этом процессе отводится различным структурным компонентам массовой коммуникации. Функционируют национальные каналы ТВ, радиопередачи на местных диалектах, печатные периодические издания. Подобный принцип функционирования СМИ с одной стороны способствует сохранению культуры коренного населения, что на сегодняшний день представляется особенно ценным, а с другой – ограничивает проявление менталитета коренных народов доминирующей культурой, что позволяет сдерживать потенциально возможные этноцентристские настроения.

В исследованиях, проведенных отечественными философами и социальными психологами Л. М. Дробизевой, Ю. В. Арутюнян, Г. В. Солдатовой, А. Г. Здравомысловым и др. выделяется несколько групп факторов-детерминант межэтнических отношений, в их числе политические, экономические, исторические, религиозные и культурные [См.: 1. С. 56]. В контексте данной статьи особое внимание обращает на себя группа культурных факторов. Любому этносу присуща своя культура, сохранение и развитие которой возможно лишь при благоприятных условиях трансляции социального опыта. Средства трансляции прошли долгий путь развития и преобразований, в результате которых современное общество вышло на новый информационный уровень развития. Сегодня СМИ призваны реализовывать как информационную, так и интеграционную функции, посредством сглаживания тенденций к межэтническому противопоставлению. Каждый этнос имеет свою неповторимую духовную сущность, сохранение которой обеспечивает его жизнь. В современных социально-политических реалиях, в условиях вестернизации, актуализировалось стремление отдельных этносов выразить свою культурную самобытность и сохранить ее. Прессинг со стороны Запада способствовал обострению потребности в этнической самоидентификации и внес определенные коррективы во

внутренние межэтнические отношения. В этой связи выполнение СМИ функции формирования межэтнической толерантности несколько усложнилось.

Таким образом, следует резюмировать, что массовая коммуникация представляется в информационном обществе немаловажным фактором формирования межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия, при котором сохраняются культурная самобытность этносов и происходит более глубокое познание культур «других» соседствующих народов, что способствует стиранию деструктивного стереотипа «свой-чужой» и является основой для межкультурного диалога.

Литература

1. Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие для ВУЗов. – М: Аспект пресс, 1999.
2. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

С. О. Калганова*

Воспроизведение негативного стереотипа «неполная семья» в газетной периодике как фактор социальной дезинтеграции

Широкий спектр вопросов межкультурной коммуникации включает, в частности, проблему формирования негативных стереотипов и их распространения в СМИ, поскольку общение людей, принадлежащих к разным социальным группам, как правило, строится на основе стереотипных представлений друг о друге. Вообще формирование стереотипов есть частный случай категоризации как результата рационального познания, поэтому стереотип отражает, пусть в трансформированном виде, присущие объекту свойства. Вместе с тем стереотипы в межличностной коммуникации при недостатке информации о конкретном партнере по общению часто выполняют отрицательную роль, особенно если сам стереотип негативный. К таким негативным стереотипам, по всей видимости, относится широко используемое сейчас в публичной речи понятие «неполная семья», которое выражает противопоставление нуклеарной семейной единице (мать – отец – ребенок/дети) «как полной, нормальной, завершенной композиции семейной структуры». Неполнота здесь ассоциируется с отклонением от нормы, ущербностью, низким социальным статусом.

Распространение негативного стереотипа через СМИ способствует социальной дезинтеграции, поэтому требует внимательного изучения и поиска путей преодоления негативных установок, сложившихся в обществе.

Нами было проанализировано 42 текста, в которых упоминается неполная семья журналистами «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов»¹, «Известий» (период с 2005 по 2008 гг.). Практически все эти тексты тем или иным образом подчеркивают смыслы «неполная семья – малообеспеченная и неблагополучная» (только одна публикация была полностью нейтральна). Остальные тексты можно разделить на три группы: во-первых, тексты, в ко-

* Светлана Олеговна Калганова – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадио журналистики ф-та телерадио журналистики Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Далее КП, АиФ соответственно.

торых неполная семья характеризуется преимущественно как малообеспеченная, во-вторых, тексты, приписывающие неполной семье разного рода социально-психологическое неблагополучие, в-третьих, тексты, рассказывающие о том, как может быть преодолено материальное и социально-психологическое неблагополучие, – назовем такие тексты компенсирующими.

Материальное неблагополучие «неполной» семьи

Такая характеристика содержится в основном в текстах, формирующих о социальных льготах для малоимущих. Подобных публикаций большинство (17 из 42). Обычно в таких текстах словосочетание «неполная семья» включено в однородный ряд, остальные члены которого называют категории людей, так или иначе пострадавших: *«Определенные надбавки предусмотрены различными категориям льготников – детям-сиротам, инвалидам, ребятам из неполных семей и т. д.»* (Учебный отпуск оплачивается только заочникам и вечерникам // КП. 2007. 3 сентября).

Семантика «материального и иного неблагополучия» появляется в таких публикациях за счет отнесения неполных семей к определенной социальной категории. Логика самого текста здесь неизбежно совпадает с логикой формирования стереотипа – категоризация, укрупнение одних черт, нивелирование различий.

Социально-психологическое неблагополучие неполной семьи

Публикации этой группы (14 из 42) развивают смысл «социально-психологическое неблагополучие» по нескольким направлениям. Дети из неполной семьи предстают либо жертвами преступников (или неосторожных людей, не понимающих всей сложности души таких детей), либо подверженными болезням, либо опасными для окружающих трудными подростками, преступниками, психологическими вампирами.

Эта группа текстов сложнее, чем первая. Рассказываются конкретные истории (девушка с бойцовской собакой, державшая в страхе весь район, террорист, мальчик-самоубийца) и характеризуются социальные группы (гопники, дети на московских вокзалах), психологические типы личности («вампиры»). Во всех случаях причиной всех детских бед является, согласно публикациям, неустраняемое эмоционально-психологическое неблагополучие в неполной семье. Иногда эта мысль более или менее убедительно конкретизируется отсутствием мужского внимания, вообще недостатком внимания и контроля, а также пережитым в детстве предательством отца. Однако в большинстве публикаций неполная семья в качестве причины бед упоминается без особых пояснений, и тогда включается присущая стереотипному мышлению особая логика, «работающая в разных контекстах, на любом объеме информации за

счет неограниченного приписывания известного неизвестному»². Наиболее частотная синтаксическая конструкция для словосочетания «неполная семья» – опять же однородный ряд (*из неполных и/или неблагополучных семей*). Если же беда произошла с ребенком из полной семьи, то ситуация в семье каким-то образом поясняется (родители пьют, ссорятся, являются трудогиками, слабый отец и сильная мать и т. п.). Таким образом, отсутствие пояснений при упоминании неполной семьи в качестве причины несчастий можно рассматривать как некую «нулевую позицию», которая выявляется на основе сопоставления с тем, как представляются в публикациях полную семью неблагополучного ребенка. Нам представляется, что это одно из проявлений более общей тенденции в текстах СМИ, которую отмечает А. Д. Шмелев: «Под видом неочевидных компонентов высказывания, которые адресат должен принять как само собой разумеющиеся, говорящий навязывает собеседнику некоторые весьма нетривиальные суждения».

В ряде текстов слова о том, что преступник или трудный ребенок воспитывался в неполной семье, производятся кем-то из персонажей публикации – соседкой, сотрудником пресс-службы управления ФСБ и др. Однако насколько причиной неблагополучия была структура семьи – вопрос открытый, тем не менее журналист включает эти слова в текст как существенные, как-то проясняющие ситуацию. На наш взгляд, здесь можно говорить о недобросовестной аргументации как одном из способов воспроизведения негативного стереотипа.

Фигура матери дана очень схематично: женщина, воспитывающая ребенка без мужа, без конца работает (при этом остается бедной), и ребенок остается без внимания и без контроля. Фигура отца, ввиду того что не упоминается, имплицитно наделяется смыслами «оставил семью», «перестал общаться», «не помогает материально».

Компенсирующие контексты

Такое название обусловлено одной чертой, которая в той или иной степени присуща всем текстам этой группы (10 из 42), – это преодоление человеком, которого воспитывала одна мать, бедности и/или минусов воспитания в неполной семье.

Героем большей части таких публикаций становится человек, выросший в неполной семье и добившийся успеха. Сначала описываются трудности, затем, как правило, называется то (или кто), что помогло справиться с неблагоприятными условиями: черта характера, тренер, мать, психологическая литература.

² Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 877.

Характеризуя описанную группу текстов в целом, отметим на содержательном уровне большее количество конкретных историй, а также более подробную характеристику конкретных семейных ситуаций с одиноким родителем. Комментарии психологов или ссылки на их мнение встречаются гораздо чаще, чем в текстах второй группы (в первой их нет). Встречаются позитивные образцы поведения одинокого родителя или разведенных супругов.

Дети изображаются как добившиеся большого успеха или, как минимум, благополучные. Образы матери не столь одинаковы, как в текстах предыдущей группы: мать может поддерживать детей, помогая им пережить драму развода, может хорошо зарабатывать, может сама инициировать развод с мужем и даже обеспечивать отца, оставшегося с детьми после развода, мать может быть состоятельной женщиной, которая не нашла для себя достойного партнера и родила ребенка для себя – драма развода здесь исключается, а вот страх социального осуждения остается. Впрочем, образ брошенной женщины, много работающей и мало зарабатывающей, также имеет место. В текстах этой группы мы встречаем более или менее внятную фигуру отца, причем тоже в разных вариантах: отец, полностью порвавший всякие связи с семьей, отец, который пытался восстановить отношения с взрослым сыном, отец, поддерживающий хорошие отношения с ребенком, помогающий бывшей жене, наконец, одинокий отец, который способен позаботиться о детях лучше матери.

На языковом уровне бросается в глаза почти полное отсутствие однородного ряда «неполная, неблагополучная». Появляется положительная номинация «самостоятельная мама», упоминания позитивных чувств и действий в некоторых контекстах о неполной семье (*уважение, договоренность, любовь, заботится*), обозначения положительной оценки в словосочетаниях *идеальный развод, хорошая работа, обеспечить дочерям достойную жизнь*. Используется ирония для отстранения от стереотипа. Вместе с тем основные черты стереотипа «неполная семья» – материальные и эмоциональные проблемы воспроизводятся, хотя и в связи с возможностью их преодоления.

Подведем итоги. Самая многочисленная группа текстов – о социальных льготах, с одной стороны, выполняет важную функцию информирования населения, с другой стороны, поддерживает негативный стереотип неполной семьи – в первую очередь «малообеспеченной». Однако эти тексты вызваны объективной необходимостью. Способы представления неполной семьи в текстах второй группы наиболее сомнительны для формирования, как минимум, нейтрального отношения общества к семьям с одним родителем: недобросовестная аргументация (установление прямой связи «не-

полная семья – неблагополучные дети» вне описания конкретной семейной ситуации), однородный ряд «неполные и неблагополучные семьи», схематизм в изображении одинокой матери, имплицитная исключительно отрицательная характеристика отца. Более объемным представлен образ неполной семьи в третьей группе текстов, подробно описывающих конкретные ситуации.

Персонафицированный диалог между Востоком и Западом (на примере ток-шоу «Школа злословия»)

Телевизионные ток-шоу предоставляют площадку для моделирования социального диалога (обмена взглядами между представителями различных социальных групп). Однако участникам таких передач далеко не всегда удается удержаться в рамках толерантного общения¹. Естественно, чем популярнее позиции собеседников, тем больше коммуникативных усилий требуется, чтобы остаться в этих рамках. Вместе с тем именно противоречие во мнениях придает ток-шоу и любой другой дискуссии остроту и динамизм, привлекает зрителей. Владение коммуникативными приемами корректного, уважительного ведения беседы в этом случае особенно важно.

В качестве примера толерантного обсуждения противоположных позиций рассмотрим передачу «Школа злословия» (от 20.03.2006, телеканал НТВ). Ее ведущие, киносценарист А. Смирнова и писатель Т. Толстая, пригласили в гости Ольгу Дергунову – главу российского отделения Microsoft. В 2004 году газета *The Wall Street Journal* включила Ольгу Дергунову в список десяти наиболее успешных и влиятельных деловых женщин Европы, а в 2003 году Ольга лидировала в списке «Самые влиятельные женщины российского бизнеса».

Яркие черты личности героини – большая увлеченность своей работой (информационными технологиями), профессиональное стремление сделать жизнь людей безопасной и комфортной, технический склад ума, логичная, ясная речь, умение бесконфликтно строить межличностные отношения, последовательность и др. по-

* *Светлана Олеговна Калганова* – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики ф-та телерадиожурналистики Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Евгения Игоревна Кузьмина* – специалист по рекламе и связям с общественностью ОАО «Газпромнефть-Урал» (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Михайлова О. А.* Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 23.

казаны ведущими через прием противопоставления. Основные оппозиции на протяжении всей беседы следующие: российский человек западного типа – обычный российский человек; человек научно-технического склада – человек искусства, гуманитарий; совершенный биоробот, состоящий из одних достоинств – обычный человек с недостатками. Разговор строится так, что первый элемент каждой из трех оппозиций связывается с образом героини, как бы персонафицируется ею, а второй элемент находит выражение в репликах ведущих, которые выступают якобы от лица «обычного российского человека», мечтательного, подверженного приступам тоски и плохого настроения, человека гуманитарного склада, такого, каким, возможно, чувствуют себя многие зрители. Так позиции собеседников укрупняются, как если бы беседу вели уже не просто О. Дергунова с А. Смирновой и Т. Толстой, а представители двух разных социальных типов людей.

Для заострения противопоставления ведущие подчеркивают необычность черт личности героини, маркируя их как «хорошие, но чужие для России», вводя таким образом оппозицию «свой» – «чужой». Именно это противопоставление вызывает возражения у героини передачи, заставляет ее вступать в спор, аргументировать свою позицию.

Поляризация позиций, несогласие ведущих и гости передачи требуют применения коммуникативных техник толерантности, цель которого состоит в том, чтобы, «свободно противодействуя мнению собеседника о чем-либо (охраняя собственные личностные права), сохранить значимость и оберечь чувство собственного достоинства автора высказанного несоответствующего мнения (не нарушить личностные права другого)»². Для анализа конкретных речевых приемов, используемых собеседниками, чтобы смягчить высказывания, которые могут так или иначе задеть того, кому они адресованы, обратимся к методике описания корректного речевого противодействия, предложенной Т. В. Матвеевой³. Прямое речевое противодействие (несогласие, возражение, сомнение и т. п.) должно быть «упаковано» с помощью специфических речевых приемов, которые могут затрагивать как содержательную, так и модальную сторону высказывания.

Диалог в «Школе злословия» строится для зрителя, с расчетом на него, поэтому роли участников беседы двойственны. Как носители отличающихся мнений, выразители различных позиций, со-

² *Матвеева Т. В.* Корректность речевого противодействия // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 185.

³ Там же. С. 181–196.

беседники выступают на равных, но с точки зрения организации беседы главная роль принадлежит ведущим: они начинают, заканчивают диалог, контролируют смену тем, распределение речевой инициативы (вопросы в основном задают они), выстраивают драматургию разговора в соответствии со своим замыслом. Именно ведущие вводят основные оппозиции, предлагая госте участвовать в этой игре в западного и российского человека, и гостя в общем не против. Вместе с тем собеседники так или иначе дают понять зрителям, что это лишь маски (ведущие – за счет пронизывающей весь текст иронии и языковой игры, героиня – за счет объяснения того, какие условия ее профессии сформировали обусуждаемые черты характера).

Согласно замыслу ведущих, весь разговор с героиней передачи построен на противопоставлении двух разных типов людей, а также мира, в котором они живут.

Черты «российского» человека описаны только в речи ведущих. Это эмоциональность, мечтательность, ненаучность, подверженность приступам беспричинной тоски, плохого настроения, которое может привести к ссорам и которое в то же время основа творческих мук, основа культурной самобытности. Сами ведущие то присоединяются к такому типу людей (*мы – мечтательная нация; ваша концепция... мне, как азиату, непонятна*), то отстраняются от него с помощью иронии (например, ироническое описание приступов беспричинной тоски: *сеет мелкий дождик, нивы сжаты, рои глухи...и вот посмотришь за окно: у-у-у...грачи улети, пахарь больной*) или использования форм третьего лица (*творческий работник, типа – поэт, он трудится и когда играет в бадминтон*).

По ходу разговора образ «российского» человека смещается в сторону образа обычного человека с недостатками в противоположность образу совершенного человека, состоящего из одних достоинств.

Мир такого обычного человека – это первозданная природа, это мир, в котором силен элемент случайности (есть неожиданности, опасности, вспыхивают ссоры, неизвестно куда деваются деньги), мир, преобразованием и естественным продолжением которого становится мир искусства (*вот, ты знаешь, я, конечно, все понимаю, но твоя Вера – дура; моя любимая песня: куда уходят деньги, в какие города?; искусство не вырастает из вот этой вот стабильности, технологичности, «пойду лучше поработаю»*).

Этот образ вводится в текст беседы для того, чтобы на его фоне показать индивидуальность, необычность героини передачи как человека, отражающего новые для России процессы. Вместе

с тем, возможно, ток-шоу отчасти выполняет в этом случае присущую СМИ функцию самоописания общества.

Образ «западного» человека, который воплощает героиня, описан более подробно и представлен в тексте передачи по-разному в речи ведущих и в речи самой О. Дергуновой.

Ведущие изображают его как человека с научно-техническим складом ума, с правильной, точной, технологичной речью, с правильным позитивным отношением к жизни, без недостатков (*вы всегда говорите чрезвычайно энергично, технологично, правильно (а-а) точно так... вообще-то не по-нашему; то есть недостатки [у вас] тоже позитивные*). Отношения такого человека с друзьями и в семье практически бесконфликтны и напоминают хорошо отлаженный механизм (*агрегат*).

Реальный мир с его несовершенствами: неожиданностями, опасностями, трудностями – такой человек стремится улучшить, устранив неожиданности и разнообразие, а в итоге это приводит к тому, что мир становится однообразным и безликим, превращается в некую летающую тарелку. Искусство в таком мире не живет. В лучшем случае оно превращается в разновидность развлечения.

В описании этого образа на первый план выходят такие смысловые элементы, как «правильность», «соответствие нормам», «технологичность», «рациональность», «механизм».

Такой человек и такой мир в изображении ведущих при всех достоинствах чужды российским традициям, российскому образу жизни.

Соглашаясь с теми признаками, которые приписывают ее образу ведущие, героиня тем не менее расставляет иные смысловые акценты: в характеристике речи на первом плане оказываются смысловые компоненты «понятный, простой, логичный», позитивное отношение к жизни превращается в оптимизм, который помогает справиться с трудностями и с вызванным ими плохим настроением, отношения с друзьями безоблачны, потому что все работают в одной сфере, давно знают друг друга, конфликты в семье возникают, но разумное их решение находится, поскольку есть общее желание конфликтов избегать и есть умение договариваться друг с другом. А главное – все эти качества сформированы той работой, которой занимается О. Дергунова, и теми российскими условиями, в которых она всю жизнь находится. Усовершенствование мира, по ее мнению, вовсе не означает устранения неожиданностей, просто они становятся менее заметны в тех сферах жизни, в которых они нанесут большой ущерб людям, а введение единых стандартов вовсе не исключает разнообразия и национальной-культурной специфики.

Таким образом, на глазах у зрителя разыгрывается яркий, эмоциональный, достаточно острый диалог между собеседниками, которые представляют точки зрения разных социальных типов людей. Противопоставления, организующие весь ход беседы, заставляют героиню искать объяснения своим «необычным» чертам личности в специфике российской жизни, выводя разговор за рамки категорий «свой – чужой» и показывая Россию как страну, в которой различные тенденции находятся в сложном взаимодействии, где есть место и научному прогрессу, и гуманитарному образу жизни.

Толерантность общения в способах ведения диалога создается в первую очередь на уровне содержания. В речи ведущих это положительная оценка героини (*вообще, конечно, Ольга, титул серьезный и легендарный*), уточняющие вопросы, демонстрирующие интерес к ее позиции, передача речевой инициативы с просьбой дать самохарактеристику (*А вы вот Азия или Европа вообще? Восток или Запад? Вы кем себя ощущаете?*), уклонение от спора, аргументация, клише частичного согласия (*я понимаю, но...*). В речи гости передачи самым распространенным приемом является аргументация.

Собеседники в анализируемой передаче демонстрируют владение разнообразными речевыми приемами, позволяющими обсуждать достаточно острые темы, оставаясь в рамках толерантного отношения друг к другу, доброжелательного внимания к Другому в разных его проявлениях.

Р. В. Краснов*

Журналистика и культура: зерна от плевел (из опыта региональной прессы)

При изучении в СМИ немногочисленных статей, освещающих вопросы культуры, задаешься вопросом: а чем по отношению к культуре являются сами СМИ? Ответы есть, но они противоречивы. Одни авторы считают журналистику частью общей культуры, другие, наоборот, ставят ее над культурой. Так, Эдмонт Б. Лабет говорит о том, что «Нехватка культуры проявилась в существенном спаде интереса молодежи к новостям» [5. С. 269], то есть к СМИ. Получается какой-то парадоксальный круг: снижение культуры человека снижает его интерес к культуре.

Тем не менее, большинство авторов работ хотя и не называют журналистику частью культуры, но косвенно считают ее таковой и, более того, наделяют правом если не судьи, то толкователя качества и содержания всей остальной культуры. А раз так, то стали появляться такие работы, как «Культура социологического мышления журналиста», «Коммуникативная культура журналиста», «Журналистика и культура: к вопросу взаимопроникновения и познания».

Таким образом, напрашивается вывод, что журналистика – один из членов армии «Культура», но наделенный особым правом судить о других, поскольку он знает и понимает больше других.

Это, конечно, не так. Хотя, предполагается, что журналист, пишущий о театре, должен знать о нем больше, чем артист, музыкант, художник.

Но, увы. Эти знания не могут быть индульгенцией, защищающей журналистику от критики представителей других видов культуры. Показательны в этом плане два решения Большого Жюри Союза журналистов России, которые были приняты 18 февраля и 26 августа 2003 года [3. С. 383, 387].

В первом случае 93 представителя культурных учреждений России выступили против одной из передач цикла «Культурная ре-

* **Роман Валерьевич Краснов** – ассистент кафедры периодической печати ф-та журналистики УрГУ им. А. М. Горького, аспирант второго года дневного отделения (г. Екатеринбург).

волюция» на канале «Культура», во втором группа художников обвинила корреспондентов газет «Известия», «Консерватор» и «Литературная Газета» в клевете, подстрекательстве к убийству, оскорблении. Разбирательство было долгим и трудным. В схватке сошлись два подразделения одной и той же армии.

Как ни старалось Большое Жюри смягчить формулировки, решение его было однозначным: если журналистика считает себя частью культуры, то никакими особыми правами и полномочиями она не обладает.

Тем не менее, никто не снимал со СМИ обязанностей освещать вопросы культуры. Обязанности не юридические, а обязанности перед читателем. Более того, читатель не приемлет разделение культуры на «культуру для имущих и культуру для неимущих» [5. С. 269].

Вряд ли оставит свой след в истории культуры всего одна статья или всего одна телепередача, пусть и сделанные на высоком уровне. Нет, след может оставить только совокупность всех публикаций или всех передач на определенную тему. Журналист по роду своей деятельности не только освещает вопросы культуры, но и сам в своих публикациях показывает свою культуру, свое понимание происходящих в ней явлений, он «включается в социальное пространство и культуру» [2. С. 109].

Сейчас в СМИ может появиться весьма хвалебная рецензия на фильм, который никто не видел, или фильм, который по качеству куда хуже той оценки, которая была ему поставлена в рецензии. Читатель или зритель недоумевает. Ему просто порой невдомек, что «редакция не отвечает за достоверность...». Такая практика извращает или искажает многие события и явления в нашей культуре, что не способствует культурному росту и воспитанию человека. В этом случае СМИ изображают позитивно, превозносят чьи-то интересы, а не то, что интересно, важно и полезно. А ведь с помощью таких проплаченных рецензий, оплаченных призов на кинофестивалях на экраны приникает халтура, безвкусица, бескультурие и даже чуждые культуре фильмы или сюжеты. Вот и получается, что журналистика, как часть культуры, вынуждает другую часть культуры снижать свой уровень.

Надо признать, что сейчас в российских СМИ любая положительная рецензия, любой доброжелательный анализ или похвала в редакциях воспринимаются, как реклама или пиар, а значит, подлежат оплате. А раз оплачено, автор имеет право писать, как хочет и что хочет.

Автор этих строк в бытность студентом принес в редакцию небольшой репортаж о том, что на одной из дворовых площадок города группа художников и скульпторов построила и привлека-

тельно раскрасила детскую площадку... Редакция готова была опубликовать этот репортаж только в том случае, если эта бригада заплатит деньги. Рассуждения были такими: после публикации о бригаде узнает весь город и ей начнут заказывать оформление детских площадок уже за деньги. А значит, была реклама.

С такими мерками можно подойти ко всем публикациям, рассказывающим о чем-то положительном и хорошем. Это больно ударило и по освещению вопросов культуры в газете. Положительная рецензия, рассказ о творческом коллективе, достижении человека, новой постановке в провинциальном или областном театре могут появиться на страницах газеты в основном только после оплаты.

В последние годы культура стала многообразна, появились новые течения, направления, виды и жанры. В Екатеринбурге за 15 лет в девять раз увеличилось количество культурно-развлекательных центров, художественных салонов, клубов, творческих коллективов. И за эти же годы в десятки раз сократилось количество публикаций на тему культуры. Вот и получается, что, кичась своей принадлежностью к культуре, СМИ игнорируют культуру, делают все, чтобы читатель не смог отделить зерна от плевел.

Литература

1. Кузин В. И. Культура социологического мышления журналиста // Социология журналистики: Очерки методологии и практики: Пособие для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Под ред. С. Г. Корконосенко. – М., 1998. – С. 107.
2. Муравьева Н. В. Коммуникативная культура журналиста: сущность, основные понятия, обучение // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры. Тематический сборник статей и материалов / Под ред. проф. В. Ф. Олешко. – Екатеринбург, 2005. – С. 192.
3. Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
4. Стровский Д. Л. Журналистика и культура: к вопросу взаимодействия и познания // XXI век начинается: Актуальные вопросы журналистики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 30 окт. – 1 ноябр. 2002 г. / Сост. Л. М. Макушин. – Екатеринбург, 2002. – С. 12.
5. Эдмонд Б. Ламбет. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. – М., 1998.

Глобализация и процесс информатизации культуры в современном обществе

Одним из самых неоднозначных социальных процессов последних десятилетий является процесс глобализации. Вторгаясь в культурную сферу, затрагивая личностно-индивидуальный уровень, процесс глобализации приобретает особый смысл. С одной стороны, широко распространено мнение, что культурным стержнем глобализации является западная культура, поглощающая все остальные, с другой стороны, следует признать сложный и неоднозначный процесс формирования глобальных культур, как правило, берущих начало в национальных и региональных [См.: 4].

На современном этапе развития общества люди, государства связаны между собой сложными системами информационно-коммуникационных потоков, для которых расстояния, территориальные границы, географические преграды более не имеют существенного значения. Можно сказать, что в современном мире идет процесс становления особого типа реальности – информационной. Именно использование информации в различных сферах жизнедеятельности общества является ныне ключевым фактором социальной действительности. Существование информационного пространства дает возможность взглянуть на процесс творчества не только как на самостоятельный процесс создания индивидом новых социально значимых интеллектуальных и материальных артефактов, но как на процесс своеобразного «подключения» творческого индивида к информационному пространству. Такое «подключение» открывает широкие возможности творчества индивида и неограниченные возможности функционирования культуры, идентичной формирующемуся информационному обществу – информационной культуре.

Информационную культуру следует понимать, прежде всего, как часть общей культуры, один из важнейших аспектов культурной деятельности вообще. Она имеет черты, общие для всей культуры: неразрывно связана с социальной природой человека, является продуктом человеческой деятельности, результатом активного отношения людей к природе, обществу и друг к другу. Одновременно

* *Алексей Сергеевич Магранов* – студент 4-го курса специальности «Социология» ф-та социологии и политологии Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

информационная культура выступает в качестве необходимого и эффективного фактора освоения человеком культурной реальности, всего того культурного потенциала общества, который накопило человечество в процессе своего многовекового исторического пути. Поэтому не следует ограничивать область функционирования информационной культуры лишь сферой компьютеризации или информационной техники вообще. В действительности, эта сфера гораздо более широкая и охватывает процессы научной деятельности, образования, управления природными и социальными процессами, сферу быта, досуга и так далее. По мере информатизации общества эта сфера расширяется, процесс выступает в качестве объективно необходимого для развития общества. Информационная культура является феноменом, имеющим довольно сложную структуру. Информационная культура содержит помимо прочего экранную культуру, которая, кроме свойств, характерных для всей информационной культуры, содержит свои, специфические свойства. Экранная культура, в свою очередь, содержит компьютерную культуру со своими характерными особенностями. Наконец, компьютерная культура содержит специфическую культуру Интернет [См.: 3].

Развитие информационной культуры расширило и ускорило процесс интернационализации не только экономических и хозяйственных, но также политических и социокультурных связей. Экран телевизора или монитора позволяет отдельно взятому человеку независимо от его географического местоположения получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, познакомиться с традициями и обычаями иных культур. Таким образом, формы видения мира становятся значительно более многообразными, нежели в совсем недавнем прошлом. Несомненно, подобное соприкосновение с иными культурными традициями накладывает свой отпечаток на национальные и религиозные основы жизнедеятельности, стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество. Так или иначе, но подобные процессы, получившие название информационной и культурной глобализации, формируют в сознании каждого отдельного человека чувство принадлежности к глобальному мировому сообществу.

Оценка подобных тенденций развития человеческого сообщества весьма неоднозначна. С одной стороны, раздается множество восторженных оптимистических прогнозов о возникновении единой великой культуры человеческой цивилизации на основе общепринятых законов политического и экономического развития. При всей множественности моральных норм, обычаев, привычек, форм поведения, люди, живущие в едином политико-культурном пространстве, нуждаются в неких общих ценностях и законодательных

и поведенческих нормах, которые регулируют их жизнь. С другой стороны, эти же процессы порождают весьма пессимистические отзывы о начале культурной гомогенизации человеческого сообщества, так как невозможно гарантировать, что при создании «всеобщих ценностей», по которым будет развиваться человечество, будет налажен равноправный взаимовыгодный культурный диалог [См.: 1].

Культурная унификация, усредненность, выравнивание ведут к исчезновению очагов культурной самобытности, и, следовательно, лишают человечество важнейших источников развития. Процессы глобализации способствуют распространению культурных моделей, которые подаются как общезначимые в рамках единого информационно-коммуникативного поля. Сокращение роли государства проявляется при этом в том, что многие символы идентичности формируются за пределами традиционного культурного наследия. Границы «своего» и «чужого» постепенно стираются, среди различных групп распространяются однообразные стандарты и символы. СМИ, миграционные потоки, глобализация распространения культурного продукта привносят альтернативные стили, образы, символы, ценности, стандарты поведения, сформировавшиеся как элементы чужеродных культур. В процессе заимствования они вытесняют многие традиционные элементы культуры, кажущиеся непривлекательными и невостребованными. Закономерно происходит стирание различий не только в одежде или пище, но и в культурных и поведенческих стереотипах, которые нередко навязываются чужеродной культурой. Ориентация на инородные образцы изменяет «культурный» облик отдельных социальных групп и общества. Само общество при этом распадается на множество слабо интегрированных групп, отличающихся различными критериями идентичности [См.: 4].

Сохранение культурного плюрализма – одна из приоритетных задач как международных организаций, так и каждого отдельного государства. Сбалансированная государственная политика, способная наладить и поддержать равноправный диалог национальной культуры в процессе интеграции в глобальную систему международных отношений, является составляющей национальной безопасности современного государства. Причем в качестве одного из важнейших аспектов государственной политики в культурной и информационной сферах выступает механизм контроля над СМИ.

Литература

1. *Аранова Н.* Культурный плюрализм в условиях глобализации культурных и информационных процессов // *Материалы научно-практической конференции «Российская пресса в поликультурном*

обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения». – М., 2002.

2. *Блохина Ю. В.* Медиакультура как феномен информационного общества // *Материалы VIII международной научно-практической конференции «Человек в системе коммуникации».* – Нижний Новгород, 2007.

3. *Негодаев И. А.* Информатизация культуры. – [Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru>].

4. *Шалютина Н. В.* Глобализация и культурный плюрализм // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского.* – Серия: Социальные науки. – 2007. – № 2.

Медиадискурс глэм-культуры

Глэм-культура родилась в недрах общества глобальной медиатизации, маркетизации и массового потребления. Ее массмедийная стратегия ориентирована на рынки особого рода, а именно – на рынки развлечений, удовольствий, шоу-представлений, роскоши и моды. Массмедийная сфера (ТВ, кино, глянцево-журналы, реклама, Интернет) стала главным коммуникативным каналом, транслирующим ценности глэм-культуры.

Дискурс глэм-культуры строится на таких базовых концептуальных формулах, как «enjoy yourself», «бери от жизни все», «живи играючи», «не бери ничего в голову», «не грузи ближнего своего», «я этого достойна», «стань звездой», «равнение на звезд», «жить хорошо, а хорошо жить еще лучше», «бренд всему голова», «имидж – все», «шагай в ногу с модой».

Основными символическими фигурами, посредством которых артикулируется и транслируется дискурс глэм-культуры, являются презентруемые массмедийными каналами статусно-престижные имиджи и бренды, а также модные образы, представленные знаменитыми топ-моделями и шоу-звездами.

Носителем и главным субъектом-распространителем дискурса глэм-культуры выступает группа так называемых селебритис (celebrities), то есть медийных знаменитостей. К ним относятся люди, постоянно присутствующие на экранах, пользующиеся большой популярностью у публики и имеющие возможность посредством СМИ влиять на взгляды, поведение и образ жизни обычных людей.

Селебритис олицетворяют собой телеологический идеал и воплощение жизненной мечты приверженцев глэм-культуры. Они для него одновременно и гуру и объект для подражания. Культ селебритис, идолопоклонство перед звездами экрана – важнейшая черта глэм-культуры, мотор ее развития и источник экономического процветания. Благодаря глэм-культуре, культивирующей образ жизни селебритис, активно развиваются и получают сверхприбыль целые отрасли так называемой креативной индустрии (модельный бизнес, шоу-бизнес, арт-маркетинг, спа-индустрия, пластическая хирургия, гурман-сервис, VIP-туризм и др.).

* *Ольга Фредовна Русакова* – д-р полит. наук, профессор, заведующая отделом философии Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

Институционально глэм-культура представляет собой мощную индустрию по производству имиджей и брендов в качестве товаров массового потребления. Основная функция имиджей и брендов – производить впечатление на публику. В мире глэм-культуры все хотят производить впечатление, и каждый человек мечтает стать брендом.

Дискурс бренда доминирует в культуре гламура. Согласно теоретику брендинга Джону Гранту, структурно любой бренд можно представить в виде молекулы, составленной из цепочки культурных стратегических идей. В числе таковых – идеи здорового образа жизни, зрелищные идеи, лидерские и организационные идеи. В особую группу брендовых стратегий Грант выделяет стратегические идеи гламурных изданий, к которым он относит идеи эротизма и роскоши. Дискурс бренда обладает такой характеристикой, как мощь, в которой воплощается его суггестивная и аттрактивная сила. Благодаря данной силе бренд способен внушать публике чувство привязанности к себе и даже фанатичной любви. Суть бренда как агента влияния схватывается посредством двух ключевых понятий: «известное медийное имя» и «общественная культовая привязанность». Важную роль в культивировании бренда играет мифология – легенды и истории, рассказывающие о жизни селебритис. Внимание к подробностям и особенно к скандальным историям из жизни звезд – атрибутивное свойство дискурса глэм-культуры. Житие знаменитостей – один из самых популярных жанров гламурно-ориентированных телепрограмм («Истории в деталях», «Программа максимум» и др.).

Глэм-культура, четко устанавливая шкалу ценностей посредством культивирования рейтинговой иерархии, звездности и брендовости, выполняет определенные дисциплинарные социальные функции. Ее дискурс столь же властен, нормативно и организационно заряжен, как дискурс маркетинга и рекламы. Дискурс глэм-культуры призывает к дисциплинарному порядку в области внешнего вида (регламентация в виде статусно-значимого дресс-кода) и поведенческих моделей, что сближает его с дискурсом средневекового сословного этикета. Глэм-культура предъявляет довольно жесткие дисциплинарные требования к телесной организации. В ней явно присутствует дискриминационный уклон в отношении тех, чьи фигуры не укладываются в модельные стандарты («90-60-90»), чей внешний вид не отличается ухоженностью и так называемой безупречностью (термин «безупречность» один из самых широко употребляемых в рекламе), кто не занимается активным потреблением модных брендов.

Смыслообразующим ядром дисциплинарных усилий потребителя глэм-культуры (назовем его глэм-культуристом) выступает

набор имиджевых благ, который сулит ему реклама гламурной продукции. К таковым в первую очередь относится обретение блестящего, привлекательного и запоминающегося внешнего вида, воплощающего мечту гламура. Данная мечта артикулируется как вечная молодость, сексуальность, безупречность, спортивность, яркость, роскошность. Серьезные усилия, которые затрачивает глэм-культурист на приобретение имиджевых благ, выступают для него основным способом самоинвестиций. Вкладываясь в себя, таким образом, он обретает востребованный на рынке глэм-капитализма нормативный товарный вид. Стратегия обретения гламурного вида является способом социальной идентификации и жизненного самоутверждения индивида в мире глэм-капитала. Возможность социального самоутверждения через глэм-культурную практику – вот чем в первую очередь завоевывает публику индустрия гламура.

Внутренняя логика медиадискурса глэм-культуры требует от своих поклонников подкрепления нормативно-ценностных ориентиров гламура соответствующим образом жизни. К основным чертам данного образа жизни, на наш взгляд, можно отнести следующие: *нарциссизм, гедонизм, шоу-шик, холодная ирония в стиле cool, эротизм, имиджевый интеллектуализм, дефицит подлинности*.

Под *нарциссизмом* подразумевается эгоцентрическое любование собственным отражением в зеркале, а также отражением себя в глазах окружающих, что в огромных дозах культивируется рекламой («Все в восторге от тебя...», «Я этого достойна...»).

Гедонизм как гламурный образ жизни означает восприятие жизни как праздника, который всегда с тобой. Веди себя так, чтобы все поняли, что ты – не чужой на этом празднике жизни, – диктует глэм-культура. Еще лучше, если окружающие будут видеть в тебе бон-вивана, легко и весело шагающего по жизни под девизом «no problem».

Игровая манера гламурной жизни реализуется в шоу-шике – еще одной важной характеристике глэм-культуры.

Шоу-шик – это синтез яркого зрелища, игры на публику и атрибуты шикарной жизни касты избранных – звезд шоу-бизнеса. Шоу-шик – это еще и гламурное представление об аристократическом, светском образе жизни. В роли светских львиц и львов выступают кумиры экрана, продюсеры, модные дизайнеры, топ-модели, «богатые и дерзкие», успешные и рейтинговые персонажи. Представления в духе шоу-шика часто присутствуют на экранах ТВ. Яркий тому пример – рекламно-документальный сериал о приватной жизни «звездного» дизайнера Сергея Зверева.

Перформансы шоу-шика крайне важны для социального продвижения глэм-культуры в целом: эксплуатируя людскую страсть к подглядыванию за знаменитостями, они вербуют новых членов в ряды глэм-культуристов, расширяя тем самым клиентский рынок глэм-капитала.

Cool – это амбициозная манера сохранять холодное спокойствие, выдержку, что бы ни случилось. Стилль cool в глэм-культуре означает некий пофигизм, уход от серьезных тем, установку на ироническое отношение к тому, что считается высокой политикой и культурой. Дискурс в стиле cool – это риторика стеба, нацеленная на снижение пафоса посредством использования фигуры каламбура, переворачивающей традиционные смыслы. Типичными примерами ироничных шоу в стиле глэм-дискурса являются популярные телепрограммы «Прожектор Перес-Хилтон» и «Comedy Club».

Эротизм в контексте глэм-культуры представляет собой требование постоянной демонстрации сексуальной чувственности и привлекательности. В качестве нормативного ориентира предлагается определенная рейтинговая шкала, составленная из звезд экрана и модельного бизнеса, получивших звание секс-символов. Специальному рейтинговому анализу подвергаются также отдельные части тела (губы, грудь, торс, плечи, руки, живот, ноги и т. д.), эпизоды экранной жизни, манеры публичного общения. Словом, эротизация должна носить тотальный характер, чтобы отвечать лучшим образцам глэм-культуры.

Имиджевый интеллектуализм – это стремление произвести впечатление широко образованного, философски мыслящего человека, следящего за модными тенденциями в науке, литературе и высокой культуре. Для поддержки интеллектуального имиджа модные журналы предлагают глэм-культуристам набор имен популярных властителей дум, а также серии глубокомысленных цитат и выражений, взятых из книг знаменитых авторов.

Главное для глэм-культуриста – не быть, а казаться. За имиджевой привлекательностью нередко скрывается внутренняя пустота. Чувства, слова, мысли, внешность заимствованы из глянцевого журналов, рекламных слоганов, медийных шоу, а потому – ненастоящие, искусственные. Жизнь заиклена на производстве и потреблении симулякров. Все самобытное, подлинное вытесняется, отчуждается и аннигилируется имиджевой кажимостью.

Дефицит подлинности – не только характерная черта, но и бич гламурной жизни. Достаточно небольшой рефлексивной иронии, чтобы почувствовать холодное дыхание пустоты и испытать тоску по реальной, настоящей жизни. Отсюда – восхищение так называемыми реальными (конкретными) ребятами. Отсюда – и тяга к путешествиям по странам и местам, не до конца пропитанным потребительской культурой.

Культура в зеркале современных СМИ Татарстана

Татарстан, один из самых развитых по экономическому потенциалу регионов России, находится также в числе самых читающих и информационно насыщенных. На каждую тысячу жителей республики по подписке приходится по 515 экземпляров периодических печатных изданий (средний показатель по Российской Федерации – 219 экземпляров). Рынок он-лайн-СМИ Татарстана продолжает расти. Сейчас большинство традиционных медиапроектов имеют представительства в сети Интернет. На территории Республики работают 50 телевизионных компаний. 30 из них вещают на русском и татарском языках [4].

Реестр СМИ Республики Татарстан по данным на 1 января 2007 года содержит 1133 СМИ. Из них государственных – 221, негосударственных – 912 [4]. Татарстанское информационно-культурное пространство включает в себя систему образовательных и культурных мероприятий, а также социальную жизнь татар и их интеграцию в другие этнокультурные сообщества. В тоже время оно представляет собой универсальную среду для научно-исследовательской работы по проблемам татарского народа. Большинство авторитетных газет и информационно-публицистические разделы журналов, претендующих на статус «общетатарских» и «всемирных» изданий, похожи друг на друга по содержанию, распространяемым идеям, однотипны по смыслу и уровню исполнения, привлекают один и тот же круг авторов, часто неадекватны запросам современника, особенно молодого поколения татар. Все это в деятельности родственных СМИ приводит к дублированию, неравномерному освоению татарского информационного рынка.

Культура как духовность есть неперемнное условие, без которого всякое общество и любая страна обречена. Современная культура характеризуется разнообразием идеалов и ценностей. Увы, сегодня чувство подавленности от происходящего и неуверенности в завтрашнем дне не исчезает, а напротив, усиливается. Современный исследователь проблем философии В. Ф. Шаповалов вы-

* *Ляйля Рашитовна Сабирова* – аспирант кафедры татарской журналистики Казанского государственного ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина (г. Казань).

деляет три главных аспекта понятия «культура»: «Во-первых, культура есть сфера свободной самореализации личности, сфера творчества, где наиболее полно реализуются творческие потенции человека – это, прежде всего, искусство, наука, образование. Во-вторых, культура есть ценностное отношение к реальности, то есть в ней всегда присутствует то, что свято и признается безусловной ценностью. В-третьих, культура есть искусственный, созданный мыслью, духом и руками человека мир, отличный от «натуры» (природы)» [2].

Рынок превратил продукт духовной, культурной деятельности в товар, который должен быть продан по цене, обеспечивающей продавцу максимальную прибыль. К сожалению, коммерциализация (финансовая независимость от власти) СМИ, дала толчок такому явлению, как непрофессионализм сотрудников печати. Он проявляется в слабом владении молодыми журналистами литературным языком, его замене вульгарно-просторечной, а то и ненормативной лексикой. Для достижения коммерческого эффекта используются такие приемы, как эпатаж, сенсационность любым путем, смакование крайних форм насилия, жестокости, секса, культивирование тем, попирающих общечеловеческие ценности и т. п. Все это явно не способствует воспитанию читателей, формированию у них хорошего вкуса и самостоятельного мышления. Всем нам хорошо известно, что представляют из себя эти сенсационные статьи с «кричащими» заголовками и сплетни о личной жизни «звезд». Этого несколько лет назад не было так явно видно на страницах татарстанской, в частности татарской прессы, но сейчас видимо потребности аудитории изменились. Я поинтересовалась в киосках печатных изданий, какие газеты лучше всего покупаются. Среди русскоязычных в Казани популярностью пользуются «Аргументы и факты», «Жизнь», «Комсомольская правда», среди татароязычных «Акчарлак» («Чайка»), «Каеф ничек?» («Как настроение?»), «Татарстан яшьлэре» («Молодежь Татарстана»). В этих изданиях также используются описанные выше приемы. К сожалению, культурно-просветительские, общественно-политические издания типа «Мэдэни жомга» («Культурная пятница»), «Ватаным Татарстан» («Родина моя Татарстан»), «Шахри Казан» («Город Казань») нередко остаются в киосках нереализованными. Чтение «желтой» прессы в свою очередь приучает нас к мысли, что человеческая жизнь вообще ничего не стоит. Люди привыкают к жестокости, она становится чем-то будничным, заурядным тем более, что вся информация перемешана. Акцент переводится с внутреннего на внешнее. Сейчас становится важным как ты выглядишь, и что для этого нужно делать.

Новое поколение, воспитанное развлекательными телевизионными передачами, инстинктивно рассматривает всю человеческую жизнь как развлечение. Телевидение (например, каналы «СТС – Казань», «Эфир») формирует у молодежи новую концепцию жизни, так называемую «систему игры». Таким образом, оно настолько меняет детей, что им становится трудно устанавливать контакты со старшим поколением, подчиняться традиционным культурным нормам воспитания и поведения. «Приучили людей к товарам? Нет, приучили к рекламным клипам. К их темпу, блеску, крику. Приучили так сильно, что малыши со скукой смотрят фильм и радостно оживляются при каждом появлении ликующих теток, непрерывно наслаждающихся майонезом, шоколадом, бульонными кубиками. Дети идут за рекламой, копируют слоганы, жесты, манеры и превращаются в тех, экранных, безмозглых...» [1] Одним словом, можно по-разному рассматривать эту проблему, но бесспорно одно – СМИ, особенно телевидение, в том виде, в котором оно сейчас существует, представляет реальную угрозу для культурного развития человеческой личности. А происходит это потому, что многие печатные издания и телевидение превратились по воле чиновников-коммерсантов в средство пиара и перестали быть центром культурного воспитания, публицистического исследования жизни. Основу национального вещания в республике составляет телерадиокомпания «Татарстан – Новый век». О ней можно говорить, как о положительном примере. Телеканал представляет зрителям полный спектр телепрограмм – от новостей, общественно-политических программ до телесериалов, игровых ток-шоу, прямых трансляций спортивных матчей и зрелищных мероприятий. Но здесь достаточное внимание уделяется информации об истории и современном состоянии разных народов, о профессиональном искусстве, народном творчестве, рассказывается о нравственных ценностях, эстетических идеалах, традициях, о функционировании языка.

Без сомнения, основной задачей российского телевидения должно стать наполнение программной сетки достаточным количеством развлекательных передач с социально-образовательным контекстом, помогающим в воспитании, обладающим мощным потенциалом знакомства человека с культурными ценностями. Однако на сегодняшний день в эфире преобладает, прежде всего, развлечение, обращенное к темной стороне человеческой личности, эксплуатирующее темы насилия, секса, социального неравенства, проповедующее эскапизм и идеологию потребления. Кроме всего прочего, современным республиканским СМИ не хватает оперативности, а в материалах глубины анализа. Как правило, российские СМИ опережают события, дают анонсы, а в республиканских же мы чаще видим информацию после мероприятия, в

виде постфактума. Оставляет желать лучшего иллюстративный ряд республиканских газет, стиль подачи материалов. Прежде всего не хватает элементарной эрудированности журналистов.

Совершенно справедливо заметил Минназим Сепперов, редактор газеты «Ватаным Татарстан» («Родина моя Татарстан»), что сегодняшние СМИ часто идут на поводу у читателя и публикуют легкую информацию, которая не заставляет думать. Сложно читать аналитические материалы на экономические и политические темы, гораздо проще и написать, и прочитать интервью с известным певцом или прогноз гороскопа. К сожалению, «желтизна» пронизывает все большее количество СМИ, добротных аналитических статей становится все меньше на газетных полосах. А ведь татарская журналистика всегда отличалась просветительской направленностью [3]. Нельзя и сейчас забывать о воспитательных и культурных функциях СМИ.

Литература

1. Поляков Ю. Культура не должна быть служанкой рекламы // Литературная газета. – 2002. – 19–25 июня.
2. Шаповалов В. Ф. Оновы философии. – М.: Фиар-Пресс, 2004.
3. [http:// info.tatcenter.ru/whoiswho/](http://info.tatcenter.ru/whoiswho/).
4. [http:// tatmedianew.hom.warlock.ru](http://tatmedianew.hom.warlock.ru).

Е. А. Самсонова*, О. В. Абросимова**, Е. Ю. Юдина***

Роль телевидения и сети Интернет в жизни молодежи Тульской области

Лабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи «Шанс» в IV квартале 2007 г. было организовано и проведено социологическое исследование «Проблема массовых коммуникаций в Тульской области», целью которого являлось изучение ориентированности тульской молодежи в медиaprостранстве.

Эмпирическим объектом исследования выступали молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие на территории Тульской области. Массив опрошенных составил 200 человек, ошибка выборки не превышает + 3,0.

В рамках настоящего анкетного опроса особое внимание исследовательская группа уделила изучению отношения молодых туляков к двум наиболее распространенным видам средств массовой коммуникации: телевидению и сети Интернет. Рассмотрим подробнее полученные результаты.

Отношение молодежи к телевидению

За последние годы произошла определенная переориентация интересов молодежи – они переместились в информационную, профессиональную и досуговую сферы, что естественно влечет за собой смену парадигмы деятельности средств массовой коммуникации, и в особенности телевидения, как лидирующего источника информации, освещающего весь объем новостей, событий, программ.

* *Екатерина Анатольевна Самсонова* – завлабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи «Шанс», замдиректора по научной работе (г. Тула).

** *Ольга Вячеславовна Абросимова* – специалист по работе с молодежью «Центра социально-психологической помощи молодежи «Шанс», аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного ун-та (г. Тула).

*** *Екатерина Юрьевна Юдина* – ведущий специалист по работе с молодежью «Центра социально-психологической помощи молодежи «Шанс» (г. Тула).

По мнению большинства (45,0 %) участников опроса, за последнее время российское телевидение стало в целом более увлекательным. Кроме того, гендерный анализ полученных данных показал, что телевидение России за последнее время стало более интересным и для мужчин, и для женщин в равном соотношении.

В рамках настоящего опроса важным представляется изучение предпочтений тульской молодежи относительно выбора разнообразных телепрограмм. Согласно результатам проведенного исследования, молодая аудитория предпочитает программы не только развлекательного характера; опрошенные также уделяют внимание и передачам о культуре, научно-публицистическим программам. Исследовательская группа полагает, что это связано с общим переструктурированием ценностных ориентаций молодежи, для которой все больше возрастают ценности потребления как товарного, так и духовного, в то время как интерес к политическим передачам занимает невысокое место в шкале интереса респондентов к телевизионной продукции.

Наиболее часто респонденты смотрят информационные программы и художественные фильмы. Второе место по популярности занимают криминальная хроника и информационно-публицистические передачи; не очень интересны молодой аудитории ток-шоу, а сериалам респонденты отдают предпочтение меньше всего (Таблица). Полученные данные свидетельствуют о том, что молодежь мало интересуется программами развлекательного жанра, которыми перенасыщено современное телевидение.

Степень заинтересованности респондентов разнообразными программами на телевидении
(в % от числа ответивших)

Разновидности телевизионных передач	Совершенно не интересуют	Не очень интересуют	В какой-то мере интересуют	Во многом интересуют	Чрезвычайно интересуют	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Новости	3,1	13,6	29,3	38,2	15,7	100,0
Политические передачи	21,7	28,6	28,0	16,4	5,3	100,0
Криминальная хроника	14,2	21,1	35,3	23,2	6,3	100,0
Передачи о культуре	11,5	30,9	36,1	16,8	4,7	100,0
Ток-шоу	28,8	33,5	24,1	9,9	3,7	100,0

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Художественные фильмы	4,2	10,4	27,6	45,8	12,0	100,0
Документальные фильмы	7,8	18,8	40,6	22,9	9,9	100,0
Научно-популярные передачи	8,9	24,5	38,5	18,2	9,9	100,0
Сериалы	47,4	22,6	17,4	7,4	5,3	100,0

Нельзя не отметить также, что в последнее время наблюдается снижение удельного веса программ, освещающих молодежные проблемы. Статистика телевизионных передач свидетельствует: специальных тематических программ осталось около 5,0 % общего эфирного времени, из их классификации ушло само название «молодежные» (исключение составляют музыкальные передачи), нет постоянных программ, затрагивающих жизненные проблемы молодых.

В ходе исследования была выявлена тенденция, согласно которой молодежь Тульского региона характеризует пассивно-адаптивный характер поведения при просмотре телевизионных передач. Большинство опрошенных (28,7 %) смотрят телевизор «вполглаза», и лишь 11,7 % – внимательно.

Показательно, что просмотр различных программ выступает фоновым преимущественно для респондентов женского пола, то есть чаще всего они параллельно занимаются другими делами, в то время как мужчины, в основном свободные от посторонних занятий, домашних дел, почти всегда внимательно смотрят телевизор.

Необходимо также подчеркнуть, что фоновый тип просмотра телевизора более всего характерен, в соответствии с полученными данными, для группы респондентов с высшим образованием. Молодые люди с более низким образованием чаще включают телевизор для просмотра конкретных передач, после того как закончат все дела, – они придают этому времяпрепровождению статус общесемейного ритуала.

Приобщение молодежи Тульской области к информационной сети Интернет

Существенной особенностью глобализации сегодня является усиление роли новых информационных технологий в жизни общества. Особая роль в этом процессе принадлежит всемирной сети Интернет, которая, являясь специфическим интерактивным средством массовой коммуникации, уже активно используется в жизни современного общества. Молодежь – это наиболее восприимчивая к новым технологиям возрастная группа, которая рассматривает

Интернет как один из основных источников информации и средств коммуникации.

Согласно результатам проведенного исследования, пользующаяся всемирной сетью тульская молодежь имеет почти одинаковую возможность доступа к сети Интернет как в домашних условиях (51,9 %), так и по месту работы и/или учебы (50 %).

Так как Интернет дает широкие информационные возможности, естественно, это порождает и определенные цели использования сети. Для большинства респондентов Интернет – это, прежде всего, источник получения информации для работы или учебы (см. рис.).

Рис. Цели использования сети Интернет молодежью Тульской области

В основном, молодые люди выходят в онлайн для поиска новостей, общения с друзьями, скачивания музыки и совершения покупок в интернет-магазинах. В качестве других вариантов ответа респондентами был отмечен «поиск новых знакомых и своих друзей по месту учебы» (например, на сайтах «Одноклассники», «Мой мир», «В контакте» и т. п.). Хотелось бы отметить, что эта новая услуга достаточно быстро стала популярной, количество ее активных пользователей увеличивается с каждым днем.

Также следует подчеркнуть, что поведение мужчин и женщин в сети Интернет существенно различается. В целом представительницы прекрасного пола не очень уверенно ориентируются в многочисленных веб-ресурсах. Для них обращение к Интернету носит преимущественно целевой, рациональный характер. Часто поводом для захода в сеть являются ссылки в журналах; информация по работе, учебе, по вопросам трудоустройства, здравоохранения и досуга. Мужчины в большей степени склонны к сетевым развлечениям, к ненаправленному серфингу в виртуальном пространстве. Представителей обоих полов в Интернете в равной степени привлекают новости кино, видео, музыкальные новинки.

Как известно, чтобы найти информацию по какому-либо вопросу, основная часть респондентов заходит в Интернет и ищет ее с помощью поисковых сервисов или запрашивает на форуме, в связи с этим достаточно актуальным представляется определение преимуществ и недостатков сети перед традиционными источниками информации. Основные положительные моменты всемирной паутины, по мнению анкетированных, – оперативность и обширность предоставляемой информации. В качестве главного недостатка молодые люди назвали высокую стоимость услуг Интернета. Это и понятно, в условиях, когда цены на товары и продукты заметно выросли, найти необходимую сумму на оплату услуг провайдера непросто. Поэтому заметная часть пользователей сети вынуждена ограничивать свое общение в виртуальном мире, этим, по мнению исследовательской группы, можно объяснить и большой процент (29,9 %) респондентов, никогда не посещавших Интернет. В качестве недостатков отмечались также невысокое качество информации, трудоемкость поиска интересующей информации. Показательно, что не обнаружили недостатков сети всего 7,5 % опрошенных.

Т. В. Черепанова*

«Телевизионный спорт» как специфический феномен медиакультуры

Очевидно, что в последнее время спорт тесно связан с телевидением. С одной стороны, происходит превращение спортивных состязаний в телешоу, и медиа активно использует сферу спортивного в своих интересах, с другой – телевидение во многом способствует привлекательности спортивного. Поэтому можно говорить, что данный союз взаимно выгоден. Понятие «телевизионный спорт» предложено В. Зверевой [1]. Раскрывая суть данного термина, рассмотрим причины такого тесного «сотрудничества» спорта и телевидения.

Начнем с того, что главное свойство транслируемого – общезначимость. В данном контексте спорт – настоящая находка для СМИ. Спорт принципиально общедоступен: для него нет ни национальных, ни стратовых границ. Спортивные структуры действуют в глобальном масштабе, и спорт, таким образом, в силу своей общедоступности, проявляет себя как объединяющий фактор. В этом смысле примечательны Олимпийские игры: телевидение активно развивает их тезис равных возможностей, честной игры и значимости для всего мира. Вообще, можно сказать, что спорт сделался неким мировым шоу, в первую очередь благодаря масс-медиа.

Спорт уникален (и, безусловно, удобен СМИ) также в том плане, что удачно раскрывается в любом формате: новостей, развлечения, рекламе [2]. Во-первых, спорт всегда богат на так называемый «экшн», он предлагает зрителям напряженное по своей сути повествование с неизвестным финалом. Кроме того, комментаторы часто поддерживают некую драматичность и подчеркивают уникальность происходящего в кадре. Во-вторых, спорт на телевидении – безусловно, развлекательная программа. И если фильм или сериал требует внимания к сюжету, то соревнования можно смотреть с любого момента, благо комментарии и всегда известный счет компенсируют незнание или невнимание зрителя. Тут также важно и то, что современный зритель настроен скорее на «клиповость» мышления, на fast-thinking, отсюда и потребность зрителя в постоянной трансляции каких-нибудь соревнований. Ну и, конечно

* *Татьяна Витальевна Черепанова* – студентка 5-го курса фило-софского ф-та УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

же, не имеет смысла отрицать насыщенность спортивных программ рекламой. Кроме того, что реклама заполняет стадионы, сам телевизионный спорт является определенным рекламным посланием: он транслирует идеальные образы и стили жизни.

Одним из идеальных образов спорта в медиапространстве является презентация «идеального телесного». Тела спортсменов «красивые» и «гармоничные». В современном обществе неумение держать свое тело под контролем вызывает недоверие. Наш способ существования во многом телесный, и тело образует значимую часть нашей идентичности. Сейчас в центре наиболее распространенных техник моделирования личности выступает именно образ спортивного тела, и в не меньшей мере этому способствует общедоступная визуализация идеально-телесного, осуществляемая медиакультурой. Стремление привлечь к экранам большую аудиторию способствует эротизации тел спортсменов, и видеоряд совершенных тел выходит за рамки спортивных передач и продолжается в рекламе. Спортсмены как медийные персонажи становятся законодателями моды и пропагандируют «правильный», в смысле самоидентификации, стиль жизни. Формирование личностного посредством телесного и выражение телесного через спортивное ведет к репрезентации обычным зрителем себя-тела через спорт и все, что с ним связано. Медиа-реальность незаметно укореняется в повседневности. Я имею в виду заметную в последнее время увлеченность экстремальными видами спорта и популярность спортивной одежды и атрибутики. Как отмечает В. Зверева, сейчас «популярен топос взаимосвязи спорта, здоровья и красоты; к нему присоединяются гендерные конструкции идеальных тел женщин и мужчин» [1]. Эстетика спорта реализует себя как раз посредством медиакультуры: это подтверждается не только многочисленной рекламой спортивной одежды, но и, например, если обращаться к российскому опыту, популярностью фигурного катания. Можно также говорить и об этической символизации спорта в рамках масс-медиа: телевидение поддерживает идеалы «честной борьбы», «стремления к победе» и приучает зрителя потреблять эти образы.

Медиакультура при всей своей тотальности все же активно работает на развитие интереса к спортивному: преимущество камеры по отношению к реальному взгляду состоит в том, что она позволяет увидеть ближе, узнать подробнее, растянуть важный момент или наоборот почувствовать скорость. Это возможность «вездесущности» подкупает, создает иллюзию твоего личного участия в происходящем и поддерживает необходимое напряжение зрелищности спорта. С другой стороны, телевидение, давая зрителю возможность увидеть происходящее с разных точек зрения, недоступных обычному зрителю (с крыши машины Формулы-1

или высоты птичьего полета), наделяя его этой мнимой вездесущностью, на самом деле, предлагает ему уже истолкованную определенным образом реальность; и в отличие от реальности подлинной, как отмечают К. и Г. Лэнги, она оказывается принудительно интерпретированной [3].

С одной стороны, спорт активно используется телевидением: неизменно держит высокий рейтинг, обеспечивает зрелищность, информативность и является благодатной почвой для рекламной деятельности; с другой стороны, СМИ удачно репрезентирует спортивное как некий эталон, обильно символизируют смысловое пространство спортивного и задают постоянную потребность в нем современного человека.

Литература

1. Зверева В. Телевизионный спорт // Логос. – 2006. – № 3.
2. Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2005.
3. Lang K. & G. E. Politics & TV. Chicago, 1968 (цит. по: Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999. – С. 47).

Раздел четвертый

PR и рекламные коммуникации в полиэтническом пространстве Урала

Е. В. Андреева*, **Т. В. Лазарева****,
В. С. Алешина***

Бренд Урала как способ продвижения региона

Одним из самых цитируемых является определение бренда, предложенное Американской маркетинговой ассоциацией (АМА) в 1960 году. Оно звучит следующим образом: «Бренд – это название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для отличия их от товаров или услуг конкурентов». Это понятие подчеркивает значимость визуальных символов бренда, обеспечивающих идентификацию и дифференциацию марочного продукта.

Сущностное отличие бренда стоит искать не в элементах его внешней узнаваемости, а главным образом в содержании бренда, доставляющего уникальные ценности до целевого потребителя. Технологии создания и внедрения бренда получили название – брендинг. Особое место в этой сфере занимают бренды стран и территорий. При этом брендинг территории неотделим от процессов повышения ее конкурентоспособности, так как бренд по своей природе является демонстрацией и гарантом конкурентных преимуществ.

Тема брендинга территорий, возникшая еще в 1970-е гг. в ряде развитых стран, стала особо популярной в России в последнее десятилетие. В России уже предпринимаются попытки создания брендов страны, территорий, регионов, районов и городов.

Как показывает международный опыт, за пониманием территорией (регионом) своей стратегической позиции следует создание и развитие ее бренда. «Бренд региона позволяет администрации и

* **Елена Владимировна Андреева** – канд. ист. наук, замдекана ф-та социальной психологии, доцент кафедры рекламы Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** **Татьяна Владимировна Лазарева** – студентка 2-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

*** **Виктория Сергеевна Алешина** – студентка 2-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

деловым кругам наиболее эффективно взаимодействовать с различными целевыми группами: инвесторами, межрегиональными и экспортными рынками, населением, туристами. Он переводит стратегические преимущества территории на язык, понятный этим группам, и многократно усиливает значимость этих преимуществ», – говорил сопредседатель Совета по национальной конкурентоспособности А. Шестопалов.

В наши дни идея создания бренда Урала остается по-прежнему актуальной. Несмотря на то, что в последние годы правительство Свердловской области всерьез озаботилось данной проблемой, достойный образ региона так и не был создан. Вместе с тем *бренд территории* играет очень важную роль, включая в себя совокупность ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные характеристики данной местности, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории.

Актуальность и необходимость исследования регионального имиджа обусловлена как минимум тремя важными обстоятельствами. Первое – это уникальное географическое разнообразие территории Российского государства и различие исторических судеб его отдельных регионов. Второе – практическое значение изучения в условиях выработки перспективной региональной политики. Третье – это необходимость контроля за продвижением региона и возможность управлять его имиджем.

По нашему мнению, созданный бренд – «портрет» Урала выделил бы наш край среди прочих субъектов федерации, а его популяризация способствовала бы не только узнаванию региона, но и помогла бы его продвижению на экономическом, политическом и социально-культурном уровне. Такой бренд повысил бы осознание подрастающим поколением ценностей, роли своей малой родины, сформировал бы чувство гражданственности, патриотизма. Ведь еще Ключевский писал: «Племя становится нацией лишь через работу над сверхнациональными заданиями. Нация тем более нация, чем больший вклад внесла она усилиями своих сынов в сокровищницу человеческой культуры».

Привлекательный имидж Уральского региона помог бы установлению взаимовыгодных успешных внешних и внутренних экономических связей с российскими и зарубежными партнерами и способствовал притоку дополнительных инвестиций в наш край. Бренд Урала, объединяя различные народы, населяющие наш край, стал бы отличным средством для дальнейшей консолидации полиэтнического пространства Урала.

Не нужно забывать, что создание бренда – это еще и уникальная возможность для проявления людьми своей активной жиз-

ненной позиции, так как именно мнение его жителей является основой для формирования образа региона.

Студенты второго курса специальности «Реклама», выполняя задание по учебно-ознакомительной практике, тоже решили выразить свое отношение к родному краю с помощью создания визуальных образов Уральского региона.

В понимании студентов, бренд Урала представляет своеобразную эмблему, в которой отражена языческая, дохристианская мифология, история становления области (через геральдику), развитие промышленности и культуры, так как именно они формируют образ Урала в умах людей. Студенты использовали самые различные символы при создании бренда Урала. Чаще всего упоминаемые визуальные образы были сведены в таблицу, посмотрев которую можно сделать вывод, что является наиболее значимым для молодежи (табл. ниже).

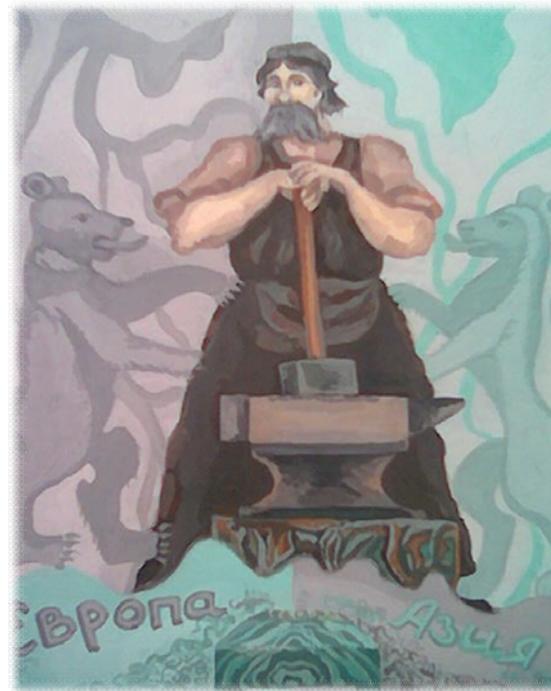
У студентов второго курса специальности «Реклама» факультета социальной психологии самые яркие бренды получились в культурологическом и официально-государственном значении. Их представили Лазарева Татьяна и Алешина Виктория.

Предпочитаемые визуальные образы в бренде Урала

Языческая, дохристианская мифология области	Геральдика области	Промышленность области	Культура области	Этнические особенности менталитета населения
Уральские горы - 8,8 % Ящерица - 7,3 % Драгоценные камни самоцветы - 5,9 % Река Исеть - 5,9 % "Европа и Азия" - 5,9 % Соболь - 4,4 % Упоминались: Мастер-кузнец, медведь, Аркаим, Челябинские озера - по 1,4 %	Герб УФО - 5,9 % Флаг Урала - 2,9 % Карта Урала - 1,4 %	Завод "Уралмаш" - 10,3 % Шестеренка, ключ и молот - 4,4 %	Бажов - 7,3 % Сказки Бажова - 2,9 % Упоминались: Ганина Яма, дом Ипатьевых, Храм на Крови, Невьянская башня, Чайковский, Мамин-Сибиряк, картина "Урал" Михайлова, Каслинское литье - по 1,4 %	Букины, Ельцин, уральский диалект, группировка "Уралмаш", женская баскетбольная команда "УГМК" - по 1,4 %

Таким образом, у молодежи самыми предпочитаемыми визуальными знаками стали образы Урала в сфере промышленности, мифологии и культуры. Уральский регион для многих студентов – это известный завод «Уралмаш», Уральские горы, писатель Бажов. Но у молодого поколения возникают ассоциации, связанные с ситуацией «Счастливы вместе», уральским диалектом, с женской баскетбольной командой «УГМК».

Бренд, представленный Т. Лазаревой, был выполнен на прямоугольном поле с закругленными углами. В центре рассеченного поля нарисован уральский мастер – кузнец с молотом и наковальней. По обе стороны от него располагаются медведь и соболь. В нижней части картины изображены горы, в центре которых – махитовая шкатулка. Бренд выполнен в ограниченной цветовой гамме: были использованы черный, серый, коричневый, изумрудный, охристый цвета.

Прямоугольная форма изображения придает данному символу Уральского края строгость и официальность. Деление поля символа – знак географического положения Урала на границе Европы и Азии (это подтверждают соответствующие надписи в нижней части композиции). Подчеркивают эту особенность региона стоящие на разных половинках картины медведь и соболь, обозначающие соответственно Европу и Азию. Кружевной рисунок на заднем плане композиции – не что иное, как реки, пронизывающие территорию края и питающие, подобно артерии, все города области. Ведь недаром говорят, что Урал – край стремительных рек и полноводных озер.

Изображенный во весь рост уральский мастер расположен в центре рисунка не случайно, он объединяет две части света и олицетворяет мощь и силу уральской промышленности. В руках у мастера – молот, опирающийся на наковальню – предметы, характерные для зарождающейся на Урале металлургической промышленности. Соболь, имеет еще и другое назначение, он показывает роль династии Демидовых в развитии нашего края.

Сам образ уральского мастера является символом смелости, силы, трудолюбия и творчества уральского народа. Так кузнец-богатырь и медведь отражают языческую, дохристианскую мифологию региона. Особое место в мифологии коми (коренного народа Урала) уделяется культурному герою, первому кузнецу, который выступает защитником своего народа. Восточные славяне также с давних времен населяющие наш край, верили в образ богатыря, который сотворил Уральские горы, наполнил их несметными богатствами. Особую значимость в мифологии народов финно-угорской группы имели элементы тотемистических верований, например, культ медведя.

Природным богатством нашего региона являются Уральские горы. Малахитовая шкатулка напоминает нам о том, что Урал – это еще кладовая руды, полезных ископаемых, камней-самоцветов, в том числе и малахита.

Шкатулка – еще и указание на наличие на Урале развитого искусства. Промышленность создала необходимые условия и стала основой расцвета на Урале художественной культуры, а именно декоративно-прикладного искусства, которое включило в себя Кушвинское и Каслинское чугунное художественное литье, изготовление художественных изделий из меди, Нижнетагильскую роспись по металлу, Невьянский сундучный промысел, Екатеринбургскую художественную обработку камня, Златоустовскую художественную обработку оружия и т. д.

Цветовая гамма эмблемы ограничена, но это именно те цвета, которые характерны для нашего края. Так, например, коричневый, черный, охристый, серебристый цвета символизируют нашу промышленность, а изумрудный – природные богатства Урала, красоту края. Такой же цвет в окраске горы – указание на залежи меди.

Краткое описание бренда Урала в официально-государственном значении представила В. Алешина. В данном бренде присутствуют символы: буква «У» – герб Урала, буква «Р» – флаг России, буква «А» – трубы завода «Уралмаш», буква «Л» – как знак качества.

Буква «У» – на зелено-желтом фоне контур крепости – символ зарождения города-крепости на Среднем Урале; колесо – символ времени, движения из прошлого в будущее, неперенный атрибут святой Екатерины, имя которой носит город; клеймо, разработанное В. Татищевым для завода, давшего начало застройке города Екатеринбурга. Украшения: молот – символ высокоразвитой промышленности города Екатеринбурга, бердыш – старинное русское оружие, напоминает о ратных подвигах уральцев при защите Отечества.

Буква «Р» обозначает следующее: Урал входит в состав Российской Федерации, поэтому на фоне буквы цветовой колор государственного флага РФ. Такой трехцветный флаг был введен в России Петром Первым.

Буква «А» изображена в виде труб завода. Самый известный у нас на Урале это Уральский завод тяжелого машиностроения им. С. Орджоникидзе (УЗТМ), крупнейшее предприятие тяжелого машиностроения СССР. Он был построен в 1928–1933 гг. С 1971 г. УЗТМ – головное предприятие производственного объединения «Уралмаш». Выпускает УЗТМ прокатные станы, машины непрерывного литья заготовок (МНЛЗ), агломерационное, доменное и дробильно-размольное оборудование, карьерные и шагающие экскаваторы, буровые установки, тяжелые вертикальные и горизонтальные гидравлические прессы и др., оборудование для металлургической, горнорудной, нефтегазовой промышленности.

Буква «Л» представлена в виде знака качества, что еще раз нам напоминает о процветании, перспективности и о высоком «качестве» Урала.

Надеемся, что идеи молодежи по созданию образа нашего края будут услышаны на административном уровне и станут мощ-

ным импульсом для формирования официального бренда Уральского региона. Поскольку территориальный (региональный) бренд – мощный инструмент реализации стратегии развития территории.

Бренд позволяет объединить интересы различных групп – населения, инвесторов, бизнесменов, властей. От всех них зависит в наше кризисное время успешная стратегия развития региона. При этом бренд региона выполняет как экономическую функцию рычага создания добавленной стоимости, так и важнейшую социальную роль – инструмента повышения жизненной мотивации жителей региона.

Ю. В. Архипова*

Внешиполитический имидж современной России: something is wrong

Об имидже России сегодня принято говорить если уже не с иронией, то с определенной долей сдержанности, потому что этот имидж по-прежнему оставляет желать лучшего. Русско-грузинский конфликт, случившийся в августе – сентябре 2008 года, очередной газовый конфликт с Украиной, произошедший в январе 2009 года, и их оценка на Западе в очередной раз доказали, как мало России доверяют за рубежом и как неохотно верят в ее правоту. Почему в августе 2008 года, увидев по телевизору российские танки, выполнявшие миротворческую функцию на Кавказе, жители Европы и Соединенных Штатов Америки сразу вспомнили 1968 год и введение советских войск в Чехословакию? Почему признание независимости Южной Осетии и Абхазии сочли российским произволом, а легитимность признания независимости Косово практически ни у кого на Западе не вызывает сомнений? Почему Евросоюз предпочел разделить вину за прекращение поставок газа в Европу между Россией и Украиной, хотя газовый вентиль был перекрыт по инициативе страны-транзитера? Почему, наконец, современные американские политики делают себе имя на утверждениях о необходимости «присматривать за Россией»? Все дело в пресловутом имидже, который делит сегодняшний мир не на правых и виноватых, а на располагающих к лояльному отношению и откровенно раздражающих.

Тотальное недоверие Запада к современной России – безусловно, наследие советской системы, отклик из тех времен, когда Советский Союз претендовал на статус мировой сверхдержавы, обладающей ядерным оружием, но при этом оставался государством, попирающим права и свободы своих граждан. Но дело не только в тоталитарном прошлом, хотя от него никуда не деться, но и в настоящем России.

Если понимать под *имиджем* сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа, сильно эмоционально ок-

* **Юлия Владимировна Архипова** – доцент кафедры связей с общественностью ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

рашенный образ чего-либо или кого-либо¹, то можно предположить, что в восприятии современной России у западной аудитории доминируют стереотипы. Они представляют собой упрощенные устойчивые психические образы, основанные на обобщении личного опыта, предвзятых представлениях, стремлении быстро понять смысл и сущность явления. Борьба со стереотипами бесполезно и бессмысленно. Люди меняют свое мнение, когда взамен одних устойчивых представлений им предлагают другие, не менее устойчивые. Без этого никто не желает расставаться с привычной точкой зрения. И в этом кроется еще одна причина устойчивости негативного имиджа России, которая не смогла предложить Западу новых стереотипов-ключей к ее пониманию, кроме идеи «суверенной демократии», которая все еще больше запутала. По мнению зарубежных аналитиков, Россия не сильно изменилась, а после ельцинских демократических реформ имел место откат назад. Поэтому в толковании новой России западные СМИ по-прежнему обходятся старыми определениями – тоталитарная, несвободная, агрессивная, непредсказуемая. Россия же, не найдя понимания, прибегает к старому, проверенному средству – демонстрации военной мощи.

Такая позиция если не оправдана, то, во всяком случае, понятна. Попытка построения новых отношений с Западом не принесла желаемых результатов, а стремление решить российско-грузинский конфликт путем мирного урегулирования осталось не оцененной как грузинской стороной, так и всей западной общественностью. Убедившись в справедливости старой истины, что ее единственными союзниками по-прежнему остаются армия и флот, – Россия развернула совместные с Венесуэлой военные учения у берегов Американского континента.

Рассуждая о причинах устойчивости негативного имиджа России, Михаил Леонтьев еще в октябре 2004 года в рамках «круглого стола», инициированного агентством РИА-Новости, отмечал, что корень проблемы следует искать даже не в советской эпохе, а в значительно более раннем периоде истории: «Лексика и идеология отношения к России как к стране, не менялись с того времени, как Россией заинтересовалась Британия, а это произошло в начале XIX века». Базовые стереотипы о России как об огромной стране, населенной дикими азиатскими ордами казаков и калмыков и управляемой царем-деспотом, сформировались еще в период Наполеоновских войн. Уже тогда Россия изображалась как страна, склонная к военной экспансии, которую в интересах цивилизованного мира следует ослабить любыми способами. В связи с этим,

¹ См.: Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г. Психологические основы «Пабллик рилейшнз». СПб., 2003. С. 36.

по мнению М. Леонтьева, в последней трети XIX века были сформированы основные принципы «черкесской идеи»: поддерживать борьбу горцев против России, поощрять кавказский сепаратизм, чтобы отвлечь ее внимание от европейских проблем. Журналист выразил уверенность, что между позицией Великобритании во время Кавказской войны и риторикой Запада в отношении чеченского конфликта «есть некоторая преемственность», а США в этом вопросе выступает продолжателем антироссийской линии Британской империи².

Другую причину проблемы указал главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов: все дело в коммуникационной политике России, основанной на практике секретности даже в самых невинных делах. «Если вы хотите, чтобы о вас ходили неприятные для вас слухи, продолжайте скрывать информацию»³. Соответственно, чтобы слухи пресечь, необходимо обеспечить всем желающим свободный доступ к информации.

Легко сказать – труднее сделать. Современная Россия, как бы к этому ни относились на Западе и внутри страны, – правопреемница Советского Союза и наследница Российской империи. Забыть об этом невозможно, даже если очень хочется. Кроме того, отказ от прошлого не самый хороший способ улучшения имиджа. А в прошлом советские и российские граждане жили по принципу «как бы не сказать чего лишнего», а то «как бы чего не вышло». Закрытость и недоверчивость вошли в национальный фольклор и литературу, став характеристиками российской ментальности. Сегодня же, в условиях глобализации и мировой интеграции, Россия существенно отстает от стран Запада в умении грамотно выстраивать коммуникационную стратегию. Но обстоятельства все более подталкивают ее к осознанию необходимости тесного информационного сотрудничества с другими странами.

Современная Россия, безусловно, лучше, чем ее имидж. Но чтобы донести эту мысль до всего мира, нужно культивировать ее внутри страны. Лучшее средство сделать имидж страны, государства достоверным и непротиворечивым – это идти от внутреннего имиджа к внешнему. Российские граждане активно транслируют свое собственное восприятие государства во внешнеполитическое пространство, поэтому формирование внутреннего позитивного имиджа страны – один из важнейших факторов создания ее благоприятного внешнего имиджа. И поскольку частные российские компании существенно повлиять на внешний образ

² Материал взят с сайта «МиК: Маркетинг и Консалтинг, информационно-аналитическое агентство» <http://www.iamik.ru>.

³ См.: Там же.

страны пока не в состоянии, то заниматься вопросами имиджа нужно не европейским и американским PR-агентствам, а российской власти.

При всем многообразии составляющих образа современной России между ними должна быть тесная связь и взаимодействие. Это возможно при доминировании двух тем: «Россия как субъект межгосударственных отношений» и «Россия как государство для своих граждан». В этом случае взаимообусловленность внешнего и внутреннего имиджей страны будет связующим фактором, обеспечивающим целостность и динамичность всего образа.

Развитие темы «Россия как государство для своих граждан» невозможно без решения ряда крупнейших проблем: своевременный выход из кризиса, укрепление национальной валюты, снижение уровня инфляции, борьба с коррупцией и произволом чиновников, корректировка национальной политики, улучшение качества жизни, поднятие престижа образования и науки и т. д. Что касается «России как субъекта межгосударственных отношений», то в этом вопросе скорее следует отказаться от западных стандартов, перестать конструировать образ России как «одного из субъектов» внешней политики, а найти идею, которая смогла бы подчеркнуть уникальность российского мироощущения и миропонимания, которая совпала бы с феноменом «загадочной русской души». По сути, эта идея лежит на поверхности и обусловлена географическим положением страны. Понимание России как «буфера» между Западом и Востоком еще в начале прошлого века поставило вопрос о ее историческом предназначении, о ее особой миссии. В условиях современного межцивилизационного противостояния у нее есть уникальная возможность выступить в роли вдумчивого авторитетного посредника – «третейского судьи», разводящего острые моменты конфликта цивилизационных культур и показывающего на своей территории пример относительно эффективного разрешения этого конфликта.

Для России это отличный шанс улучшить свой имидж, предложив Западу и Востоку новую доктрину выживания всех ведущих цивилизаций, реалистичную стратегию построения более безопасного культурно-экономического миропорядка. Уровень угроз стабильности в мире от «восточного» международного терроризма и от «западной» международной антитеррористической деятельности объективно будет нарастать до тех пор, пока в этот диалог глухих не вмешается посредник, красиво и тактично подающий мировой элите новые идеи. Благо, первые шаги в этом направлении уже сделаны – единогласно принятая в конце сентября 2008 года Советом Безопасности ООН резолюция по Ирану, не содержащая угроз новых санкций, была предложена именно Россией. Последовательные и хорошо продуманные действия в этой сфере обязательно дадут положительные результаты.

А. В. Вдовин*

Урал театральный: PR будущего

Формирование PR-стратегий, определение целей и постановка задач PR-деятельности, выбор форм и методов реализации идей – вот самые важные проблемы, стоящие перед гуманитарным сообществом региона. Самим временем и местом Уралу – границе между Европой и Азией – отведена сегодня особая роль. Слова об «опорном крае державы» из красивой поэтической метафоры приобрели черты суровой реальности, которая налагает на нас, обитателей этого самого «опорного края», особую ответственность.

Результаты деятельности Свердловского отделения Союза театральных деятелей России (СТД), уроки, которые мы извлекли и выводы, которые мы сделали, дают нам право интерполировать наш опыт шире, выйти за рамки узкопрофессиональных проблем.

Для нас вызов времени заключался не только в том, что общественная организация как проводник господствующей идеологии в массы лишилась «социального заказа» и собственно заказчика, кризис, последствия которого не преодолены до сих пор, случился в информационном пространстве. Более того, масштабы бедствия до сих пор адекватно не оценены. И, как следствие, кризис не только не пройден, он даже не всеми по-настоящему осознан.

Раньше информация была полноценным товаром, а сегодня информация становится достоянием всех и каждого, едва ли не в самый момент актуализации. Мы каждый день на практике сталкиваемся с тем, о чем давно уже говорят исследователи: вертикальная иерархия, на которой раньше основывались отношения в информационном пространстве, где были «заказчик» (власть, потом – бизнес), «исполнитель» (средства массовой информации) и конечный потребитель, читатель, общество – ныне практически разрушена. На первый план выходят социальные сети, в которых каждый становится и производителем, и потребителем информации.

Организованная структура, осознающая себя таковой – неважно, будь то общественная организация, корпорация, власть – вынуждена либо становиться частью горизонтального информа-

* **Алексей Валерьевич Вдовин** – руководитель информационно-издательского отдела Свердловского отделения Союза театральных деятелей России (г. Екатеринбург).

ционного мира и, таким образом, играть по общим правилам, либо выстраивать собственную вертикаль, задавая «повестку дня» и генерируя вокруг себя собственное информационное поле.

Когда три года назад, на отчетно-выборной конференции Свердловского отделения СТД собравшимся был задан вопрос: «У кого из них есть Устав Союза?» – *ни один* из полутора сотен членов организации, основанной на индивидуальном членстве, не ответил положительно. Что говорить о том, что среди широкой публики загадочная аббревиатура «СТД» не вызывала на тот момент никаких эмоций.

Перед нами на тот момент стояли две задачи: идентифицировать организацию в широкой общественной среде и найти для этого адекватные носители информации.

Прежде всего, мы разработали, и с тех пор жестко ему следуем, визуальный стиль, ориентированный на стиль, принятый в центральном аппарате Союза. Тем самым мы подчеркнули свою принадлежность к всероссийской организации. И в коммуникациях позиционируем организацию как старейшую (нам 130 лет), крупнейшую (75 региональных отделений) и влиятельную.

Мы поддерживаем постоянные и, что важно, персонифицированные коммуникации с журналистами, во многом основанные на сложившихся личных отношениях, вводим неформальные традиции общения (пресс-завтрак с пирогами, личные благодарности за публикации, постоянный пропуск на все творческие программы). Мы возродили конкурс им. Когана (с материально выраженной премией), переориентировав его от театральной критики к театральной журналистике – области более широкой и более значимой для нас.

Три года мы поддерживаем частный журнал для зрителей «Театральный сезон», публикуя на его страницах информацию о жизни организации и включая его в наши многочисленные рассылки. Мы учредили и выпускаем собственное издание – «Вестник «8 Марта, 8. Дом актера», который рассылается всем членам организации и, что самое главное – во все органы государственной власти области, имеющие отношение к культуре.

Однако одного этого было бы недостаточно для реализации наших целей. И здесь нам на помощь пришла практика политических консультантов, выработавших и успешно опробовавших так называемый «кризисный» пиар. Под этим термином понимается не пиар в условиях кризиса, а генерация кризиса, управление им и достижение необходимого результата.

Приведу несколько примеров наших успешных акций.

В конце 2006 года к нам обратились за помощью представители Первоуральского театра драмы «Вариант». Финансирование капитального ремонта их театра было приостановлено, здание

хотели передать другому собственнику. Власти города задавались вопросом: а нужен ли театр в Первоуральске вообще?

Мы начали массированную информационную кампанию под условным лозунгом «Спасем театр!». Итогом работы спустя полгода стало заседание коллегии Министерства культуры Свердловской области, которое проходило непосредственно в Первоуральске и было посвящено проблемам театров малых городов. Материалы коллегии целиком готовились работниками Отделения и привлеченными специалистами. Ее выводы были однозначны: театр городу нужен. Финансирование капитального ремонта было продолжено.

Одним из самых ярких эпизодов нашей работы на информационном поле стал имущественный конфликт вокруг Дома актера. Процесс длился восемь месяцев – максимально возможный срок – за время которого мы использовали малейший информационный повод для отстаивания своей позиции: сбор подписей под обращением к Губернатору, привлечение внимания общественности к конфликту вокруг Центрального Дома актера в Москве, распространение выступления будущего президента России по этому поводу на одной из пресс-конференций. Итог известен – Правительство Свердловской области готовит документы о передаче здания нашему Отделению в безвозмездное пользование.

Успехом мы, прежде всего, обязаны нашей активности в Интернет-пространстве (имеем в виду созданный и поддерживаемый нами Официальный театральный портал Свердловской области domaktera.ru, несколько блогов в LiveJournal и социальную сеть «ВКонтакте»). Последние я упоминаю не случайно – именно блоги и социальные сети на сегодня стали самым эффективным инструментом продвижения, поскольку они обладают высокой степенью доверия среди пользователей и являются идеальной средой для стремительного распространения медиа-вирусов).

Вот лишь несколько примеров успешной деятельности Свердловского отделения СТД в Интернет-пространстве: акция по сбору подписей «Защитим Дом актера вместе!» (информация о которой распространилась за несколько дней по всей России исключительно в блогах и социальных сетях); ряд творческих мероприятий Дома актера, которые рекламируются исключительно в сети.

Теперь посмотрим, что происходит вокруг нас. С одной стороны, эксперты говорят о необходимости и крайней актуальности маркетинга территорий на Урале и, соответственно, их пиара как наиболее эффективного инструмента продвижения. Урал должен стать местом, где комфортно жить и работать, но, прежде всего, у него должна сложиться репутация того места, где эта потребность может быть реализована. В Свердловской области с этим дела пока обстоят крайне плохо. Вот главный «официальный пиарщик»

Свердловской области, руководитель департамента информации губернатора господин Дубичев заявляет: «Свердловской области не нужен пиар». Те инициативы, которые предпринимаются в информационном поле, чтобы сломить стереотип восприятия Свердловска, как места, где расстреляли батюшку-царя, пока тоже выглядят достаточно сомнительными. Нам предлагают воспринимать Екатеринбург как город, где родился Ельцин, как город, где во время войны якобы прятали Левитана, вещавшего из подвалов радиокомитета на всю страну – но эти пиар-стратегии паразитируют на прошлом, на мифах прошлого и ничего не дают нашему будущему. Примером позитивной стратегии могло бы стать представление Екатеринбурга как центра развития современной драматургии России (Коляда) или оплота успешной борьбы с наркоманией («Город без наркотиков»). Однако при отсутствии внятной поддержки, такие стратегии остаются маргинальными.

Мы считаем, что театр и культура могут и должны стать доминантой продвижения нашего региона в будущее. За примерами того, что этот аспект активно и успешно используется в пиар-практике регионов, далеко ходить не надо. Театральная Тюмень успешно обменивается с нами режиссерами и умело использует это в своих целях. Михаил Заец, один из самых модных на сегодня молодых режиссеров, воспринимается именно как тюменский режиссер, хотя много работает в Екатеринбурге. Председатель нашего Отделения Владимир Мишарин получил предложение возглавить Министерство культуры Перми, но отказался, предпочтя высокое кресло работе в общественной организации Свердловской области. Никто кроме нас не рассказал общественности об этом. Бездействие в информационной сфере привело к тому, что область фактически потеряла один из знаковых в масштабе России театральных фестивалей «Реальный театр» – в Новгороде, например, он в первый же год получил в десятки раз превосходящий бюджет и, вполне естественно, постепенно туда мигрирует. Ирбитский фестиваль «Театральные подмостки», который вот уже в четвертый раз пройдет в этом году, давно мог бы стать центром провинциальной театральной жизни России. Имеет мощнейший потенциал и Международный фестиваль любительских театров в городе Заречном.

Мы готовы предложить всем заинтересованным в построении действенной информационной вертикали (власти, бизнесу, гуманитарному сообществу) конкретные идеи и конкретные проекты, способные сформировать новый имидж Урала, «опорного края державы», места, где сосредоточена не только технологическая и производственная мощь новой России, но и заложен культурный потенциал, который только и способен сделать жизнь в этом суровом крае комфортной, привлекательной и устремленной в будущее.

*Г. Г. Гилев**

Роль рекламы в процессе инкультурации современного общества

Инкультурация – процесс усвоения традиций, обычаев, ценностей и норм родной культуры; изучение и передача культуры от одного поколения к другому. Конечный результат инкультурации – интеллигент, а не личность, как при социализации. Интеллигент – совокупность приобретенных культурных норм [См.: 5]. Термин введен известным американским культурным антропологом Меллвиллом Херсковичем в работе «Человек и его работа. Наука культурной антропологии» (1948). Приблизительно в то же время Клакхон ввел аналогичный по смыслу термин «культурализация», так как существовавший к тому времени термин «социализация» не охватывал процессов усвоения когнитивных аспектов культуры (знаний, верований, ценностей и т. п.). Инкультурация обозначала и процесс приобщения к культуре, и результат этого процесса. В узком смысле инкультурация обозначает усвоение культурных норм и ценностей ребенком; в широком смысле инкультурация понимается как процесс, не ограничивающийся периодом раннего детства и включающий в себя процессы усвоения культурных паттернов взрослым индивидом. Понятие инкультурация подверглось критике ввиду неопределенности его значения; кроме того, оно дублировало гораздо более широко использовавшийся термин «социализация», а его происхождение было напрямую связано с не вполне правомерной попыткой противопоставления общества и культуры. В зарубежной литературе до сих пор не проведено четких разграничений сходных по смыслу понятий инкультурации и социализации. Понятие инкультурации не получило широкого распространения и использовалось преимущественно в американской антропологии. Понятие «инкультурация» – ключевое для М. Херсковица в его построениях целостной культурно-антропологической концепции. Именно в процессе вхождения в культуру проявляются механизмы воспроизводства этнокультурных общностей и возможности изменения того или иного общества (культуры). Усвоение деятельности, поведенческой стороны культуры, а также различных аспектов духовной культуры при инкультурации М. Херс-

* *Георгий Георгиевич Гилев* – аспирант Академии маркетинга и социально-информационных технологий (г. Краснодар).

ковиц считал основным звеном своей концепции. На протяжении всей жизни человек проходит определенные фазы, которые называют стадиями жизненного цикла. Это – детство, юность, зрелость и старость. На каждой стадии жизненного цикла процесс инкультурации характеризуется своими результатами и достижениями. В зависимости от этих достижений обычно выделяют две основные стадии инкультурации – начальную (первичную), охватывающую периоды детства и юности, и взрослую (вторичную), охватывающую два других периода.

Рассматривая массовую коммуникацию как деятельность газет, радио и телевидения по отражению окружающего мира, созданию моделей социальной действительности в комплексе с деятельностью читателей, слушателей, зрителей по восприятию этих моделей, нужно отметить, что реализация социально-стратегических целей осуществляется коммуникатором посредством моделирования социальной действительности в сообщениях СМИ через характеристики их содержания. Печать, радио и телевидение представляют собой своеобразный треугольник СМИ. Каждое из средств обладает рядом особенностей, проявляющихся в характере и способах донесения информации до аудитории, и играет определенную роль в процессе инкультурации [См.: 2]. Но при наличии специфических свойств печать, радио и телевидение имеют нечто общее – это способность донести до массовой аудитории более или менее оперативно словесно понятную и эмоционально-образную информацию. Человек испытывает потребность в информации, получении новых знаний, а это как раз соотносится с процессом инкультурации. В современном мире СМИ стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на сознание человека.

Массовое сознание – термин, используемый в социальной философии для обозначения шаблонного, деперсонализованного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующегося под массивным воздействием СМИ и стереотипов массовой культуры, а также для обозначения одной из форм дотеоретического миропонимания, основанной на сходном жизненном опыте людей, включенных в однотипные структуры практической деятельности и занимающих одинаковое место в социальной жизни общества.

При этом массовое сознание не только организует интересующий предметно-практический опыт, создавая и транслируя наиболее характерные образцы дотеоретического миропонимания, но служит, также одним из факторов культурной динамики. Распад привычной системы ценностей порождает стихийный поиск новых путей адаптации к динамично меняющейся социальной реальности.

Естественным основанием подобного поиска становится массовое сознание, оперирующее в ходе становления очередной общекультурной мировоззренческой парадигмы всем набором присущих ему альтернативных способов освоения мира. Таким образом, формирование любой культурной инновации предполагает соотнесение осмысленного теоретического поиска профессионалов со стихийно складывающимися ориентациями массового сознания. Изменение системы идейных, общественных и политических установок может быть связано с формированием и усилением новых установок, а иногда с ослаблением уже существующих. Изменение установок зависит от всех уровней передачи, но главным образом от мыслительных процессов, эмоциональной оценки и закрепления в памяти содержания информации. Г. Олпорт, один из представителей концепции установки, определяет ее как «умственное и нервное состояние готовности, возникшее на основании опыта и оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение человека, которое возникает как реакция на все явления и примеры, входящие в сферу его жизнедеятельности». Предметом установок может быть все, что имеет или имело (в историческом смысле) какое-либо значение для удовлетворения человеческих потребностей. В зависимости от содержания, качества и направления этого воздействия образуются определенные группы установок. Основными, доминирующими в сознании человека являются идеологические установки, связанные с разделяемой им идеологией. Существует мнение, что идеология образует систему установок и убеждений, отличительным свойством которой является то, что она образует основу и цель деятельности и общественных классов, национальных или каких-либо иных общественных групп и политических движений. Неидеологическими в этом смысле являются только факторы, либо вообще не влияющие на человеческую общественную практику, либо влияющие на практику человечества в целом, а не на отдельные и (подчас) противостоящие общественные группы. Идеологические установки оказывают влияние на все другие группы установок. Вторая группа установок, формируемых СМИ и рекламой (социальной), – это политические установки, то есть установки, выражающие устойчивый тип поведения и отношения граждан к внутренней и внешней политике государства. Эти установки могут быть сведены в относительно однородную группу, хотя отношение подчинения идеологии и политики сохраняются. Третью группу установок составляют социальные установки, выражающие отношение личности к общественным нормам и стандартам, проявляющимся в практике социального поведения данного человека. На формирование общественных норм явное влияние оказывает идеология. Помимо основного отношения меж-

ду идеологией и обществом, социальные установки выражают также отношение между политикой и общественными отношениями, и позволяют назвать некоторые установки социально-политическими. Другие совокупности установок – патриотических, интернационалистических, мировоззренческих и т. п., – формируемые под влиянием политической пропаганды и содержащие в известном смысле элементы всех трех групп установок. Таким образом, патриотические установки, имеющие определенную идеологическую обусловленность, обычно являются следствием определенной политической ситуации.

Установки являются относительно устойчивой структурой психики человека. Носителями определенных установок являются конкретные люди, а не коллективы; люди со сходными установками объединяются в коллективы, которым присуще единство действий. Нет таких установок, которые не существовали бы в чем-либо конкретном сознании. Например, какая-либо мысль о каких-нибудь ситуациях или предметах не является установкой до тех пор, пока она не становится осознанным отношением определенных людей к этим ситуациям или предметам. Любые установки прежде всего являются психическими структурами. В сущности, эти структуры складываются из трех взаимосвязанных компонентов: познавательного, эмоционального и мотивационного. Изменение установок с помощью СМИ и рекламы является возможным. Но необходимо отметить, что естественное сопротивление изменению установок в некоторых случаях затруднительно, а порой и вовсе невозможно. Трудно сомневаться в истинности информации, которая исходит из компетентного источника. Если такая информация противоречит нашим взглядам, то происходит, как правило, изменение установок, но не снижение доверия к источнику [См.: 2]. Психологический механизм изменения установок рассматривается в современной социальной психологии в основном сквозь призму разновидностей теории гомеостаза установок. Основным допущением этой теории является то, что движущей силой изменения установок выступают негативные психические переживания, вызванные отсутствием равновесия между отдельными компонентами установок. Последнее происходит под влиянием изменения одного из компонентов установки, в результате вся система стремится обрести утраченное равновесие и вернуть соответствие между своими компонентами. Таким образом, возникает новая установка или изменяется устойчивость предшествующей. Склонность человека к изменению установок зависит также от структуры его личности и, в особенности, от подверженности убеждению, которая может привести в движение механизмы, нарушающие гомеостаз установок.

Массовые коммуникации представляет собой систему, состоящую из источника сообщений и их получателя, связанных между собой физическим каналом движения сообщений. Такими каналами являются: печать (газеты, журналы, брошюры, книги массовых изданий, листовки, плакаты); радио и телевидение – сеть широко-вещательных станций и аудиторий, имеющих радио – и телеприемные устройства; кино, обеспеченное постоянным притоком фильмов и сетью проекционных установок; звукозапись (система производства и распространения грампластинок, магнитофонных роликов или кассет); видеозапись [См.: 1]. Эффективность массовых коммуникаций определяется не только целями и задачами воздействия на читателей, слушателей, зрителей передаваемых сообщений, но и соответствием их содержания и формы постоянным и текущим информационным нуждам людей. Будучи мощным орудием идейно-политической борьбы, социального управления, регулирования отношений социальных групп и распространения культуры, массовые коммуникации стали важным элементом общественных отношений, оказывающим существенное влияние на ее содержание и формы, на своеобразие идеологической, политической и иной пропаганды, на передачу распоряжений власти, просвещение различного вида и назначения, коммерческую рекламу и развлечения, осуществляемые с помощью средств массовых коммуникаций.

Литература

1. *Гуревич П. С.* Бессознательное как фактор культурной динамики // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 45.
2. *Доценко Е. Л.* Психологические манипуляции. – М., 1997.
3. *Зазыкин В. Г.* Психология в рекламе. – М., 1992.
4. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995.
5. *Коломиец В. П.* Легитимация социальной стратификации средствами рекламы // Вестник Московского университета. – Сер. 18. – 1998. – № 1. – С. 67–71.

А. В. Дроздова*, И. С. Мошкина**

Использование социальных стереотипов в современной рекламной коммуникации

Эпоха глобализации характеризуется стремлением к унификации – единым образцам и стандартам в межкультурной коммуникации. Реклама, как одна из форм массовой коммуникации, старается привить обществу универсальные нормы и ценности, «попасть» в социальные стереотипы своей целевой аудитории. Поиск новых клиентов заставляет компании использовать такие маркетинговые ходы, которые способны затронуть интересы потребителей, подключая разные уровни семиотического воздействия.

Однако данный процесс сложен и противоречив, в каждой культуре есть свои особенности и стереотипы, которые носят ярко выраженный национально-культурный характер. Пренебрежение этими языковыми и ценностными детерминациями приводит к тому, что рекламное сообщение не воспринимается целевой аудиторией или понимается неверно. Поэтому трансляция посредством рекламы социальных стереотипов требует знания кросскультурных различий социумов.

В качестве примера рассмотрим опыт компании Dove, которая предложила новую рекламную кампанию за «истинную красоту» для западного и российского потребителя. Постулаты теории красоты Dove гласили, что «Dove видит красоту в несовершенствах и не поклоняется стереотипам», «красота Dove самоопределяема и демократична», Dove признает «не только внешнее, но и внутреннее», «глубина женщины – в характере, скрывающемся в ее глазах, в стойкости личности и жизненной силе». Для этого бренд Dove использовал в рекламе образы женщин с обычной, немодельной внешностью.

Однако для российского рынка данная рекламная кампания была предложена в адаптированном виде. Дело в том, что оригинальные образы европейской кампании были смягчены маркетологами Dove и российские потребители не увидели естественной красоты 96-летней модели, а также образы женщин нестандартной внешности.

Правильность выбранной маркетинговой стратегии для российского рынка подтвердило проведенное нами пилотажное исследование «Восприятие новых рекламных роликов бренда Dove», в результате которого были получены следующие результаты.

1. Новая концепция «естественной красоты» не понравилась участницам исследования, независимо от возраста россиянки не желают воспринимать себя такими, какие они есть, поэтому не хотят видеть по TV то, что, на их взгляд, не соответствует представлениям о красоте.

2. По мнению респондентов, образы, созданные бредом Dove, не только непонятны, но и вызывают негатив и даже сочувствие.

3. Для российской аудитории традиционный стереотип красоты «90-60-90», предложенный СМИ и рекламой, воспринимается как идеал и ориентир, которому необходимо соответствовать.

Результаты исследования подтвердили предположение, что русская аудитория не готова воспринять концепцию, заложенную в рекламном сообщении, и ее стереотипы и ценности в данном случае не совпадают с западными нормами. Поэтому рекламной кампании требуется адаптировать рекламный продукт и внести изменения в соответствии с существующими стереотипами и ценностями российской целевой аудитории.

Таким образом, процесс трансляции социальных стереотипов достаточно интересен в силу наличия в рекламной коммуникации культурного разнообразия и национальной специфики. В этой связи рекламная коммуникация должна опираться на социокультурные традиции каждой конкретной среды, как бы ни были хороши и успешны прежние стратегии, проявившие себя на других рынках. Поэтому для успешного продвижения бренда необходимо учитывать уже накопленные механизмы адаптации рекламы для российского рынка.

* Алла Владимировна Дроздова – канд. филос. наук, доцент, завкафедрой рекламы ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** Ирина Сергеевна Мошкина – студентка 3-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Феномен рекламы кино как социальной коммуникации

Еще на рубеже 1960–1970-х гг. профессор, основатель факультета киноведения ВГИК, Лебедев Н. А. указывал, что для определения закономерностей кинематографического процесса необходимо изучать все звенья его цепи: авторов фильмов – сами фильмы – прокат (плюс критика и реклама) – аудитория – социальный результат. При этом, он указывал на перекося киноведения в сторону изучения первых двух звеньев, при практически полном отрыве от исследования продвижения фильмов, самого зрителя и социального эффекта кинематографа [См.: 2].

В контексте последних тенденций развития российского кинематографа, таких как глобализация в сфере кинопроката, обострение конкуренции социального института кино с прочими элементами индустрии развлечений, проблемы, обозначенные Н. А. Лебедевым четыре десятилетия назад, актуализируются с новой силой. Отвечая требованиям времени, социология кино переходит к рассмотрению кинематографа в рамках гештальт-теории, исследуя, в частности, рекламу как неотъемлемую часть кинематографического процесса. С учетом классического определения рекламы У. Уэллса, реклама кино может пониматься как процесс, в котором группы специалистов в области производства рекламы кино в рамках медийных институтов, представляя, главным образом, интересы доминирующих социальных групп конкретного общества на конкретной фазе его исторического развития, с помощью технических и знаковых систем регулируют кинопосещение масс. Рассматривая коммуникацию как процесс направленной передачи информации между людьми с целью организации совместной деятельности социума, рекламу кино можно определить как социальную коммуникацию средствами продвижения кинопродукции.

При изучении феномена рекламы кино как социальной коммуникации представляется существенным ответить прежде всего на два вопроса: каков масштаб воздействия рекламы кино и каково содержание данной коммуникации?

* *Игорь Валерьевич Дьяченко* – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Разрешение вопроса масштаба воздействия рекламы кино возможно на основе сравнительного анализа сводных данных по объемам производственного и рекламного бюджетов, кассовым сборам самых успешных кинолент российского производства в 2008 г., отношению рекламного бюджета к производственным затратам.

Таблица
Доходы кассовых российских фильмов за 2008 г. [4]

№	Фильм	Общий сбор в \$ млн	Бюджет (производственный + рекламный) \$ млн	Доля рекламного бюджета от производственного, %
1	"Ирония судьбы. Продолжение"	48,83	5,0 + 4,5	90
2	"Адмирал"	32,87	16,0 + 7	44
3	"Самый лучший фильм"	28,39	5,0 + 5	100
4	"Гитлер, капут!"	9,48	3,0 + 2	66
5	"Илья Муромец и Соловей разбойник"	10,01	8,9 + 1	11
6	"Мы из будущего"	8,10	5,0 + 0,9	0,18
7	"Все могут короли"	7,53	3,5 + 2	57
8	"Стритрейсеры"	6,14	5 + 1	0,2
9	"День радио"	5,71	2,0 + 1	50
10	"Индиго"	4,58	2,5 + 1	40

Данная таблица позволяет сделать несколько выводов относительно значимости рекламной компании в современном кинематографическом процессе: во-первых, все кассовые ленты сопровождались большим объемом инвестиций в рекламную кампанию в абсолютном измерении (от 1 до 7 млн долларов). При среднем производственном бюджете российских фильмов в 1,5–2 млн долларов, это значит, что на рекламный проект затрачивается сумма, достаточная для производства полноценного фильма. Во-вторых, для самых кассовых фильмов, составляющих верхнюю половину приведенного выше списка, характерна также и высокая доля рекламных расходов относительно производственного бюджета, что говорит о сознательной расстановке приоритетов продюсеров в сторону маркетинговой составляющей кинопроекта. Стоит также отметить, что фильмы с наименьшей долей рекламного бюджета оказались коммерчески наименее успешны. «Илья Муромец и Соловей разбойник» и «Стритрейсеры», несмотря на попадание в перечень наиболее кассово успешных кинолент, на уровень самоокупаемости выйти не смогли.

Исследуя вопрос рекламы кино как социальной коммуникации, современная социология кино рассматривает кинематограф и рекламу как виды массовой коммуникации, но не по отдельности, а во взаимодействии и взаимопроникновении, в их интегральном воздействии на массовое сознание [См.: 3. С. 363]. Их гармоничное и органичное сочетание приводит к новому качеству социально-кинематографического процесса. Рассмотрение рекламы кино сквозь призму теории американских социологов П. Лазарсфельда и Р. Мертона, выделявших две функции и одну дисфункцию, позволяет выделить следующие аспекты функционирования рекламы кино [См.: 1. С. 122]:

1. Статусообразующая функция СМК. Суть функции, применительно к маркетингу кино, сводится к тому, что если информация о кинопродукции становится предметом сообщения в СМИ, то один этот факт уже придает кинопроизведению значимость, легитимизирует его статус. В свою очередь фильмы, находящиеся вне информационного поля масс-медиа выпадают из орбиты общественного внимания. Данная позиция подтверждается и результатами исследований, проведенных М. Маккоумзом и Д. Шоу в США в 1968 г., по результатам которых был сделан вывод о том, что СМИ определяют «повестку дня» аудитории.

2. Функция закрепления существующих социальных норм. Информация о кинопродукции, передаваемая посредством СМК, не только придает фильму определенный статус, но и призывает встать на сторону позиции, вещаемой в масс-медиа; в данном случае – посещения кинопоказа и признания художественной ценности кинопроизведения.

3. Дисфункция СМК – «наркотизирующая». П. Лазарсфельд и Р. Мертон имеют в виду под этой функцией подмену активного, осознанного восприятия человеком информации на апатичное и инертное повиновение массовым коммуникациям. В отношении рекламы кино это обозначает слепое следование аудитории конъюнктуре современного кинорынка, вместо критически-рационального и аналитического выбора репертуара. Крупномасштабная рекламная кампания отличается непрерывной массивированной подачей сообщений, ограничивающей возможность избирательного восприятия зрителя. Здесь следует также упомянуть об описанном Э. Ноэль-Нойманом механизме «спирали молчания», суть которого сводится к свойству большинства людей принимать доминирующую в обществе точку зрения, опасаясь оказаться в изоляции. В условиях отсутствия возможности выяснить реальный «климат мнений», по тем или иным причинам, ведущей становится позиция, транслируемая СМИ.

Данное положение позволяет сформулировать гипотезу о том, что естественная потребность в кинопродукции деформируется рекламным сообщением, предлагающим автономную от киноискусства картину социального мира. В итоге, публика не может рассматриваться как основной субъект социального заказа кинематографа. Между тем, отрыв процесса производства рекламы кино от самой кинопродукции вкупе с результатами «изучения восприятия» сегодня позволяет утверждать, что в конкретных обстоятельствах может проявиться значительная разница между смыслом, заложенным в сообщение автором кинопроизведения, его создателем и тем смыслом, который извлекает из него аудитория.

Содержащаяся в фильме художественная информация кодируется с помощью профессионального языка. Но декодирует при этом знаковую систему фильма – любитель. Возникающее априори противоречие усугубляется при этом появлением нового субъекта – рекламой кино, авторство которой, согласно сложившимся традициям кинопроизводства, принадлежит вовсе не автору фильма, а специалистам из области маркетинга кинопродукции. При этом последствия социокультурного характера, возникающие в результате воздействия рекламы кино, носят латентный характер, то есть они не входили в намерения и не были осознаны самими авторами.

Литература

1. Кино: реалии и вызовы глобализации / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. – М., 2002.
2. Лебедев Н. Внимание: кинематограф! – М.: Искусство, 1974.
3. Полюса кинопроцесса: притяжение и отталкивание / Федеральное агентство по культуре и кинематографии; НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. – М., 2006.
4. <http://www.profcinema.ru/distribution/analyses/>

Гомогенизация культур в рекламном дискурсе: формирование единого общества потребления

Развитие рекламного бизнеса в России движется ускоренными темпами. Такой темп стал возможен благодаря богатейшему опыту, накопленному мировыми рекламодателями, современным технологиям организации, создания и управления рекламой. Вступив в мировое рекламное пространство, российская реклама за последние 15 лет прошла исторический путь, равный столетию развития рекламы на Западе [См.: 5. С. 72]. И сейчас жизнь современного общества невозможно представить без рекламы. Реклама принадлежит к числу тех отраслей деятельности, ключ к пониманию которых находится в человеческой истории. Исторически реклама обусловлена потребностью общества в закреплении и передаче совокупного духовного опыта. Она зародилась как средство, способствующее интеграции коллективных сообществ, как средство поведения [См.: 6. С. 32–34]. К концу двадцатого столетия реклама стала яркой, динамичной, быстро трансформирующейся во все сферы человеческой деятельности. Она весьма агрессивно инкорпорируется в культурные модели разных стран, влияя на систему морально-этических норм и ценностей. Значение рекламы возрастает во всех областях экономики и общественной жизни. Основная реклама в СМИ – это потребительская реклама, нацеленная на конечного пользователя товара и услуги – на простых граждан.

Реклама предлагает решать любые проблемы путем потребления. Это могут быть проблемы социального характера, например, приобретение социального авторитета. Примеров достаточно много: напитки, духи, дезодоранты и жевательные резинки решают проблемы знакомства и социального взаимодействия; сотовая связь и одежда помогают достичь успеха как в личном, так и в профессиональном планах.

* *Елена Сергеевна Егорова* – ст. преподаватель кафедры судебной риторики и профессиональной коммуникации Саратовского юридического ин-та адвокатуры (г. Саратов).

Схема рекламы такова – потребление является успехом во всех видах человеческой деятельности. Кем вы бы ни были на самом деле, выразить себя вы можете только через потребление. Общественную роль рекламы трудно переоценить. Каждодневно и массированно реклама воздействует на большинство населения. Это в свою очередь влияет на покупательские предпочтения, а также входит в социальную среду, которая участвует в становлении определенных стандартов мышления и социального поведения различных слоев населения в каждой стране и во всем мире.

А. Дейян, известный французский специалист по теории рекламы, подчеркивает, что реклама – один из видов передачи информации о торговле, который информирует аудиторию о наличии товара, габаритах, цене и т. д. и т. п. Для этого реклама «представляет человеку его собственный образ, отвечающий его чаяниям и ожиданиям. Эти последние являются функцией социокультурной среды и поэтому определяющими: на них-то в первую очередь и должна ориентироваться реклама» [4. С. 6–7].

Интересны по этому поводу мысли Р. Барта: «Любая реклама называет товар (это его коннотация), но рассказывает она о чем-то ином (это его деннотация); оттого ее приходится включать в число основных продуктов психического питания, какими служат для нас литература, зрелище, кино, спорт, пресса, мода. Касаясь товара языком рекламы, люди придают ему осмысленность, тем самым, превращая простое пользование им в духовный опыт» [2. С. 415].

Виртуализируя мир потребителя, рекламные сообщения выстраивают для него сетку социальных координат, но при этом аудитория должна получить рекламное сообщение по тому или иному каналу. И этими каналами являются СМИ.

В рамках постмодернистских концепций широко изучается роль СМИ в создании симуляций. По мнению Ж. Бодрийера, «мир СМИ» функционирует так же, как и мир вещей. «Сегодня вещь уже не функциональна в традиционном смысле слова... Она больше не имеет ничего общего с былыми вещами, так же, как и информация масс-медиа – с «реальностью» фактов. В обоих случаях вещи и информация уже являются результатом отбора, монтажа, съемки, они уже «протестировали» реальность, задавая ей лишь те вопросы, которые им «соответствовали»; они разложили реальность на простые элементы, а затем заново сложили их вместе по сценариям... точно так же, как фотограф накладывает на сюжет свои контрасты, световые эффекты и ракурсы... точно так же, как тест и референдум преобразуют любой конфликт или проблему в игру вопросов/ответов... Уже самый факт того, что сегодня все предстает в виде набора или гаммы решений – уже сам этот факт вас тестирует,

заставляет совершить отбор. Тем самым наш способ обращения с миром в целом сближается с чтением, с селективной расшифровкой – мы живем не столько как пользователи, сколько как читатели и отбиратели, как считающие элементы» [3. С. 136].

Доверие к рекламной информации во многих культурах может быть достигнуто при помощи использования мнений и заключений разных экспертов: врачей, ученых, которые владеют профессиональной информацией.

Рассмотрим несколько примеров рекламных роликов. К примеру, реклама зубной пасты Blend-a-Med представляет потребителю информацию о потребительских свойствах (приятна на вкус), и о том, чем данная паста отличается от других паст. Посмотрев этот рекламный ролик, потребители приходят к мысли о том, что белые зубы – норма для данного социума, а желтые – ее нарушение, и что от внешнего вида зубов зависит легкость контактов с людьми, и эти контакты очень важны для успеха в личной жизни и в делах. Из этого следует сделать вывод, что иметь желтые зубы означает нарушать норму, а это значит подвергнуть свои жизненные шансы риску. И, конечно же, лучше купить эту пасту, а не рисковать. Из приведенного примера можно сделать вывод, что реклама с привлечением экспертов более эффективна, чем реклама, которая сообщает мнение домохозяйки (например, реклама стирального порошка Tide, когда российских телезрителей «терроризирует» мужчина, который «идет к вам, если вы не в белом»).

Другой пример – рекламный ролик сотовой кампании BeLine. Для того чтобы хорошо устроиться в жизни, идти в ногу со временем, иметь хороших друзей, партнеров, семью нужно жить в «стране под названием BeLine». Все должно быть в желто-черном цвете. А если ты не в стиле BeLine, то можешь оказаться изгоем. Действие такой рекламы реализуется через воздействие на психологию человека.

Использование иностранного языка в рекламных сообщениях стало с некоторых пор новым приемом. Часть русского слова пишется латинскими буквами, тем самым выделяется название рекламируемого товара: «С MEXX всегда **MEXX**мальный успех!» (телевизионная реклама магазина одежды MEXX). Или: «БЕСКО-НЕЧНОЕ УДОВОЛВОСТВОИЕ» (Volvo название марки машины + слово «удовольствие»).

Для того чтобы осуществить межкультурную коммуникацию при помощи вышеописанного приема, реципиент должен, по меньшей мере, обладать элементарными знаниями латиницы, чтобы понять текст рекламного сообщения. Однако подобные рекламные слоганы рассчитаны, в основном, на молодое поколение, которое с детства приучено к иноязычным текстам на плакатах, вывесках,

в СМИ, поэтому прием достигает желаемого успеха. Также следует отметить, что иноязычные вкрапления играют в рекламе роль экспрессивного средства, используемого с целью привлечения внимания потребителя.

Анализируя поток рекламы, мы убеждаемся в том, что рекламные сообщения, разработанные представителями западных агентств несут в себе ценности, характерные для индивидуалистических культур, что снижает эффективность их воздействия на русскоязычную аудиторию рекламы. Каждый рекламный ролик должен учитывать специфику менталитета населения, где его преподносят [См.: 1].

В заключении следует подчеркнуть, что реклама – это мощное средство воздействия на общественное мнение, поскольку рекламный процесс охватывает все страны мира, являясь практически ведущим элементом современной культуры. Реклама успешно манипулирует общественным сознанием, через свои образы и концепты влияя на стиль потребления и ментальный компонент культуры.

Литература

1. *Авсеенко Н. А.* Межкультурный аспект современной наружной рекламы. – [Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_projects/rca-konf-2004/section4.shtml].
2. *Барт Р.* Рекламное сообщение // Система моды: Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 1995.
4. *Дейян А.* Реклама. – М.: Прогресс: Универс, 1993.
5. *Поляков А. А.* Анализ становления мирового рекламного рынка и рекламы в России // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 2(52).
6. *Чаган Н. Г.* Реклама в социокультурном пространстве: традиции и современность // Маркетинг в России и за рубежом. – 2002. – № 2.

Бренд как совокупность ментальных связей

Бренд – это отношение потребителей к продукту, которое формируется на основе внутренних предпочтений и внешних воздействий.

Бренд можно определить как совокупность ментальных связей потребителей с продуктом, его качествами и свойствами. «Торговая марка становится брэндом, – отмечает Илья Ланкевич (замдиректора департамента, «РОСНО», Москва), – когда потребители ассоциируют ее с набором осязаемых и неосязаемых преимуществ – бренд существует единственно в голове потребителя, мы только пытаемся влиять как-то на это представление». Превращение торговой марки в бренд происходит в тот момент, когда объективное восприятие ценностей продукта и торговой марки дополняется или же полностью замещается устойчивым личным отношением к ним.

Х. Прингл и М. Томпсон в своей книге «Энергия торговой марки» (*Hamish Pringle and Marjorie Thompson. Brand Spirit: How cause related marketing builds brands*; русское издание – СПб.: Питер, 2003, пер. с англ. под ред. И. В. Крылова) пишут о трех волнах в брендинге.

Первая волна, захлестнувшая западное общество в ранние послевоенные годы – рациональная; основной способ воздействия – «голые факты», организованные по принципу «покажи и расскажи».

Вторая волна – эмоциональная. Она началась в шестидесятые годы, когда к рекламному бизнесу все чаще стали привлекаться психологи-бихевиористы. Создатели бренда стали стремиться к глубокому пониманию поведения потребителей, хотели знать более точные демографические и психографические характеристики целевой аудитории, понимать ее стиль жизни.

Восьмидесятые – девяностые годы двадцатого века Х. Прингл и М. Томпсон связывают с расцветом третьей волны в брендинге и коммуникациях. Ее основной признак – появление у торговых марок «духовного измерения», апелляция к нравственным ценностям. Основными каналами распространения новых способов соз-

* Людмила Сергеевна Елуфимова – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ф-та социологии Московского государственного социального ун-та (г. Москва).

дания бренда становится персонал компаний и деятельность отделов по связям с общественностью (Public Relations).

Все три волны в брендинге западного общества, как объясняют авторы, шли в строгом соответствии с иерархией потребностей Маслоу: по мере того, как потребители реализовали свои потребности к существованию и поднимались вверх по иерархической лестнице, им требовалось, чтобы и марки отражали их прогресс. «Сегодня, когда многие покупатели поднялись на уровень потребностей в самоуважении и самореализации, люди хотят, чтобы торговые марки, которые они покупают, тоже не отставали».

Отдельные признаки третьей волны в брендинге можно наблюдать и в современном российском обществе, в частности – увеличение доли социальной рекламы, усиление гуманистической составляющей public relations, всплески национального самосознания в оценках некоторых российских брендов, повышение социальной ответственности бизнеса.

В целом же вовлеченность россиян в брендинг, по выявленным социологами самооценкам потребителей, остается крайне низкой.

Несмотря на значительные темпы роста рекламных затрат в нашей стране и сравнительную дешевизну рекламных услуг на российском рынке, интенсивность «рекламного давления» на среднестатистического российского покупателя, как отмечает О. Савельева, однозначно меньше, чем в развитых странах.

Рекламные сообщения и институт рекламы в целом оценивается россиянами резко негативно. Опрос ВЦИОМ, который проводили с 1996 по 2000 год на репрезентативной выборке в 1660 человек показал стабильно низкий уровень доверия к рекламе: доля лиц, не доверяющих рекламе, больше доли доверяющих почти в десять раз. В апреле 2000 года ответили, что совсем не доверяют рекламе 32 %, в основном не доверяют – 30 %, отчасти доверяют, отчасти нет – 29 %, и только 5 % – в основном доверяют.

Аналогичные исследования выполнил РОМИР-мониторинг в сентябре 1999 и в конце лета 2003 года. За это время доля респондентов, выразивших ту или иную степень недоверия рекламе, снизилась с 80,4 % до 73 %, но тем не менее недоверие абсолютно доминировало. Реклама раздражает среднестатистического россиянина, реальной пользы он в ней не видит.

Причины слабой востребованности, неконкурентоспособности российских, в том числе региональных, брендов следует искать как в ментальных структурах россиян, так и в профессиональных компетенциях разработчиков брендов.

Специфика социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью в России

Исследование ситуации на рынке труда в качестве одного из основных факторов, определяющих стабильное развитие современного общества, имеет под собой серьезную основу, что подтверждается значительным интересом к данной проблеме как со стороны представителей научных кругов, так и политических деятелей.

Процесс социально-трудовой миграции PR-специалистов (специалистов в области связей с общественностью) напрямую связан с социальной мобильностью, ибо каждый мигрирующий специалист в области связей с общественностью, помимо изменения социального статуса внутри своей социально-профессиональной группы, стремится найти на новой профессиональной позиции лучшие социальные или экономические условия существования. С другой стороны, социально-трудовая миграция PR-специалистов проявляется как нормальный и естественный процесс лишь до определенных пределов. В случае, если количество мигрантов – специалистов в области связей с общественностью превышает некий уровень, имеющий определенное значение для каждого конкретного региона деятельности PR-специалистов, можно смело утверждать, что социально-профессиональная мобильность становится избыточной, и, таким образом, может рассматриваться как достаточно негативное общественное явление.

Социальная мобильность специалистов в области связей с общественностью на рынке труда выступает в виде процесса изменения постоянного места работы представителями данной социально-профессиональной группы, а основные пути трудовой миграции предстают как характеристика непосредственного перемещения PR-специалиста с одного рабочего места на другое.

С целью выявления особенностей процесса социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью в России в 2008 году в 49 городах 24-х областей, краев и республик

* *Михаил Юрьевич Корнеев* – преподаватель ф-та сервиса и рекламы Иркутского государственного ун-та (г. Иркутск).

Российской Федерации было проведено социологическое исследование «Динамика социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью». Предполагалось, что данная работа может выявить уровень интенсивности и основные направления социальной мобильности российских PR-специалистов, а также установить ценностно-мотивационный механизм изменения роли и места представителей данной профессии в социально-профессиональной структуре современного общества. Исследование было проведено путем анкетирования специалистов в области связей с общественностью в 42-х профильных PR-агентствах, 74-х средствах массовой информации, 216-ти департаментах по связям с общественностью коммерческих организаций и компаний, 82-х PR-департаментах государственных структур и ведомств, восьми высших учебных заведениях и 47-ми департаментах по связям с общественностью некоммерческих общественных организаций. Выборочная совокупность составила 1511 человек, из них 562 мужчины и 949 женщин; 219 докторов и кандидатов наук (14,5 %) и 1292 человека без степени (85,5 %); 71,7 % опрошенных в возрасте до 35 лет, 23,9 % респондентов в возрасте 36–45 лет и 4,4 % – в возрасте старше 46 лет.

Среди опрошенных 429 человек занимают административные должности от руководителя (заместителя руководителя) профильного PR-агентства, PR-департамента коммерческой или государственной организации до руководителя отдела агентства по связям с общественностью или PR-подразделения своей структуры. По принадлежности места работы в различных отраслях связей с общественностью респонденты распределяются следующим образом: профильные PR-агентства – 177 человек, PR-департаменты коммерческих организаций (компаний) – 506 человек, департаменты по связям с общественностью государственных организаций (ведомств) – 539 человек, департаменты по связям с общественностью некоммерческих общественных организаций – 59 человек, отделы по связям с общественностью средств массовой информации – 183 человека, высшие учебные заведения – 47 человек.

Согласно полученным данным, большинство опрошенных плодотворно занимаются профессиональной деятельностью в области связей с общественностью: 27,8 % респондентов профессионально работают в сфере PR от трех до пяти лет; 22,6 % имеют достаточно большой практический опыт – более пяти лет; 17,9 % – от двух до трех лет; 16,4 % – от года до двух лет. Лишь 15,3 % респондентов имеют профессиональный опыт работы в сфере PR менее одного года.

Таким образом, выборочная совокупность включает все социально-демографические и профессионально-квалификационные

группы респондентов, что в целом отражает социально-демографическую структуру российских специалистов в области связей с общественностью по состоянию к периоду исследования. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Результаты исследования демонстрируют, что в процессе своей профессиональной PR-деятельности большая часть респондентов (43,4 %) меняли место работы от одного до трех раз. Чаще это делали лишь 22,2 % опрошенных, причем 7,8 % PR-специалистов меняли свое место работы пять и более раз. Треть специалистов в области связей с общественностью (34,4 %) на момент опроса находилась там, где они и начали трудовую PR-деятельность. Также было выявлено, что мужчины гораздо более мобильны, чем женщины. Так, к примеру, 28,9 % мужчин указали на то, что они меняли место работы в процессе профессиональной деятельности в сфере связей с общественностью от одного до трех раз, в то время как среди представительниц женского пола таких оказалось 14,5 %.

Более половины российских специалистов в области связей с общественностью (52,3 %) оценивают текучесть кадров в своих организациях как небольшую. Стабильной ситуацией считают 45,1 % респондентов, и лишь 2,6 % опрошенных признают уровень миграции высоким.

С другой стороны, согласно результатам исследования, отечественные специалисты в области связей с общественностью долго не задерживаются на одном рабочем месте. Так, максимальный срок работы на одном месте значительной доли опрошенных (38,1 %) составляет от года до двух лет; менее года – 18,6 %; от двух до трех лет – 17,4 %; от трех до пяти лет – 16,9 %. Лишь 9 % респондентов демонстрируют постоянство своего места работы в сфере PR на протяжении пяти и более лет.

Таким образом, несмотря на то, что большинство опрошенных отметили достаточно низкий уровень миграции в своих организациях, максимальный срок работы более 70 % респондентов составляет 2 года. Данное обстоятельство говорит о высокой мобильности специалистов в области связей с общественностью в России, что объясняется достаточной молодостью профессии на отечественном рынке труда.

Любопытно проследить миграционные пути отечественных специалистов в области связей с общественностью. На момент проведения исследования из одного профильного PR-агентства в другое перешли 20,6 % респондентов; из департамента по связям с общественностью организации/ведомства в PR-департамент иной организации – 36,1 %; из департамента по связям с общест-

венностью организации/ведомства в профильное PR-агентство – 12,6 % и наоборот – 13,7 %.

Основными мотивами трудовой миграции отечественных PR-специалистов являются «более высокий уровень заработной платы на рабочем месте» (63,2 % респондентов) и «негативный психологический климат на рабочем месте» (21,5 % опрошенных). Иные мотивы – «отсутствие возможности для карьерного роста», «более престижное место работы», «возможности дополнительного обучения», «профессиональный поиск в разных направлениях PR» и «удобный график работы» – играют значительно меньшую роль.

Большинство российских специалистов в области связей с общественностью (41,6 %) не видят для себя перспектив на настоящем месте работы и, скорее, планируют сменить его, чем продолжать трудиться на нем далее. 33,1 % респондентов пока не задумывались над вопросом о смене места работы, и 25,3 % опрошенных полностью удовлетворены своим нынешним местом работы. В числе тех PR-специалистов, которые предполагают сменить нынешнее место работы, в основном преобладают сотрудники департаментов по связям с общественностью компаний и организаций.

Более половины российских специалистов в области связей с общественностью (52,4 % опрошенных) не желают строить свою профессиональную карьеру в какой-либо одной компании/ведомстве, а 30,1 % респондентов предпочитают именно данный вариант. Важно заметить, что PR-специалисты со стажем профессиональной деятельности свыше пяти лет менее склонны к трудовой миграции, чем их более молодые коллеги.

Таким образом, в настоящее время наблюдается тенденция к развитию связей с общественностью как отрасли современного отечественного рынка, что является значимым фактором в развитии государства в целом. Данный фактор-тенденция выражается, к примеру, в значительном увеличении количества рабочих мест специалистов в области связей с общественностью как в частном, так и в государственном секторах, желании самих PR-специалистов получить разнообразный профессиональный опыт, что подтверждается высоким уровнем мобильности отечественных PR-специалистов.

С. Е. Корчемкин*

Манипулятивные технологии PR в ходе проведения избирательных кампаний

В последние годы в России получило широкое распространение использование в ходе проведения избирательных кампаний разного уровня так называемых «технологий манипуляции», которые в профессиональной среде PR-специалистов носят название «черный PR».

Само слово «манипуляция» в современном мире обрело отрицательную окраску. В обществе на данном этапе развития остается актуальным вопрос: этично ли манипулировать информацией, совместимо ли манипулирование ею с понятием цивилизованной работы с ней? Процесс манипуляции может быть определен как недопустимый или неэтичный, если он направлен на прямой обман потребителей информации (использование заведомо ложных цифр и фактов), воздействие на подсознательные инстинкты (скрытые вставки в теле-, видео-, кино программах, компьютерных файлах), на оскорбление лиц или организаций, дискредитацию товаров или услуг. Конкретные ограничения на такого рода манипулирование зафиксированы в законах РФ «О рекламе» и «О средствах массовой информации». В «Современном словаре социологии» манипуляция трактуется как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которого он от них ждет».

Можно выделить несколько признаков этого вида воздействия.

1. Манипуляция – это вид духовного, психологического воздействия. Целью действий манипуляции являются психические структуры человеческой личности.

2. Манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции.

3. Манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Имеются профессионалы, владеющие специальными технологиями этого искусства.

4. К людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам.

* **Станислав Евгеньевич Корчемкин** – кан. филос. наук, доцент, зав. кафедрой связей с общественностью Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Таким образом, можно сделать вывод, что манипуляция – это специальное программирование мнений и устремлений людей, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно манипуляторам. Изучение и знание механизмов манипулятивных воздействий предоставляет «ключи» от многих дверей к воздействию и влиянию на большие массы людей. А в конкретной ситуации, учитывая ряд необходимых условий, можно добиться больших результатов воздействия. В данных случаях эксплуатируются инстинкты, стереотипы, архетипы, биоритмы человека и общественных процессов, механизмы восприятия информации. Если говорить о мотивации электорального поведения в ходе избирательных кампаний, то она может быть основана на следующих базовых разделах потребностей и рефлексов:

1. Потребность в вожде (отце) – потребность в реализации (социального) рефлекса субдоминирования (подчинения) и рефлекса следования за вождем.

2. Потребность в аффилизации – потребность реализовывать групповые (стадные) рефлексы (рефлекс групповой идентификации, коммуникативный рефлекс, рефлексы следования за группой, подражания, альтруизма). Сюда входит потребность быть членом группы, взаимодействовать с окружающими, оказывать помощь членам группы и принимать ее от них и т. д.

3. Потребность в рефлексах, основанных на стандартах поведения, традициях, привычках и штампах.

4. Потребность в иррациональном поведении, включающем в себя подражание, заражение и другие модели поведения.

Целью использования данных манипулятивных методов является положительный результат избирательной кампании. Опыт российских избирательных кампаний свидетельствует о том, что технологии манипуляции развиваются гораздо интенсивнее других избирательных технологий. Эффективность манипулятивных методов обусловлена тем, что они постоянно совершенствуются, обновляются, адаптируются под конкретные «кейсы». Во время избирательных кампаний ресурсами кандидатов являются административный, информационный и организационный. Данная классификация включает в себя четыре раздела: административный ресурс, манипуляции с оппонентом, агитацию и пропаганду, а также манипулятивные методы, влияющие на психические структуры избирателей (психоманипуляции). Например, использование административного ресурса предполагает: а) использование ресурсов государственной власти во время выборов; б) манипуляции с регистрацией кандидатов, партий, блоков; в) нарушения правил финансирования выборов; г) использование цензуры; д) технологии

фальсификации результатов выборов. Манипуляции с оппонентом предполагают: а) давление на кандидатов; б) срыв выборной деятельности кандидата-противника; в) регистрация одноименных блоков, кандидатов-тезок (двойников) и их раскрутка; г) дискредитация кандидата в неконтролируемой и агрессивной среде; д) скандалы, сенсации. Агитация и пропаганда в контексте манипулятивных технологий предполагает: а) нарушение закона; б) девизы и слоганы контрпропаганды; в) рейтинг-технологии; г) запуск и организацию слухов. К психоманипуляциям относятся: а) запугивание; б) эмоциональное воздействие; в) информационное дозирование; г) прямой подкуп избирателей; д) нейролингвистическое программирование (НЛП) и др. В настоящее время с большой скоростью развиваются новейшие манипулятивные бизнес-технологии. Среди них можно отметить и мерчендайзинг – систему методов по оформлению торгового зала и расположению товара на полках, побуждающую покупателя совершать максимальное количество покупок в данном месте по данной цене. Поэтому разработки в области психологии поведения потребителей являются базовыми в этой отрасли и манипулятивными по своей сути. Таким образом, в какой бы области не применялось манипулирование, его цели и приемы остаются скрытыми для общества. Человек, как объект манипуляции, обесценивается. Манипуляция направлена на изменение общественного мнения, а затем и поведения в выгодном для манипулятора направлении.

*Л. Н. Кошетарова**

Рекламный образ в межкультурной коммуникации

В современном мире, имеющем национальные и государственные границы, существует постоянный рекламно-информационный поток от группы людей, создающих товары, к группе людей, являющихся потенциальными потребителями этих товаров. Этот поток не признает никаких границ и приобретает все большее значение в объеме коммуникативных контактов отдельного человека. Решающим фактором при создании имиджа международного рекламируемого продукта чаще всего является мода – априорное представление о том, какие художественные приемы и образы являются наиболее привлекательными, престижными и успешными. Однако такой подход не совсем эффективен, так как в процессе коммуникации, являющейся процессом обмена сообщениями, постоянно происходит воссоздание смыслов, которые не всегда совпадают даже у людей, выросших в одной и той же культуре.

При столкновении с инокультурным рекламным сообщением человек воспринимает информацию в значительной степени бессознательно. Логические связи между объектами, входящими в рекламный образ, восстанавливаются исходя либо из известного знакового кода своей культуры, либо непосредственно из представленного художественного образа. В связи с чем, эффективный рекламный образ должен представлять собой идеальную эстетическую коммуникацию, однозначно интерпретируемую потребителем и обеспечивающую его бессознательное включение в подготовленную рекламой деятельность.

Реклама является одним из самых образно-насыщенных жанров массовой коммуникации и наиболее актуальным видом эстетической коммуникации. Активно используя художественно-образные конструкции, она апеллирует к структурам бессознательного и архаическим механизмам мышления человека. Построение рекламной коммуникации в образной форме имеет особую специфику, предполагающую сжатость рекламного сообщения, высокую эмоциональную реакцию и интенсивные апелляции к культурным кор-

* *Людмила Николаевна Кошетарова* – аспирант и преподаватель Тюменской государственной академии культуры и искусства, менеджер отдела наружной рекламы ООО РА «Арктика» (г. Тюмень).

ням. Специфика рекламного образа заключается в том, что он одновременно является носителем как массовой, так и этнической культуры. Поэтому форма представления художественного образа, к которой прибегают создатели рекламной коммуникации, ставит проблему оптимального соотношения визуальной выразительности, закономерностей биологических норм восприятия и требований культурных традиций.

При создании эффективного рекламного образа необходимо учитывать все объективно существующие механизмы эстетического восприятия. Во-первых, это синестезия – комплексность человеческого восприятия. Во-вторых, – апперцепция – зависимость восприятия от прошлого жизненного опыта. В-третьих, – нормированность эстетических критериев. Учитывая коллективный опыт различных национальных общностей, реклама способна достичь максимального эффекта психологического воздействия – подвести подсознание человека к формированию «шестого чувства» – покупательского интереса. Для обеспечения легкости и позитивности восприятия рекламы следует учитывать сформировавшиеся в данное историческое время и в данном географическом регионе общепринятые нормы представлений о прекрасном и безобразном. Именно эстетические критерии различных национальных общностей формируют опыт больших социальных групп, координируя тем самым отношение индивидов к определенным визуальным и звуковым реалиям.

Огромное значение для эстетического восприятия в различных этнических культурах имеют тип лица и пропорции человеческого тела. Так внешность европейца не всегда может являться культурным стандартом для представителей иных рас. Эстетические стереотипы восприятия определяют как сложившиеся представления о физической красоте определенного народа (разрез глаз, форма носа, цвет волос), так и эстетические стандарты в целом. Так, чувство физической красоты человеческого тела возникло и фиксировалось уже в генах наших предков, для которых критерием красоты была способность к деятельности (для мужчин) и продолжению рода (для женщин). У первобытных племен красивым считалось лишь то, что способствовало стабилизации системы, ее устойчивости против вредных воздействий, выживаемости и развитию. Такое чувство физической красоты К. Г. Юнг в своих работах называл коллективным бессознательным.

На восприятие рекламного образа существенное значение оказывает организация невербального сообщения, которая может существенно повлиять на эмоционально-оценочные характеристики зрителей. В невербальных стимулах этническая специфика может проявляться в поведенческих сигналах рекламного персонажа, в его социальной символической, в художественных приемах, отражаю-

щих задуманный эмоциональный настрой или в образах, имеющих конкретный смысл в традиционной культуре (архетипы, метафоры, символы, знаки).

Нередко на непосредственное восприятие рекламы влияет исторически сложившийся в данной культуре принцип прочтения художественного образа. Так, проведя анализ особенностей восприятия отечественным зрителем наработанных приемов западной и восточной школ массовой коммуникации, Л. Матвеева и А. Данилова выявили, что в многомерном пространстве сознания потребителей рекламы существует пять независимых переменных, относительно которых располагаются рекламные образы, выполненные в разных культурных традициях. Это факторы эмоционального комфорта, активности воздействия, эстетического предпочтения, социального статуса (престижности) и коммуникативный фактор.

Коммуникативный стиль рекламы, выполненный *в американской традиции*, русской аудиторией воспринимается как «самоуверенный, агрессивный, давящий», причина чего лежит в большей активности сообщения, нежели это привычно и комфортно для российского зрителя. Негативно, с точки зрения российской аудитории, оценивается простота используемых в рекламе художественных образов. В недостатки американской рекламы вменяются и невысокие моральные качества (так как она апеллирует к разрешению запрета). В целом же американская реклама единогласно оценивается как наиболее активная, самая современная и самая примитивная.

При описании рекламы, выполненной *в традициях восточной культуры*, русские потребители отмечают «высокостатусность» ее позиции, рациональность, профессионализм и продуманность коммуникативного сообщения, а также доверие к рекламируемой продукции. В аргументации русская аудитория различает обращение к реальной личностной ситуации, к удовольствию человека от эксплуатации товара. При оценке художественных и стилистических особенностей японской рекламы отмечается высокохудожественность ее рекламных образов (которые, однако, имеют невысокое эмоциональное воздействие). Русская аудитория практически не воспринимает эмоциональную составляющую, заложенную в коммуникативном сообщении японской рекламы. Ей приписывается высокая моральность, холодность и даже некоторая «стыдливость». Японская реклама воспринимается рационально построенной, закрытой и эгоистичной (так как в ней полностью отсутствует контакт со зрителем). Восточный коммуникативный стиль основан на «личностном обращении» и «уголаживании», русским потребителем он воспринимается как некое вовлечение, «хитрость» (это его настораживает). В целом русские зрители оценивают рекламу Японии как полезную, продуманную, ясную, имеющую высокие характеристики яркости и образности.

Европейская реклама оказалась наиболее близкой русской аудитории. Рекламные образы, выполненные в европейской традиции, были высоко оценены, прежде всего, с позиции эмоционального комфорта, обеспечиваемого особенностями ее коммуникативного стиля, а также способом организации рекламного сообщения и его достоверностью. Внимание русской аудитории привлекли декларируемые в европейской рекламе «гуманистические ценности» (права человека, ценность человека в мире) и обращение к социальным ценностям (значимость семьи, статус, мотивация достижения). Высоко отмечена коммуникативная комфортность европейской рекламы, ее достоинство, самоуважение, сочетание респектабельности и демократичности. Положительно оцениваются русскими информационная ценность рекламы, ее честность, эстетические достоинства, эмоциональная привлекательность и интеллект. Российский зритель описывает европейскую рекламу как стилистически изысканную, активную и яркую, обладающую четкой структурой коммуникативного сообщения и гармоничностью цвета. При оценке образной структуры отмечается успешность применения метафор и юмора. В целом реклама Европы оказалась наиболее понятной (близкой) русской аудитории, для которой наиболее значимым оказался фактор эмоционального, теплого коммуникативного контакта.

При восприятии рекламы, выполненной в традициях «чужой» культуры, человек находится в состоянии сильного напряжения: на бессознательном уровне происходит отторжение или, наоборот, принятие наиболее близкого ему по культурным нормам эстетического образа. Так красивая, но рациональная и «холодная» японская реклама не смогла вызвать симпатии у русской аудитории, она проиграла яркой, образной и эмоциональной европейской рекламе. Американская же реклама (в связи с полным несовпадением с русской культурной традицией) и вовсе вызвала негативную реакцию. Из этого следует, что в межкультурной коммуникации наиболее эффективной является та реклама, образы которой создаются в традиционной культуре потребителя, с помощью художественных приемов, отражающих нужные эмоциональные настроения, и имеют конкретный (однозначно интерпретируемый) знаковый смысл.

Литература

Матвеева Л. Реклама: этнокультурный перекресток [Электронный ресурс] / Л. Матвеева, А. Данилова // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations. – № 3–4; № 5–6. – 2000. – [Режим доступа: http://lab.advertology.ru/arxiv/2000/frem_advert-cross1.htm].

Т. В. Лазарева*

Необходимость рекламных коммуникаций в полиэтничном пространстве Урала. Истинное состояние рекламной отрасли в регионе

Обращаясь к конкретной аудитории, создателям рекламы нужно разговаривать с ней на ее языке и учитывать местные обычаи, традиции, верования данных людей.

На Урале сегментирование целевой аудитории рекламных сообщений по национальному признаку вообще не происходит несмотря на то, что на территории нашего региона проживают представители пятнадцати национальностей.

Местное население обычно слабо реагирует на «этнические изюминки», если только они не порочат их базовые культурные ценности.

Рынок рекламы на Урале ежегодно растет более чем на 30 %.

В целом по нашему региону (по сообщениям СМИ и исследовательских центров) наиболее эффективными рекламными носителями считаются, во-первых, Интернет, во-вторых, телевидение, третье место по привлекательности занимает наружная реклама, а вот доля использования радио и прессы в качестве средств тиражирования рекламы несколько сократились.

На Урале постепенно развивается и набирает обороты мобильная реклама.

Рынок рекламы в Екатеринбурге начинает обретать черты цивилизованного, в котором игроки не топят друг друга, а нормально взаимодействуют.

В Свердловской области в отличие от других регионов страны все еще популярна реклама в прессе, остающаяся основным каналом коммуникации для рынка финансовых услуг.

По данным СМИ, рынок рекламных услуг Тюмени развивается с перекосом в сторону предоставления рекламных площадей, оставляя без внимания сферу производства рекламных продуктов.

* **Татьяна Владимировна Лазарева** – студентка 2-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

В Тюменской области начинают применять самые передовые образцы средств наружной рекламы: светодиодные экраны, световые пилоны, призматроны, пилларсы, ситиборды и скроллеры, рекламные урны, скамейки, остановочные информ-стенды.

Администрация города Тюмени поставила перед местными рекламными агентствами задачу с помощью рекламы разработать единый архитектурно-художественный облик города.

В Челябинской области более заметную роль в наружной рекламе стали играть альтернативные рекламные ресурсы, в частности – транзитные медиа.

Кризис, разразившийся в конце 2008 года, привел к тому, что часть рекламы в регионе была просто урезана, часть «встала на паузу», остальная продается по инерции.

До 22 % понизило прогноз темпов развития рекламного рынка России и ее субъектов международное агентство ZenithOptimedia.

Одним из наиболее востребованных в условиях кризиса сегментов может стать BTL.

Все сегменты рынка будут чувствовать себя по-разному: от Интернет-рекламы ждут 75 % прироста (самый молодой рынок, которому некуда падать), от ТВ – 27 %, а от радио – всего 14,6 %.

Большинство опрошенных рекламодателей ставят в 2009 году на Интернет, ТВ и продвижение в точках продаж.

На уровень середины 2008 г. рынок рекламы выйдет лишь через полтора-два года.

А. К. Симонова*

Полиэтничность Уральского региона как культурное основание и механизм формирования общественного сознания

Обострение этнических проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций. Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы этнической идентичности. В подобной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность. Проблема идентификации и самоидентификации особенно актуальна для такой полиэтнической страны как Россия.

Сложность общецивилизационной характеристики России в том, что она представляет собой «мир миров», охватывающий своими политическими и историческими границами сотни этносов, которые не просто соседствуют друг с другом, а веками сосуществуют, и это является условием сохранения каждого из них и условием целостности России. При этом в иерархии российских народов особое место занимает русский этнос и его культура. Для страны, подобной России, не может быть единой универсальной формулы перехода к прогрессивным формам социальной жизни. Развитие по единой схеме для России означает принудительное выравнивание условий. Необходима модель интегрального развития народов, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на специфические условия, несовпадающие традиции и обстоятельства. Такая модель позволит выявить реальные основы союза «равно-разных» народов России. Правда, ее построение возможно только в принципиально новой системе координат научного поиска, через новые методологические подходы, через введение новых понятия и категорий.

* *Алина Константиновна Симонова* – директор рекламного агентства «Приорити-групп» (г. Екатеринбург).

Изучение истории миграций русского народа и выяснение причин перманентного расширения ареала его обитания способствуют выявлению исходных параметров его этнического пространства.

В современных научных дискуссиях одни ученые доказывают, что огромные территории при недостатке средств – это обуза, тормозящая развитие страны. Другие – что это бесценное национальное богатство, залог блистательного будущего. Зарубежные авторы вообще говорят об алогичности существования такого гиганта (Р. Пайпс., З. Бжезинский). Ф. Бродель называет Россию «чудищем первой величины».

Некоторые современные авторы объясняют эту беспрецедентную по масштабам и продолжительности колонизацию «бегством народа от государства» (С. Лурье, А. Ахиезер), акцентируя тем самым внимание на их «вечной конфронтации». Основная задача этнической системы взаимодействий – обеспечение условий выживания данной человеческой популяции. Если природные, геополитические, социально-политические условия не соответствуют ей, то этнос будет или расширять рамки взаимодействий внутри системы, или менять место обитания.

Современная социокультурная ситуация характеризуется все более интенсивным процессом взаимодействия стран, народов, этносов, культур. В отличие от предшествующих эпох, с господством бинарной установки и рассмотрением «Другого как Чужого», сегодняшний взрыв межкультурного общения, ситуация неизбежной встречи, взаимовлияние разнородных культурных систем/субсистем нацеливают на поиск наиболее бесконфликтных путей сосуществования, преодоления «чуждости» как атрибута многомерного социокультурного пространства. В то же время, для групп, включенных в этот процесс, сохраняет свою значимость, а нередко и приобретает все больший вес, вопрос о сохранении/поддержании/укреплении своей культурной самобытности. Процесс современного межкультурного диалога или противостояния реализуется прежде всего в *этнокультурном* взаимодействии, где этничность, как никакая иная характеристика, становится показателем «другости», характеристикой иного, проявляясь все ярче на фоне современных глобализационных процессов в качестве аттрактора, катализатора в возможных столкновениях. Высокая социальная актуальность данной проблемы для Уральского региона предопределена его реальной поликультурностью, имеющей глубокие историко-культурные корни и многообразные современные формы проявления. Анализ процессов переселения на территорию среднего Урала и взаимодействия здесь различных этнокультурных групп в конце XIX – начале XX вв. и в конце XX – начале XXI вв. позволяет увидеть не только особенности «регионального профиля» межкуль-

турных взаимодействий, но и проследить то, как на одной и той же территории характер столкновения групповых интересов, систем ценностей меняется в зависимости от конкретных историко-культурных обстоятельств. Современные концепции исследования межкультурных отношений показывают существование проблемы поиска идентичности. При этом этническая идентификация может рассматриваться как один из способов самоидентификации личности (О. В. Даровских, Г. У. Солдатова) или же представляться изначальной групповой категоризацией населения, конструирующей культурные различия, что противостоит тенденциям и перспективам развития в России, где миграционный фактор (на сегодняшний день один из основных, определяющих этнический состав населения) снижается наряду с возросшим поиском новых идентичностей (В. А. Тишков). Таким образом, механизмы формирования общественного сознания предполагают взаимодействие разнородных культурных пластов (этнических, миграционных, и др.), определяя их как «своих» – «чужих» в едином пространстве. Вопрос о возможностях этого процесса в Уральском регионе на рубеже XIX–XX вв. и XX–XXI вв. и его влияние на формирование общественного сознания в процессе взаимовлияния этнокультур – основная задача базирующейся на выявленных культурных основаниях.

Процесс инкультурации, выраженный в изменении своих культурных элементов в процессе обогащения инородными составляющими, становится важным фактором для принятия «чужого» и в современной полиэтнической среде Уральского региона является установкой, формирующей отношения взаимодействия. Неоднородный этнокультурный состав, сформированный в XIX в. на территории Урала, стал результатом реализации государственной евразийской политики колонизации и осуществлялся в ситуации консолидации большого количества вынужденных и добровольных переселенцев – выходцев из Украины, Польши, Центральной России, Поволжья. Русские, немцы, поляки, латыши, эстонцы и мн. др. образовали единое поликультурное пространство. Не противопоставление этносов друг другу по этнокультурному признаку – суть евразийской политики по отношению к коренному населению. Социокультурные особенности и специфика межэтнических отношений в Уральском регионе на рубеже XIX–XX вв. складывались на протяжении формирования полиэтнической территории региона в несколько этапов.

Так, начальные этапы взаимоотношений между переселенцами и коренными жителями характеризуются актами неприятия, вызванными столкновением разнородных культур. Переселенец воспринимается как завоеватель, а абориген видится порождением неосвоенного цивилизацией пространства и «подлежит культурному

изменению». Результатом интеграции становится новый тип жителя, оказавшийся «продуктом» межэтнического, шире – межкультурного взаимодействия аборигена и «пришлого» – неумолимый и энергичный работник, создавший на Урале в течение последующих столетий «энергичное сельское население из среды того русского крестьянства».

Этнокультурное общение внутри миграционного потока из Центральной России, наполнявшего в конце XIX – начале XX вв. территорию Урала и его окрестностей, – еще один этап межкультурных отношений. Переселение, поддерживаемое рядом указов и проектов, приветствуется правительством и широко освещается в местной прессе, где подчеркивается рост численности населения и, соответственно, преимущество перед другими регионами. Ограничение земель вследствие хозяйственного и культурного влияния русских и украинцев, переселение немцев в южную часть губернии приводят казахов, жителей степных районов, к отказу от кочевого образа жизни к полукочевому оседанию на жительство в аулах. В результате происходит этнокультурное сближение на основе разложения кочевого скотоводства, массового распределения земледелия, широкого применения русской утвари, совместного проведения досуга. Приток переселенцев в этот период, связанный, прежде всего, с освоением земельных территорий, оказывает влияние на изменение этнического самосознания.

Современные исследователи считают, что изменения в культуре народов, проживавших на территории среднего Урала до начала ее массового заселения в конце XIX – начале XX вв., обусловлены социально-экономическими факторами. Так, коллективизация и длительное существование колхозов и совхозов, массовая миграция населения в города и урбанизация образа жизни, система образования и культурная политика, появление массовых форм культуры становятся основанием для модернизации культуры, ее унификации и формирования общероссийской «неэтнической» культуры.

Миграционные процессы определяют новый вектор межкультурных отношений, смещая центр проблемы с межэтнических, которыми сегодня объединены 124 национальности и 21 народность, на отношения внутри этнокультурных групп, вызывая противостояние «мигранты» – «местные». Акторы нестабильности современного общества: идеологический кризис, частичная утрата социальной идентичности, экономическая нестабильность, кризисное состояние таких социальных институтов, как образование, культура и др. – сегодня становятся доминирующими, влияя на становление социально-психологического облика человека.

Литература

1. *Бережнова М. Л.* Этническая идентичность как исторический феномен (на примере этногруппового деления русских Сибири) // История. Антропология. Культурология. – Омск, 2003.
2. *Вебер М.* «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: Антология. – М., 2005. – С. 557–603.
3. *Даровских О. В.* Феномен этнического самосознания молодежи // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. – Минск, 2004.
4. *Крысько В. Г.* Этническая психология. – М., 2002.
5. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической нетерпимости. – М., 2007.
6. *Томилов Н. А.* Сибирские татары – кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). – Томск, 2006.
7. *Уолцер М.* О терпимости. – М., 2000.

Социальные взаимодействия в полиэтническом социуме и их влияние на PR-коммуникации

Актуализация проблем, связанных с этнической идентичностью, происходит в кризисные моменты развития общества, когда многие социальные контексты идентичности подвергаются глубинным изменениям или разрушаются. После 1989 года в России произошли значительные экономические, социальные, политические и территориальные изменения, что резко обострило противоречие между внутренним миром человека и внешним миром, требующая ответа на вопрос: кто я есть? В этих условиях именно *этническая идентичность* становится способом адаптации человека и возможностью выхода из негативных последствий трансформации российского общества, например, *транзитивности*. В транзитивном обществе трансформируется вся система социальных связей и отношений, на фоне которых появляется борьба за перераспределение власти, ресурсов, территорий и, как следствие, – обостряются межэтнические отношения.

Этничность следует рассматривать не как состояние, а как *социальное взаимодействие*. С этой точки зрения этническая идентичность есть вариант социальной идентичности. Полиэтнический социум есть такая характеристика социума, при которой существенное значение приобретают межэтнические связи и отношения. Он представляет собой целостную социальную систему, включающую в качестве важных элементов «человеческие общности разного типа, полиэтническое окружение человека и совокупность исторически сложившихся форм деятельности людей» [1. С. 137]. Общей целью взаимодействия в полиэтническом социуме является оптимизация межнациональных отношений, то есть создание условий для реализации предпочтительных вариантов протекания этнических процессов, ориентированных на минимизацию существующих и потенциальных этнических противоречий. В полиэтническом социуме этнические процессы охватывают несколько этносов, этнических групп. Важнейшим *типом этнических про-*

* Мария Васильевна Удальцова – д-р экон. наук, профессор, завкафедрой, Сибирский ун-т потребительской кооперации (г. Новосибирск).

цессов в полиэтническом социуме является *межэтническая интеграция*, которой должно предшествовать длительное совместное проживание, политическое, культурное, экономическое взаимодействие, что, в конечном счете, должно обеспечить социально-культурное равенство и реализацию жизненных целей.

В то же время в реальной жизни усиливаются различные формы *этнической эксклюзии*, что требует более плюралистического подхода к межэтнической интеграции с тем, чтобы «совместить культурную идентичность, глобальные сети и многомерную политику» [2. Р. 399].

Для каждого человека большое значение имеет *этническая модель поведения и самореализации*. Этническая идентичность взаимосвязана с другими видами идентичности, и потому важно знать, *как возникают* и реализуются различные *формы «принадлежности»* к этническим сообществам. Как известно, полиэтничный социум характеризуется высокой динамичностью и потенциальной конфликтностью. Для достижения оптимальных этнических взаимодействий в нем особое значение приобретают средства массовой информации (СМИ) и PR-коммуникации. PR-коммуникации в полиэтническом социуме есть целеориентированное воздействие на этнические процессы, цель которого – повышение уровня межэтнической интеграции и толерантности. С точки зрения PR-коммуникаций, методологически оправдано рассмотрение этничности, этнической идентичности, во-первых, как процесса, характеризующегося этнодифференцирующими признаками; во-вторых, как процесса, объединяющего разные этносы. Следовательно, *PR-коммуникации в полиэтническом социуме функционально противоречивы*, определяются единством объективных и субъективных факторов. Посредством PR-коммуникаций становится возможным «конструировать» межэтнические отношения в том или ином социальном пространстве, в том числе и при участии самих этнических сообществ.

Подобная роль PR-коммуникаций обусловлена тем, что сам процесс конструирования этничности связан с такими явлениями, как интерес, цель, мотив, реализация собственного «Я», правовое поле и др. В PR-коммуникациях этническая группа должна рассматриваться как средство решения личностных или групповых проблем. Человек, благодаря этнической группе «защищен», «укоренен», а значит, в состоянии справиться с агрессивными факторами. Подобная интерпретация этничности в PR-коммуникациях основывается на определяющем влиянии на нее культурного окружения и культурной реальности, при которых и содержание этничности, и ее признаки могут и должны меняться в зависимости от цели. Такие же факторы, как общее происхождение, территория

проживания, язык, традиции и обычаи рассматриваются как *механизм конструирования* этнических общностей. При таком подходе к PR-коммуникациям в полиэтническом социуме формируется понимание *этничности как результата человеческих убеждений, пристрастий, склонностей*. В связи с этим формируются и функции PR-коммуникаций, к числу которых относим: социально-ориентирующую, защитно-стабилизирующую, нормативно-информативную.

Социально-ориентирующая функция реализуется в интерпретации таких явлений, как традиции, обычаи, общепризнанные стандарты взаимодействия различных этнических сообществ. *Защитно-стабилизирующая функция* PR-коммуникаций реализуется в интерпретации явлений «устойчивости», «укорененности» этнических сообществ как механизма защиты от разрушающего воздействия внешней среды, в том числе поиска выхода из социальной беспомощности, обостряемой сегодня мировым финансовым и экономическим кризисом. *Нормативно-информационная функция* PR-коммуникаций проявляется в интерпретации жизненных ценностей индивида как ценностей, принятых не только в рамках его этнического сообщества, но и не противоречащих стандартам и правилам полиэтнического социума.

PR-коммуникации в полиэтническом социуме, следовательно, должны актуализировать те признаки этничности, которые воспринимаются как позитивные и, соответственно, нейтрализовывать, не пропагандировать те, отношение к которым в данном социальном пространстве негативное. В реальной жизни этот процесс гораздо более сложен, чем схема «принятие-отторжение»: какие-то признаки могут временно отторгаться, затем принимаются, другие изначально принимаются, затем отторгаются и т. п.

Наиболее типичными этнодифференцирующими признаками, как известно, являются географические и культурные. Именно они прежде всего должны учитываться в содержании и направленности PR-коммуникативной деятельности. Сегодня особенно возрастает роль языка, причем речь идет не столько о реальном его использовании, сколько об его символической роли в процессах формирования чувства принадлежности к той или иной общности. Учет этой роли языка должен быть одним из обязательных условий формирования толерантности и позитивного отношения этнических сообществ друг к другу, а, следовательно, и условием позитивных PR-коммуникаций в полиэтническом социуме. Данное обстоятельство предполагает преодоление феномена этнических предрассудков и стереотипов (хотя учитывать их необходимо!). Несоответствие действительности настолько прочно ассоциируется с понятием «стереотипы», что для обозначения стандартного истинного

знания об этнической группе вполне возможно введение особого понятия «стереотип». Именно его характеристика должна активно интерпретироваться в PR-коммуникациях полиэтнического социума. В них целесообразно выражать, во-первых, эмоционально-оценочный компонент, во-вторых, – устойчивость содержания по отношению к новой, как правило, более объективной информации, в-третьих, – согласованность, то есть внутреннее взаимосоответствие и непротиворечивость содержания, полное или частичное несоответствие действительности, степень распространенности тех или иных характеристик.

Литература

1. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell, 1996.

PR как инструмент формирования корпоративной идеологии в спорте

Не так давно традиционной темой исследований социологов была теория идеологии. Обсуждались вопросы идеологической деятельности, значение идеологии в функционировании общества, проводился анализ соотношения объективного и субъективного (ложного и научного). В «советский период» истории нашей страны, когда идеология стала центральным элементом в жизнедеятельности общества, изучение данной проблематики стало ведущей темой социальных исследований, популярно было и изучение идеологических отношений.

Эпоха перестройки, а вместе с ней и процесс деидеологизации, не только изменили спектр исследовательских приоритетов, но и даже отчасти сделали употребление самого термина «идеология» несколько сомнительным для социологического анализа. В литературе 1990-х можно проследить некий «провал» в анализе идеологических процессов – это естественное следствие пресыщения идеологического в повседневной жизни советского человека. Отказ от официальной идеологии сменился ситуацией естественной полиидеологичности – потребность различных социальных общностей в наличии идеологии привела к появлению множества частных (групповых) идеологий. Одной из них стала корпоративная идеология – идеология современных организаций и корпораций, использующая приемы, методы и средства PR.

Современные организации разных уровней и сфер деятельности становятся идеологизированными – в практике PR-менеджеров все больше применяется опыт формирования идеологии «как системы объективно складывающихся и одновременно субъективно конструируемых идей, ценностей, норм, принципов и форм организационной деятельности»¹.

Бизнес-тренеры, подхватив обозначившиеся тенденции предлагают комплексные тренинги по формированию (или внедрению?)

* *Вера Сергеевна Харченко* – бакалавр социально-экономического образования, магистрант 2-го года обучения УрГПУ (г. Екатеринбург).

¹ Это авторское определение идеологии, обоснованное Харченко В. С. в выпускной квалификационной работе «PR как инструмент корпоративной идеологии» (2007 г., научный руководитель – к.ф.н. Арапова М. А.).

корпоративной идеологии². Это говорит о том, что PR сегодня является инструментом, а содержанием и целью – идеология организации – корпоративная идеология.

Спорт как одна из сфер жизнедеятельности общества включает множество организаций, отличающихся специфичностью функционирования. Еще не так давно, в силу инертности процессов реформирования спорта, «советский» подход к «позиционированию» спорта и спортсменов применялся в российской практике. Использование спорта, в первую очередь через массовизацию физической культуры, как одного из способов закрепления государственной идеологии, сегодня нуждается в переосмыслении, ввиду изменений, произошедших в обществе на различных уровнях. В настоящее время государственной поддержки недостаточно для развития спортивных организаций, поэтому в борьбе за выживание организации, роль корпоративной идеологии становится ведущей.

В рыночных условиях спорт становится средством государственного PR на международном уровне, но при этом остаются объектом инвестирования бюджетных средств, а в силу нехватки этих средств включаются в сферу бизнеса. Спортивная организация, соответственно, преобразуется в субъект рыночных отношений. Как известно, рынок не может существовать без конкуренции, а развитие конкурентной среды создает новые, неценовые параметры позиционирования организации. Это ее имидж (образ) и мнение общественности о ней, формирование которых должно осуществляться планомерно и целенаправленно путем оформления корпоративной идеологии организации в спорте.

Спортивная организация, как и любая другая, вовлечена в процессы коммуникации. Взаимодействие с группами общественности, которые в состоянии повлиять на успешную деятельность организации, обеспечивается во многом в результате системы коммуникаций. Для продуктивного и целенаправленного прохождения этих процессов ими необходимо управлять в соответствии со спецификой деятельности организации.

PR-специалисты считают, что спортивные организации всех уровней нуждаются сегодня в грамотном PR, так как с его помощью может поддерживаться стабильность самой организации. Исследователи PR в спорте выделяют ряд задач, которые решают PR-специалисты в спортивных организациях:

- формирование имиджа спортивной организации, ее доброй репутации;
- создание позитивной известности ее руководству в нужных кругах;

² С конца 2006 г. известный бизнес-тренер Р. Гандапас проводит тренинги по «корпоративной идеологии» для руководителей и топ-менеджеров.

- придание мероприятиям организации общественно значимого смысла;
- создание эффективной системы деловой коммуникации организации;
- формирование ее информационной ауры;
- корректировка общественного мнения в ситуациях, неблагоприятных для организации;
- лоббирование интересов организации;
- фандрейзинг (поиск денежных средств);
- создание доброжелательной атмосферы внутри организации, и другие³.

Стабильность организации зависит прежде всего от ее «взаимоотношений» с общественностью и сформированностью внутренних отношений между членами самой организации. Внешняя общественность спортивных организаций включает в себя: СМИ, государство (федеральный и региональный уровни), органы управления (Госкомспорт, спорткомитеты), общественные организации (федерации), бизнес (инвесторы, спонсоры, рекламодатели), потребители (зрители), партнеры (производители спортивной продукции). Внутренняя общественность спортивной организации – это тренеры, спортсмены, менеджеры, акционеры, совет директоров, учредители.

Каждую группу общественности объединяет общий интерес по конкретному вопросу: целесообразность вложения средств в спортивную организацию, цена акций, строительство стадиона, заработная плата и т. д. Если позиция группы достаточно четко выработана, она оформляется в виде общественного мнения, которое приобретает устойчивость, проявляется в первую очередь в форме какого-либо действия или через вербализацию. Изменяя мнение (формируя и влияя) общественности, можно изменять и действия групп общественности, в которых заинтересована организация.

Прежде чем сформировать или изменить мнение, необходимо узнать, какое мнение уже существует. Отсюда вытекают два основных направления PR-деятельности: изучение мнения общественности, по результатам которого вырабатывается политика и принимаются управленческие решения; создание необходимого информационного потока с целью распространения нужной информации.

PR в спорте получил широкое распространение в связи с высокими темпами коммерциализации спорта и вовлечением большого и(или) мирового спорта в сферу крупного бизнеса⁴. За рубе-

³http://www.adbusiness.ru/content/document_r_B7FC81FC-C789-49CB-A6A0-A7002A5A6D00.html

⁴В российской практике роль профессионального PR-консультанта в спорте получила должную оценку совсем недавно. Одним из пионеров

жом, где спортивный бизнес находится на качественно ином уровне, использование клубами и спортсменами специалистов в области PR – жизненная необходимость для всех участников спортивного рынка. PR-консультантов привлекают как для работы над личным имиджем спортсменов, так и для создания бренда и репутации клуба. Таким образом, PR в спортивных организациях логично складывается на два уровня – организационный и личностный. Организационный уровень PR подразумевает прежде всего формирование корпоративной идеологии; личностный – уровень личности спортсмена, выдающегося спортивного образа. Так, образ успешного спортсмена (чемпиона и героя своей страны) может быть использован в качестве бренда не только на организационном уровне, но и на государственном.

В спортивной организации колоссальную роль играет человеческий фактор. Формирование команды в широком смысле слова, как коллектива единомышленников, разделяющего политику руководства и готового к совместному решению поставленных задач, является одной из ключевых задач в спорте. Для этого должна быть отработана так называемая система внутрифирменных коммуникаций. Такие коммуникации должны строиться на разработанной корпоративной идеологии, которую мы считаем сегодня содержательным наполнением внутрикорпоративных коммуникаций организации.

Методичность и «инструментальность», рассматриваемая авторами работ по PR, подтверждает предположение об ограниченности PR-деятельности в широкой трактовке⁵, однако анализ PR как инструмента корпоративной идеологии превнес некоторую ясность в анализ соотношения PR и корпоративной идеологии. В частности, исследование PR как инструмента корпоративной идеологии позволит выявить тенденции в развитии PR-сферы и возможности развития спортивных организаций.

систематического PR в нашей стране стал ФК «Спартак Москва». Агентство PR Inc. в профильных конференциях и на семинарах оказывает помощь в формировании индивидуального имиджа игроков в рамках клубной политики. Также для лучшего представления о складывающихся обстоятельствах на российском футбольном рынке агентство предоставляет клубу мониторинг прессы и аналитические записки с анализом ситуации и прогнозом ее развития // <http://10pr.info/category/pr-i-sport/>

⁵Автор провел анализ PR-литературы, результаты которого изложены: Харченко В. С. PR как инструмент корпоративной идеологии // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук: сб. тезисов научных работ призеров XII Областного конкурса научных работ студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования Свердловской обл. «Научный Олимп» по направлению «Гуманитарные науки» / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. С. 225–227.

Раздел пятый

Образование на Урале как сфера межкультурного взаимодействия

Компетенции как показатель нового качества подготовки специалистов

Глобальные изменения, произошедшие за последние годы в социальной и профессиональной сфере, а также стремительное развитие информационных технологий потребовали значительной перестройки в системе профессионального образования. Сегодня в решении проблемы совершенствования качества образования используется закрепленный в Болонской декларации компетентностный подход, который ориентирует оценку качества образования на уровень освоения ключевых компетенций. Можно сказать, что вопрос о компетенциях представляет собой вопрос о новых целях образования и о способах их реализации [См.: 5]. В современной российской педагогике компетенции стали пониматься как «личностная составляющая профессионализма», как результат и критерий качества подготовки специалиста, а также как практическое выражение модернизации содержания образования.

Идея развития компетенций является одной из ключевых идей модернизации российского образования. Эта идея выводит цель современного образования за пределы традиционных представлений о нем как о системе передачи суммы знаний и формирования соответствующих умений и навыков. На современном этапе именно компетенция становится показателем нового качества образования.

Модернизация высшего профессионального образования связана с потребностями общества в конкурентоспособных, компетентных специалистах, обладающих стремлением к постоянному личностному совершенствованию и профессиональному росту. Не случайно поэтому на страницах периодической печати, в научных исследованиях последних лет ведутся дискуссии о компетентностном подходе, количестве и содержательной характеристике образовательных компетенций выпускников и их классификациях.

Поскольку компетентностный подход напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только в качестве специалиста, профессионала своего дела, но и как личности, члена коллектива и социума, он оказывается гуманитарным в своей

* *Анна Валерьевна Антонова* – ассистент кафедры теории и методики обучения истории, замдекана по воспитательной работе исторического ф-та УрГПУ (г. Екатеринбург).

основе. Целью гуманитарного образования является, как известно, не только передача студенту совокупности знаний, умений и навыков в определенной сфере, но и развитие кругозора, междисциплинарного чутья, способности к индивидуальным креативным решениям, к самообучению, а также формирование гуманистических ценностей. Все это составляет специфику и компетентностного подхода [См.: 2]. Компетентностный подход в настоящее время является одним из наиболее развивающихся направлений педагогической теории и практики, одним из важнейших оснований обновления образования.

Компетенция – понятие, пришедшее в Россию из англосаксонской традиции образования. Впервые термин «компетенция» был введен в научный оборот В. Макелвиллом в 1982 году: «Компетенция – круг проблем, сфера деятельности, в которой данный человек обладает знанием и опытом; совокупность полномочий, прав и обязанностей должностного лица, общественной организации» [6].

В последние годы, и особенно после публикации текста «Стратегии модернизации содержания общего образования» и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», в России происходит резкая переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся [7]. То есть делается существенная ставка на компетентностный подход в образовании. Данная тенденция переориентации образовательной парадигмы возникла еще до Болонских соглашений и, по мнению И. А. Ивановой, носит объективный характер – характер вызова, который социальные и экономические изменения бросают системе образования. Так, Лиссабонская конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» 1997 года (к которой Россия присоединилась в 2000 году) сформулировала концепцию международного признания результатов образования и выдвинула требование к академическому сообществу выработать конвертируемые общепонятные критерии такого признания. Уже позднее, в ходе Болонского процесса, стали активно разрабатываться различные версии подобных критериев, и эта новая методология получила название компетентностного подхода.

Планом мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 февраля 2005 г. № 40) предусматривается разработка, утверждение и введение в действие государственных образовательных стандар-

тов высшего профессионального образования третьего поколения на основе компетентностного подхода и системы зачетных единиц. Разрабатываемый государственный образовательный стандарт третьего поколения ставит перед вузами задачу формирования у выпускников универсальных и профессиональных компетенций. В числе универсальных – группы общенаучных, инструментальных, социально-личностных и общекультурных компетенций. Что же касается компетенций профессиональных, то они подразделяются на общепрофессиональные и профильно специализированные.

Природа компетенций двояко обусловленная. С одной стороны, она является социально обусловленной. И в этом смысле компетенции – условие интеграции в социум. С другой стороны, она лично обусловлена, лично значима, так как предполагает самореализацию личности. Таким образом, компетенции удовлетворяют и потребностям социума, и личностным установкам, и в связи с этим процесс формирования компетенций студента в системе высшего образования является важной составляющей профессиональной подготовки будущего учителя. По мнению Л. И. Нестеровой, «специфика компетенций заключается в том, что они синтезируют в себе знания и умения нового типа, приобретаемые в течение профессионального роста личности» [4].

Компетенция – понятие многомерное, характеризующее разные сферы деятельности человека: познавательную, общественную, трудовую, культурную, а также и бытовую. Для российской педагогической литературы понятие «компетенция», относительно новое и в последнее время активно разрабатывается в научных исследованиях. Е. А. Боярский, С. М. Коломиец считают, что компетенция в некоторой области человеческой деятельности – это система взаимосвязанных качеств личности, обеспечивающая «системный эффект» – способность решения реальных практических задач, в том числе и (некоторых) непоставленных задач. Компетенция включает знания, умения, навыки, относящиеся к этой области деятельности, но не сводится только к ним [1].

В. П. Колесов классификацию компетенций студентов строит на основе задач обучения: учиться «быть», учиться «знать», учиться «делать». Итогом усилий «учиться быть» выступают личностные компетенции и компетенции межличностного профессионального общения. Итогом усилий по приобретению (студентом) и передаче (вузом) знаний выступают общие знаниевые и профессиональные знаниевые компетенции. «Учиться делать» заканчивается приобретением общих деятельностных компетенций и деятельностных компетенций профессионального характера [3].

К примеру, процесс формирования деятельностных компетенций студентов-историков активно протекает в учебное и во вне-

учебное время, в том числе во внеаудиторной работе студентов по предмету. Внеаудиторная работа по истории – это деятельность, где обеспечивается взаимосвязь методов, форм, принципов, задач, способствующих развитию познавательной, интеллектуальной и творческой активности личности, профессиональных навыков и умений, личностных качеств, деятельностных компетенций, в конечном итоге формирующих готовность студентов, будущих учителей, к педагогической деятельности. На наш взгляд, внеаудиторная работа как одна из подсистем целостного педагогического процесса, располагает большими возможностями для формирования у будущих специалистов деятельностных компетенций. Под деятельностными компетенциями мы понимаем способность и готовность целесообразно действовать в соответствии со своими потребностями и мотивами, требованиями дела, реализуя совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов и опыта деятельности, силы воли) в лично значимой и профессиональной деятельности. Деятельностные компетенции, одновременно являются составной частью как универсальных, так и профильно специализированных компетенций будущего учителя истории. Деятельностные компетенции мы подразделяем на общие деятельностные компетенции (активность, дисциплинированность, исполнительность, креативность, организованность, самостоятельность, энергичность и др.) и деятельностные компетенции профессиональной направленности (коммуникативность, организационно-управленческие навыки, рефлексия, предметные умения и др.). Обладая компетенциями, возникающими в результате специально организованной деятельности, как учебной, так и внеучебной (внеаудиторной), будущий учитель получает возможность выстраивать свою индивидуальную педагогическую деятельность в соответствии с вызовами времени.

Современное высшее образование, и прежде всего педагогическое, должно быть ориентировано не столько на получение студентом готовых конкретных знаний или формирование предметных умений и навыков, сколько на развитие познавательного потенциала личности, повышение способности к овладению новыми знаниями и готовности студента применять знания, умения, навыки в новых специфических реальных ситуациях, развитие творческих способностей и самостоятельности в принятии ответственных решений.

Повышение качества высшего профессионального образования является сегодня одной из актуальных проблем не только для России (и для Уральского региона в частности), но и для всего мирового сообщества в целом. Решение этой проблемы связано с модернизацией содержания высшего образования, оптимизацией способов и технологий организации образовательного процесса и,

конечно, переосмыслением цели, задач и результата образования. А показателем нового качества высшего образования с принятием государственного стандарта третьего поколения будет формирование определенного набора компетенций специалистов, способных успешно реализовать себя в профессиональной деятельности.

Литература

1. Боярский Е. А., Коломиец С. М. Компетенции: от дифференциации к интеграции // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 1. – С. 10.
2. Иванова Е. А. Компетентностный подход в образовании: методологические основания, история и современность. – [Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?text>].
3. Колесов В. П. О классификации компетенций // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 2. – С. 22.
4. Нестерова Л. И. Парадигмальная функция ключевых компетенций в профподготовке специалиста // Среднее профессиональное образование. – 2007. – № 8. – С. 52.
5. Папуловская Н. В. Развитие социально-профессиональной компетентности личности в условиях вузовской подготовки. – [Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/art.php?art=ped36.htm>].
6. Уидетт С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. – Изд-во «НІРРО», 2004. – С. 35.
7. Выписка из протокола № 5 заседания Президиума Российской академии образования от 23 апреля 2008 г. (Компетентностная парадигма современного образования). – [Режим доступа: www.gaop.ru/content/Sobitie_2008.04.23.doc].

С. В. Архипова*

Ценностные ориентации учащихся 11-х классов школ г. Екатеринбурга

Процесс обучения в школе не является простым усвоением и освоением набора знаний, навыков и умений, провозглашенных в государственном образовательном стандарте. В школьные годы формируются определенные предрасположенности личности к выбору в личной, общественной, профессиональной жизни, которые находят выражение в ценностных ориентациях. Следовательно, анализ ценностных ориентаций учащихся выступает одним из важнейших критериев оценки эффективности среднего образования. Особенно значимым становится изучение ценностей учащихся, которые оканчивают школу, так как молодые люди ориентированы на будущее.

С. Г. Вершловский предполагает, что о ценностных ориентациях выпускников можно судить на основе оценок их готовности к послешкольному образованию, к сознательному выбору профессии, к общественной и семейной жизни, к организации досуга, к заботе о своем здоровье и т. д. [1].

В 2008 году нами было проведено исследование, в рамках которого мы анализировали переход человека из школы в вуз. Данный переход не рассматривался нами как простой «скачок» с одного образовательного уровня на другой. Под переходом мы подразумевали процесс проживания определенного этапа жизни, который вписан в более широкий социальный контекст. Нам представлялось, что качество этого процесса зависит от того, насколько школа подготовила выпускника к жизни за ее пределами. Используя метод глубинного интервью, мы опрашивали учащихся 11-х классов и учителей школ г. Екатеринбурга. Поскольку мы использовали качественные методы, наше исследование не претендует на репрезентативность, но подтверждение полученным данным мы нашли в многочисленных количественных исследованиях, проводимых другими социологами.

Итак, нас, прежде всего, интересовала готовность одиннадцатиклассников к послешкольному образованию, к сознательному выбору профессии, к общественной жизни.

* **Светлана Владимировна Архипова** – аспирант, преподаватель кафедры социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Согласно исследованию ГУ-ВШЭ, проведенного в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» в 2007 году, 88 % десяти- и одиннадцатиклассников, обучающихся на «отлично», планируют поступление в вуз; среди «хорошистов» на вузовское образование ориентировано 63 %, а среди «троечников» – 46 % [3]. Интервьюируемые нами старшеклассники также сообщили, что после окончания школы собираются продолжить свое образование именно в сфере высшего профессионального образования. Ценность высшего образования по-прежнему велика, но она приобрела явно инструментальную направленность. Современные школьники в большинстве своем идут в вуз, чтобы в дальнейшем получить интересную, престижную, высокооплачиваемую работу; повысить свой социальный статус; попасть в определенные социальные круги; получить уважение и одобрение со стороны окружающих людей. В некоторых случаях ориентация на высшее образование приобретает абсолютно утилитарный характер и воспринимается, например, как один из вариантов отсрочки от призыва в армию. Ценности получения новых знаний, возможности раскрыть свой талант, создать новое в интересующей сфере отходят на второй план:

...почему хочу учиться именно в вузе... чтобы быть успешной, быть богатой, потребность в хорошей жизни. Осознание того, что высшее образование обеспечивает нормальную, стандартную жизнь... (девушка, 17 лет, учащаяся 11 класса)¹.

...у меня два варианта – либо университет либо армия, я выбрал университет... (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

Высшее образование – это, прежде всего, профессиональное образование, поэтому у нас возник вопрос: как учащиеся осуществляют свой профессиональный выбор?

Н. Г. Хорошкевич дает следующую трактовку профессионального самоопределения: это процесс «определения человеком своего места в трудовой деятельности, сделанное на основе осознания своих интересов, и способствующее их реализации в процессе жизни» [5. С. 20]. Выбор профессии оказывается трудным и не всегда эффективным. В наших интервью мы встречались со следующими ситуациями: тщательно выверенным и давно сделанным выбором; стихийным выбором под влиянием друзей, родителей, моды, СМИ и т. п.; ориентацией на высшее образования в целом без указания конкретной специальности:

...решение стать хирургом я принял еще в 9-ом классе. Медицина – это мое призвание. У меня вся семья врачи – мама,

¹ В приведенных цитатах мы максимально стремились сохранить стиль информантов.

папа, сестры. Вот и я решил стать врачом... (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

...специальность мне без разницы...главное, чтобы высшее [образование]. Сейчас надо везде высшее, даже любая профессия при трудоустройстве, но чтобы в дипломе было написано «высшее»... (юноша, 16 лет, учащийся 11 класса).

Учащиеся прекрасно осознают, что после окончания школы выйдут будут востребованы не только знания, необходимые для поступления в вуз:

...школа должна готовить к жизни...к первым самостоятельным поступкам, к первым решениям... (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

...школа должна давать знание процессов, происходящих в обществе...знание того, в какое время ты живешь, что происходит вокруг тебя... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

Учителя солидарны в данном вопросе со своими учениками:

...я думаю, что школа должна выпускать людей, готовых к самостоятельному выбору, ни к папиному, ни к маминому, а к самостоятельному... (жен., 56 лет, учитель).

...надо научить его воспитанным быть. Нет, но культура тоже немаловажна. Уметь общаться, тоже ведь не все умеют. Уметь выстраивать отношения, где-то что-то спросить с одноклассника, где-то лояльность проявить. Это тоже уметь надо делать, потому что они ведь потом идут в новый коллектив в вузе, на работе и у многих проблемы с этим, потому что он не научился в свое время работе с коллективом, например, школьным... (жен., 48 лет, учитель).

Интересно то, что сами старшеклассники считают, что школа с этими задачами не справляется:

...здесь [в школе] очень много внимания уделяется теории, абсолютно оторванной от жизни... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

...школа дает знания, а всему остальному человек учится сам... (девушка, 17 лет, учащаяся 11 класса).

Действительно, каково же влияние школы на ценностные ориентации учащихся и какую роль она играет в готовности выпускников к жизни?

Школьники по-прежнему много времени проводят в школе, но она все больше и больше перестает быть для них «вторым домом». Девушки и юноши становятся автономными от нее. В наших интервью старшеклассники отмечали, что находятся в школе только во время уроков, предпочитая проводить свое свободное время за пределами учебного учреждения. Школа проигрывает конкуренцию друзьям, семье, СМИ, компьютеру, учреждениям дополнительного

образования (музыкальная школа, спортивные секции и т. п.). Получается, что внешкольная среда предоставляет больше возможностей для реализации потребностей и интересов учащихся. Стоит также отметить, что будущая вузовская жизнь представляется выпускникам более яркой и насыщенной, чем школьная:

Там [в вузе] весело, интересно, там много общения, там жизнь кипит. Вот у меня подруга в УПИ учится, так она рассказывает, что у них там всякие отряды, постоянно какие-то мероприятия, праздники... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

Скучно [в школе]...каждый день одно и то же, одиннадцать лет одни и те же лица (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

Внеучебная деятельность в рамках школы ограничивается участием или посещением более или менее крупных мероприятий, приуроченных к традиционным праздникам:

...в школе иногда дискотеки проводят...вот на них хожу. В прошлом году на новый год снегурочкой была... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

Существенное влияние на формирование системы ценностей оказывает взаимодействие с другими людьми. В школе основными субъектами взаимодействия являются учителя и ученики, но учитель не называется в качестве значимого субъекта, способного существенным образом повлиять на жизнь своих подопечных. Согласно данным исследования, проведенного екатеринбургскими социологами Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой, наибольший и важный вклад во взросление вносит общение с другими учениками, так считает 49 % учащихся старших классов. И лишь 16 % учеников отметили, что на данный процесс влияют отношения с учителями [2. С. 231].

Причин сложившейся ситуации можно назвать несколько: отсутствие общих интересов у учащихся и учителей; ориентация учителей только на свои узкопрофессиональные задачи и личную жизнь; ценностная разобщенность (как правило, учителя – это люди старшего поколения, ориентированные на «старую» систему ценностей); отказ учителю в наличии у него опыта, который является значимым для учащихся; неверные представления учителей о своих учениках. М. Р. Радовель отмечает, что, определяя взаимоотношения учащихся и учителей, оценку «отношения откровенные, доверительные (партнерские)» выбирают всего 15 % школьников, но зато 65 % учителей [4].

Таким образом, влияние школы и, в частности, учителей на формирование ценностных ориентаций старшеклассников оказывается несущественным. Отсюда следует, что необходимо стремиться к

атмосфере доверительного взаимодействия между учениками и учителями, а также к созданию условий, способствующих формированию самостоятельности, ответственности, инициативности учащихся.

Литература

1. Вершовский С. Г. Портрет выпускника петербургской школы (опыт социально-педагогического исследования) // Вопросы образования. – 2004. – № 4.

2. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Социальная компетентность взросления. – Екатеринбург, 2005.

3. Галицкая Е. Г., Петренко Е. С., Петренко К. В. Образовательные траектории детей и взрослых: семейные стимулы и поддержки. Информационный бюллетень. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – № 7 (30).

4. Радовель М. Р. «Болевые точки» отечественного образования (коммуникативно-диалоговое измерение). – [Электронный ресурс: // http://www.isras.ru/abstract_bank/1209879120.pdf].

5. Хорошкевич Н. Г. Социальные риски молодежи в высшем профессиональном образовании: Учеб.-методическое пособие. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007.

Международный академический обмен в Уральском регионе (на примере Удмуртского государственного университета)

В социологическом анализе современного образования и науки практически не уделяется внимания проблемам международного академического обмена. Между тем обменные процессы в образовании и науке становятся одним из ведущих факторов трансформации национальных систем образования, изменения стратегии развития образования и науки в целом. Активизация обменных потоков актуализирует анализ их эффективности с позиции развития и поддержания благосостояния общества.

Международный академический обмен представляет собой одну из составляющих международного сотрудничества в сфере образования и науки, динамично развивающую свои масштабы и формы протекания. Следует подчеркнуть, что международный академический обмен – это прежде всего, социально-коммуникативное взаимодействие, направленное на удовлетворение потребностей и ожиданий в сфере науки и образования представителей стран-участниц. Международный академический обмен имеет различные формы: программы академической мобильности, программы обмена студентами, преподавателями, учеными, международные конференции и семинары, совместные образовательные проекты, академический туризм¹, научно-исследовательские стажировки².

Участниками международного академического обмена являются высшие учебные заведения, международные фонды и организации в сфере науки и образования, государственные административные органы, а также отдельно взятые индивиды. Международные организации предлагают большое количество программ

* *Светлана Игоревна Базуева* – аспирант факультета социологии СПбГУ (г. Ижевск).

¹ См., например: *Миронов Д.* Академический туризм: на каникулы в Эстонии // Журнал «Санкт-Петербургский университет». – [Режим доступа: <http://www.spbumag.nw.ru/2007/04/15.shtml>].

² *Арефьев А.* Зарубежные стажировки: социологический анализ // Высшее образование в России. 2003. № 5.

международного академического обмена, например: программы DAAD (Германия), программа У. Фулбрайта (США).

Активными участниками международных обменных процессов являются российские университеты. Повышение конкурентоспособности в международном научно-образовательном пространстве напрямую зависит от степени вовлеченности высшего учебного заведения в обменные научно-образовательные процессы.

Одним из российских региональных вузов, участвующих в международном академическом обмене, является Удмуртский государственный университет³ (г. Ижевск, Удмуртия). Выбор данного вуза определен рядом причин: географическим расположением, профилем вуза, значимостью для региона, масштабом организации учебного процесса и научных исследований. Нам представляется более показательным исследование форм и масштабов международного академического обмена в региональном вузе, в этом случае развитие международного академического обмена происходит в реалиях российской действительности, только благодаря ресурсам (финансовым, организационным, интеллектуальным) и намерениям вуза, выраженным его руководством.

Удмуртский государственный университет (УдГУ) относится к классическим университетам, где ведется подготовка специалистов фундаментального и прикладного естественно-научного, социально-гуманитарного и инженерно-технологического образования. Всего в университете обучается 28 тысяч студентов на 86 специальностях. Руководством УдГУ признается важность процессов глобализации и включения России в Болонский процесс как факторов развития высшей школы. Укрепление позиций университета на международном рынке образовательных услуг является стратегическим направлением деятельности УдГУ.

Проведение международного академического обмена в УдГУ основывается на законах РФ «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», а также на нормативных документах, выработанных университетом: уставе вуза, стратегической программе развития УдГУ на 2006–2010 гг.; правилах организации международной деятельности; соглашениях об организации академических обменов между вузами-партнерами; соглашениях о командировании ППС в зарубежные образовательные организации; приказах ректора относительно международной деятельности и реализации отдельных совместных программ.

³ В подготовке тезисов был использован материал исследования, проведенного автором, предоставленные материалы УМС УдГУ, а также материал с официального сайта УдГУ <http://v4.udsu.ru>

Такая нормативная база выступает гарантом регулирования обменных процессов в области образования и науки.

Основной структурой, деятельность которой заключается в развитии научно-образовательных и культурных связей УдГУ, содействии обмену студентами, профессорско-преподавательскими и научными кадрами, участию в международных научно-образовательных программах, является Управление международными связями. Основными формами международного академического обмена в рамках подписанных соглашений, являются: обменные студенческие и преподавательские программы; обмен научной информацией, материалами и литературой; совместные научные исследования; организация летних (языковых) школ, проведение стажировок студентов, аспирантов и преподавателей, международных научно-методических семинаров, научных конференций.

УдГУ поддерживает партнерские отношения в рамках 30 международных договоров с вузами и другими научно-образовательными организациями Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Ежегодно в УдГУ реализуется обмен студентами и преподавателями с 4 зарубежными вузами: Финляндия – Хельсинкский университет и Академия Або г. Турку; Ю. Корея – Кемьонгский университет г. Тегу; Испания – Гранадский университет; Словакия – Университет г. Братиславы (только преподаватели). За период 2002–2007 гг. в УдГУ в рамках различных программ и стажировок работали преподаватели из Венгрии, Финляндии, Германии, Испании.

В 2007 году преподавателями и студентами УдГУ было подано 54 заявки по научно-образовательным программам DAAD, IREX, Fulbright, Фонда им. Р. Боша, CIMO, UGRAD, Министерства образования Венгерской Республики, Министерства иностранных дел Испании, Muskie, из них выиграно 26 (21 студент и 5 преподавателей). Всего за 2002–2007 годы было выиграно преподавателями и сотрудникам УдГУ 27 индивидуальных заявок на получение международных грантов и стипендий. Важно заметить, что международный академический обмен в УдГУ происходит в двустороннем направлении и носит симметричный характер. За 2003–2008 гг. в программах обмена на основе двусторонних соглашений (в зарубежных стажировках, по индивидуальным программам, предоставляемыми международными фондами и организациями) участвовало 180 человек, из них преподавателей – 93, студентов – 87. В свою очередь УдГУ принял в рамках обменных программ на основе двусторонних соглашений, зарубежных стажировок, индивидуальных программ, предоставляемых международными фондами и организациями, семинаров и конференций, официальных визитов 146 иностранных гостей – студентов (69), преподавателей (64), официальных лиц (13).

Академический обмен в основном ведется в области гуманитарных наук, филологии. Отсутствие программ на английском языке препятствует развитию обменных программ в других научных областях. Совместная деятельность в международных программах способствует выстраиванию сетевого взаимодействия УдГУ с зарубежными и российскими вузами, что становится основой для дальнейшего развития международного академического обмена: организации совместных научно-исследовательских проектов, стажировок, семинаров, конференций, летних школ.

Итак, происходит структурное оформление международного академического обмена, создание специализированных структур, обладающих информационными, организационными ресурсами, географическое расширение международных контактов, дифференциация организационных форм международного академического обмена, включение в межвузовскую сеть, участие в совместных программах, организация стажировок, поддержка индивидуальной мобильности, а также информационное сопровождение международного сотрудничества международного академического обмена.

Международный академический обмен характеризуется как социальное взаимодействие акторов в международном научно-образовательном пространстве, которое ведет к наращиванию человеческого капитала, развитию международных социальных связей. Актуальность изучения международного академического обмена возрастает в связи с тем, что его результаты проявляются в создании новых программ, трансформации организации учебного процесса, а также в разработке новых научных направлений и развитии инновационной составляющей образования. Кроме того, по нашему мнению, особый интерес представляют междисциплинарные исследования определенных аспектов данного процесса, например такие, как миграция участников международных обменных процессов и отражение этого процесса на развитии отечественной науки.

С. В. Балюк*

Формирование образа зарубежных стран в процессе обучения

Система образования – неотъемлемая составляющая социальной структуры общества, социальный институт, который выступает одним из основных источников получения знания об окружающей действительности, в том числе о жизни других народов, и при этом влияет на процесс конструирования образов зарубежных стран.

Так, американский социолог К. Боулдинг в своих работах, посвященных проблеме конструирования и функционирования образов, поднимая вопрос о том, когда и как формируются представления о других странах, обратил внимание на то, что они начинают складываться еще в детстве, в частности, в процессе формального обучения [2. Р. 68]. Со временем первичные образы дополняются, развиваются, изменяются, но, вместе с тем, часто продолжают оставаться в основе новых представлений.

При этом коммуникативная среда образовательной и научной деятельности занимает одно из важнейших мест в обществе. Ее влияние прослеживаются на уровне семьи, трудовой сферы, государства и т. п. Не составляет исключения и влияние данного социального института на процесс формирования образа стран мира.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать роль среднего и высшего образования в конструировании образов других народов.

Мы рассматриваем формирование образа страны как коммуникативный процесс, то есть трансляцию или передачу информации, идей, знаний о культуре, политике, экономике этой страны, ее истории, географических особенностях, местных жителях и т. д. Поэтому при рассмотрении поднятой нами проблемы необходимо, в первую очередь, остановиться на основных элементах коммуникативной модели. В наиболее общем виде, в том числе в сфере образовательного дискурса, коммуникация предусматривает наличие, как минимум, трех ключевых составляющих: коммуникатор – сообщение – реципиент. Другими словами, коммуникация явля-

* *Светлана Владимировна Балюк* – аспирант кафедры прикладной социологии Харьковского национального ун-та им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

ется разновидностью взаимодействия между определенными субъектами посредством определенного объекта – сообщения. Последнее, по сути, и представляет собой информацию о стране. Что касается субъектов коммуникации, то к ним относятся:

- коммуникатор (в данной ситуации в качестве коммуникатора сообщения может выступать как коллегиальный отправитель – учебное заведение, коллектив преподавателей или исследователей, так и непосредственно единоличный субъект, а именно учитель или преподаватель; государственные органы в лице министерства образования и науки, областных, региональных управлений; иностранные преподаватели, школьники и студенты; авторы учебников и других учебных материалов; одноклассники или одноклассники);
- получатель сообщения (основным получателем может быть ученик или студент, другие ученые или преподаватели).

Специфичность процесса коммуникации в системе образования состоит в том, что он происходит целенаправленно, систематично, планомерно, от коммуникатора к реципиенту или получателю сообщения.

Процесс передачи-получения информации всегда осуществляется в рамках информационного пространства. Прежде всего, речь идет об учебных курсах, которые включены в образовательный процесс. К таким курсам можем отнести географию, историю, обществоведение, зарубежные языки – в средней школе; культурологию, социологию, политологию, философию и ряд других социогуманитарных дисциплин – в вузе. В данном случае необходимо также отметить роль педагога в процессе обучения, который, передавая свои знания, высказывая свое авторитетное мнение, может повлиять на формирование взглядов учеников и студентов.

Неотъемлемая составляющая процесса изучения курса – самоподготовка посредством обращения к специальной литературе, в частности, к учебникам, представляющими собой не что иное, как текст, в котором находят наиболее концентрированное выражение дискурсивные практики создания легитимного образа «другого» [1]. Однако в последнее время возрастает роль сети Интернет как источника получения знания в рамках образовательного процесса [3].

Особое место в процессе межкультурной коммуникации отводится таким формам научной коммуникации, как международные конференции и семинары, летние школы, форумы и т. д., которые дают возможность учащимся, не выезжая за пределы своей страны, не только получить новые знания, но и непосредственно пообщаться с представителями других стран.

С учетом вышесказанного отметим, что система образования является одним из определяющих целенаправленных механизмов

формирования образов зарубежных стран, основой конструирования целостной системы представлений о мире. Данное утверждение должно учитываться при составлении государственной программы по формированию положительного международного образа своей страны за рубежом, а на практике должно быть реализовано посредством сотрудничества с Министерствами образования и науки различных государств.

Вместе с тем, данная тема является недостаточно разработанной в современной социальной науке, поэтому нуждается в дальнейшем систематическом изучении.

Литература

1. *Портнов А.* Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2004/12/14/portnov.html>].
2. *Boulding K. E.* The Image: Knowledge in Life and Society. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1961.
3. Global / worldwide Internet statistics sources 2008 [Electronic resource]. – [Available on: <http://www.davechaffey.com/E-business/C1-Introduction/Global-worldwide-Internet-statistics>].

М. Б. Буланова*

Социология образования как учебная дисциплина в гуманитарном вузе (опыт Российского государственного гуманитарного университета)

Утверждение социологии образования в качестве отраслевой социологической дисциплины отразилось сегодня в более широком ее преподавании как учебной дисциплины. Социология образования входит в блок специальных учебных дисциплин в программе подготовки профессиональных социологов, но актуальность и специфика делаю возможным ее преподавание для более широкого круга специалистов-гуманитариев.

Как известно, образование относится к числу тех редких явлений и процессов общественной жизни, которые затрагивают интересы каждого человека, а поэтому привлекают пристальное внимание представителей целого ряда социальных и гуманитарных наук. Кроме того, современное общество все чаще осмысливается исследователями как «общество знаний» (В. Л. Макаров), «образовательное общество» (И. Ильинский).

Образование является объектом и предметом изучения ряда наук. Среди них: педагогика, философия, экономика и социология. Каждая из них сформировала свой особый подход к этому многогранному социальному явлению.

Педагогический подход к образованию сложился исторически первым.

Суть его – связать образование с обучением и воспитанием человека, осуществляемым в ходе учебно-воспитательного процесса с помощью определенных методов, средств, форм педагогической деятельности.

Философский подход – самый широкий. По мнению акад. РАО Ф. Т. Михайлова, это фундаментальная теория образовательной деятельности. Плюсы такого подхода очевидны. Его использование дает понимание основных направлений и перспектив развития образования, позволяет осознать такое явление современ-

* *Марина Борисовна Буланова* – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

ности, как единое образовательное пространство, изучить особенности мирового кризиса образования.

Экономический подход к образованию позволяет рассмотреть его в качестве важнейшего социально-экономического ресурса развития общества и личности. С помощью данного подхода возможно изучение рынка образовательных услуг, разработка вопросов образовательного маркетинга.

Наблюдаемое разнообразие подходов к изучению образования – необходимое условие проведения успешных междисциплинарных исследований.

В диалоге об образовании социология имеет *преимущества* перед другими науками.

Первое преимущество: социология начинает изучать образование позже других наук – в конце XIX века и имеет уникальную возможность воспользоваться результатами уже сложившихся подходов к изучению данного социального явления. Социология изначально опирается на уже обобщенную и обработанную другими науками информацию: о системе образования, ее отдельных формах, составе обучающихся и преподавателей, инфраструктуре образования и др.

Второе преимущество: социологический подход нацелен на определение места и роли образования в обществе. Это дает возможность уникальной «встречи наук»: ведь социологию интересует взаимовлияние, взаимодействие образования и других подсистем общества (экономической, политической, социальной, культурной).

Третье преимущество: социология «приглашает» к диалогу об образовании все другие науки, устанавливает связи между ними. Учитывая наработки в этих науках, социология обогащает их подходы. Следствием такого содружества выступают, например, деятельностный, социокультурный, коммуникативный подходы.

Подход к образованию как к определенному виду деятельности близок к педагогическому и психологическому подходам. Обогащающее влияние социологии проявляется в том, что в рамках *деятельностного* подхода образование рассматривается не просто как вид деятельности, но как элемент образа жизни социальной общности, института, личности. На этих уровнях данный подход предполагает изучение образовательных потребностей, ценностных ориентаций, интересов, диспозиций, установок, мотивов, реализующихся через образование.

Социокультурный подход близок к философскому. Культура выступает универсальной составляющей жизнедеятельности человека. Образование является важной опорой, выполняет роль транслятора, передаточного звена культуры, охватывает всю деятельность человека по освоению культуры [См.: 4. С. 72]. Учитывая

это, социология делает акцент на тот факт, что, выполняя социокультурные функции, образование способствует активному включению индивидов в социальную среду, выступает средством воссоздания целостности общества и личности.

Коммуникативный подход к образованию особенно важен в современных условиях. Здесь встречаются социолингвистика, семантика, семиотика, психология, социология. В рамках данного подхода разработка проблем образования предполагает обращение к анализу знаковых процессов, знаковых и символических структур и систем. С точки зрения социологии, в частности, этот подход объясняет, что переход от одного этапа институционального развития образования к другому происходит каждый раз через новые средства коммуникационного и информационного взаимодействия (язык, письменный текст, информация как средство коммуникации) [См.: 6].

Четвертое преимущество связано с разработкой в рамках социологии специфических подходов к изучению образования. Среди них: институциональный и системный подходы.

В рамках *институционального* подхода рассматриваются проблемы взаимосвязи образования с производством, наукой, культурой и другими социальными институтами. Осуществляется анализ взаимодействия социальных общностей в сфере образования, а также форм совместной деятельности различных слоев и групп. Кроме того, выявляются престиж и авторитет системы образования, изучаются возможности взаимодействия между ступенями образования, анализируются этапы и тенденции развития этого социального института.

Системный подход позволяет охарактеризовать образование как автономное структурно-целостное единство, изучить строение образования в связи с выполняемыми им функциями [См.: 2. С. 133–135].

Используя данные специфические подходы, социология образования может решать свои задачи, отличные от других наук. Среди них: изучение и оценка потребностей в образовании, его роли в жизни общества и личности; анализ уровня и качества знаний в контексте их социальной значимости; отношение общества к образованию, изучение его социальной ценности; выявление статусной роли образования и степени его влияния на динамику развития общества [См.: 7. Гл. 21].

В настоящее время особым образом следует оговорить эвристические возможности изучения образования с помощью *аксиологического* подхода. Являясь классическим философско-социологическим подходом, со временем он был заменен более значимыми для развития социологии образования институциональным и системным подходами. Однако сейчас изучение процесса ценностного преломления образования, включения его ценностей в

ткань повседневного социального и личностного бытия позволяют осмыслить превращение образования как в индивидуально и социально значимый вид деятельности, так и в особое «жизненное пространство» (С. И. Григорьев, Н. А. Матвеева).

Итак, в изучении образования социологии есть чем поделиться с другими социальными и гуманитарными науками. Отсюда, проблематика социологии образования, а также междисциплинарные и специфические методы изучения этого многогранного социального явления которые, могут быть интересны для будущих профессионалов-гуманитариев.

В РГГУ спецкурс «Социология образования» преподается студентам-социологам 4-го курса. Основной базовый учебник – *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Социология образования. М., 2005. Однако в настоящее время складываются условия для преподавания данного курса студентам других гуманитарных специальностей. В соответствии с опытом преподавания «Социологии образования», накопленным коллегами на Урале, в программе этого курса для специалистов-гуманитариев можно предложить три блока.

Первый блок – *теоретический*. Его цель – «очертить социологическое поле дисциплины» среди других наук. В этой части можно конкретизировать теоретико-методологические подходы к изучению образования, а также познакомить студентов с парадигмами образования (в частности, с новой парадигмой, так актуальной сегодня – самообразованием) [См.: 8].

Второй блок – *исторический*. В данном блоке необходимо применить исторический подход, познакомить слушателей с этапами становления и развития этой отрасли социологического знания. Следует проанализировать классические и современные концепции образования, представленные отечественной и западной социологией.

Третий блок – *эмпирический*. В этой части применяется эмпирико-прикладной подход. Речь идет о задачах, возникающих перед социологией образования в связи с подготовкой и проведением эмпирических исследований. Необходимо познакомить слушателей с количественными и качественными стратегиями эмпирического исследования образовательных потребностей различных слоев населения, самого процесса, ступеней, качества и эффективности образования.

Таким образом, расширение рамок курса социологии образования в гуманитарном вузе позволит обогатить социологическое образование студентов несоциологических специальностей.

Литература

1. *Григорьев С. И., Матвеева Н. А.* Неклассическая социология образования начала XXI века. – Барнаул, 2000.
2. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Социология образования. – М., 2005.
3. *Ильинский И.* Образовательная революция. – М., 2002.
4. *Коган Л. Н.* Социология культуры. – Екатеринбург, 1992.
5. *Михайлов Ф. Т.* Философия образования: ее реальность и перспективы // Вопросы философии. – 1999. – № 8.
6. *Нечаев В. Я.* Новые подходы к социологии образования // Социологические исследования. – 1999. – № 11. См. также: *Добренчиков В. И., Нечаев В. Я.* Общество и образование. – М., 2003.
7. *Тощенко Ж. Т.* Социология. – М., 2005.
8. *Шуклина Е. А.* Социология самообразования: предпосылки, методология, методика. – Екатеринбург, 1999.

Бизнес-образование в контексте взаимодействия с государственными и бизнес-структурами: основные принципы и направления развития

Развитие бизнес-образования является неотъемлемой составляющей реформирования и модернизации системы профессионального обучения управленческих кадров на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. С начала 1990-х годов в России формируется рынок образовательных услуг для сферы предпринимательства и малого бизнеса. Социальная обусловленность и прагматическая направленность бизнес-образования на региональном и муниципальном уровнях обусловлена, прежде всего, потребностями достижения критической массы рыночно-ориентированных кадров, формированием цивилизованных рыночных отношений и необходимостью поддержки субъектов предпринимательства и малого бизнеса.

За полтора десятилетия в подготовке менеджеров, предпринимателей, кадров управления различного уровня произошли разительные перемены. Сменилась образовательная парадигма «от обучения на всю жизнь» к обучению «через всю жизнь». Теперь бизнес-образование стало основным «поставщиком» кадров для рыночной экономики. Качество подготовки менеджеров предопределяет успех социально-экономических реформ, судьбу развития предпринимательства как основы рыночной экономики.

В Российской Федерации сформирована широкая сеть субъектов бизнес-образования – региональные и муниципальные учебные центры, корпоративные и виртуальные университеты, бизнес-школы, консультативные фирмы, консорциумы. Бизнес-образование институционализировано как авторитетная и вполне самостоятельная подсистема образования Российской Федерации.

Методологической основой современного бизнес-образования выступают нацеленность на массовое обучение предпринимателей и бизнесменов в интересах формирования конкурентной среды как

* *Галина Вячеславовна Вельтищева* – бизнес-тренер Центра корпоративного обучения и консалтинга «Свободный выбор» (г. Екатеринбург).

генератора рыночной экономики, кардинальные демократические и экономические преобразования, интеграция России в мировую экономику. Главные цели бизнес-образования состоят в передаче профессиональных знаний о рынке, выработке умений и предпринимательских навыков, формировании личностных качеств, жизненной позиции и мировоззрения менеджеров.

В методологии профессионального обучения менеджеров важное значение придается инновациям, разработке и использованию различных форм интенсивной учебной работы. Сейчас трудно представить деятельность бизнес-школ без таких эффективных методик, как тренинги, разбор конкретных ситуаций (кейс-методика), технологии обучения действием. Реализация учебных программ предполагает освоение методов решения конкретных бизнес-задач, развитие профессионального мастерства, влияние на формирование системы социальных ценностей.

Как социальный феномен, бизнес-образование стало представлять уникальный комплекс. Через бизнес-образование пролегает путь к достижению успеха любых компаний, организаций, предприятий в их экономическом развитии. Бизнес-школы и учебно-деловые центры играют важную роль в экономическом просвещении населения на муниципальном уровне, развитии предпринимательских навыков, расширении ассортимента и повышении качества образовательных услуг. Важной функцией бизнес-образования становится развитие коммуникаций, укрепление связей между предпринимательскими структурами и местным сообществом. Будучи рыночной структурой, бизнес-образование является самой представительной частью рынка образовательных услуг.

Характерные подходы бизнес-школ, центров управленческого образования, вузов состоят в использовании следующих принципов:

- прагматизм (ориентация на развитие предпринимательства и бизнеса, практическая конкретность и индивидуальная значимость программного материала);
- междисциплинарный характер обучения, предусматривающий освоение экономико-управленческих и правовых дисциплин, тематических спецкурсов;
- теоретическое и эмпирическое осмысление экономической системы, ситуационный подход, моделирование реальных процессов;
- гибкость программ, блочно-модульная организация дополнительного профессионального образования;
- многообразие уровней, форм и методов обучения, включая подготовку преподавателей и консультантов для бизнес-школ и учебно-деловых центров.

Российские бизнес-школы и региональные учебно-деловые центры все больше ориентируются на конкретную цель, предоставление клиентам образовательных услуг через интенсивные тематические курсы и семинары. В качестве источника, определяющего уровень фундаментальности обучения, выступает все больше реальный потребитель образовательных услуг со своим уровнем проблемности, поиском технологий успешных бизнес-решений.

Концептуальные особенности российской сферы бизнес-образования заключаются:

- в специфике учебного процесса, в том, что учиться технологиям предпринимательства приходят люди с высоким уровнем образования и культуры;
- в кардинальных изменениях структуры управленческого образования, его ориентации на углубление содержания подготовки управленцев через освоение и широкую институционализацию различных программ;
- в широком освоении программ MBA (Мастер делового администрирования) как продвинутой формы профессионального бизнес-образования.

За прошедшие годы со стороны органов государственного и муниципального управления изменилось отношение к бизнес-образованию. Однако острота проблемы регулирования дополнительного профессионального образования, включая бизнес-образование, не снижается. Сохраняет актуальность необходимость более эффективного взаимодействия органов государственного управления и структур местного самоуправления, профессионального сообщества ученых и специалистов системы образования, деловых людей и предпринимательских структур.

В последние годы для бизнес-образования открылись широкие перспективы освоения методов дистанционного обучения, информационных и новых обучающих технологий, обращенных к личности. Однако решение этой проблемы требует приоритетной переподготовки преподавателей и консультантов, ресурсного и информационного оснащения учебного процесса, его компьютеризации, освоения сетевых технологий, особенно на региональном и муниципальном уровнях.

Хорошим подспорьем для обмена и заимствования передового опыта служат конференции и семинары, тематические публикации и издания Российской ассоциации бизнес-образования, Академии менеджмента и рынка, ведущих вузов экономического и управленческого профиля, региональных учебно-деловых центров. Обретённый в 1990-е и последующие годы опыт показывает, что к

числу актуальных и взаимосвязанных задач развития российского бизнес-образования следует отнести:

- расширение диапазона услуг сферы бизнес-образования, повышение его престижа и значимости в российском обществе как важнейшего элемента инфраструктуры российского бизнеса;
- совершенствование методологических и дидактических основ бизнес-образования, повышение уровня педагогической подготовки специалистов, приглашаемых к обучению менеджеров;
- улучшение координации деятельности бизнес-школ и региональных центров подготовки менеджеров, повышение уровня управления профессиональным развитием персонала структур предпринимательства и бизнеса, образовательными учреждениями.

Главный итог пятнадцатилетней деятельности инициаторов и вдохновителей отечественного бизнес-образования, федеральных и региональных органов управления образованием состоит, прежде всего, в том, что переход к рынку бизнес-образования состоялся. Однако, эта важная подсистема профессионального образования нуждается в усилении государственной и муниципальной поддержки, заинтересованном отношении предпринимательских структур.

Школы бизнес-образования и учебно-деловые центры накопили опыт, освоили пространство кадровой поддержки малого бизнеса и предпринимательства. В перспективе предстоит овладеть системной парадигмой развития бизнес-образования, включающей опору на фундаментальные знания, диагностику реальных проблем бизнеса, эффективные обучающие системы и информационные технологии, кооперацию и взаимодействие участников этого процесса.

Школа – территория межкультурной коммуникации

В связи с большой миграцией населения, в город прибывает много иностранных граждан, из ближнего и дальнего зарубежья, в основном из стран с неблагоприятной политической или экономической обстановкой. Одни школы наполняются детьми китайской национальности, в другие поступает много детей из Киргизии и Таджикистана. Это зависит от места расположения школы в городе и места проживания и работы родителей этих детей. В данной ситуации неизбежно появляется проблема взаимоотношений, взаимодействия детей иностранцев и коренного населения.

Нами проанализирована ситуация межкультурного взаимодействия учащихся разных национальностей на примере 8 и 11 классов МОУ СОШ № 79 Верх-Исетского района г. Екатеринбург.

В школу ежегодно, на протяжении длительного времени, поступали учиться дети разных национальностей. При исследовании данного вопроса были обследованы два класса: 8 «Б» и 11 «А».

В 8 классе обучаются 25 детей следующих национальностей: русские – 11, татары – 4, башкиры – 1, марийцы – 2, немцы – 2, латыш – 1, украинка – 1, татаро-гречанка – 1, таджик – 1, киргиз – 1. Таким образом, русских в классе – 44 %, детей других национальностей – 56 %.

В 11 классе обучаются дети следующих национальностей: русские – 13 человек, кореец – 1, еврейка – 1 (беженка из Израиля, родной язык – иврит), езид – 1 (родной язык армянский), табасаранец – 1 (из Дагестана, говорит на родном языке), мариец – 1, талышка – 1 (этническая нация в Азербайджане), татары – 1, башкиры – 1. Таким образом, русских в классе – 61,9 %, детей других национальностей – 38,1 %.

Многие из детей-иностранцев не говорили на русском языке. Их семьи исповедуют разные религии (мусульманство, иудаизм, староверие, христианство).

* Анастасия Викторовна Гаук – аспирант, ст. преподаватель кафедры СиСТУ УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

** Севинч Рзаева – учитель МОУ СОШ № 79 (г. Екатеринбург).

Вследствие большого скопления в школе детей разных национальностей, культур, вероисповеданий стали происходить конфликты на почве национальных, культурных и религиозных убеждений. Перед педколлективом встал вопрос о нормализации отношений между детьми. К решению этой проблемы были подключены социальные педагоги, психологи. Проводились тренинги с учащимися, индивидуальная работа психолога с отдельными детьми (провокаторами), консультации социального педагога и психолога для преподавателей и родителей. Для ликвидации языкового барьера, по отдельным предметам для детей составлялись индивидуальные рабочие программы. На предметах социально-гуманитарного цикла, в системе, на уроках и в внеурочное время проводилась работа на сплочение коллектива: при изучении различных культур и религий каждый рассказывал о своей вере, культуре, традициях, говорил и пел песни на своем языке; проводились общешкольные интернациональные мероприятия, где каждый мог выступить на своем родном языке. Немаловажную роль играет тот факт, что интернациональным является и педагогический коллектив (русские, евреи, татары, азербайджанка, поляки, латыши, мордовцы, башкиры).

После проведения комплекса мероприятий обстановка в школьном коллективе нормализовалась. Появилась интернациональная группа лидеров в 11 классе (езид, еврейка, кореец и русские), которая помогала педагогам в работе.

В 2009 году среди учащихся 8 и 11 класса было проведено социологическое исследование. Выяснилось, что 62,5 % исповедуют христианство, 17,5 % – мусульманство, иудаизм – 5 % учащихся, атеисты – 15 %. Многие признались, что в церковь не ходят, хоть и хорошо относятся к своей вере, чтят культуру и традиции. Однако ребята говорили, что у них свое представление о боге и им легче обратиться к нему напрямую. В школьном коллективе произошла ассимиляция учащихся и педагогов по национальному и религиозному признакам. На сегодняшний день терпимо относятся к различным религиям 18 % учащихся, безразлично – 77 %, нетерпимо – 5 %.

Проблему возникновения межнациональных конфликтов учащиеся видят: в нетерпимости к другой национальности – 15,4 %; в непонимании – 12,8 %; в религиозном непонимании – 10,2 %, в неуважении к людям – 10,2 %, самомнении – 5,2 % и т. д.

На вопрос, почему конфликтуют люди разных национальностей, находящиеся на одной территории, учащиеся ответили следующее: из-за территории – 15,4 %, из-за проявления расизма – 15,4 %; из-за неуважения к другой религии – 10,2 %, из-за непонимания – 10,2 %; из-за самомнения – 5,1 %; из-за внутреннего негатива по 5,1 %.

Все учащиеся в разговоре отмечали отрицательную роль родителей в привитии неприятия, страха к некоторым национальностям.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что у детей проблемы межнациональной коммуникации нет, им ее внушают окружающие их взрослые люди. Нигде не написано, что дети испытывают неприязнь друг к другу, причины они видят в политике, СМИ, семье, поэтому надо проводить работу с родителями, детьми-мигрантами для реабилитации и быстрее вхождения в социум, организовывать просветительскую работу со всеми учащимися, чтобы предотвратить распространение националистических взглядов.

Проведенный опрос в 8 и 11 классах МОУ СОШ № 79 дал достаточно много сведений, которые отражают отношения учеников к другим нациям, религиям и культурам. В представленных тезисах мы осветили лишь часть вопросов об отношении ребят к другим национальностям и религиям.

*Л. М. Дормидонтова**

Государственная политика в области социального образования

Как известно, в ходе социально-экономических преобразований в нашей стране, в угаре рыночных изменений была оставлена за бортом отходящего от «берегов» социализма капиталистического «корабля», большая группа населения, которая в силу объективных причин не смогла на него попасть. Переход к новым общественным отношениям неизбежно привел к ухудшению социально-экономического положения населения. Численность людей, живущих за чертой бедности, колебалась в пределах от 40 до 60 %. Углубляются территориальные и национальные конфликты, что влечет за собой рост числа граждан, которых следует квалифицировать как беженцев. Появляются и другие новые категории населения, требующие социально-правовой защиты и материальной поддержки.

А изменение статуса самого государства привело к тому, что на первых этапах преобразования оно не всегда могло контролировать те или иные политические и экономические процессы. Ослабла государственная политика в области социальной защиты населения. Возникли противоречия между успешно адаптированной частью граждан и значительным числом неадаптированных к условиям рыночных отношений. По сути говоря, политика государства на первом этапе была сведена к наблюдению за протекающими процессами.

Второй этап государственной политики можно назвать мобилиующим. Стало очевидным, что определенные социальные группы не могут обеспечить свою жизнедеятельность самостоятельно. Они нуждаются в планомерной, последовательной государственной политике, отвечающей требованиям избранной концепции «социального государства». Этот период характеризуется частичным восстановлением утраченных социальных структур, осуществлявших поддержку населения. Наметились процессы реформирования социальной сферы, создания новой системы социальной помощи и защиты определенных групп граждан. Расширение этой

* *Любовь Михайловна Дормидонтова* – канд. социол. наук, почетный работник СПО РФ, доцент кафедры экономики и управления Российского государственного социального университета (г. Уфа).

деятельности повлекло за собой разработку новой государственной политики. Она в определенной степени была связана с подготовкой специалистов для сфер социальной деятельности, выполняющих следующие важные функции:

- диагностика и прогнозирование неблагоприятных жизненных ситуаций людей;
- правозащитная и предупредительно-профилактическая;
- социально-медицинская;
- психологическая;
- социально-педагогическая и др.

Функциональная деятельность работника социальной сферы существенно расширилась, что вызвало изменение его профессионального статуса. Официальное введение в 1991 году в России института социальных работников как профессии потребовало формирования системообразующей структуры социального образования. Первоначально это были специальные курсы, организованные при учебных заведениях, затем были созданы факультеты в различных вузах страны. Процесс был завершён созданием первого в России государственного социального университета (РГСУ).

Третий этап следует охарактеризовать как институциональный. Он продолжается и сегодня. Расширяется сеть вузов и других образовательных учреждений в различных регионах Российской Федерации. Выделяются уровни отечественного социального образования: от начального социального образования до послевузовской социально ориентированной подготовки высококвалифицированных специалистов. Государственная политика направлена на расширение возможностей социально ориентированного государства и, как следствие, поддержку и стимулирование системы профессионального образования социальных работников. В настоящее время вузы социального образования выполняют ряд важных функций. Среди них:

- эффективная подготовка кадров для социальной сферы;
- переподготовка и повышение квалификации специалистов;
- удовлетворение потребностей личности;
- изучение содержания, форм и методов социальной работы;
- мониторинг социальной сферы и социальной ситуации и т. д.

Множество функций социального образования можно свести к четырем основным: научно-исследовательская, прикладная, нравственная и духовная. Как отмечает В. И. Жуков, что без использования научных достижений нельзя сформировать профессиональные качества; без внедрения знаний, умений, навыков в социальную практику нельзя рассчитывать на способность быстро реагировать на меняющуюся социальную ситуацию в обществе, без соблюдения основных нравственных ценностей люди, пред-

ставляющие область социального управления, не могут пользоваться доверием тех, кого они обслуживают [1. С. 275].

В настоящее время, Россия вновь оказалась в ситуации глобального экономического кризиса. Со многими кризисными проблемами и их последствиями мы уже сталкивались, ряд из них нам удалось преодолеть и постепенно решить. Следует признать, что население современной России уже переживало, и не раз, безработицу, инфляцию, экономический спад. Но отличительной чертой современного периода является то, что сегодня в стране уже подготовлена большая группа профессионалов, способных оказать грамотную социальную помощь населению. В этих условиях социальное образование постепенно становится действенным инструментом государства, одним из институтов, способствующих решению социальных проблем, консолидации российского общества, осуществлению антикризисной политики.

Литература

1. Жуков В. И. Университетское образование: история, социология, политика. – М.: Академический Проспект, 2003.
2. Социальная политика: парадигмы и приоритеты. – М., 2000.

Компаративные исследования в сфере профессионального высшего образования

Специализированное обучение имеет четкую организационную фрагментацию, но при этом предполагает, что полноценное образование возможно только тогда, когда различные его секции взаимозависят и дополняют друг друга как интегрированные части создаваемого «продукта», такого как образованный человек. Основная ошибка действующих объединений заключается в отношениях, сложившихся между специализированными факультетами и школами. Базовые специализированные объединения концентрируются на дисциплинах, связанных с профессиями: юридическими, медицинскими, архитектурными, фармацевтическими, инженерными, сельскохозяйственными педагогическими, торговыми и т. д. Все преподаватели и студенты внутри этих образований имеют общие профессиональные интересы, объединяющие их, идентичность, обеспечивающую важный внутренний источник коллегиальности и единства, но, в то же самое время, принадлежность к данной общности является причиной ее дистанцированности от других объединений одного и того же университета. Студенты в рамках таких объединений обязаны специализироваться в одной области обучения, у них отсутствует или есть небольшая возможность перехода в другие объединения в пределах учреждения.

Такая структура сложилась давно и доминировала в Европе и в Латинской Америке. Французские и итальянские университеты являются примерами таких объединений. Несмотря на то, что формально факультеты и школы находились рядом, в одном регионе, входили в общую национальную систему образования, что могло бы привести их к близким отношениям, европейские факультеты были настолько автономны и самодостаточны, что не нуждались в иных группах. Они имели собственный штат преподавателей и ученых, клиентуру и ресурсы. Так строится кампусная система высших учебных заведений, позволяющая располагать ряд школ, факультетов, а зачастую и университетов вдалеке от городов, ог-

* *Алексей Константинович Ерохин* – канд. филос. наук, доцент Тихоокеанского государственного экономического ун-та (г. Владивосток).

раждая их от внешнего влияния. Но автономия может достигаться и в пределах университетов, составленных главным образом из профессионально специализированных объединений. К такой системе тяготеет российская высшая школа, американская и большинство континентальных университетов, смоделированы по данной схеме. Автономия специализированных школ или факультетов может быть чрезвычайно высокой (США), практически доходящей до экономической самостоятельности. В государственных университетах, преобладающих в Европе и России, автономия зависит от общего университетского бюджета. В определенных случаях в Германии и США отдельные университетские школы или факультеты достигают автономии за счет прямых правительственных ассигнований на проведение длительных исследований или создание рабочей базы. Таковы, например, медицинские школы ведущих университетов США, являющиеся опорой государственной Службы общественного здоровья США по оказанию медицинской помощи населению а, следовательно, поддерживаемые значительными государственными дотациями.

Повсеместно базовые объединения, создающиеся на гуманитарных и естественнонаучных факультетах университетов, «обслуживают» значительное количество областей и их разделов. В США, Новой Зеландии, Канаде гуманитарные и научные факультеты обычно являются сердцевинной университетских объединений, по сравнению с профессиональными школами. Такая гетерогенность создает объединение, которое трудно скрепить коллегиальностью. Это основное объединение обычно имеет несколько деканских офисов, стоящих выше отделов/кафедр, укомплектованных администраторами и связанных в иерархическом порядке с административным офисом президента или ректора центрального университетского городка. Всесторонний характер этого базового факультета характеризует бюрократию кампуса американских университетов и колледжей.

Степень взаимозависимости в структуре факультетов значительно определяет возможности реформирования учебных планов. Высшее образование Европы, России, Латинской Америки базируется исторически на завершеном всеобщем школьном образовании, достаточно широком для того, чтобы выбрать на этой основе последующую специализацию. Как следствие, специализированные факультеты российских, европейских и латиноамериканских систем высшего образования становятся глубоко институционализированными, ограниченными программами средней школы и рынком труда. Любая реформа базового вузовского образования создает трудности, порою неустраимые. Она становится вопросом попытки развить внутри специализированной области что-то вроде

общего «первого круга» курсов, подготавливающих студентов к продолжению более узкого образования и выбора специализации.

В противоположность этому, во многих странах сложились две ключевые организационные структуры, поддерживающие всеобщее и специализированное обучение. Первая встречается в частных колледжах с четырехгодичным обучением, где организационная структура и административная власть сфокусированы на создании и координации общих учебных планов. Другая имеет место на факультетах гуманитарных дисциплин и социальных наук в общественных и частных университетах, которые нацелены на коллегиальность и кооперацию входящих в них отделов и кафедр и вовлечение в общую подготовку младшекурсников. Консенсус в дисциплинах, требуемый для того, чтобы сделать общее образование эффективным, может быть достигнут организационно, по меньшей мере, в той степени, которая придает успех институциональным требованиям в поддержке пограничного образования. В США кафедры гуманитарных дисциплин или такие объединения, как колледжи, представляющие структурные единицы университетов, формируют большой коллегиальный совет, служащий противовесом автономности департаментов. Члены департаментов составляют вместе самостоятельный факультет или общий факультет колледжа, который контролирует учебный план и следит за общими и особенными требованиями, предъявляемыми студентами или к студентам.

Автономности кафедр в российских университетах противостоит коллегиальный совет, состоящий из представителей кафедр (если речь идет об уровне факультетов) или представителей факультетов (на уровне университета).

Следовательно, можно говорить о целом классе университетов и колледжей, в которых возможно получить или, наоборот, не получить общее образование, поскольку эти институты обладают или не обладают требуемой внутренней организации в форме специализированных и всеобщих факультетов и школ. В связи с такой особенностью академической системы, ее организационная структура играет значительную роль в ходе реформ образования.

Степень взаимозависимости среди конституируемых объединений центробежных сил зависит также от относительных обязательств открывать и передавать знание. Открытие требует продолжительного и высокого уровня автономных действий части индивидов и групп, ведущих к завершению специализации внутри каждой дисциплины и вовлекающих намеченные рискованные предприятия в неизвестность. Открытие трудно планировать и программировать, поскольку наука ограничена определенными тенденциями и направлениями. В противоположность этому транс-

миссия знания предполагает некоторую рутинность в обработке уже известного и классифицируемого. Данный процесс может координироваться равными группами внутри дисциплинарного объединения и группами высокого уровня, состоящими из ведущих ученых и неравных им по статусу исследователей. Следовательно, преподаватели равных уровней сильнее мотивированы к обсуждению и выработке общих пунктов рабочих программ, методик преподавания, организации процесса обучения и т. д. В целом представляется, что «свобода исследования» более организационно фрагментирована, чем «свобода обучения». Проблемы координации и управления, благодаря центробежным силам, гораздо острее в исследованиях, чем в преподавании и обучении.

Высокая автономия и низкая взаимозависимость факультетов в европейских, российских и латиноамериканских университетах отражают слабость сложившейся бюрократии; намного более сильна университетская администрация США. Университетский городок помогает интеграции его отделов и факультетов. Таким образом, в национальных системах академические организации изменяются во взаимозависимости их частей. Но по сравнению с другими типами организации они имеют, в общем, относительно низкую степень взаимосвязи.

Выпускники вузов на рынке труда: ожидания и противоречия

Главной проблемой государственной кадровой политики, затрагивающей жизненные интересы студенчества, становится востребованность образовательной подготовки практикой. Об этом в октябре 2007 года говорил В. В. Путин: «...главные, первостепенные задачи по подготовке специалистов связаны с рынком труда ... сама система подготовки кадров – структура ее направлений, специальностей и профессий – должна отвечать современным требованиям рынка труда. Одновременно с этим вся система профобразования должна становиться более вариативной, более гибкой, мобильной. Она должна быть готова к тому, чтобы своевременно отвечать на меняющиеся запросы рынка и экономики».

Ориентация на запросы рынка труда как на фактор модернизации системы профессионального образования лежит и в основе Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.: «В качестве основного фактора обновления профессионального образования выступают запросы развития экономики и социальной сферы, науки, техники, технологий, федерального и территориального рынков труда, а также перспективные потребности их развития. Должна быть создана система постоянного мониторинга текущих и перспективных потребностей рынка труда в кадрах различной квалификации, в том числе с учетом международных тенденций».

Диспропорции, сложившиеся между потребностями рынка труда и структурой специальностей, по которым ведется подготовка в системе профессионального образования, дисбаланс в оплате труда специалистов, другие обстоятельства как экономического, так и морального порядка создают преграды для реализации образовательного потенциала российской молодежи. Успешное окончание учебного заведения не является гарантией получения первого рабочего места. Это, безусловно, проявляется в ценности образования. Безработица среди выпускников обусловлена и рядом

* *Жанна Вячеславовна Жираткова* – канд. социол. наук, доцент, завкафедрой иностранных языков Российской международной академии туризма (г. Москва).

противоречий, сложившихся на рынке труда молодых профессионалов. Основным можно считать противоречие между социальными и профессиональными планами выпускников учебных заведений и реальными возможностями их осуществления. Его частным проявлением выступает противоречие между теоретической подготовкой выпускников учебных заведений, позволяющей им быть носителями самых современных знаний, и отсутствием опыта работы, свидетельствующем о навыках практического использования полученных знаний. Кроме этого, можно зафиксировать противоречия между профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций, фирм в рабочей силе, а также между необходимостью совершенствования подготовки молодых кадров и существующей системой профессионального образования.

Высшее образование для студентов – это, прежде всего, защита от угрозы безработицы и хорошая конкурентоспособность на рынке труда. По данным опроса, проведенного в 100 населенных пунктах России, 78 % респондентов отметили необходимость наличия высшего образования. Среди тех, кто моложе 35 лет, эта доля выше – 82 % [См.: 3].

Но противоречие заключается в том, что до сих пор учебные заведения слабо ориентированы на потребности рынка труда. На выездном заседании Российского Совета ректоров, проведенного 17 января 2007 года в Нижнем Новгороде, представители российского бизнеса высказали упреки руководителям высших учебных заведений в том, что выпускники российских вузов не способны решать актуальные проблемы современного производства, подготовка специалистов не учитывает динамических изменений на рынке труда, отсутствует взаимодействие между высшей школой и бизнесом [См.: 2. С. 8].

Переход предприятий в частную собственность ужесточает требования работодателей к нанимаемым сотрудникам, об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе социологического исследования «Приоритеты современного работодателя» [1], проведенного Государственным университетом – Высшей школой экономики в 2004–2005 гг. среди 516 руководителей предприятий различных сфер экономики и форм собственности г. Москвы. На первое место работодатели ставят опыт работы – 86,6 %; на второе – наличие высшего образования – 80,4 %; на третье – нужные связи – 70,5 %; знания и трудовые навыки на четвертое место ставят 60,4 %. Это в значительной степени снижает возможности трудоустройства студенческой молодежи, не имеющей опыта работы по специальности.

Занятость молодежи стала одной из самых сложных социальных проблем России. Рынок труда не в состоянии принять ква-

лифицированную рабочую силу, и это является симптомом хронического характера безработицы. Возникает парадоксальная ситуация, при которой, с одной стороны, федеральный бюджет несет затраты на подготовку специалистов, а с другой стороны, они оказываются невостребованными. Такое «вступление» в трудовую жизнь способно сломить молодежь психологически и морально, что чревато тяжелыми социальными последствиями. На это указывают данные Федеральной службы государственной статистики о численности безработных по возрастным группам и уровню образования в 2007 г. [4].

**Распределение численности безработных по возрастным группам и уровню образования в 2007 г.¹⁾
(на конец ноября; в процентах к итогу)**

	Всего	Мужчины	Женщины
Безработные – всего	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:			
до 20	9,0	9,4	8,6
20-24	20,6	21,1	20,0
25-29	11,7	11,7	11,8
30-34	12,4	12,2	12,5
35-39	9,0	9,6	8,3
40-44	11,4	11,3	11,6
45-49	11,7	11,1	12,4
50-54	9,1	8,3	10,0
55-59	3,5	3,8	3,2
60-72	1,6	1,5	1,8
Безработные – всего	100	100	100
в том числе имеют образование:			
высшее профессиональное	11,5	9,3	14,1
неполное высшее профессиональное	2,5	1,5	3,6
среднее профессиональное	18,8	15,7	22,4
начальное профессиональное	18,6	21,8	15,0
среднее (полное) общее	34,8	35,3	34,3
основное общее	12,6	14,7	10,1
начальное общее, не имеют начального общего образования	1,1	1,6	0,5

¹⁾ По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости.

В связи с возрастающими проблемами трудоустройства выпускников образовательных учреждений основной их задачей в плане социальной защиты являются не гарантированные льготы (дотации, государственное обеспечение, трудоустройство), содействующие пассивному отношению учащихся к учебе, а социальные гарантии активного характера (фундаментальное и востребованное образование), заставляющие выпускников вузов прикладывать достаточные усилия и заботиться, таким образом, о своем будущем.

Становится очевидным, что рынок труда должен формироваться государством на федеральном, региональном, местном уровнях, и это один из эффективных рычагов управления экономическими процессами. Одновременно, уверенность студента – будущего специалиста в том, что его знания окажутся востребованными, является важным, базовым элементом социальной защищенности.

Литература

1. Аврамова Е. М., Вернаховская Ю. Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 37–46.
2. Моченов В. П. Мониторинг качества профессионального образования в сфере туризма: Аналитический отчет по материалам социологических исследований Российской международной академии туризма / В. П. Моченов, Н. А. Лоншакова. – Химки, 2008.
3. Шереги Ф. Э. Социология образования: прикладные исследования. – М.: Academia, 2005.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-09.htm].

Российская культура и образование в контексте общеевропейского развития

Вместе с изменениями приоритетов экономики меняются и функции образования, его содержание и методика, поскольку «экономика–образование» – единая среда воспроизводства социокультурного опыта. Но тогда встают два вопроса: можно ли проектировать через изменения образования изменения экономики и насколько сильны влияния на систему «экономика–образование» внешних культурных факторов, таких как менталитет, традиции, устоявшийся образ жизни?

Образование в генезисе имеет важнейшую цель – направлять культуру в ее развитии, поэтому образование – это всегда залог экономического, экологического, духовного процветания общества. Генезис национальных культур, корнями уходящий в традиционное общество, закончил свой фактический путь в XVIII веке. Однако динамика формирования страты по инерции все еще оставалась в рамках традиционности вплоть до середины XIX века. Выделение культуры города как автономной культурной единицы, не поддерживающей связей с национальными традициями, привело к рождению культуры мозаичной. В пазлах мозаичной культуры, на правах «суррогатного связующего», укоренилась культура массового потребления. Равнодушная к духовным составляющим человеческой индивидуальности, мозаичная культура со своим инструментом массовости породила маргинала. Именно маргинал, как самый «социально-мобильный» тип личности, оказался наиболее удачно приспособлен к новым реалиям существования и выживания в обществе. В глобализированной культуре мегаполиса человек так стремительно меняет свои социокультурные связи, что на духовном уровне они просто не закрепляются. Нельзя не согласиться с тем, что сближение экономических инфраструктур вызывает к жизни необходимое сближение стандартов, в том числе и квалификации работника на рынке труда.

* Елена Дмитриевна Жукова – канд. пед. наук, доцент кафедры культурологии социально-гуманитарного ф-та Башкирского государственного педагогического ун-та им. М. Акмуллы (г. Уфа).

Европейская культура антропоцентрична. Представления о личности как самоценности мироздания – краеугольный камень, заложенный в фундамент развития европейской цивилизации еще со времен античности. В отличие от восточного города, полис создает совершенно новый тип культуры. Не родовая, не статусная, а деятельностно-социальная значимость человека становится стержневой в культуре Античности. Этот новый тип культуры оказывается самым перспективным в динамике развития и последующей сложно расщепленной на автономные социальные единицы культуры европейского средневековья.

Средневековый христианский Запад добился более впечатляющих успехов в применении техники, чем христианский Восток – высоко цивилизованный, с весьма сильно выраженной самоотдачей в вере. С конца VII века, когда был изобретен греческий «адский» огонь, значительных технических успехов на Востоке мы не встречаем. Запад настойчиво пошел по пути быстрого наращивания мастерства в организации технических средств, сберегающих, а значит и приращивающих, труд. В позднее средневековье латинский Запад далеко опередил Византию и страны Ислама, хранителей античной мудрости, в многообразии своих основных технических возможностей, хотя последние отличались от Европы богатым опытом, изощренностью мысли и эстетическим величием.

Оказавшись в культурной изоляции раннего средневековья, европейский городской тип культуры не только выстоял, но и стал наиболее перспективным в развитии новых технологий. Города-республики славились не только организацией торжищ, но и разнообразием технологий, а главное – рождением корпоративного типа культуры, в котором каждый член корпорации значим и ценен еще более, чем в античном полисе. Усложнение технологий жизнеосуществления города способствовало зарождению общественной, светской школы. Как когда-то в полисе гимнасии перерастали в философские «академии», так в средневековье появляются университеты. Образование в них изначально носило не абстрактно-эмоциональное, а предметное начало. Оно готовило к конкретной профессиональной деятельности: юридической, медицинской или богословской. Сословность и элитарность европейского образования имели относительный характер, образование сразу приобретало и рыночный эквивалент, и производственную обусловленность.

В традициях российской ментальности к образованию всегда было особое отношение. Мы, например, не найдем в таком монументальном труде, как «Константы: Словарь русской культуры», статьи, посвященной образованию [2]. И это не удивительно, потому что образование никогда по-настоящему не входило в структуру системы ценностей российского общества. Система профес-

сионального образования здесь вообще выстраивалась не на национальных корнях, а была привнесена (зачастую насильственно) из Европы. Однако она сразу же получила некоторое преимущество перед западной системой своей декоммерциализацией. Будучи дотационным, не имеющим рыночных основ существования, российское образование могло (и позволяло себе) создавать некие заданные «не коммерческие» и не «эгоцентричные» модели воспитуемого.

Главным в этом образовании было то, что человек, покинувший стены школы и вуза, постоянно пребывал в моральной зависимости от государства, допустившего его к знанию. Гражданское начало, создаваемое в воспитании самими обстоятельствами учения, также имело определенные последствия. Получивший образование отрок спешил послужить на пользу Отечества, направляемый рукой самого государства или тех элитарных групп, под влияние которых он попал.

Положительна или отрицательна историческая роль образования в судьбе российской культуры? Судить об этом весьма сложно. Но надо иметь в виду, что удивительная внутренняя мобильность российской культуры, ее способность преодолевать внутреннюю расщепленность во многом связаны с особым рода направленностью образования, которое своей широтой и постоянной устремленностью в будущее способствовало тому, что человек был способен самостоятельно осознать движение общества в культуре. А тот факт, что была создана уникальная система образования, способная к воспитанию более свободного от повседневных влияний индивидуума, отчасти способствовала динамичному переходу культуры России от одного цивилизационного режима развития к другому. И путь, который Европа проходила мучительные столетия своего становления, Россия пролетала всего лишь за десятки лет.

Процессы вхождения системы российского образования в европейское образовательное пространство предопределило то, что в наши дни высшее образование в России становится не чем иным, как инструментом массовой культуры. Сказанное приводит к постепенной утрате образованием в целом своих внутрикультурных функций. Российское образование выпадает из векторных процессов культуры, хотя, казалось бы, должно было их определять. Перемены в культуре мало что меняют в образовании. Правильнее сказать, смыслы культуры мало влияют на смыслы образования. Они существуют почти автономно, что, собственно, определила социодинамическая парадигма развития системы образования в России. И если бы не экономическая зависимость образования от бюджетной политики государства, эта автономия была бы полной. В разрыве между образованием и культурой, образованием и наукой,

образованием и обществом усматривает причины кризиса отечественной системы образования К. М. Левитан [1]. И мы полностью с ним солидарны.

Справедливости ради надо заметить, что и западная формула образования в воспитании личности (не конкурентно способного специалиста, а именно *личности*) тоже переживает сегодня определенный кризис. Пресловутая толерантность европейца, традиционно распространявшаяся на ближайшие этносы и близкие по ценностным структурам конфессии, оказалась несостоятельной перед наплывом мигрантов из бывших колоний. Миф о духовной близости народов в рамках «общечеловеческих ценностей» почти рухнул. Сегодня, когда западное влияние на Восток переживает серьезный кризис, образование становится инструментом теперь уже удержания приоритетов в определении векторов развития культуры всего мирового сообщества.

Предпосылки массовости европоцентричного образования сенсуалистической культуры понятны, ибо заложены в скрытых общезначимых смыслах естественнонаучного и технического знания, вытеснившего не собственно гуманитарное знание как таковое, а его содержание, лишив его национального, ценностного характера. Но в таких условиях образование теряет себя, отрываясь от культурных традиций, антропологических условностей и своеобразия культуры, превращаясь в оплот культуры массовой.

В российской культуре образование изначально теряет смыслы, не успев их приобрести. Оно не воспроизводит родную культуру и не получает ценностного статуса в глазах всего общества. Но исторически ситуацию спасали традиционная целостность социальных страт российской общности и воспитание в них человека на высоких нравственных и созерцательно-эстетических началах. В этом и соприкасались образование и российский человек.

Образование не стало для России продуктом, инструментом или чем-то еще, связанным с рыночными, производственными отношениями. Оно было мерилom духовности и гедонистической «отдушиной» для человека мыслящего, найдя, таким образом, опосредованную нишу в российской культуре. Это либо величайший из парадоксов российской культуры, либо очередное следствие ее бинарности. Роль образования в России – создавать гуманитарный буфер в социальных и полиэтнических коллизиях. Вовремя не осознанная, эта роль может быть безвозвратно утеряна.

Напрашивается неутешительный вывод: мы до сих пор не имеем глубокого культурологического анализа становления и развития системы образования в России. Накопленный материал истории образования и педагогической мысли, разнообразные социологические исследования – все это требует сегодня глубокого осозна-

ния. В противном случае отсутствие грамотной политики в развитии парадигм образования в России XXI века могут привести к необратимым и разрушительным для культуры последствиям.

Литература

1. Левитан К. М. Педагогическая деонтология. – Екатеринбург, 1999.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Г. Е. Зборовский*

Образование как сфера межкультурного взаимодействия

Образование может быть представлено в виде сферы пересечения и взаимодействия культур, одного из их перекрестков. Как известно, существует несколько перекрестков культур: искусство, мораль, традиции, религия и т. д. В этом ряду может рассматриваться и образование. Строго говоря, оно «обречено» выступать в таком качестве, поскольку содержит в себе достижения множества самых различных культур. В нем рождаются и находят свое сущностное отражение культурные завоевания самых различных эпох и народов.

Образование по своей сути становится культурным многоголосьем, своеобразной культурной полифонией, где голоса различных культур могут раздаваться с разной силой звучания, отличаться тембром, глубиной влияния на образование в целом. Чем более мощными оказываются те или иные культурные достижения, отличающиеся полифонией и отраженные в содержании образования, тем богаче и качественнее становится оно само. В данном случае качество образования получает иную, нетрадиционную трактовку и позволяет рассматривать его с позиций наполнения самого образования многоголосием культурного содержания.

Связь между образованием и культурой во все эпохи была наитеснейшей, причем настолько, что образование характеризовалось как часть культуры, ее сторона. Эта связь реально настолько сильна, что в научной рефлексии иногда одно – образование – растворяется в другом – культуре. Так, в частности, в социологии в ряде случаев одну из ее отраслей – социологию образования ряд авторов рассматривает как часть более широкой, с их точки зрения, отрасли – социологии культуры. Такая позиция характерна для Л. Н. Когана, В. Я. Нечаева, В. С. Цукермана, А. И. Шендрика и др.

Образование становится по-настоящему эффективным только тогда, когда оно оказывается действительным межкультурным взаимодействием. Монокультурное образование, назовем его так, уходит в прошлое, в связи с процессами европеизации образования и

* *Гарольд Ефимович Зборовский* – д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан социологического ф-та, завкафедрой социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

создания нового типа образовательного пространства. На этой основе рождается и новый тип культурного (межкультурного) пространства.

Болонский процесс вынуждает образование развиваться так, чтобы оно стало действительной сферой межкультурного взаимодействия. Дело в том, что если будет реально соблюдено действие хотя бы одного положения Болонской конвенции – принципа студенческой и преподавательской мобильности, тем самым уже удастся очень много сделать для превращения образования в межкультурный феномен. При всей сложности и неоднозначности отношения к Болонскому процессу не только в России, но и во всей Европе следует отметить, что объективно он способствует своеобразной культурной интернационализации образования, поскольку означает вовлечение в процесс обучения представителей самых различных культур. Именно создание континентального образовательного пространства превращает его в арену межкультурного взаимодействия. Может быть, в этом состоит одно из главных предназначений Болонского процесса.

Поскольку заявленная проблема касается анализа образования как сферы межкультурного взаимодействия, возникает вопрос о том, какие культуры создают его поле. Не ставя задачу рассмотрения видов культуры, ее классификации, отметим, что в первую очередь речь может идти о тех разновидностях культуры, которые связаны с особенностями сознания, поведения и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни: культура труда, культура быта, художественная культура, политическая культура, национально-этническая культура, религиозная культура и др. Особое место в этом перечне занимает интересующая нас разновидность культуры, которую определим как культуру образования, о чем подробнее будет сказано дальше.

В методологическом отношении рассмотрение образования как сферы межкультурного взаимодействия означает применение ряда подходов к анализу взаимосвязи между культурой и образованием. Среди них – генетический, функциональный, институциональный, системный, аксиологический и др. Все эти подходы означают возможность рассмотрения образования и культуры с одних и тех же методологических позиций, в одном и том же методологическом ключе.

Генетический подход предполагает изучение генезиса образования и культуры в их единстве. Если рассматривать образование не с позиций происхождения его как социального института (что было не так уж и давно по меркам исторического развития, всего около 6 тысяч лет назад), то, конечно, оно по срокам своего существования значительно моложе культуры. Но если говорить о нем не

как о социальном институте, а рассматривать в качестве основного средства трансляции культуры, передачи ее от поколения к поколению, то будет правильным утверждать, что культура и образование близки по срокам своего существования не только друг другу, но и к культуре в целом. Ибо общество может существовать только в процессе освоения и передачи накопленного культурного опыта от поколения к поколению.

Функциональный подход к анализу взаимосвязи между образованием и культурой ориентирует на выявление родственных, близких, во многом совпадающих функций каждого из рассматриваемых феноменов. Назовем лишь некоторые из них. Это интегративная функция, состоящая в объединении в процессе культурной и образовательной деятельности самых различных социальных общностей, как потребляющих, так создающих и воспроизводящих ценности образования и культуры. Это человекотворческая функция, раскрывающая роль образования и культуры в формировании и развитии личности через приобщение ее к богатствам национальной и мировой культуры, национального и мирового образования и превращения индивида из пассивного объекта их воздействия в активного субъекта культурного творчества. Это функция передачи достижений образования и культуры и их опыта, что сопряжено с соблюдением научных и культурных традиций и использованием соответствующего духовного наследия, а также с выявлением того, как и насколько они включены в процесс формирования и развития личности. Это коммуникативная функция, состоящая в обеспечении связей, общения, взаимодействия между людьми в сферах образования и культуры за счет определенной организации их жизни и деятельности. Это социорегулятивная функция, направленная на регулирование отношений в сферах образования и культуры с помощью нормативных и ценностных механизмов, создаваемых в обществе. Перечень функций при необходимости мог бы быть продолжен.

Институциональный подход к выявлению взаимосвязи образования и культуры позволяет рассматривать их как устойчивые формы организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающие в себя совокупности лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами (на основе действующих определенных норм и принципов) для реализации социальных функций и ролей, управления и социального контроля, в процессе которых осуществляются обучение, воспитание, социализация, культурное развитие, материальное и духовное творчество индивидов.

Институты образования и культуры содержат в себе немало общего, совпадающего. Каждый из них представляет собой слож-

ную структуру, включающую в себя целый ряд конкретных субинститутов, что позволяет характеризовать образование и культуру как своеобразные институты институтов. Так, образование включает в себя институты допрофессионального и профессионального образования, соответственно к первой группе можно отнести дошкольное, школьное и дополнительное образование, ко второй – начальное, среднее, высшее, послевузовское профессиональное образование. Что касается культуры, то в ее рамках рассматривают институты театра, кино, музыки, живописи и др.

Близость социальных институтов образования и культуры (а мы их относим к общему институциональному ряду) проявляется в том, что оба они тесно связаны с деятельностью одних и тех же институциональных учреждений. От одних они напрямую зависят (например, от институтов законодательной и исполнительной власти, ибо с ними жестко связаны финансовые возможности образования и культуры), с другими взаимодействуют на условиях координации (институты семьи, науки, социальной защиты и др.).

Отношения с другими социальными институтами (например, с институтом производства), в сравнении со связями, имевшими место раньше, до 1990-х гг., стали намного более слабыми, неустойчивыми, с учетом того, что в 1990-е гг. – начале нового столетия каждый институт пытался выживать самостоятельно, «думая» лишь о собственных проблемах и не заботясь о взаимодействиях, взаимообменах, взаимообогащении, а то и просто помощи учреждениям образования и культуры. Похоже, что подобная ситуация, а возможно, и более сложная, ожидает институты образования и культуры в условиях экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. Но ведь речь идет о духовной жизни общества, для которой взаимосвязи, взаимообмены, да и материальная поддержка – необходимейшая предпосылка поддержания определенного, пусть и скромного уровня образования и культуры.

В первую очередь это касается кадрового потенциала институтов культуры и образования. Дело не только в том, что многие ведущие наши композиторы, музыканты, поэты, писатели, художники, режиссеры, актеры театра, кино, преподаватели и научные сотрудники вузов предпочитают работать за границей, и далеко не все из них собираются возвращаться в Россию в ближайшее время. Крайне тревожное обстоятельство заключается в том, что почти ничего не делается для возвращения этих людей в страну.

С одной стороны, это результат и проявление общего кризиса в стране, в том числе кризиса в каждом из названных институтов, с другой – причина дальнейшего ожидаемого ухудшения ситуации в ближайшие годы, что является наиболее вероятным прогнозным сценарием. Конечно, теоретически можно представить и иной, бо-

лее благополучный вариант развития институтов духовной сферы, прежде всего образования и культуры. Однако для этого надо допустить возможность резкого взлета экономики, стабилизации финансового положения страны, нормального налогового обложения и т. д., что является базовым условием оптимистического прогноза. Но, похоже, что времена маниловских мечтателей давно уже миновали.

Обратимся к системному подходу, позволяющему также выявить взаимоотношения между культурой и образованием. Что означает такой подход? Прежде всего, необходимость рассматривать оба феномена в тесной взаимосвязи, как целостность, как единство, имеющее системный характер. Эта целостность, с одной стороны, может выступать как автономная, самодостаточная, претендующая на ее анализ в определенных границах вне социальной среды. С другой стороны, она является одной из многочисленных подсистем общества, взаимодействуя с иными его подсистемами.

Системный подход ориентирует на характеристику образования и культуры как сложных, обладающих развернутой структурой систем. Это означает, что «внутри» них могут быть выделены определенные подсистемы, взаимодействующие как между собой, так и с подсистемами сопряженной системы. Так, каждая из подсистем образования (в таком качестве могут выступать на основе одного из критериев уровня образования – допрофессионального и профессионального) испытывает на себе сильнейшее влияние самых различных подсистем культуры. Возможно ли в принципе представить развитие школьного, дополнительного, среднего профессионального, высшего образования без освоения их субъектами достижений литературы, театра, кино, живописи, музыки и др.? Риторический характер подобного вопроса очевиден.

В этом освоении участвуют и иные элементы системы образования, если ее рассматривать под углом зрения, предложенного законом Российской Федерации «Об образовании». В нем выделяются в качестве основных элементов системы образования: взаимодействующие преемственные образовательные программы и государственные образовательные стандарты различного уровня и направленности; сеть реализующих их образовательных учреждений различных организационно-правовых форм, типов и видов; органы управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций. Культурная составляющая каждого из этих элементов системы образования также не требует никаких специальных доказательств.

Системная целостность образования и культуры обнаруживается в наличии ряда научных подходов, обосновывающих взаимосвязи и единство между ними: педагогическом, экономическом, культурологическом, социологическом. По существу речь заходит

о единстве и взаимосвязи не только образования и культуры, но и самих научных подходов к ним.

Сегодня можно констатировать пока еще только необходимость объединения этих подходов в изучении образования и культуры, взятых в единстве и целостности. С учетом характера, содержания и специфики наук, лежащих в основе этих подходов (педагогика, культурологии, экономики, социологии), интегрирующие функции должны принадлежать социологии. Именно она в первую очередь изучает взаимосвязи между социальными явлениями и процессами, их место в обществе, именно она выявляет их социальную роль и значение. Поэтому и системное знание об обществе и его структурах вырабатывается в рамках социологического подхода. Это означает, что одной из его задач должен стать анализ системной целостности образования и культуры.

Говоря о важности такого анализа, обратимся к некоторым его вербальным характеристикам. Так, системная целостность образования и культуры может быть обозначена с помощью такой терминологической рефлексии как культура образования. По нашему мнению, культура образования – это определенная качественная характеристика его использования, показывающая связь образовательной и культурной деятельности, точнее говоря, плотность этой связи. Ее уровень определяется рядом факторов объективного и субъективного плана: наличием и возможностью выбора вида образовательной деятельности; степенью свободы такого выбора, предоставляемого обществом; развитостью в последнем культуры как целостной системы духовной жизни (что изначально предполагает в качестве своей обязательной предпосылки наличие культуры как целостной системы материальной жизни людей); культурно-образовательными потребностями, интересами и ценностными ориентациями населения, его различных групп и др.

Важная особенность системного понятия «культура образования» состоит в возможности его операционализировать, подвергнуть «разложению» на составляющие, которые могут быть измерены с помощью определенных показателей и индикаторов, характеризующих уровень этой культуры у многочисленных типов личности, среди различных групп населения, в дифференцирующихся по многим признакам территориальных образованиях.

Аксиологический подход к проблеме взаимосвязи образования и культуры предполагает в своей основе, с одной стороны, понимание ценностей, составляющих их содержание, «начинку», с другой – рассмотрение самих этих феноменов в качестве ценностей. Ценности образования и культуры связаны между собой и влияют друг на друга сквозь призму двух основных факторов: деятельностного и коммуникативного.

Первый означает наличие таких видов культурно-образовательной деятельности, каждый из которых обладает своей ценностью – и индивидуальной, и социальной. Это могут быть чтение, просмотр телевизионных передач, компьютерные занятия, занятия физической культурой и спортом и др. Без них ни индивид, ни общество существовать по-настоящему не в состоянии.

Коммуникативный фактор дает основание рассматривать ценности образования и культуры как порождающиеся в процессе коммуникации. Это может быть массовая коммуникация, межличностная коммуникация или автокоммуникация. Каждая из этих разновидностей коммуникации использует свои средства и механизмы для формирования ценностей культурно-образовательной сферы.

Средства и механизмы массовых коммуникаций (телевидение, радио, пресса, интернет и др.) широко известны тем, что несут не только содержательную, но и ценностную нагрузку в процессе взаимосвязи культуры и образования. В рамках межличностной коммуникации пути формирования ценностей, объединяющих образование и культуру, отличаются от выше названных. Здесь не происходит жесткого навязывания извне тех или иных ценностей, скорее даже наоборот, они оказываются результатом выбора самих людей, вступающих в коммуникацию. Что касается автокоммуникации, то ценности культуры и образования порождаются и оформляются в процессе внутреннего диалога человека с самим собой.

Однако ценности образования и культуры не только порождаются в рамках коммуникативных процессов, но и регулируются ими. Массовая коммуникация – это способ регулирования поведения людей посредством включения их в ценностно-нормативную систему образования и массовой культуры. Межличностная коммуникация – это способ достижения консолидации и ценностного консенсуса в группах людей, средство становления определенной культуры образования. Под автокоммуникацией целесообразно понимать способ регуляции культурно-образовательной деятельности посредством усвоения определенных ценностей образования и культуры.

Здесь были рассмотрены лишь некоторые из подходов к осмыслению взаимосвязи образования и культуры, а в конечном итоге – характеристике образования как сферы межкультурного взаимодействия. Но и они, как нам представляется, свидетельствуют о перспективности предложенного методологического инструмента анализа поставленной проблемы.

Образование как фактор элитарности

Деятельность властной элиты во все времена имело большее значение в развитии общества. Невозможно отрицать тот факт, что представители элиты весьма существенно влияют на социальные, экономические и политические процессы. В связи с трансформацией общества вырабатываются и новые запросы общностей к управленцам, обуславливающие необходимость формирования новых характеристик элиты, адекватных потребностям общества, современным реалиям.

Для определения роли современной элиты в жизни российского общества был проведен опрос 1424 граждан, представляющих различные сферы общества Удмуртской республики, при этом 98 человек из опрошенных выступили в качестве экспертов. Мы обнаружили серьезные пробелы в развитии интеллектуального потенциала элиты, ее нравственных устоев, культурного уровня. Так, из всего числа респондентов считают, что наиболее характерные признаки современной элиты – это: связи с влиятельными людьми (42,5 %), наиболее высокий уровень доходов, богатство (41,9 %), родственные связи, происхождение (32,2 %). Такие же черты, как культура, образованность, духовность по оценке, как экспертов, так и населения либо не свойственны современной элите, либо количество таких ответов в три раза меньше вышеназванных характеристик (чуть более 10 %). Определенный интерес при этом вызывает мнение населения об элите: кто это, чем занимается, чем отличается от других людей, нужна ли она вообще обществу. По мнению респондентов, элита отличается наличием родственных связей, происхождением (42,7 %), наиболее высоким уровнем дохода, богатством (40,7 %), связями с влиятельными людьми (40,5 %).

Говоря в целом о том, чем элита в основном должна отличаться от обычных людей, респонденты выделили такие отличительные ее черты, как высокая культура, интеллигентность (39,7 %), престижное образование (37,7 %), честность, порядочность (27,3 %). Из данных ответов видно, что наиболее ценным личностным качеством, позволяющим противостоять соблазну коррупции, взя-

* *Светлана Феликсовна Идрисова* – канд. юр. наук, доцент, начальник кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Ижевского филиала Нижегородской академии МВД России (г. Ижевск).

точничеству, респонденты дают достаточно низкие оценки, и, более того, среди признаков, свойственных современной элите, о эти положительные качества присутствуют гораздо реже (16,2 %, 23,2 %, 12,4 %).

О сомнительной объективности оценки респондентов в целом говорит то, что 53,5 % опрошенных не имеют достаточной информации, о роли, обязанностях, полномочиях элиты, 73,5 % – не интересуются их жизнью, 85 % – не относят себя к элите, 46,2 % – сами не хотели бы быть представителями элиты и 62,8 % – лично не знакомы с представителями элиты. Следовательно, большинство опрошенных не владеют достаточной информацией об элите, не имеют с ними контактов ни по жизни, ни по работе, не всегда обоснованно относят отдельные группы людей к элите. В то же время около 50 % опрошенных считают существование элиты необходимым в современном обществе.

Данные опроса отчасти совпадают с позицией Н. Г. Ревягиной, согласно которой «... система культурно-образовательных институтов играет все возрастающую роль в укреплении современной экономики и оборонного потенциала, обеспечивая высокую устойчивость развития страны и ее конкурентоспособность на значительную перспективу. Также очевидно, что повышение качества элиты напрямую связано с качеством образования, получаемого элитой»¹.

Практика доказывает недостатки образования большей части наших депутатов. Как в прошлом, так и сейчас в нашей политической жизни воплощается все тот же ленинский наказ: «мы любую кухарку научим управлять государством». Различие заключается только в одном: в настоящее время в роли «кухарок» выступают представители новой элиты России. Они не справляются с теми задачами, которые на них возложены, не могут переработать тот колоссальный объем информации, который должен ими учитываться в процессе принятия решений. Большая часть бумаг, которые ложатся на их стол, выбрасывается непрочитанными. И не только потому, что у депутатов нет времени, но и потому, что они не понимают, о чем в этих документах идет речь². Еще С. Паркинсон писал: «Самое тяжкое ... – бумажное море... На высшем уровне это бедствие приобретает совершенно невиданный размах. Бумажное море превращается здесь в ревущий океан, способный захлестнуть вас с головой и утопить. От исхода борьбы с ним зависит

¹ *Ревягина Н. Г.* Образовательные системы и технологии в процессе формирования региональной и местной административной элиты современной России дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Ростов н/Д, 2005. 143 с.

² *См.: Лафитский В. И.* Сумерки права: семь грехов правотворчества // Адвокат. 2006. № 2. С. 5.

ваша дальнейшая жизнь. И если вам не удастся справиться с этим грозным разливом, вы пойдете ко дну»³.

В условиях трансформации общества особенно остро стоит проблема несоответствия качественного состава элиты и механизмов их рекрутирования задачам управления динамическими социально-политическими процессами в российском государстве. Это подтверждает и ряд оценок, которые давались властной элите в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. В частности, в послании Президента страны Д. Медведева отмечено: «Сегодняшней России и ее будущей инновационной экономике, государственной службе, системе управления и социальных услуг – нужна новая система формирования кадрового резерва, которая позволит привлечь в органы государственного, муниципального управления, в бизнес наиболее талантливых, творчески мыслящих и профессиональных людей... Поэтому поручаю Правительству и Администрации Президента ... «запустить» Программу формирования и подготовки резерва управленческих кадров, разработанную совместными усилиями органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций... Решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров должно сыграть возрождение российской образовательной системы»⁴. Очевидно, что данное поручение даст серьезный толчок развитию системы элитного образования и профессиональной подготовке современных российских управленцев.

Принятие такого государственного заказа и реализация стратегической программы модернизации российского образования позволит, с одной стороны, решать проблемы образования в процессе рекрутирования элиты, с другой – развивать деятельность научных и других структурных подразделений на приоритетных направлениях обеспечения процессов формирования государственной и интеллектуальной элиты, развития среднего класса и подготовки высококвалифицированных работников. Справиться с данной проблемой, по мнению специалистов, можно только тогда, когда учреждения образования будут восприниматься обществом как место, где растят будущее страны⁵.

³ Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона: Сборник: Пер. с англ. / Сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. [Электронная версия: © Нит. Раритетные издания, 1998. URL: <http://n-t.ru/ri/pr/zp20.htm>].

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 ноября. № 230.

⁵ См.: Лукин В. Необходима государственная программа единой образовательной и кадровой политики // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2008. № 8. С. 4–10.

Согласно «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.» надлежит повсеместно обеспечить равный доступ молодых людей к полноценному качественному образованию в соответствии с их интересами и склонностями, независимо от материального достатка семьи, места проживания, национальной принадлежности и состояния здоровья. Важной задачей также является формирование профессиональной элиты, выявление и поддержка наиболее одаренных, талантливых детей и молодежи⁶. К сожалению, приходится отмечать, что в России не сформированы фундаментальные концептуальные основы образовательной системы, способной осуществить качественную подготовку российской элиты. Более половины россиян (53 %) уверены, что их дети и внуки в современных условиях не смогут получить хорошего образования. Согласно данным опроса, проведенного аналитическим центром Юрия Левады, только четверть россиян удовлетворены нынешней системой образования в России, 26 % респондентов – и удовлетворены, и нет, 43 % – не удовлетворены, 6 % – затруднились ответить. Исследование также показало, что в неизменности качества работы системы образования в России за последний год уверены 47 % опрошенных, в ее значительном улучшении – 23 %, ухудшении – 20 %. 10 % респондентов затруднились ответить⁷.

Сегодня большинство думающей элиты достаточно четко осознает, что для реального успеха недостаточно добиться признания сегодня, поэтому каждый ее представитель, используя в текущей деятельности те или иные преимущества, должен одновременно работать на будущее страны, закладывая его фундамент. Необходимо совместить мировоззренческие постулаты образования элиты и существующие практические методики, образовательные процедуры и технологии, адекватные современным реалиям, в процессе формирования управленческих субкультурных слоев, определить способы и формы оптимизации образовательной системы и технологий в процессе формирования элиты на всех уровнях власти. В этом, пожалуй, и состоит цель стратегического образования.

⁶ Приказ Минобразования РФ от 11 февраля 2002 г. № 393 «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.». [Сервер Минобразования РФ в Internet URL: <http://www.informika.ru>].

⁷ По результатам опроса проведенного 15–18 августа 2008 г. в 46 регионах России Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр). В опросе приняли участие 1600 человек. Статистическая погрешность не более 3 %. [Сервер Левада-Центр. URL: <http://www.regnum.ru/news/1048072.html>].

Таким образом, образовательные системы и технологии можно рассматривать как ведущий фактор, воздействующий на культурно-деятельные характеристики современных российских административно-политических элит, что составляет основу системы элитного отбора и самоидентификации, социальной преемственности и социального развития, обеспечивая осознание групповых, общественных и национальных интересов, элитарную консолидацию и поддержание мотивации в реализации функциональных характеристик элитных групп.

*Е. Н. Икингрин**, *Е. И. Пронина***

Детское чтение в малых северных городах: социальная диагностика современной ситуации

В последние десятилетия в России и во многих западных странах идет процесс падения престижа чтения и снижения уровня читательской культуры населения. Начиная с периода 1990-х гг. и по сегодняшний день, мы находимся в ситуации кардинального ухудшения положения дел со чтением, особенно детским и юношеским.

В 2005 г. были обнародованы данные Всероссийского социологического исследования Аналитического центра Юрия Левады «Массовое чтение в России», название которого в прессе прозвучало как «катастрофа чтения». Оказалось, что картина чтения взрослых россиян действительно удручает: сегодня 52 % россиян не покупают книг, а не читают – 37 %. При этом 34 % населения России не имеет дома книг. Жителям сел и городов с населением менее 100 тыс. человек книжно-журнальная продукция стала фактически недоступна [1. С. 4].

В последние годы осуществляется множество различных мероприятий по поддержке чтения в стране, большую часть которых проводят библиотеки. Однако, до тех пор, пока состояние чтения не стало делом всего общества и полномасштабная межведомственная Программа развития и поддержки чтения не будет в полной мере реализована, опасность ухудшения состояния дел со чтением остается.

Согласно данным нового исследования «Левада-Центра», проведенного в 2008 г., никогда не читают книги около 46 % россиян. «Это гуманитарная катастрофа», – отметил в одном из выступлений руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. Сеславинский. Он добавил, что исправить критическую ситуацию можно путем дополнения печатной продукции

* *Елена Николаевна Икингрин* – канд. социол. наук, доцент Нижневарттовского государственного гуманитарного ун-та, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа (г. Нижневарттовск).

** *Елена Ивановна Пронина* – ст. научный сотрудник Ин-та социологии РАН (г. Москва).

электронными носителями. С этим утверждением согласна помощник президента РФ Джахан Поллыева, которая сказала, что «конфликта между электронной средой и книгой не существует» [1. С. 4–5].

Процесс социализации реализуется через систему определенных социальных институтов, призванных корректировать формирование социальных качеств личности в соответствии с общественно значимыми ценностями. Не является исключением и читательская социализация. Но хотелось бы знать, у каких социальных институтов наиболее значимая роль в читательской социализации детей. Результаты социологического исследования «Детское чтение в малых городах ХМАО – Югры» (научный руководитель Е. Н. Икингрин), проведенного в городах Мегионе и Лангепасе, позволяют судить о роли социальных институтов (семьи, образовательных учреждений, библиотек) в развитии детей и подростков как читателей. Ответ на этот вопрос мы частично получили от библиотекарей, воспитателей, учителей, задав им вопрос: «Какие дети больше других читают?». Все они солидарны в том, что наиболее успешно проходит читательская социализация у детей, которым любовь к чтению привили в семье (таблица 1).

Таблица 1

**Какие дети больше других читают
(% от числа ответивших)**

	Библиотекари	Воспитатели	Учителя
Дети, которым любовь к чтению привили в семье	94,6 (1)	96,8(1)	100,0 (1)
Дети, посещавшие детский сад	10,8 (5)	58,1(2)	21,6 (5)
Дети, хорошо освоившие компьютер	4,1	12,9	2,7
Дети, которые читать начали до школы	29,7 (4)	19,4(4-5)	37,8 (4)
Дети, которым любовь к чтению привил учитель	45,9 (3)	19,4(4-5)	56,8(2)
Родители с высшим образованием	9,5	12,9	10,8
Дети, которые стали посещать библиотеку до школы	47,3 (2)	25,8(3)	40,5(3)
Дети, у которых еще нет компьютера	-	3,2	-
Дети, у которых нет TV, компьютера и телефона (таких нет!)	-	-	2,7
Итого:			100,00

На втором месте среди ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие дети больше других читают?» следующие варианты: у библиотечкарей – «дети, которые стали посещать библиотеку до школы»; у воспитателей – «дети, посещавшие детский сад»; у учителей – «дети, которым любовь к чтению привил учитель». В этих ответах прослеживается ведомственность. Но кто может однозначно утверждать, что это плохо? На третьем – у библиотекарей «дети, которым любовь к чтению привил учитель», у воспитателей и у учителей – «дети, которые стали посещать библиотеку до школы». Мнение, высказанное респондентами, подтверждает необходимость посещения библиотеки еще до школы. А для этого нужны специально оборудованные помещения, где малыши могли бы общаться к чтению, играя. Младшие школьники, опрошенные нами, тоже хотели бы, чтобы в библиотеке были игрушки и ковер, на котором можно поваляться. Уголок с игрушками и ковром есть в детской библиотеке Иркутска. Лежа на ковре, могут почитать книги и мегионцы.

Мы попросили респондентов дать оценку интереса родителей к чтению детей. Учителям и воспитателям был задан вопрос: «Какая часть родителей интересуется чтением детей?». Учителя дали более негативную оценку родителям, чем библиотекари, что вполне объяснимо: библиотекари чаще общаются с родителями, которые не только сами читают, но направляют чтение детей.

Воспитателям детских садов был задан вопрос иначе: «Чем родители интересуются, прежде всего?». Ответы на этот вопрос представлены в таблице 2.

Таблица 2

Чем интересуются родители дошкольников

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от общего числа опрошенных
Как кормили, что ел, а что не ел	19	63,3	61,3
Какие поделки делали, что рисовали, чем занимались	15	50,0	48,4
Не обижали ли дети	13	43,3	41,9
Не наказывали ли воспитатели, как себя вел, поведение	7	23,3	22,6
Что читали воспитатели, и понравилась ли книга	6	20,0	19,4
С кем дружит, с кем играет ребенок	5	16,7	16,1
Итого ответивших:	30	216,7*	96,8
Нет данных	1	-	3,2

* Разрешалось отметить несколько вариантов.

Почти $\frac{2}{3}$ родителей в первую очередь хотят знать, «как кормили в детском саду, что ел, а что не ел». Каждого второго родителя интересует, «какие поделки делали, что рисовали, чем занимались». Естественно, многих – 43 % опрошенных – волнует «не обижали ли детей», значительно меньше – 23 % – «как себя вел ребенок, не наказывали ли воспитатели». Только один из пяти родителей (20 %) интересуется, что читали воспитатели, и понравилась ли книга. Примерно такое же количество родителей (17 %) интересуются, с кем дружит, с кем играет ребенок.

Исходя из приведенных данных, мы вынуждены констатировать громадное расхождение между осознанием обществом значимости семьи, родителей, как руководителей детского чтения, и пассивного поведения родителей в отношении поддержки и развития детского чтения. Читали или читают своим детям постоянно незначительное число родителей.

Как проходит читательская социализация в школе, ее направленность, можно косвенно определить по ответам на вопрос: «Какой, на Ваш взгляд, статус «человека читающего» в школьном коллективе?» Мнения учителей и библиотекарей значительно расходятся: как высокий этот статус определяют 49 % опрошенных библиотекарей и 64 % опрошенных учителей. Различается и оценки библиотекарей из разных городов. Большинство библиотекарей из г. Мегион (73 % опрошенных) считают, что статус читающего школьника высок, такого же мнения придерживаются менее половины библиотекарей г. Лангепаса (44 %) и одна треть – из г. Нижнего Новгорода (33 %). Расхождение в оценках статуса «человека читающего» свидетельствует о неоднозначности этого явления, о том, что есть положительные примеры отношения общества к чтению.

Мы согласны с автором, который в статье «Чтение подростков, или есть ли будущее у книжной культуры?» пишет: «Если бы иногда о круге своих книжных интересов рассказывали с экранов телевизоров и страниц глянцевого журналов люди, добившиеся высот в сегодняшней жизни – главы телеканалов и банков, ректоры престижных вузов, популярные журналисты, – это могло бы повысить привлекательность «книжной» культуры в глазах и прагматичной, и «пофигистской» молодежи»[4].

В учреждениях культуры и образования Нижневартовска и Мегиона на видных местах размещены плакаты с высказываниями выдающихся спортсменов, музыкантов, телеведущих Югры о важности чтения. В Нижневартовске выпущен плакат, на котором лучшие юные читатели сфотографированы с главой администрации Б. С. Хохряковым. В газетах г. Мегион публикуют фотографии лучших читателей и интервью с ними.

$\frac{2}{3}$ родителей наших респондентов имеют высшее или среднее специальное образование. Потенциал для интеллектуального развития детей в семьях северных городов есть, надо только родителям иметь желание и найти время для развития детей. К сожалению, родители, видимо, мало используют свой образовательный потенциал, потому что только от 9 до 13 % опрошенных на вопрос: «Как Вы считаете, какие дети больше других читают?» – ответили, что читают больше те дети, «родители которых имеют высшее образование».

Большинство детей живут в дружных семьях: 84 % малышей и 75 % подростков оценили свои семьи как очень дружные. Прослеживается закономерность – чем дружнее семья, тем чаще подростки знают, кем работают родители. В дружных семьях дети больше читают, лучше учатся. Об этом наглядно свидетельствуют результаты проведенного исследования.

Известный социолог Г. Е. Зборовский еще в 90-е годы XX века писал о значимости досуговой функции семьи (позже он ее назвал функцией свободного времени). Досуговая функция, по его мнению, ориентирована на оптимизацию организации семейного свободного времени, на удовлетворение потребности членов семьи в общении, повышение уровня культуры, улучшение состояния здоровья, восстановление сил. В счастливых семьях происходит взаимообогащение интересов супругов и их детей, досуговая деятельность носит преимущественно развивающий характер [3. С. 130]. Социологи установили тесную связь между семейным благополучием и проведением досуга. Всегда проводят досуг вместе только одна из пяти несчастливых супружеских пар, среди счастливых эта цифра в 2,5 раза выше [См.: 2. С. 217]. Семейное чтение как один из видов реализации досуговой функции способствует не только повышению культурного уровня, но и улучшению взаимоотношений в семье.

Одной из проблем, на решение которой направлена Программа поддержки и развития чтения, названа утрата традиции семейного чтения: в 1970-е годы регулярно читали детям в 80 % семей, сегодня – только в 7 %. В Лангепасе и Мегионе ситуация примерно такая же. Среди малышей только 13 % отметили, что родители им читают или читали постоянно, среди подростков таких 42 %. Последняя цифра, скорее всего, не отражает реальную ситуацию: или память подростков подводит, или им хочется, чтобы родители выглядели лучше. Мы опрашивали более или менее читающих родителей, но даже среди них 34 % читали/читают детям редко, а 3 % вообще не читают.

Наличие собственных книг тоже стимулирует интерес к чтению. Среди тех, у кого книг нет – нравится читать 50 % опрошен-

ных малышей, среди тех, у кого их много – 82 % опрошенных. Среди тех, кому нравится читать, пользуются школьной библиотекой – 60 % опрошенных, детской – 53 %, домашней – 41 %, книги покупают родители – 38 % опрошенных. А среди тех, кто считает, что чтение никому сейчас не нужно, три четверти опрошенных «малышей» обходятся школьной библиотекой, каждому четвертому книги покупают родители (25 %), но значительно меньше, чем в среднем по массиву (37 %). Большое значение имеет, с кем ребенок впервые пришел в библиотеку. В библиотеку впервые пришли с родителями среди тех «кому нравится читать» – 35 % опрошенных «малышей», среди тех, кто читает только потому, что заставляют – 22 %; среди тех, кто ненавидит читать – 9 %. Более половины (55 %) тех, кто ненавидит читать пришли с другом, скорее всего, просто за компанию. Все опрошенные «малыши», которые пришли с сестрой или братом любят читать. В северных городах бабушек и дедушек немного. Только 15 % детей живут с бабушкой, а 10 % – с дедушкой. Их влияние на детей не столь значимо, как родителей и сестер-братьев.

Таким образом, исследование позволило сформулировать ряд предварительных выводов и рекомендаций, которые предстоит апробировать в дальнейшем на различных субъектах процесса читательской социализации.

Литература

1. Детское чтение в малых северных городах: реализация Национальной программы чтения / Е. Н. Икингрин, Н. А. Никулина, В. П. Чудинова; под ред. Е. Н. Икингрин. – Нижневартовск, 2008.
2. Земнов М. Время отдыха: с субботы до понедельника // Мы и наша семья: Кн. для молодых супругов. – М., 1989.
3. Основы социологии: Учеб. пособие для преподавателей и студентов. – Екатеринбург, 1993.
4. Поливанов К. Чтение подростков, или есть ли будущее у книжной культуры? // Русский Журнал. – 2005. – 28 февраля.

Языковые и речевые барьеры в русско-китайской коммуникации в сфере образования

В последние годы достаточно интенсивно развиваются меж-культурные и экономические связи Урала с регионами Китая, что делает весьма актуальным изучение китайского и русского языков как иностранных. Так, в Уральском госуниверситете обучаются китайские студенты, а в ряде вузов Екатеринбурга преподается китайский язык (например, уже в течение трех лет в Институте международных связей, где одновременно изучают китайский язык более ста человек).

Освоение чужого языка и чужой культуры часто связано с большими трудностями.

Данная статья посвящена проблеме языковых и речевых барьеров, которые в коммуникации связаны с различиями на всех уровнях системы русского и китайского языков.

Конечно, мешает общению в известной степени ограниченный, даже для человека, изучавшего русский язык, лексический и грамматический тезаурус.

Но особую сложность в русско-китайской коммуникации составляет языковой *фонетический барьер*.

1). Китайцам трудно овладеть произношением русских звуков Р, Л.

Например, неразличение данных звуков при аудировании и говорении в таких лексических парах:

- Гроза (глаза – yan jing 眼睛), (гроза – zai nan 灾难)
- У него такие глаза! – Сегодня такая гроза!
- Красивые? – Красивая?
- Да, очень. – Что ты? Гроза бывает красивой?
- Голод и город (голод – ji e 饥饿), (город – cheng shi 城市)
- Зимний голод наступил. – Зимний город я люблю.

* *Минь Ли* – преподаватель китайского языка как иностранного, Цзилынский ин-т русского языка (Китай), Ин-т международных связей (г. Екатеринбург).

2). Русским студентам трудно овладеть тонами китайского языка, различать оттенки их звучания. Например:

• 吻 и 问 (吻 wen <третий тон> – поцеловать) (问 wen <четвертый тон> – спросить)

Если нужно сказать:

– Девушка, можно ли тебя спросить, где вокзал? (Gu niang, ke yi wen <четвертый тон> ni ma? Huo chang zhan zai na? Гу нян, кэ и **вэнь** <четвертый тон> ни ма? Хо чэ чжань цзай на?)

Но если при этом интонировать неправильно, то получится:

– Девушка, можно ли тебя поцеловать? (Gu niang, ke yi wen <третий тон> ni ma? Гу нян, кэ и **вэнь** <третий тон> ни ма?)

• 挨 и 爱 (挨 ai <первый тон> – очередность за кем-либо) (爱 ai <четвертый тон> – любить)

Если нужно сказать:

– Кто последний? Я в очереди за тобой. (Shui shi zui hou yi wei? Wo ai <первый тон> zhe ni. Шуй ши цзуй хоу и вэй? Во ай <первый тон> чжэ ни.)

Но если при этом интонировать неправильно, то получится:

– Кто последний? Я тебя люблю. (Shui shi zui hou yi wei? Wo ai <четвертый тон> ni. Шуй ши цзуй хоу и вэй? Во ай <четвертый тон> ни.)

• Особую трудность вызывает варьирование тона в словосочетаниях. Можно утверждать, что возникает своеобразный барьер аудирования, когда носителю русского языка сложно воспринять на слух изменения тонов.

Такие варианты представлены в учебнике уже начального этапа овладения китайским языком [4]: третий тон перед первым, вторым, четвертым и легким тоном произносится как полутретий: Beijing <третий и первый изменяется на полутретий и первый, 北京>, yuyan <третий и второй – полутретий и второй, 语言>, guli <третий и четвертый – полутретий и четвертый, 鼓励>, jiejie <третий и легкий – полутретий и легкий, 姐姐>. Третий тон перед третьим тоном произносится, как второй тон: nihao <третий и третий – второй и третий, > shuiguo <третий и третий – второй и третий, 你好>.

Грамматические барьеры

1) Китайским студентам сложно овладеть русским словоизменением.

Приведем пример неверного (отсутствующего) словоизменения: «Я китайка, я купить нож, вилка, ложка, я надо научиться есть нож, вилка, ложка». Правильное высказывание требует винительного и творительного падежа: «Я китайка, я купила нож, вилку, ложку, мне надо научиться пользоваться ножом, вилкой, ложкой». В целом, русское словоизменение представляет большие трудности не только для китайцев, но и для носителей европейских языков.

2) Для русских студентов, в свою очередь, непривычным является употребление разнообразных счетных слов китайского языка.

В современном китайском языке при обозначении количества предметов часто употребляются различные счетные слова. Сочетанием счетных слов с существительными носит устойчивый характер. Числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, между числительными и существительными ставится счетное слово, в зависимости от лексического значения существительного.

Например, словосочетания числительное + существительное:

По-русски	По-китайски
три аудитории	san ge jiaoshi 三个教室 Сянь гэ цзяоши
три двери	san shan men 三扇门 Сянь шань мэнь
три доски	san kuai heiban 三块黑板 Сянь куай хэйбань
три ручки	san zhi gangbi 三支钢笔 Сянь чжи ганби
три стены	san mian qiang 三面墙 Сянь мянь цян
три лампы	san zhan deng 三盏灯 Сянь чжань Дэн
три стола	san zhang zhuozi 三张桌子 Сянь чжан чжоцзы
три стула	san ba yizi 三把椅子 Сянь ба ицзы
три студента	san wei xuesheng 三位学生 Сянь вэй сюешэн

У этих десяти словосочетаний с одним и тем же числительным девять разных счетных слов.

Этикетные барьеры относятся к барьером речевым.

1). И в Китае, и в России местоимение «вы» следует использовать: при обращении к незнакомому адресату; в официальной обстановке общения; при подчеркнуто вежливом, сдержанном отношении к адресату; к старшему (по положению, возрасту) адресату. Местоимение «ты» используется: при разговоре с хорошо знакомым человеком, с которым установлены дружеские, приятельские отношения; в неофициальной обстановке общения; при дружеском, фамильярном, интимном отношении к адресату; к младшему (по положению, возрасту) адресату» [1]. Адаптационные трудности обусловлены формой обращения к студентам (в Китае преподаватель обращается к студенту только на «ты», а русский этикет требует обращения к студенту на «вы»).

2). Языковые барьеры в российско-китайских взаимоотношениях связаны и с различием форм вежливости. В русском речевом этикете принято обращение по имени и отчеству, а обращение по должности, профессии, социальному статусу употребляется крайне ограниченно. Тогда как в рамках китайской коммуникативной культуры очень важно знать о профессии, должности и социальном статусе собеседника, поскольку эти факторы обязательны при обращении. Китайцы используют обращения по профессиям и долж-

ностям вместо имен, особенно в профессиональной сфере. Вот почему китайские слова «преподаватель», «доктор», «режиссер», «ректор» и т.д. используются как этикетные обращения и на работе, и в повседневной жизни, как между малознакомыми, так и между близкими людьми.

Например:

	Примеры на китайском языке	Перевод с китайского на русский
1	张老师, 早上好!	Преподаватель Чжань, доброе утро!
2	邀请函 尊敬的张校长, 兹定于2007年12月28日18:00 时在哈尔滨饭店举行哈尔滨市二零零八 年新年晚会。 敬请 光临 哈尔滨市政府 2007年12月1日	Приглашение Уважаемый ректор Чжань: Приглашаем Вас на вечер Нового года г. Харбина. Вечер состоится 28 декабря 2007 г. в гостинице "Харбин". Начало вечера в 18:00 часов. Правительство г. Харбина 01 декабря 2007 г.
3	张教授, 我们都非常喜欢您的报告。 谢谢您!	Профессор Чжань, всем нам понравился ваш доклад. Спасибо вам!
4	张大夫, 这种药怎么服用?	Скажите, пожалуйста, доктор Чжань, как принимать такое лекарство?
5	张导演, 这个学生太想成为演员了, 您能帮助他吗?	Режиссер Чжань, этот студент очень хочет стать артистом, вы ему сможете помочь?

Трудности адаптации автора данной публикации к русским формам обращений были связаны и с указанной выше причиной, и с длинной формой обращения по имени и отчеству, столь непривычной для китайца. Кроме того, вызывали недоумение принятые в обиходно-бытовом общении формы русских обращений по полу и возрасту («женщина», «мужчина», особенно «девушка» в магазине).

Мы затронули лишь малую часть языковых и речевых фактов, обуславливающих трудности межнационального взаимодействия.

Оптимизация процессов межнациональной адаптации требует подробной классификации факторов, затрудняющих общение на всех уровнях языковой и речевой систем, и их учета в преподавании иностранных языков.

Литература

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи. – Ростов н/Д, 2004.
2. Лю Вэй Цзин. Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж, 2003.
3. Сюй Сяо Бо, Лысакова И. П. Национальная специфика языковой объективации категории «вежливость» в русской и китайской

коммуникативной культурах // Коммуникативное поведение. – Воронеж, 2003. – Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория.

4. Чжан Сяогуан, Цзян Кэсинь, Хаматова А. А., Гурилова К. А. Китайский язык Новый объект. – Пекин: Изд-во просвещения и науки, 2004.

Применение семантического матричного подхода к моделированию образовательных учреждений в мультикультурных регионах РФ

Современное Российское общество отличается необычайной сложностью социальных процессов и явлений. Они проявляются в политической, экономической, национальной и культурной сферах жизни общества. Сложность культуры проявляется как в частных ее процессах, так и на уровне единого целого, в котором она выступает во всем разнообразии взаимозависимостей целого и частного, общего и специфичного. Специфичность российской культуры проявляется в синтетичности, разнообразии базисных социокультурных и этнонациональных оснований, отсутствии единой ведущей религии, одновременном влиянии западной и восточной культур. Все указанные особенности отражены в механизмах ее сохранения и обновления, в которых ведущая роль принадлежит процессам социализации и инкультурации, составляющих сущность системы образования.

Эта система реализует значимые для общества нормы, ценности, смыслы и обычаи социокультурной практики посредством деятельности образовательных учреждений. В советский период единообразная система обучения и воспитания, обусловленная жесткой регламентацией отношений центра и регионов, делала невозможным создание образовательных учреждений, выходящих за рамки традиционных школ. Сегодня же новые условия жизни российского общества стимулируют появление образовательных учреждений нового типа.

За последние десятилетия в Российской Федерации создано и открыто множество образовательных учреждений нетрадиционного типа. Из этого многообразия можно выделить в качестве основных групп: светские и конфессиональные. К ним относятся прогимназии и гимназии, колледжи, лицеи, реальные школы и училища, кадетские корпуса; приходские воскресные школы, епархиальные училища, семинарии и академии различных вероисповеданий; мно-

* *Татьяна Львовна Лихачева* – канд. социол. наук, докторант Ин-та социологии РАН (г. Москва).

гоуровневые комплексные учебные модули. По видам собственности они относятся к государственным, общественным и частным. По направлениям – к гуманитарным, естественно-математическим, художественным и теологическим. По целям и содержанию образования – к дошкольным, начальным, основным, средним, профессиональным, высшим.

Создание и деятельность данных учебных заведений по-прежнему сталкивается с ощутимым объемом трудностей объективного и субъективного порядка. Перед организаторами образования, общественными организациями, юридическими и физическими лицами встают вопросы: как проектировать модели образовательных учреждений; основываясь на каких социокультурных критериях, пользуясь какой методикой отобразить тип учебного заведения, адекватный условиям конкретного региона, особенно, если это поликультурный регион.

Один из возможных вариантов ответа на эти вопросы социокультурной жизни общества в условиях дрящегося общегосударственного системного кризиса дает данное исследование. В качестве исследовательского поля выбраны общеобразовательные учреждения, обеспечивающие получение среднего образования гражданами РФ. Настоящее исследование направлено на поиск методов социокультурного проектирования моделей общеобразовательных учреждений, разработку социокультурных критериев проектирования и отбора общеобразовательных учреждений, адекватных конкретным мультикультурным регионам.

В настоящее время существует несколько практических способов разрешения обозначенной проблемы. Анализ управленческого опыта, научной литературы, социально-педагогической периодики позволяет выделить среди них три основных:

Первый способ характеризуется попыткой практиков образования создать новые типы образовательных учреждений на основе обобщения местного (регионального) педагогического опыта и с учетом национальных, этнических и экологических особенностей территорий. При этом выделяют существенные признаки традиционно сложившихся и существующих типов школ и на их основе разрабатывают типологию образовательных учреждений, отвечающих конкретным условиям их местности.

Второй способ обусловлен модернизацией ранее существующих типов школ в условиях России начала XXI века.

Третий способ предлагают ученые-практики, предполагающие создавать объединенные комплексные структуры образовательных модулей разного уровня.

Все указанные способы проектирования и моделирования учреждений образования опираются, в основном, на практику педа-

гогического опыта и управления образовательными процессами. В рамках этих подходов невозможно разработать и спроектировать модели школ разных уровней из-за отсутствия научно-обоснованной методики отбора и формализации внешних и внутренних условий их жизнедеятельности и социокультурных критериев выбора наиболее оптимальных моделей, адекватных реалиям конкретного мультикультурного региона. Анализ этих способов позволяет сделать следующий вывод: ни один из вышеназванных способов не в состоянии охватить все многообразие внешних и внутренних факторов, определяющих специфику территорий и образовательных учреждений, и не дает возможности определять взаимозависимости между конкретными специфическими условиями региона и внутренними особенностями деятельности конкретных школ, открываемых и уже существующих на этих территориях, особенно – в поликультурной среде.

В указанных подходах не используются методики разработки проектирования и отбора общеобразовательных учреждений, адекватных местным мультикультурным условиям; в них не выделяются критерии, на которых можно было бы обоснованно создавать, открывать и обеспечивать устойчивое функционирование общеобразовательных учреждений в поликультурном регионе.

Итак, в основе разработанной в 1996 году, апробированной и предлагаемой сегодня автором технологии находится инструментальная система перевода объективно существующих социально-политических факторов в формализованные символы, совокупность которых представляется матрицей, а совмещение матриц, произведенное определенным образом, адекватным исследуемому процессу, дает искомую многофакторную и поликультурную модель.

В содержании технологии, с практической точки зрения, выделяется следующая цепь действий:

- Систематизация.
- Формализация.
- Проектирование.
- Моделирование.

Рассмотрим кратко каждое из представленных звеньев.

Систематизация производится на основе двухуровневого представления внешних и внутренних факторов какого-либо социального явления или процесса, включая процесс функционирования различных социальных институтов, а также социально-политической жизни исследуемого территориального поселения в целом. Наиболее легким и эффективным образом данный инструментальный реализуется в том случае, если мы оттолкнемся от того, что функционирование любого социально-политического института или жизнедеятельность явления представляет собой многомерное модуль-

ное множество и, вследствие этого, может быть описано совокупностью внутренних (собственно структурных) и внешних (структурно-функциональных) взаимозависимостей.

Формализация выступает следующим звеном и включает в себя механизм сведения реально существующих признаков к их семантическому (цифро-буквенному) аналогу. Параметры определяются по алгоритмическим таблицам средних значений социально-экономических, демографических, политических, научно-культурных и эколого-географических факторов, представляющих собой основные доминантные группы (know-how автора. – Т. Л.).

Проектирование включает в себя первичный опыт прикладного совмещения матриц, полученных на предыдущих этапах в ракурсе составления проекта (описания) модели изучаемого объекта. Здесь определяются и обосновываются ведущие формо-содержательные положения, при особом внимании, уделяемом сохранению выявленных ранее превалирующих видов связей как внутри модели, так и ее взаимозависимости с внешним миром.

Моделирование включает в себя создание самой модели через разработку *идеальных* (эталонных) и *реальных* (конкретных) модельных конструкций одного и того же объекта. Также на данном этапе проводится процесс сравнительного полифакторного анализа создаваемых моделей для определения и отбора наиболее точных модификаций объекта.

Следующим этапом технологической эволюции предложенного метода выступает *модельный эксперимент*, в условиях которого осуществляется трехмерная виртуальная постройка модели и выход на конструирование многовариантных N-модульных мультикультурных моделей, являющихся визуальным воплощением различных подходов к совмещению матриц.

Подводя общий итог рассматриваемой технологии, следует отметить, что ее функционирование может быть осуществлено как на собственно матричных элементах, преобразованных в формализованные семантические аналоги, так и на совокупностях графического вида (полимерных). Такой подход сокращает трудоемкие и громоздкие описательные процедуры анализа социально-политических явлений и процессов современного социально-культурного пространства и дает возможность их представления не только в статическом матричном варианте, но и в динамическом пространственно-графическом (стереометрическом виде).

Отдельно следует сказать о *прогностических* возможностях рассматриваемого метода, которые реализуются в органичном двуединстве создаваемых социопрогностических структур и определении на их основе необходимых и достаточных условий воплощения метода, исходя из объективных реальностей.

Следует отметить, что предлагаемая технология при ее практической реализации в Центральном регионе РФ позволила сделать следующие выводы:

1. Любой конкретный мультикультурный регион России несет в себе потенциальные возможности для развития образовательных учреждений. Эти возможности и существующие условия могут быть формализованы и выражены в форме семантической мультикультурной модели.

2. Любое образовательное учреждение может быть представлено совокупностью базовых характеристик, отражающих его общие и специфические признаки. Эта совокупность может быть формализована и выражена в форме семантической мультикультурной модели.

3. Построение адекватной матричной модели позволяет спроектировать образовательные учреждения для мультикультурного региона и, тем самым, обеспечить его устойчивое функционирование в сфере социокультурного пространства.

А. А. Лысенко*

Социальное партнерство и образовательные учреждения Пермского края

При рассмотрении любых аспектов темы, касающейся экономического развития города, региона и страны в целом, актуален в первую очередь вопрос образования, образовательного уровня населения.

В современных экономических условиях вполне осознанно государственной политикой мотивируется развитие малого и среднего бизнеса в стране. Новые предприятия, новые рабочие места и требования к специалистам показали актуальность обсуждения и практической реализации социального партнерства в XXI веке. Ежегодно в различных регионах Российской Федерации проводятся научно-практические конференции, обучающие семинары и т. п. с целью развития социального партнерства между образовательными учреждениями (ОУ) и сферой производства товаров и услуг.

Стоит отметить, что социальное партнерство – понятие довольно широкое, поэтому приведем его определение из нормативно-правового акта Пермского края: «Социальное партнерство – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Система социального партнерства в Пермской области – стороны и участники социального партнерства, действующие органы социального партнерства, а также принятые ими договоры и соглашения по взаимодействию в сфере социального партнерства на областном, отраслевом, территориальном уровнях и уровне организации» (Закон «О социальном партнерстве в Пермской области» от 23.09.04 г.).

В нашем случае социальное партнерство по отношению к образовательным учреждениям можно рассматривать с двух позиций.

* *Анастасия Андреевна Лысенко* – ассистент кафедры национальной экономики филиала УрГЭУ-СИНХ (г. Березники).

1. Социальное партнерство внутри системы образования (между учреждениями одного образовательного уровня, либо построенной структуры многоступенчатого образования). На сегодняшний день в Пермском крае система социального партнерства между образовательными учреждениями одного уровня четко выстроена в рамках начального профессионального образования. Пермский краевой институт повышения квалификации работников образования определил для каждой профессии структурно-методические объединения, включающие в себя опорно-методическое учреждение (по 1–2 профессиям) и представителей других ОУ, ведущих подготовку в данных направлениях. Результатом работы методических объединений является: ежегодный обмен опытом педагогической деятельности; презентации современных практических навыков в обучении профессии; совместная разработка рабочих программ и профессиограмм, создание единых тестовых баз по профессии и т. д. В системе среднего и высшего профессионального образования партнерства на краевом уровне нет.

Социальное партнерство в структуре многоступенчатого образования реализуется частично, то есть структуры НПО-СПО, СПО-ВПО на сегодняшний день являются актуальными в повышении конкурентоспособности образовательных учреждений. Практически каждое ОУ начального или среднего профессионального образования предлагает выпускникам повысить образовательный уровень с учетом льготных условий (поступление без экзаменов, сокращенный период обучения). Как правило, такой вид социального партнерства объединяет не более двух образовательных ступеней, хотя в крае создан центр непрерывного образования. Примерами таких систем могут быть: «Кунгурский колледж промышленных технологий, управления и дизайна», реализующий программы многоуровневого образования; «Институт непрерывного образования Пермского государственного технического университета», в его программном документе «Стратегия развития университета на период до 2010 г.» выделено в качестве основного направления развития привлечение учащихся старших классов общеобразовательных учреждений (школ, лицеев) к выполнению научно-исследовательской работы для создания непрерывной многоступенчатой («школа – вуз») подготовки высококвалифицированных специалистов. Таким образом, реализация социального партнерства внутри системы образования Пермского края развивается, и в результате реализации национального проекта «Образование» такая система взаимодействия будет укореняться.

2. Социальное партнерство, в которое вступают работники системы образования, контактируя с представителями иных сфер общественного воспроизводства. Сегодня можно говорить о возрас-

тании потребностей предприятий в специалистах рабочих профессий; возрастают и требования к квалификации выпускников. Поэтом вполне логично, что перед педагогическими коллективами сегодня встали два вопроса:

- Востребованы ли выпускники ОУ на рынке труда?
- Какого специалиста, в широком понятии, должно выпускать ОУ с учетом меняющихся рыночных потребностей региона?

В результате взаимодействия в современных экономических условиях вновь актуальным стало шефство – как для работодателей, так и для ОУ. На предприятиях появились программы развития и обучения персонала. В свою очередь, образовательные учреждения «сделали шаг» к работодателям с целью трудоустройства выпускников. Результатом такого взаимодействия стало успешное проведение эксперимента по введению Министерством образования Пермского края региональных сертификатов профессионального образования. Эксперимент должен был исправить дисбаланс между спросом и предложением квалифицированных кадров на предприятиях региона (такая цель сформулирована в послании губернатора 3 законодательному собранию в 2007 году).

Модель обращения сертификата выглядит следующим образом: работодателям было необходимо разместить заказ на подготовку квалифицированных кадров в учреждениях начального и среднего профессионального образования (данные информационного портала www.pbou.ru на сегодняшний день не оформлены окончательно); Министерством образования Пермского края были выпущены сертификаты, которые работодатели в г. Пермь получили в количестве, соразмерном количеству выпускников, и это гарантировало трудоустройство в будущем; с учетом полученных сертификатов был сформирован государственный заказ на подготовку специалистов в 2008 году. В ходе реализации эксперимента отзывы в прессе были как положительными, так и отрицательными. Результаты эксперимента явились свидетельством высокого уровня социального партнерства в крае, особенно высокий результат по количеству сертификатов был получен в Пермском торгово-технологическом колледже (что также обусловлено динамичным развитием сферы торговли).

Такой механизм уменьшения дисбаланса между спросом и предложением квалифицированных кадров показал свою актуальность и возможность практического применения. Сегодня эффективность дальнейшего использования сертификатов, а, главное, их целесообразность зависит от экономических условий, сложившихся в результате мирового финансового кризиса. Изменения на рынке труда в связи с сокращением производственной деятельности

представим в виде диаграммы на рис. 1 (данные сайта агентства по занятости населения Пермского края):

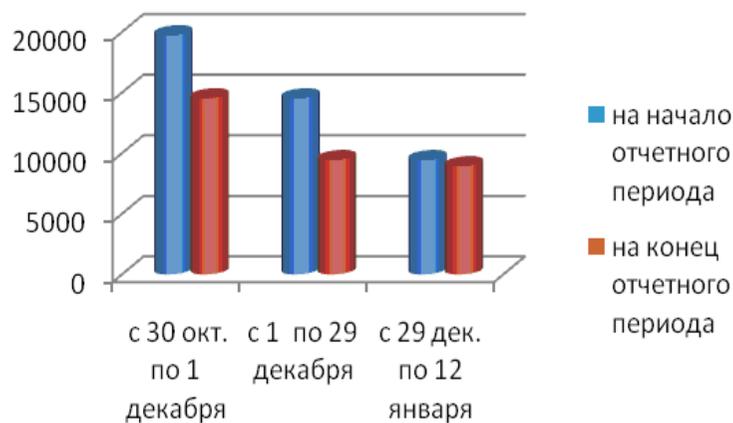

Рис. Численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости Пермского края в периоды с 30.10.08 г. по 12.01.09 г.

Однако в некоторых городах и районах численность безработных граждан увеличилась, а предложение рабочих мест резко сократилось. Следовательно, потребность в выпускниках профессиональных образовательных учреждений снижается, а возможность дальнейшего использования Региональных сертификатов профессионального образования в крае полностью зависит от динамики изменений на рынке труда. Одним из перспективных направлений трудоустройства выпускников в сложившейся ситуации становится усиление деятельности социального партнерства.

В тоже время, целями социального партнерства, согласно закону «О социальном партнерстве в Пермской области», являются:

- создание благоприятного социального климата и обеспечение общественного согласия;
- обеспечение стабильности в обществе на основе объективного учета интересов всех слоев населения;
- содействие решению социально значимых проблем в крае и развитию человеческого потенциала;
- обеспечение социально ориентированной политики экономических преобразований;
- обеспечение эффективного механизма регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений;
- предотвращение коллективных трудовых споров и содействие разрешению конфликтов;

- совершенствование организации и функционирования социального партнерства в Пермском крае;
- усиление роли сторон социального партнерства в решении социально-трудовых проблем на уровне края;
- обеспечение дополнительных гарантий работникам по сравнению с действующим законодательством.

На наш взгляд, реализация определенных законом целей должна быть неразрывно связана с политикой Министерства образования, но в концепции целевой программы «Развитие системы образования Пермского края на 2006–2010 годы» предусмотрено только «распространение в течение 5–7 лет на весь социум края основ социального мира, социального партнерства...», а, следовательно, *развитие социального партнерства – самостоятельная деятельность каждого образовательного учреждения.*

Руководители многих образовательных учреждений осознали перспективу открывающихся возможностей как результат социального партнерства: систематизируется информация о региональном и территориальном рынках труда; обеспечивается учет требований работодателей по содержанию подготовки в образовательных учреждениях; упрощается процедура корректировки существующих и разработки новых учебно-методических материалов и программ, отвечающих требованиям работодателей; открываются более широкие возможности для организации практики обучающихся и стажировки педагогических работников и т. д.

Подводя итог, особо отметим: *для развития социального партнерства в крае сегодня необходимо создание единой и взаимосвязанной системы «Государство – Образовательное учреждение – Работодатель – Государство». Проектирование и мотивацию деятельности данной системы должно осуществлять Министерство образования Пермского края.*

*Н. В. Майорова**

Управление высшим образованием и межкультурное взаимодействие: опыт КНР

Рассматривая современное высшее образование Китайской Народной Республики, следует отметить, что оно сегодня, да и последние 20–25 лет существует в условиях активного межкультурного взаимодействия. С одной стороны, Китай обладает тысячелетними традициями и национальной моделью высшего образования, с другой стороны, интенсивное международное сотрудничество привело к взаимопроникновению традиционной китайской и современной западной модели образования, что и является примером поликультурного развития цивилизации в мультиобразовательном пространстве.

В этой работе рассматриваются вопросы, касающиеся содержания опыта КНР в области управления высшим образованием, связанные с мультикультурным аспектом. Изучение этого опыта особенно актуально в условиях присоединения нашей страны к Болонскому процессу, суть которого продиктована отличиями от российских историко-культурными образовательными особенностями. Немаловажным является и тот факт, что многое из описанного в работе автор видела воочию, находясь в длительной командировке в г. Шанхае, который стал своеобразной мультикультурной кузницей образования в Китае.

По новейшим статистическим данным, в настоящее время в Китае в высших учебных учреждениях получают образование более 20 млн студентов, при этом только треть вузов являются государственными. Вхождение в мировое сообщество стимулируется реформированием китайской системы образования. Так, в 1999 г. на III Всекитайской конференции по работе в области образования было принято «Решение ЦК КПК и Госсовета об углублении реформы образования и всестороннем стимулировании качественных параметров образования», которое содержало следующие основные положения:

1. Корректировка стратегии, целей и структуры образовательной системы Китая к 2010 году в сторону расширения возможнос-

* *Наталья Викторовна Майорова* – канд. культурологии, ректор Московского открытого юридического ин-та (г. Москва).

тей образования в полной средней школе и в учреждениях высшего образования, а также активное развитие системы высшего профессионального образования в поле поликультурных китайских традиций.

2. Создание взаимосвязанной и взаимодействующей системы образования, ориентированной на деятельность в режиме социалистической рыночной экономики и в рамках современных мировых требований к системе образования. Преимущественное создание условий для всевозрастного и поликультурного получения образования.

3. Предоставление более широких полномочий правительствам провинций в развитии и управлении системой образования, а также в динамике единого планирования.

4. Формирование новой ступенчатой системы с двухуровневым управлением, основными характеристиками которой будут: делегирование приоритетов управления системой образования от центрального правительства к местному; предоставление больших полномочий высшим учебным учреждениям в организации, планах и программах обучения; предоставление им возможности активного созидательного участия в социально-экономическом развитии страны.

5. Активное вовлечение неправительственных организаций в сферу образования, введение новых форм учебы и всемерное содействие широким народным массам в получении образования в поле мультикультурной традиции Китая.

6. Модернизация и дифференциация экзаменационной системы Китая, а также реформирование системы вступительных экзаменов в высшие учебные заведения.

7. Модернизация системы, структуры и содержания учебных дисциплин, предоставление более широких полномочий местным учебным учреждениям в формировании учебных программ базового образования, учитывающих как национальные, так и общемировые ценности, то есть реализация межкультурной составляющей мирового образовательного пространства.

8. Введение и распространение инновационных методов обучения, расширение материально-технической базы учебных учреждений, активное внедрение в программу обучения новых коммуникативных средств на основе информационных технологий.

9. Активное содействие взаимной интеграции образования, научных исследований, производства, экономики для перманентного повышения уровня обучения, а также внедрения инновационных технологий в городскую и сельскую систему образования в рамках общегосударственного процесса перестройки.

10. Оказание поддержки и активного содействия правительству, социуму, семье и учебному заведению в непрерывном со-

вершенствовании системы образования и формировании благоприятного социального климата для обеспечения здорового роста и развития учащихся.

Селективность системы высшего образования Китая проявляется, как считает автор, прежде всего в иерархическом разделении вузов. Результат выпускного единого государственного экзамена абитуриента является критерием допуска к вступительным экзаменам в вузы, в соответствующие набранным баллам категории. Такой подход присущ традиционной системе образования Китая и формирует высокие статусные позиции ведущих учреждений высшего образования страны.

Реформа системы высшего образования Китая в первую очередь затронула управление образованием. Государственный контроль за системой администрирования учреждений образования перестает быть полным, осуществляется перевод к смешанной форме регуляции: часть учреждений остается в ведомстве государственных органов, а управление местными университетами отдается правительствам провинций, автономных районов и муниципальным органам власти.

В дополнение к этому, следует отметить, что в настоящее время активно развивается система частных образовательных учреждений, которые занимают все более и более устойчивые позиции в реформирующейся образовательной системе Китая, хотя политические условия все еще не равны для частного и государственного высшего образования. Именно они и являются основными акторами мультикультурного взаимодействия в современном обществе Китая. Одновременно с реформой управления и трудовых отношений в вузе изменяется и система оценки выпускников для определения уровня их профессиональной подготовки. Система государственного распределения выпускников уже изменена коренным образом, и в настоящий момент лишь незначительная часть выпускников направляется на работу правительственными органами (в основном специалисты-педагоги, а также специалисты правительственного сектора – космонавтика, оборонная промышленность, фундаментальные науки и др.), остальные выпускники трудоустраиваются самостоятельно. Активно внедряется система взаимного поиска: работодатели ищут необходимых специалистов, а выпускники – вакансии.

Таким образом, выделим основные направления реформирования системы образования Китая: во-первых, расширение направлений среднего образования и широкая диверсификация учебных программ для подготовки специалистов для конкретных отраслей экономики; во-вторых, децентрализация управления образованием путем делегирования функций центрального правительства правительствам на местах и предоставление высшим учебным за-

ведениям большей автономии в определении основных направлений и содержания их деятельности; в-третьих, развитие частного сектора образования и переход к рыночной системе в сфере образования, включая привлечение в государственные учреждения образования средств из альтернативных источников (плата за обучение), а также переход к свободному трудоустройству посредством рынка квалифицированной рабочей силы; в-четвертых, ориентация на западные модели образования и глобализацию образовательного процесса, включая открытие границы для выезда китайских студентов для получения образования или проведения научных исследований в других странах.

Резюмируем: система образования Китая, имея длительную культурную историю, существенно отличается от западных культурных аналогов. Однако, необходимо отметить тот факт, что развитие и трансляция системы знаний китайской цивилизации имело решающее значение не только для становления китайского государства, но и развития мировой цивилизации в целом, привнеся в нее мультикультурные элементы. На основе проведенного нами анализа историко-культурных тенденций генезиса системы образования Китая можно сказать, что она была детерминирована особенностями социокультурного развития общества, присущими конкретной эпохе. В разные исторические периоды развитие института образования характеризовалось различной интенсивностью, однако в начале XX века трансформации системы образования получили революционный характер.

Результатом реформирования системы высшего образования явились тенденции открытости, демократизации и предоставление учебным учреждениям большей автономии во всех областях их деятельности. Важнейшими характеристиками системы образования Китая в настоящий момент являются: высокий темп роста грамотности населения, увеличение квалифицированных кадров в образовательных структурах, рост числа приглашенных зарубежных специалистов, расширение перечня преподаваемых дисциплин.

Специфика системы образования Китая базируется на социалистическом курсе страны, что подразумевает ориентацию на централизованное руководство, контроль системы образования, а также идейное и морально-нравственное регулирование программ подготовки. Интеграция глобализационных поликультурных моделей образования, социальные и общественные реформы в русле строительства рыночной экономики обусловили трансформацию восприятия ценности высшего образования: от понимания престижа обладания комплексом знаний и умений к осмыслению образования как сферы долговременных инвестиций и финансового обеспечения статуса человека. Все это привело к развитию частной сферы образования и введению оплаты обучения в вузах страны, а также появлению практики свободного трудоустройства выпускников высших учебных заведений на рынке труда.

А. И. Матвеева*

Фактор организационной культуры в социальной адаптации молодых специалистов в системе образования

Проблемы личностного аспекта социальной адаптации, зависящие от адаптивного поведения молодого специалиста в системе образования, в начале XXI века резко актуализировались. Сегодня очевидно, что исследование этих проблем в отечественной науке приобретает качественно новые характеристики. Это обусловлено изменившимися объективными и субъективными факторами, из которых наиболее существенным объективным обстоятельством является, прежде всего, переходное состояние российского общества. К числу важнейших субъективных, инновационных факторов следует отнести отсутствие изначальной единой идеологической заданности научных исследований в этой области.

Процесс социальной адаптации молодых специалистов сложен и противоречив. Стремление молодого специалиста адаптироваться, интегрироваться в различные структуры своей жизнедеятельности способствует поиску собственной модели адаптационного поведения и социального, профессионального, личностного саморазвития (самообразования, саморегуляции, самореализации). Для личности молодого специалиста очень важно развить адекватное самовосприятие и понять свою роль в сфере деятельности.

В современной социологической литературе, наряду с понятием «социальная адаптация молодого специалиста», все чаще упоминается понятие адаптации в организации (или коллективе). Как правило, эта адаптация рассматривается в контексте организационной культуры. Фактор организационной культуры в процессе социальной адаптации – это процесс ознакомления педагогов с организационной культурой (средней образовательной школы) через приобретение и принятие ими знаний, манеры поведения, а также усвоение способов мышления и общения с другими субъектами педагогического процесса.

* **Алла Ивановна Матвеева** – канд. социол. наук, доцент Ин-та социологии и права, кафедры социологии УрГППУ (г. Екатеринбург).

Фактор организационной культуры – это новый феномен по отношению к адаптации. Нормальный процесс социальной адаптации молодых специалистов определяется критериями адекватности или соответствия, чаще всего связанными с характеристиками, важными для принятия человека на работу преподавателем. По мнению А. Кристоф, «современная система отбора кадров стремится к оптимальному соответствию между личностью и организацией, что обуславливает подбор людей, обладающих ценностями, адекватными данной организации» [2. С. 51]. Молодые специалисты, не входящие в это единство, могут способствовать возникновению ситуаций, определяемых в социологии как недостаточность мотиваций для включения в деятельность.

В свою очередь, все упомянутое выше ведет к развитию неудовлетворенности педагогической деятельностью.

Следует отметить роль системы образования в формировании соответствующей ей организационной педагогической культуры, способствующей укреплению и распространению прогрессивных ценностей. Именно культура определяет связь между ценностями и желаниями молодых специалистов, вселяя в них чувство привязанности к профессии и вознаграждая их за это. ОРейл утверждает, что, «отражая убеждения и ожидания, организационная культура служит контрольным механизмом и регулятором поведения» [1].

Культура может поддерживаться многими формами социальной досуговой деятельности и подчеркивать такие ценности, как межличностные связи и дружеская поддержка коллег. Кроме того, в рамках организационной культуры следует рассматривать проблемы людей, оказавшихся в определенных межличностных отношениях. В современном мире, где становится очевидным распад общественных систем и идеологий, разрушение традиций и норм, раскол и дробление отдельных социумов, обособление и разъединение народов, молодому специалисту очень тяжело найти и определить свое место в нем. Выбор той или иной ценности, ориентира или ведущей идеи предопределяет не только дальнейшее развитие его культуры, но и влияет на его профессиональную деятельность. Новые условия, изменение всего облика общественного развития требуют и новых подходов к осмыслению понятия «организационная культура», ведь именно с ней сталкивается молодой педагог, приходя каждое утро на работу. Несмотря на большие способности человеческого организма к обучению и созданию культурных элементов, ни один индивид сам по себе не в состоянии создать культурную систему. Дело в том, что главные образцы культурных систем, а особенно культуры организации, изменяются только на протяжении педагогической и профессиональной деятельности многих поколений, их всегда придерживаются относительно большие груп-

пы педагогов, в силу чего они становятся доминирующей культурой данного сообщества. Усвоение ценностей господствующей в школах организационной культуры непосредственно отражается в процессе социализации молодых специалистов, в накоплении и развитии ее духовного, интеллектуального и социального потенциала и зависят от того, какой тип педагогов (традиционный или демократический) преобладает в данной школе. Принятая во многих школах организационная культура препятствует каким-либо изменениям и не создает необходимой питательной среды для удачной адаптации молодых специалистов, опирающихся на собственные психологические ресурсы. Применительно к организационной культуре в системе образования важно учитывать адаптационное поведение педагогов (традиционное или демократическое). Разница в ролевом поведении может давать повод для межгрупповых конфликтов. Высокая комфортность в отношении ценностей в одной из групп сочетается с критическим отношением к ценностям и нормам другой. Здесь прослеживается вечный конфликт традиций и инноваций. Успех социально-психологической адаптации, как составляющей процесса социальной адаптации в системе образования, определяется социально-психологической совместимостью педагога с другими работниками – «срабатываемостью»; умением устанавливать психологический контакт в ходе принятия организационной культуры (личная совместимость, уживчивость), а также умения активизировать творческую деятельность.

Молодому специалисту в процессе социальной адаптации приходится преодолевать адаптационные барьеры. Возрастной и эмоционально-психологический – самые трудные. Они могут быть успешно пройдены, только с помощью тесного сотрудничества и взаимопонимания, при осознании молодыми специалистами себя «профессиональным педагогом». Учителю приходится принимать организационную культуру, приспособляться к ней, к внутренним законам, распорядкам, ученикам, поэтому и говорят, что статус учителя приобрести легко, а внутреннее принятие социальной роли педагога затягивается на годы.

Практика показывает, что наибольшая эффективность присуща тем организациям, в которых работают педагоги, представляющие оба стиля адаптивного поведения. В начале XXI века внутреннее принятие роли педагога выступает базовым звеном организационной культуры, которому необходимо уделять особое внимание в процессе социальной адаптации молодых специалистов. С резким изменением социальных условий, со сменой общественных ценностных ориентиров механизм воспроизводства ценностных ориентаций перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам. Изучение ценностных ориентаций молодых спе-

циалистов в системе образования дает возможность выявить степень их адаптации к новым социальным условиям.

Литература

1. *O'Reilly C. F. Catman J. A. Culture as social control: Corporations, cults, and commitment // Research in organizational behavior / Eds. B. M. Staw, K. L. Cummings Greenwich, CT: JAI Press, 1996. V. 18. N. 167.*
2. *Kristof A. L. Adaptors and innovators at work // adaptors and innovators: Styles of creativity and problem solving / Ed. M. J. Kirotn. – London; N.Y.: Routledge, 2000.*

Д. Е. Москвин*

Неформальное и информальное образование в современном образовательном дискурсе

Тематика неформального (НФО) и информального (ИФО) образования остается в России вне общественного и профессионального дискурса, в отличие, к примеру, от проблемы реформирования образования. Простое сравнение упоминаемости в сети Интернет позволяет однозначно оценить сложившуюся ситуацию: поисковая сеть Google на запрос «*информальное образование*» дает всего 184 ссылки в русскоязычном сегменте сети, в то время как в англоязычном сегменте на запрос «*informal education*» – около 919 000 ссылок (и еще около 830 000 на «*informal learning*») [1]. Это позволяет утверждать, что проблема становления, развития, внедрения и оценки результативности неформального и информального образования остается далеко на периферии обсуждения в современной России, хотя Министерство образования и науки РФ внесло эти понятия в проект «современной модели образования» до 2020 года [См.: 2], увязав их с необходимостью перехода к концепции непрерывного обучения.

Обращение к данной теме обусловлено двумя обстоятельствами:

- *объективным* – переходом российской образовательной системы к парадигме «образования в течение всей жизни» (Болонский процесс);

- *субъективным* – вовлечением автора в конструирование системы НФО и ИФО на факультете политологии и социологии УрГУ.

В настоящее время в России отсутствует специальная научная литература по поднятой проблематике, а количество публикаций в, которых она упоминается слишком незначительно, чтобы говорить о ее проработанности, изученности и отрефлексированности профессиональным сообществом. Более того, зачастую дальше фиксирования определения этих категорий исследователи не двигаются, то есть отсутствуют мониторинг, анализ, проектная деятельность в данном сегменте отечественного образования.

* *Дмитрий Евгеньевич Москвин* – канд. полит. наук, ассистент кафедры социально-политических наук, замдекана ф-та политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Характеристики образовательного процесса НФО и ИФО были заимствованы совсем недавно из европейских деклараций, закладывающих фундамент непрерывного образования. В распространении этих понятий в России свою роль сыграли экспертные заключения, сделанные Общественной палатой РФ и ГУ-ВШЭ в 2007 году, обозначившие неформальное и информальное образование как фактор конкурентоспособности страны и значимый элемент современных образовательных систем [3. С. 33]. При этом отсутствуют официальные документы, объясняющие специфику и принципы функционирования этих форм образовательного процесса в России.

На Западе к этим феноменам обратились гораздо раньше, причем можно говорить как минимум о двух наметившихся трендах.

Во-первых, *американский*. Некоторыми утверждается, что начало дискуссиям в этой сфере в США положили философ и психолог *Джон Дьюи* (см. «Мое педагогическое кредо» [4]) и адепт андрогогики *Малкольм Ноулес* (Knowles) в конце XIX и в середине XX веков соответственно [5]. Первые работы по исследованию непосредственно неформального образования появились в 1970-х годах [6], а к концу 1980-х было окончательно внедрено понятие информального образования [7]. В последующем, в 1990–2000-е гг. в США фактически была создана инфраструктура НФО и ИФО, включающая в себя организации, делающие на этих видах образования успешный бизнес.

Во-вторых, *европейский*. В Западной Европе подошли к данной системе через внедрение парадигмы образования в течение всей жизни. В 2000 г. после Лиссабонского саммита ЕС издается «Меморандум о непрерывном образовании Европейского союза», в котором постулировалось: «Континуум непрерывного образования делает неформальное и информальное образование равноправными участниками процесса обучения». Там же провозглашался вектор на разработку высококачественной системы «Аккредитации предыдущего и неформального образования» (APEL) [8]. В последующих документах, определяющих основные параметры европейской образовательной системы, неоднократно подчеркивалась необходимость выработки общих критериев для соотнесения НФО и ИФО в разных странах, признания знаний, полученных подобным образом. Для того, чтобы эти системы пользовались доверием, Совет по Образованию ЕС в 2004 году принял определение неформального и информального обучения, а также Общие Европейские Принципы для их признания. В 2006 году был поставлен 5-летний срок для окончательной разработки и внедрения этой системы при определении профессиональных навыков человека.

Сложилось несколько подходов к разграничению формального, неформального и информального образования. Для удобства приведем ключевые черты, присущие каждому из них:

- *Формальное образование* – имеет место в организованном и иерархически структурированном контексте [См.: 9, 10], завершается выдачей общепризнанного диплома или аттестата [См.: 8], характеризуется определенной продолжительностью по времени и основывается на государственной учебной программе; оно организовано формальными, преимущественно зарегистрированными, организациями.

- *Неформальное образование* – осуществляется часто вне специального образовательного пространства, в котором четко обозначены цели, методы и результат обучения [См.: 10], в образовательных учреждениях или общественных организациях, клубах и кружках, во время индивидуальных занятий с репетитором или тренером [См.: 8], а также представляет собой различные курсы, тренинги, короткие программы, которые предлагаются на любом этапе образования или трудовой деятельности [См.: 3], обычно не сопровождается выдачей документа, чаще всего носит целенаправленный и систематический характер [См.: 9].

- *Информальное образование* – индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь и не обязательно носящая целенаправленный характер [См.: 8]; спонтанное образование, реализующееся за счет собственной активности индивидов в насыщенной культурно-образовательной среде [См.: 3]; общение, чтение, посещение учреждений культуры, путешествия, средства массовой информации и т. д., когда взрослый превращает образовательные потенциалы общества в действенные факторы своего развития [См.: 9], результат повседневной рабочей, семейной и досуговой деятельности [См.: 10], не имеет определенной структуры.

При анализе англоязычных источников по ИФО возникает методологическая коллизия: в большинстве случаев, особенно в американской модели, под информальными знанием и образованием подразумевается вообще любая социальная активность человека, изменяющая его сознание, расширяющая опыт, позволяющая освоить дополнительные компетенции и т. д. – все то, что приобретает спонтанно, неконтролируемо самим человеком. В данной логике становятся трудно различимыми понятия образования и социализации, что, в свою очередь, актуализирует потребность в более детальной проработке понятия ИФО. Предполагается, что дополнительным фактором, который необходимо учитывать при его категоризации, должна выступать социокультурная среда и историческая преемственность в изучаемом обществе.

О значимости НФО и ИФО для понимания современного состояния образовательного пространства и имеющих место в нем трендов могут свидетельствовать следующие данные:

- по оценке ЮНЕСКО, 85 % работающего населения приобрели необходимые для работы знания и умения за рамками формального обучения [9];

- в 2003 году почти 18 % жителей ЕС в возрасте 25–64 лет участвовали в неформальном образовании [11];

- в странах Скандинавии – Дании, Швеции, Финляндии – наибольшие показатели по уровню вовлеченности в НФО – почти 50 %, по данным на 2004 г. [11];

- данные по России отсутствуют.

Таким образом, очевидно, что в российском образовательном дискурсе недостаточность внимания к новым для отечественной системы формам образования может служить фактором сдерживания при вхождении в Болонский процесс, мешать адаптации к требованиям и вызовам постиндустриального общества, а также препятствовать формированию новой, полноценной, востребованной, разветвленной системы образовательных услуг. В условиях ускоренной модернизации, а также декларируемых Президентом РФ Д. А. Медведевым приоритетов по развитию информационного общества и экономики, основанной на знаниях, не исключено, что система НФО и ИФО будет сформирована «сверху» без учета российской специфики, имеющегося опыта и успешных, но пока еще очаговых моделей.

В то же самое время, сам переход к подобной системе будет сопровождаться серьезной трансформацией привычного образовательного пространства, что всегда болезненно воспринимается профессиональным сообществом. Предполагается, что подобная система будет сопровождаться актуализацией и интенсификацией внедрения следующих элементов новой системы :

- личностноориентированное обучение;
- индивидуальная образовательная стратегия;
- индивидуальный преподавательский проект;
- деятельностная парадигма;
- преодоление иерархизированных отношений в образовании;
- рост креативности, ориентированной на инновации.

Список носит незавершенный характер, однако очерчивает проблемное пространство для дальнейших размышлений. К нему можно также отнести: необходимость мониторинга состояния систем НФО и ИФО в различных сегментах образования; выявление успешных адаптированных моделей; понимание опыта функционирования подобной системы в СССР (правда, на других основаниях и с другими декларируемыми задачами); соотнесение оте-

чественной системы с зарубежными; организация понимания востребованности и стратегической необходимости НФО и ИФО для конкурентного и успешного будущего России.

Перечисленные направления исследования в настоящее время курируются *Центром общественно-политических инноваций – ЦОПИ* (г. Екатеринбург), успешно реализующего проекты в сфере НФО и ИФО. В частности, совместно с факультетом политологии и социологии УрГУ Центр поддерживает: Молодежный Интеллектуальный Клуб Екатеринбурга (успешную коммуникативную площадку для студентов вузов города, уже отмеченную дипломом Совета Федерации ФС РФ), проведение мероприятий по проблеме продвижения территорий (совместно со СМО РАПН), *photovoyage* и т. д. Крупным мероприятием, в котором были применены наработки в исследуемой теме, стала Неделя Уральской политической науки, прошедшая в Уральском государственном университете им. А. М. Горького в ноябре 2008 г. В последующем ЦОПИ предполагает реализовать городской проект по созданию инфраструктуры неформального и информального образования, выступив медиатором и интеллектуальной основой для успешного функционирования этой системы в Екатеринбурге.

Литература

1. Поисковая система Google на 8 февраля 2009 г. – [URL: www.google.ru].

2. См.: Методические рекомендации по проведению августовских педагогических совещаний работников образования «Актуальные задачи современной модели образования» – [Электронный ресурс: Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/4674/>].

3. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва 1–3 апреля 2008 г. / Под ред. Я. Кузьмина, И. Фрумина; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

4. *Дьюи Дж.* Мое педагогическое кредо. – [Электронный ресурс: URL: <http://altruism.ru/engine.cgi/5/7/8/7/9>].

5. Informal learning. – [Электронный ресурс: Электронная энциклопедия Wikipedia URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Informal_learning].

6. *Coombs Ph., Ahmed H.* Attacking rural Poverty. How nonformal education can help. – Baltimore, 1974.

7. *Watkins K., Marsick V.* Informal and Incidental Learning in the Workplace. – London, 1990.

8. Меморандум непрерывного образования ЕС 2000 г. – [Электронный ресурс: Общество знание России. URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html>].

9. *Вершловский С.* Непрерывное образование как фактор социализации. – [Электронный ресурс: Общество знание России. URL: http://www.znanie.org/journal/n1_01/neprev_obraz.html].

10. Cedefop, Terminology of vocational training policy – A multilingual Glossary for an enlarged Europe, Tissot, P., 2004. – [Электронный ресурс: European Inventory. URL: <http://www.ecotec.com/europeaninventory/glossary.html#i>].

11. Обучение взрослых: учиться никогда не поздно // Коммюнике Комиссии Европейских Обществ, 23 октября 2006 года. КОМ (2006) 614. – [Электронный ресурс: http://www.eaeabudapest.hu/EAEA_ru/downloads/dokumenti/tanulas.doc].

Доступность высшего образования на Урале и в Ульяновской области: сравнительный анализ

В конце XX столетия в условиях реформирования российского общества наметилась тенденция распада и реорганизации единого образовательного пространства. Особенно это отразилось на сфере высшего профессионального образования. Процесс этот характерен для всей России и связан с причинами как объективного, так и субъективного характера. В каждом регионе Российской Федерации существует и постоянно развивается свое собственное образовательное пространство, отражающее особенности и специфику конкретного региона, его традиции, культуру, национальный и религиозный состав населения, уровень экономического развития.

Выделение именно региона как особой единицы образовательного пространства представляется достаточно уместным: во-первых, это соответствует традиционному принятому в отечественной социологии подходу; во-вторых, именно на уровне субъектов страны особенно выпукло проявляются различия в развитии системы образования, ее адекватности потребностям населения, культуры и экономики; в-третьих, региональный уровень системы образования формирует системообразующие связи, позволяющие рассматривать образование как сферу межкультурного взаимодействия, а не совокупность отдельных образовательных учреждений. Очевидно влияние особенностей регионального образовательного пространства на формирование и развитие соответствующей сети профессиональных образовательных учреждений разного уровня. Отраслевая специализация производства, уровень экономического развития региона, природно-географические особенности, социокультурные традиции в значительной степени влияют на выбор населением индивидуальной образовательной траектории.

* *Ирина Анатольевна Плохова* – аспирант Ульяновского государственного технического ун-та, начальник отдела Ульяновского областного государственного учреждения социальной защиты населения (г. Ульяновск).

Одним из аспектов культуры является высшее образование, получение которого в наши дни становится актуальным. Целью нашего анализа является определение отношения населения Свердловской и Ульяновской областей к доступности высшего образования и степени превращения сферы высшего образования в территорию культурного взаимодействия.

В 2006–2007 годах мы участвовали в мониторинге региональных проблем доступности высшего образования, эмпирическим объектом которого стали студенты-первокурсники разных вузов Ульяновской и Свердловской областей (общая выборка 1100 человек).

Доступность высшего образования рассматривается нами как возможность реализации различными социальными группами своих потребностей в сфере профессионального образования. Кроме того, доступность образования – это важный фактор, который может повысить или, напротив, понизить качество профессиональной подготовки. Под факторами доступности высшего образования понимаются такие условия, которые характеризуют возможности получения высшего образования. Исследование осуществлялось на основе анализа институционального, информационного, экономического, социального и индивидуально-личностного факторов. Каждый фактор включал показатели, по совокупности которых можно было судить о состоянии доступности высшего образования в указанных регионах.

Свердловская область является самым крупным субъектом Федерации, охваченным исследованием. Развитая система высшего образования в Свердловской области позволяет обеспечить абитуриентам достаточно широкие возможности выбора вуза и специальности. Но в данном регионе уровень образовательной активности населения можно признать средним. На 10 тыс. населения приходится 474 студента, что ниже показателей других регионов: к примеру, Приморского края (505) и Татарстана (590); в Ульяновской области показатель равен 402. Однако следует заметить: на территории Свердловской области действует 28 самостоятельных высших учебных заведений различных форм собственности, а в Ульяновской – только 10.

Для того и другого региона продолжает оставаться актуальной проблема чрезмерной концентрации образовательного потенциала в административном центре. Подавляющее большинство вузов расположено в Екатеринбурге (26 из 28) и в Ульяновске (10 из 10). Данное обстоятельство снижает доступность высшего образования для населения, проживающего вне областного центра.

На Урале происходит более быстрое снижение доступности бесплатного высшего образования: число бюджетных мест еже-

годно снижается на 3,2 %. В Ульяновской области тоже наблюдается сокращение образования, оплаченного государством, но на 1,5 % в год. Это при том, что удельный вес негосударственных вузов в Свердловской области составляет 46 %, в Ульяновской – 60 %.

Среди обследуемых регионов население Свердловской области имеет более высокий уровень жизни. Результаты опроса первокурсников показали, что лишь 8 % семей абитуриентов не заградили финансовых средств на поступление в вуз; в Ульяновской области доля тех, кто смог подготовиться самостоятельно, больше – 22 %. Остальные семьи тратили денежные средства на довузовскую подготовку, чаще – на репетиторов (на Урале эта категория больше). Это говорит о серьезных институциональных барьерах, которые существуют на пути получения высшего образования и в том, и в другом регионе. Снимет ли эти барьеры поступление в вуз через ЕГЭ – покажет ближайшее будущее.

Зависимость поступления в вуз от уровня дохода семей не является прямой. Существенные различия наблюдаются в доходах семей студентов, обучающихся на престижных специальностях, – как в том, так и в другом регионе. Очевидно, что поступившие на более престижные специальности, в том числе на бюджетные места, имеют более высокий доход и статус их родителей выше.

Одним из показателей влияния индивидуально-личностного фактора является степень осознанности выбора специальности. Образовательное пространство Свердловской области представляет абитуриентам достаточно широкие возможности выбора. Однако, как и в Ульяновске, часть молодых людей не смогли реализовать эти возможности и вынуждены учиться не там, где хотелось: в Свердловской области – это каждый 5-й (18–19 %), в Ульяновской – каждый 8-й (13 %).

Чаще поступали на ту специальность, на которую хотели, выходцы из областного центра и ученики гимназий, лицеев. При этом лишь около 50 % первокурсников точно знали, на какую специальность им идти. Показатель устойчив в ходе всего мониторинга, что свидетельствует о распространенности и на Урале, и на Волге явления, которое психологи называют «мораторий на выбор специальности». До самого последнего момента абитуриенты и их родители не имеют решения относительно профессионального выбора.

Жители сельской местности чаще знают, на какую специальность идти, но реже поступают на ту специальность, на которую хотели. Это объясняется их более низкими шансами поступить в высшее учебное заведение, по сравнению с выпускниками городских школ. Именно поэтому они выбирают более доступную специальность. Еще одна особенность более развитого в промыш-

ленном отношении Урала: в Свердловской области значительной части студентов учебу оплачивают предприятия (в среднем 15–16 %).

Таким образом, состояние экономической и индивидуально-личностной доступности высшего образования на Урале и в Ульяновской области характеризуется, с одной стороны, наличием больших возможностей у населения Свердловской области оплачивать услуги по получению высшего образования, с другой, – одинаковым уровнем неопределенности профессионального выбора выпускников школ того и другого региона.

Исследование подтвердило тенденцию последних лет на регионализацию высшего образования. Только 4 % выпускников школ планируют продолжить обучение в мегаполисе и еще столько же – в больших городах нашей страны. В соседние области планируют ехать учиться не более 6 % выпускников школ. В среднем 80 % выпускников школ хотят получать образование в своем регионе.

Следствием значительного увеличения спроса на высшее образование явилось, несмотря на экономические трудности, существенное расширение сферы профессионального образования в каждом регионе: развитие широкой сети филиалов, открытие новых специальностей, появление коммерческих вузов.

Это происходит и за счет интеграционных процессов, активно протекающих в различных направлениях: по вертикали – интеграция образовательных учреждений разного уровня (вуз – ссуз; вуз – лицей, вуз – колледж – гимназия) и по горизонтали – объединение усилий высших учебных заведений с научно-исследовательскими институтами и академическими центрами, с зарубежными вузами. Наиболее успешно процесс вертикальной интеграции проходит на содержательном уровне, то есть путем сопряжения профессиональных образовательных программ разных уровней.

Новые процессы существенно изменили организационную структуру высших учебных заведений. Сегодня в число их структурных подразделений входят лицеи, колледжи, научно-исследовательские институты, специализированные отделения переподготовки и повышения квалификации. Таким образом, формируется целостная многоступенчатая непрерывная система профессионального образования; это соответствует требованиям региональной экономики и созданию на базе высшего образования межкультурного пространства. Для полного взаимодействия культур не хватает постоянных связей между регионами. А всякая замкнутая система рано или поздно обречена на вымирание.

Из опыта создания системы дистанционного образования в Гуманитарном университете

Дистанционное образование как социальное явление возникло относительно недавно, но, тем не менее, претендует на достаточно заметную роль в общей системе образования. Интенсификация производства информации в промышленной и экономической сфере вызвала необходимость интенсификации образования за счет использования современных средств коммуникации, заменяющих или трансформирующих традиционное общение обучающего и обучающегося. Полученное традиционным путем базовое образование требует подпитки, которую легко организовать с помощью дистанционных форм. Следовательно, дистанционное обучение может стать условием профессионального роста индивида. Дистанционное образование ускоряет процессы получения знаний, не только за счет быстрого предоставления информации, но и за счет научения находить эти знания в информационных сетях, базах и банках информации. Новые формы образования, интенсифицированные современными информационно-сетевыми технологиями, реализуют принцип непрерывного образования – «образование не на всю жизнь, а образование в течение всей жизни».

Социальная структура информационного общества характеризуется высоким удельным весом групп, прямо связанных с процессами производства, распределения и потребления информации и знаний. На передовые рубежи производства и экономики выходят люди, способные за минимальный срок переобучиться в соответствии с изменившимися условиями, поддерживающие свой профессиональный уровень, в частности, средствами наиболее мобильной разновидности образования – его дистанционной формы. Дистанционное образование как социальная технология реорганизуется систему образования, повышает компьютерную грамотность населения, большая часть которого будет занята в информационных секторах экономики. Общество действительно станет информа-

* Елена Павловна Пьянзина – ст. преподаватель, директор Центра мониторинга качества знаний Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ционным, если возрастет доля людей, подготовленных новой формой образования.

Новые информационные технологии расширяют возможности образования и межкультурного взаимодействия. С развитием всемирной сети Интернет преград на пути проникновения информации практически нет. Современные тенденции мирового развития привели к необходимости воспитания поликультурной личности, обладающей высокой профессиональной и индивидуальной культурой; личности, готовой к сотрудничеству, способной вести диалог и эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию в профессиональной сфере. Следовательно, актуализируются проблемы интеграции личности в систему мировой и национальной культуры.

На современном этапе развития общества обозначена принципиально новая и важная задача, требующая решения в системе образования. В основных положениях Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года подчеркивается, что образовательная политика России учитывает общие тенденции мирового развития и существенные изменения системы образования: переход к постиндустриальному, информационному обществу, развитие дистанционного образования, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, для которого важны факторы коммуникабельности. Важной задачей высшего образования становится формирование межкультурной компетентности, необходимой для эффективного функционирования в глобальном пространстве.

Особое значение межкультурная компетентность имеет для современного студенчества, которому предстоит решать задачи по формированию и развитию межкультурных взаимодействий в своей будущей профессиональной деятельности. При этом необходимо соблюдать равновесие между социальным заказом общества высшей школе на подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих межкультурной компетентностью, и использованием для этого традиционных и дистанционных способов организации процесса обучения.

Подготовка студентов к сотрудничеству с зарубежными партнерами, интеграция в систему мировой и национальной культуры, интеллектуальное и коммуникативное развитие личности будущих специалистов как цели обучения нашли свое отражение в Государственном образовательном стандарте высшего и профессионального образования и Законе Российской Федерации «Об образовании». Декларация о создании европейской зоны высшего образования к 2010 году, принятая в рамках Болонского процесса, ориентирует на необходимость повышения готовности студентов к жизни и деятельности в информационном обществе. Министры

образования, подписавшие декларацию, подтверждают свое намерение приложить усилия по устранению всех препятствий на пути к обеспечению мобильности в рамках общеевропейского пространства высшего образования.

В русле этих тенденций в Гуманитарном университете была разработана Концепция создания системы дистанционного образования, основанного на использовании современных педагогических, информационных, коммуникационных технологий при территориальной разобщенности преподавателя и студента. Практическая реализация положений Концепции началась в октябре 2008 года. В ходе работы должны быть выполнены две группы задач.

Основные задачи:

- предоставление обучающимся возможности освоения основных и дополнительных образовательных программ высшего профессионального образования непосредственно по месту жительства или по месту временного пребывания;
- обеспечение доступности высшего профессионального образования для всех категорий обучающихся, включая лиц, имеющих ограниченные возможности для обучения;
- привлечение к получению высшего образования (на базе общего среднего, среднего профессионального или высшего профессионального образования) граждан РФ и других государств, не располагающих возможностями пройти обучение очно или заочно, но имеющих условия для дистанционного обучения, основанного на телекоммуникационных и компьютерных технологиях;
- реорганизация деятельности представительств Гуманитарного университета.

Дополнительные задачи:

- разработка механизма использования дистанционных образовательных технологий в процессе обучения студентов по очной, очно-заочной, заочной формам обучения по направлениям и специальностям подготовки, реализуемым в Гуманитарном университете;
- создание информационно-образовательной среды Гуманитарного университета;
- разработка инновационных методик обучения и внедрение их в учебный процесс;
- интеграция научной и образовательной деятельности;
- обеспечение интеграции Гуманитарного университета в единое образовательное пространство России, стран СНГ, в европейское и мировое образовательное пространство;
- использование передового опыта российских и иностранных учебных заведений в области создания системы открытого образования;

- активизация научных исследований в области современных педагогических, информационных, телекоммуникационных технологий;
- повышение квалификации педагогических работников, административно-управленческого и учебно-вспомогательного персонала, обучение их современным педагогическим, методическим, информационным и управленческим технологиям.

Система дистанционного образования обеспечивает академическую мобильность студентов, что предполагает возможность в любой момент изменить траекторию своего образования с минимальными потерями времени и максимальным сохранением полученных на предыдущих этапах образования академических достижений. Для этого используется механизм капитализации пройденного обучения путем учета количественных и качественных параметров выполненной учебной работы.

Идеология создаваемой системы дистанционного образования позволяет студенту реализовывать различные типы академической мобильности: внутри университета, между российскими и зарубежными учебными заведениями.

В настоящее время применение дистанционных образовательных технологий регламентируется следующими федеральными нормативными актами:

- Закон РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10 июля 1992 г. (Ст. 32).
- Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» № 125 – ФЗ от 22 августа 1996 г. с последующими изменениями и дополнениями.
- Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении), утвержденное Постановлением Правительства РФ № 71 от 14 февраля 2008 г.
- Приказ Министра образования и науки РФ «Об использовании дистанционных образовательных технологий» от 6 мая 2005 г.

Нормативное регулирование процедуры лицензирования деятельности высших учебных заведений, использующих дистанционные технологии обучения, в настоящее время носит незавершенный характер. Но текущие изменения законодательства дают основания прогнозировать, что в ближайшем будущем будут введены в действие нормативные акты, устанавливающие порядок использования ВУЗами дистанционных образовательных технологий. Таким образом, процесс институционализации дистанционного образования продолжается. Реальное функционирование дистанционного образования в Гуманитарном университете и других учебных заведениях позволит исследовать такие проблемы социального института дистанционного образования, как:

- выявление уровня актуализированности и степени сформированности образовательных потребностей учащихся, студентов и других социальных групп, получающих образование в дистанционной форме;

- определение спектра мотивов образовательной деятельности обучаемых и обучающихся;

- уровень их удовлетворенности новой формой образования;
- определение объема сегмента потенциального рынка дистанционного образования;

- выделение социально значимых групп, для которых возможны проекты дистанционного образования, финансируемые государством.

И. В. Родина*

Профессиональная коммуникативная компетентность как фактор виртуального образовательного пространства

Минимальным уровнем образования, необходимым для выживания человечества в XXI веке, становится высшее образование. С этим связано и увеличение числа студентов высших учебных заведений в нашей стране. Но обучение растущей массы студентов по очной (дневной) форме вряд ли способно выдержать российский бюджет. Поэтому рост числа студентов вечерней и заочной форм обучения, наблюдаемый в последнее десятилетие в России, следует рассматривать как положительный фактор. Можно предположить, что данная тенденция сохранится и в ближайшем будущем, с учетом развития дистанционной формы обучения, на которую во всем мире сделана огромная ставка, так как результаты общественного развития сегодня концентрируются в информационной сфере.

Обучение без отрыва от работы, независимо от временных и пространственных поясов, сегодня единственная возможность социальной стабильности индивида. Профессиональные знания стареют очень быстро, и именно дистанционное обучение, с использованием коммуникационной инфраструктуры дает возможность создать систему массового непрерывного обучения для обмена образовательной/научной информацией.

Принятие идеи построения в нашей стране европейского высшего образования ставит вопрос о развитии зоны эффективной информационно-коммуникативной компетентности, которая раскрывает широкую возможность улучшения академической мобильности студентов и преподавателей, как фактической, так и виртуальной.

Особую роль информационно-коммуникативная компетентность играет в процессе виртуального обучения. Весьма ценным в этой связи является, на наш взгляд, разработка специальных информационно-коммуникативных технологий – ядра современного

* **Ирина Владимировна Родина** – д-р социол. наук, профессор, доцент кафедры социологии социальной работы Российского государственного социального ун-та (г. Москва).

образовательного процесса, реализуемых в системе субъект-субъектных отношений как их специфики, и с этим качеством связаны соответствующие сущностные параметры.

Процедурное значение этих технологий в образовательном виртуальном процессе состоит в одновременном решении следующих задач:

- в определении эффективных для решения образовательных задач средств и способов обмена информацией между студентами/преподавателями, студентами/студентами, преподавателями/преподавателями в зоне дистанционного обучения;
- в обеспечении релевантности этой информации (смыслового соответствия информационных запросов и полученных сообщений).
- в выборе техник межличностного взаимодействия, которые подкрепляют обмен информацией и в наибольшей степени содействуют коммуникативному сотрудничеству.

В реализации этих задач важную роль играет *профессиональная коммуникативная компетентность преподавателей*, которая предполагает наличие у них трех блоков когнитивного знания. Содержание первого блока составляют профессиональные знания. Второй блок включает систему знаний о сущности и особенностях психических процессов межличностного общения. Третий блок по своему содержанию включает знание преподавателями коммуникативных техник/приемов межличностного и личностно-группового взаимодействия. Связь этих трех блоков определяет уровень профессиональной коммуникативной компетентности преподавателей высшей школы.

Повысить профессиональную коммуникативную компетентность преподавателей высших профессиональных образовательных учреждений до необходимого и достаточного уровня возможно при следующих условиях:

- открытости внешнему влиянию и осознании необходимости саморазвития с учетом постоянно возникающих изменений в образовательной среде (участие в программах «личного роста»);
- организации собственной деятельности в построении субъект-субъектных отношений в образовательной системе;
- готовности к познанию соответствующих разделов психолингвистики для освоения навыков письменного и символического формулирования сообщений при работе в виртуальных коммуникациях.

Модернизация образовательного процесса в России вообще и развитие дистанционной формы обучения в частности, в первую очередь, повышает требования к профессионализму преподавателей в сфере информационно-коммуникативной компетентности.

О. В. Рыжкова*, Е. А. Черненко**

Музей как ресурс для развития образовательного пространства и туристической привлекательности города

Осмыслению места музея в социокультурном пространстве современной России посвящено достаточно большое количество научных работ музееведов, историков, культурологов, социологов. Они акцентируют внимание на различных аспектах деятельности музеев. Между тем работ, анализирующих деятельность музеев отдельных городов, нацеленную на развитие образовательного пространства и формирование туристической привлекательности города и региона, практически нет. Поэтому опыт такого анализа на примере Нижнего Тагила, одного из промышленных центров Урала, города с давними музейными традициями, представляется актуальным.

В Нижнем Тагиле к концу XX века сформировалась достаточно разветвленная сеть музеев, в фондах которых сосредоточено значительное количество историко-культурного наследия Уральского региона. Если в 1990 г. в городе работало 40 музеев, то сегодня – 85, в том числе 3 муниципальных, 72 учебных, 10 ведомственных [См.: 4]. Общее количество подлинных предметов хранения в музеях города составляет более 600 тысяч единиц. Ежегодно с музейными экспозициями знакомятся более 200 тысяч гостей и жителей города [См.: 2].

Зафиксирована положительная динамика численности посетителей муниципальных музеев. Если в 1990 г. их было 74 277, то в 2005 г. – 147 385. Вдвое увеличилось количество посещений взрослым населением. По-прежнему наиболее активными посетителями музеев являются учащиеся школ, училищ, студенты, дошкольники (Табл.).

Музеями города накоплен большой опыт сотрудничества с образовательными учреждениями разных типов. Однако проведенные

* *Ольга Васильевна Рыжкова* – канд. ист. наук, замдиректора по научно-методической работе Социально-гуманитарного ин-та (г. Нижний Тагил).

** *Екатерина Алексеевна Черненко* – студентка 5-го курса Социально-гуманитарного ин-та (г. Нижний Тагил).

социологические опросы студентов и школьников, беседы с учителями школ и преподавателями вузов выявили проблемы, которые препятствуют более эффективному включению музеев в образовательное пространство города. В 2007 г. были опрошены студенты 6 факультетов НТГСПА III курса дневного отделения (44 юношей и 200 девушек). Опрос выявил наиболее посещаемые музеи города: краеведческий (в нем побывали 92,6 % опрошенных), Музей изобразительных искусств (73,3 %). Респонденты указали на следующие причины редкого посещения музеев: «нехватка времени» – 69 % опрошенных, музейная скука – 61 %, дороговизна билета – 55 %, отдаленное расположение музея от местожительства – 54 %, редкое обновление экспозиции – 48 %. На вопрос о необходимости включения потенциала музеев в образовательный процесс 67 % студентов дали положительный ответ, 11,8 % – отрицательный, 20,4 % – затруднились с ответом. Для выполнения задания по культурологии в музей ходили 47,9 % опрошенных, по Отечественной истории 27 %, по истории Урала – 18,4 % [3]. Аналогичное социологическое исследование было проведено среди учеников шестых (11–12 лет) и десятых (15–16 лет) классов МОУ СОШ № 81 г. Нижнего Тагила. Все опрошенные (61 чел.) посетили краеведческий музей, Музей изобразительных искусств, музей Черепановых, «Господский дом», Музей бронетанковой техники УВЗ [См.: 1. С. 327]. Посещение музеев помогает школьникам выполнять задания по истории, литературе.

Преподаватели города считают, что оптимизировать отношения музеев с образовательными учреждениями помогут следующие меры: расширение тематического разнообразия предлагаемых музеями экскурсий; разработка новых и корректировка существующих тематических абонементов для разновозрастных групп; открытие/возобновление постоянно действующих при музеях лекториев; организация волонтерского движения.

В изучаемый период расширились информационные возможности музеев. Муниципальные музеи имеют свои сайты, ряд школьных – страницу на сайтах школы. Связь с городским сообществом музеи осуществляют также через местные СМИ. Однако ресурсы СМИ используются недостаточно, о чем свидетельствует анализ публикаций в газете «Тагильский рабочий». Контекст-анализ газеты за 1993, 1998, 2000, 2005 г. выявил 217 статей о музеях, тематически сгруппированных в 6 блоков: выставки в музеях города (62 статьи), выездные мероприятия (42), пополнение фондов музеев (29), участие в конференциях (24), издательская деятельность (35), награды музеев (25). Наблюдается положительная динамика в количестве статей: в 1993 г. – 30 статей; 1998 г. – 51; 2000 г. – 40; 2005 г. – 96. Уровень освещенности деятельности разных музеев

различен. О Музее изобразительных искусств за указанные годы опубликовано 58 статей, музей-заповеднике «Горнозаводской Урал» – 38, ведомственных – 3, школьных – 3 [См.: 5. С. 194]. Газета чаще ограничивается публикациями заметок, репортажей своих корреспондентов, редко предоставляя место руководителям, научным сотрудникам, посетителям музеев для проблемных, развернутых статей.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Музеи Нижнего Тагила можно рассматривать как значимый ресурс для развития образовательного пространства и туристической привлекательности города.

2. В динамике культурно-образовательной деятельности музеев за последние годы отмечены как положительные, так и отрицательные тенденции.

3. Социальный портрет современного посетителя музея претерпел значительные изменения, без учета которых эффективное взаимоотношение музея и городского сообщества невозможно.

4. Для привлечения посетителей музеи должны шире предлагать интерактивные формы общения, использовать современные музейные технологии.

5. Регулярный мониторинг посетителей музеев и их культурно-образовательных запросов может активизировать КОД музеев. Социологическую помощь музеям могут оказать студенты СГИ НТГСПА, обучающиеся по профилю «социология».

6. Следует разработать научную концепцию включения всех существующих в городе музеев в единое образовательное пространство.

7. Для эффективной, отвечающей современным требованиям работы необходима модернизация музейной инфраструктуры. Без финансовой поддержки муниципалитета, спонсорской помощи это осуществить невозможно.

8. Для формирования положительного имиджа музеев, их более широкой востребованности образовательными учреждениями города, привлекательности как для отечественных, так и зарубежных туристов музеям следует проводить более активную рекламную, презентационную деятельность. Для этого следует эффективнее использовать информационное пространство города, СМИ. Возможно, инициировать создание специализированной газеты, знакомящей гостей и жителей города с музейным пространством, анонсирующей новые выставки, другие события из жизни музеев.

9. Реализация мер, предусмотренных принятой в 2007 году концепцией развития сферы культуры в городе Нижний Тагил на 2007–2017 годы, позволит сформировать в городе крупный исто-

рико-технический и культурно-досуговый центр, в том числе с многообразными формами музейной работы, что будет способствовать включению города в российские и международные туристические маршруты.

Литература

1. *Иванова А. С.* Представления тагильских школьников о роли музеев в современном образовании // Шаг в историческую науку. Опыт отечественных и зарубежных модернизаций: Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 7.

2. Концепция развития сферы культуры в городе Нижний Тагил на 2007–2017 годы от 24.09.2007 № 1100. – [Режим доступа: <http://www.ntagil.ru>].

3. *Рец О. С., Черненко Е. А.* Представления студентов о роли музея в современном образовании // Шаг в историческую науку. Опыт отечественных и зарубежных модернизаций: Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 7. – С. 342–343.

4. *Рыжкова О. В.* Музей в социокультурном пространстве города (по материалам Нижнего Тагила) // III Русановские чтения: всероссийские общественно-исторические чтения им. В. Н. Русанова (22 августа 2008 г., г. Оса). Вып. 3 / Под общ. ред. Т. В. Сапожниковой; науч. ред. А. М. Белавин. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 2008. – С. 95–97.

5. *Худякова А. В.* Музеи Нижнего Тагила в зеркале СМИ (по материалам газеты «Тагильский рабочий») // Ученые записки Нижнетагильской социально-педагогической академии. Общественные науки / Отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2008.

Таблица

Численность посетителей муниципальных музеев г. Нижний Тагил по категориям населения с 1990 по 2005 г.

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.
Школьники	38 882	49 520	47 205	58 451
Студенты	1453	1945	4178	6609
Учащиеся СПТУ	897	1137	1100	1203
Дети дошкольного возраста	4624	6151	6352	13 938
Взрослые	32 583	71 081	36 677	67 184
Итого	74 277	129 834	93 343	147 385

Источник: [3].

А. Г. Сарбаева*

Научные кадры в Республике Башкортостан: гендерный аспект

Источником данных о гендерной динамике кадровых процессов в науке и научном обслуживании является статистика занятости, а также статистика подготовки кадров для науки в аспирантуре и докторантуре, которая ведется Госкомстатом РФ и Республики Башкортостан. В научной литературе существует две точки зрения на гендерные процессы в научной сфере. Первая – в науке интенсивно идет процесс феминизации (увеличения доли работающих в ней женщин), что является негативным процессом. Он свидетельствует о том, что наука превращается в сферу вторичной занятости, непрестижность и уровень оплаты труда в которой способны привлечь только женщин как вторичную рабочую силу. Кадровый потенциал науки вследствие этого снижается. Способности женщин к научным исследованиям и результативность их деятельности ниже, чем у мужчин. Феминизация приведет к окончательной потере тех позиций отечественной науки, которые она занимала в советские времена.

Вторая точка зрения – большая доля женщин в научных организациях есть свидетельство того, что закрытая ранее в силу ряда причин сфера занятости стала доступной для женщин, она отражает процесс выравнивания гендерных возможностей, тот факт, что юридическое равенство прав превратилось в реальное (фактическое) равенство. Нереализованный ранее, но значительный интеллектуальный потенциал женщин с приходом их в науку сможет найти достойное воплощение. Женщины внесут свой весомый вклад в науку. В рамках этого подхода увеличение доли женщин, занимающихся научными исследованиями, рассматривается как один из показателей гендерного прогресса.

Какая бы точка зрения не была принята, остается много вопросов относительно участия женщин в научных исследованиях и разработках и их профессиональных перемещений. И первый вопрос, который требует анализа – это реальная гендерная динамика кадровых процессов. Можно ли утверждать, что российская наука

* *Алсу Галиевна Сарбаева* – соискатель кафедры прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного ун-та (г. Уфа).

действительно является феминизированной областью или имеет тенденцию к феминизации? Под феминизацией обычно понимается существенная гендерная асимметрия в занятости в пользу женщин, то есть такое преобладание в составе работников женщин, которое выходит за рамки их процентного распределения среди занятых в экономике и в населении.

Динамика первого из показателей – численности занятых в науке и научном обслуживании, отражает кризисные процессы в науке Башкортостана, характерные для всего периода трансформации и продолжающиеся с начала 2000-х годов. С 1990 г. по 2004 г. численность работников снизилась более чем в три раза – с 36,2 тыс. до 11,4 тыс. человек. Причем наиболее сильное падение (в два раза) произошло в период наиболее глубокого кризиса всей экономической и социальной системы российского общества, до середины 1990-х гг. Во второй половине 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. происходило более медленное сокращение численности занятых. В отдельные годы даже наблюдался рост занятости по отношению к предыдущему году (2001 г., 2003 г.) На замедление процесса снижения занятости в науке повлияли произошедшая адаптация сотрудников, распространение среди них, особенно среди тех, кто имеет ученые степени, вторичной занятости как способа адаптации, завершившийся отток наиболее активной части работников, позитивная деятельность фондов поддержки научных исследователей.

Рассматривая другой показатель – число и долю женщин и мужчин, работающих в науке, можно утверждать, что отрасль «наука и научное обслуживание» может быть отнесена к таким отраслям экономики, в которых имеется гендерный баланс занятости. Доля работающих здесь женщин и мужчин приближается к их долям в составе населения и в составе рабочей силы. При этом гендерная динамика движения рабочей силы в отрасли показывает, что за период реформ соотношение долей мужчин и женщин по сравнению с другими отраслями экономики мало изменялось. Если в 1990 г. среди работников отрасли женщины составляли 50,5 %, то в 2004 г. – 52,4 %. Несмотря на рост доли женщин, отрасль нельзя считать феминизированной.

Профессиональная структура численности работников, занятых в науке и научном обслуживании, за рассматриваемый период не претерпела кардинальных изменений. Около половины работников составляют исследователи и техники, которые непосредственно заняты в исследовательском процессе, около 30 % – вспомогательный персонал, примерно пятая часть – прочие работники. Соотношение различных групп работников науки также практически не изменилось. На каждого исследователя в 1995 г. приходилось

0,2 техника, 0,8 человек вспомогательного персонала; в 2006 г. – 0,2 чел., 0,7 чел., соответственно.

Численность исследователей весь рассматриваемый период снижалась. В 1995 г. в сфере науки и научного обслуживания было занято всего 5712 работников категории «исследователи», в 2007 г. – 3390 человек, то есть произошло сокращение на 2322 человека или на 40,7 %. Сокращениехватило как женщин (на 1425 человек, или 47,8 %), так и мужчин (на 897 человек, или на 32,9 %). Однако, как видно, сокращение женщин было более выраженным. В результате доля женщин, занятых научными исследованиями и разработками, сократилась с 52,2 % в 1995 г. до 46,0 % в 2006 г., а мужчин – выросла с 47,8 % до 54,0 %.

Анализ других показателей, которые характеризуют качественный состав исследователей, а именно число и доля работников, которые имеют ученые степени кандидата и доктора наук, показал, что в рассматриваемый период качество научных сотрудников-женщин улучшилось. Выросло число исследователей женщин со степенями кандидата и доктора наук, а также их доля в составе исследователей. В 1995 г. среди кандидатов наук женщин было 30,6 %, в 2007 г. – 43,5 %, докторов наук – 11,3 % и 22,0 %, соответственно. Число докторов наук женщин росло более быстрыми темпами, их рост составил 3,3 раза, а кандидатов только 1,1 раза. Среди мужской части научных работников число докторов растет, а кандидатов падает.

В совокупности приведенные данные косвенно свидетельствуют о том, что, вероятнее всего, в мужской части исследователей притока новых сотрудников нет или он ограничен: «старые» работники со степенью кандидата защищают докторские диссертации и переходят в новую группу, а защит кандидатских из-за отсутствия притока молодежи не происходит. В женской части, наоборот, приток новых работников, вероятнее всего, существует, что и отражается в росте числа кандидатов наук. Кроме того, косвенно это свидетельствует о том, что из области научных исследований все эти годы уходили женщины, не имеющие ученых степеней, и оставались наиболее перспективные исследователи-женщины, которые уже имели ученую степень кандидата и обладали потенциалом дальнейшего профессионального роста. Потенциал реализовывался в защите докторских диссертаций.

Важным показателем гендерных особенностей профессиональных перемещений научных работников является динамика численности и доли женщин и мужчин по отраслям наук. Численность исследователей женщин сокращается во всех отраслях наук. При этом за последние 10 лет структура их распределения по отраслям наук мало изменилась. Исследователи женщины больше всего ра-

ботали и продолжают работать в технических (1996 г. – 53,9 %, в 2007 г. – 46,3 %) и естественных (в 1996 г. – 32,9 %, 2007 г. – 32,5 %) науках. Наиболее заметные изменения – снижается доля работающих женщин в технических науках и повышается – в медицинских науках.

Рассмотрим гендерные особенности показателей подготовки кадров для науки через систему аспирантуры и докторантуры. Несмотря на снижение занятости в науке и научном обслуживании, низкий престиж научной деятельности, динамика численности обучающихся в аспирантуре положительная: за период с 1995 г. по 2007 г. число аспирантов увеличилось в три раза – с 828 до 2574 человек.

Ведущую роль в подготовке аспирантов в республике играют высшие учебные заведения: численность обучающихся здесь аспирантов в несколько раз превышает численность обучающихся в аспирантуре научно-исследовательских институтов. Результативность работы аспирантуры, если судить по такому показателю, как число выпущенных аспирантов с защитой диссертации, была и остается очень низкой, хотя и имеется тенденция к повышению. Доля защитившихся в числе завершивших обучение составляла в 1995 г. – 32,6 %, а в 2007 г. – 39,5 %, что выше среднего российского показателя (около 30 %).

Гендерный состав обучающихся в аспирантуре характеризуется относительной симметрией и мало изменился за последние десять лет. Доля женщин в аспирантуре достаточно высокая (43,6 %, 2007 г.), хотя и ниже доли в составе населения. Женщины-аспирантки преобладают в большинстве общественных и гуманитарных наук. Наиболее феминизированные области наук, по которым готовятся аспиранты: социология (78,0 % для 2007 г.), филология (68,7 %), биология (62,2 %), педагогика (60,5 %), философия (57,6 %). Области наук с наибольшей асимметрией в пользу мужчин – технические (21,2 %) и физико-математические (29,9 %). Гендерная динамика по отраслям науки за период 1995–2007 гг. – противоречивая: в некоторых отраслях доля женщин растет, а в других падает.

Ведущую роль в подготовке докторантов, также как и аспирантов, играют высшие учебные заведения, в них обучалось в десятки раз больше соискателей ученой степени доктора наук, чем в научно-исследовательских институтах. Результативность докторантуры по показателю выпуска с защитой, также как и в аспирантуре, является низкой. Доля защищающихся в срок, по завершении обучения, составляла в 1995 г. 28,7 %, а в 2007 г. – 11 %, что ниже среднероссийского показателя (около 30 %). Оценить ген-

дерные различия результативности докторантуры не представляется возможным из-за отсутствия данных.

Завершая рассмотрение статистических показателей профессиональной мобильности научных кадров, подчеркнем, что имеющиеся данные не позволяют оценивать кадровое состояние науки в республике в начале 2000-х годов как феминизированное, ее динамика за 1995–2007 гг. также не дает оснований делать выводы об имеющихся тенденциях к феминизации. Скорее, показатели профессиональной мобильности показывают вытеснение из научной сферы женщин, которые непосредственно занимаются исследованиями и разработками, при этом качественный состав работающих женщин, отражаемый в числе и доле сотрудников с учеными степенями, повышается.

Литература

1. Наука и информационные технологии Республики Башкортостан: Стат. сб. – Башкортостанстат. – Уфа, 2007. – С. 160.
2. Образование, наука и культура в Республике Башкортостан: Стат. сб. Госкомстат РБ. – Уфа, 1999. – С. 180.
3. Воспроизводство кадрового потенциала науки и высшего образования. – [Режим доступа: <http://www.researcher-at.ru/index.php?option=content&task=view&=345&Itemid>. Дата цитирования 12.01.09].

Организация аттестации педагогических кадров: теория и опыт

Для современного образования аттестация – это реалья жизни. Более того, в самой системе образования существует довольно большое число объектов аттестации: образовательное учреждение, обучающиеся с их результатами освоения образовательных стандартов, образовательные программы, руководящие и педагогические работники. Понятие «аттестация специалистов» наиболее часто употребляется в теории управления персоналом.

Актуальность методики проведения аттестации педагогических кадров образовательных учреждений не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время аттестация становится постоянно действующей процедурой в системе образования. Вопросы аттестации педагогических кадров остаются на сегодня ключевыми, потому что главная цель аттестации – управление качеством образования и социальная защита учителя. С одной стороны, аттестация позволяет избежать уравниловки в оплате труда, дающего различный результат, а с другой – стимулировать повышение квалификации сотрудников.

Основными задачами аттестации являются:

- стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня профессиональной компетентности педагогических и руководящих работников;
- обеспечение педагогическим и руководящим работникам образовательных учреждений возможности повышения уровня оплаты труда [См.: 3. С. 9].

Аттестация педагогических кадров играет важную роль в управлении образованием. Ей отводят различное место в структуре управления. Анализируя организацию управления образовательной системой, О. Е. Лебедев выделяет в ней «организационные структуры», «организационные стандарты» и «организационные технологии». Аттестацию кадров ученый рассматривает как одно из средств организационной технологии.

Рассматривая аттестацию в структуре управления, Т. Е. Ковина определяет ее как процесс стимулирования персонала к эф-

* *Марина Владимировна Селиверстова* – ст. преподаватель Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

фективной профессиональной деятельности. Также автор утверждает, что благодаря аттестации наблюдаются положительные результаты, а именно: рост количества учителей с высшим педагогическим образованием, увеличение количества хороших уроков, формирование системы повышения квалификации и улучшение качества методической работы, систематичность самообразования учителей. К числу недостатков в оценке аттестации Т. Е. Ковина отнесла отсутствие ее влияния на уровень оплаты труда педагога, субъективизм оценок и общий формальный характер процедуры [См.: 1. С. 14].

Отечественные исследователи рассматривают аттестацию педагогических работников «как часть образовательной системы, системы педагогической и управленческой деятельности, системы административных отношений, межличностного профессионального общения». При этом выделяются следующие элементы внутри самой аттестации как социальной, динамичной, открытой системы: 1) аттестуемые (работники, специалисты, руководители); 2) общественно-государственные институты, обеспечивающие реализацию задач и целей аттестации: а) администрация учреждения, б) аттестационные комиссии, в) эксперты, г) научно-методические центры (кабинеты); 3) органы управления (работодатели); 4) учащиеся, родители (объекты деятельности, продукты) [См.: 2. С. 20].

Подчеркивая значение аттестации, С. Г. Молчанов связывает аттестацию с «управлением качеством образования в рамках функционирования образовательной системы или органа управления образованием», называет ее «инструментом», причем управленческим инструментом оценивания. Н. В. Эмануилова определяет аттестацию как механизм внутреннего контроля за результатами профессиональной деятельности.

Таким образом, все авторы обращают внимание на то, что целостность этой системы проявляется в том, что названные элементы приобретают новые свойства внутри нее и только все вместе составляют целое.

На сегодняшний день в контексте педагогической науки аттестация рассматривается как системное явление: а) предстает подсистемой нескольких систем – образования, образовательного учреждения, системы управления, системы оценки; б) включает в себя в качестве элементов людей, выступающих в определенных социальных ролях; в) деятельность этих людей имеет собственную системную организацию, то есть специфическую цель, объект, предмет, средства и способы [См.: 1. С. 12].

Аттестация педагогических кадров в значительной степени призвана продвинуть качественное развитие образования. В течение последних пяти лет Департаментом образования и науки г. Сур-

гута, муниципальными органами управления образованием накоплен положительный опыт проведения аттестации педагогических кадров.

Организация аттестации педагогических кадров в городе Сургуте реализуется через:

1. Информационное сопровождение аттестационных процессов, которое включает: организацию учебы руководителей образовательных учреждений в рамках совещаний; проведение консультаций для аттестующихся работников; проведение индивидуальных и групповых консультаций для различных категорий работников по вопросам организации и проведения аттестации; организацию тематических заседаний методических объединений.

2. Методическое сопровождение аттестационных процессов, которое включает: изучение нормативных требований, инструктивных писем и методических рекомендаций о порядке и процедуре проведения аттестации с руководителями ОУ, их заместителями и руководителями методических объединений учителей-предметников; анализ проблем как педагога, впервые выходящего на аттестацию, так и тех, кто подтверждает квалификационную категорию; изучение затруднений в работе заместителей директоров и руководителей методических структур, курирующих процессы аттестации.

3. Постоянно действующий семинар с заместителями директоров образовательных учреждений, вырабатывающий рекомендации, которые доводятся до сведения администрации образовательных учреждений. Участники семинаров получают пакет документов, содержащих информацию по вопросам аттестации, что позволяет вести дальнейшую работу в ОУ и МО.

4. Формирование экспертных групп при городской аттестационной комиссии и в образовательных учреждениях, так как именно на них лежит ответственность за качество оценки практической составляющей деятельности учителя [См.: 3. С. 10].

Разработан план аттестации педагогов ОУ города Сургута, имеющий три раздела:

1. Нормативно-правовые мероприятия.
2. Организационные мероприятия.
3. Мероприятия по изучению хода подготовки и аттестации работников ОУ, экспертного и аттестационного этапов.

Таким образом, аттестации постепенно отводится развивающая роль, то есть аттестующиеся в процессе оценивания их деятельности ожидают не только констатации факта выполнения или невыполнения требуемых квалификационными характеристиками педагогических задач, но и определяют дальнейший вектор своего профессионального развития.

Одновременно анализ позволил выделить проблему в самой методической деятельности, связанную с отсутствием согласованных подходов к обобщению и систематизации профессионального опыта с целью его последующей трансляции.

К наиболее трудно решаемым вопросам методического сопровождения процесса аттестации в городе можно отнести следующие:

- недостаточно эффективна деятельность методических служб и администраций образовательных учреждений по организации изучения нормативно-правовой базы аттестации, оказанию помощи в проведении объективного анализа работником своей профессиональной деятельности и ее обобщения, стимулированию и планированию аттестационных процессов;

- остаются факты не подтверждения заявленной педагогом квалификационной категории из-за сформировавшейся завышенной самооценки уровня своего профессионализма и квалификации, что, в свою очередь, является следствием слабой связи внутришкольного контроля и аттестационных процессов. И наоборот, недооценка своих профессиональных качеств, занижение оценки своей профессиональной деятельности, неумение использовать в работе свои сильные стороны, как следствие слабо организованной методической деятельности, также снижает развивающий потенциал аттестации;

- зафиксированы случаи некачественных заявлений, не раскрывающих особенности творческой деятельности и не позволяющих аттестационной комиссии оценить уровень развития педагогической деятельности в целом. Проблемой экспертного этапа является низкое качество проведения экспертизы продуктивности и профессионализма профессиональной деятельности из-за недостаточного количества подготовленных экспертов [См.: 4. С. 30].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что аттестация педагогических и руководящих кадров в ХМАО действительно стала стимулом роста мастерства педагогов. Аттестация стимулирует учителя, дает возможность самореализации, позволяет выявить больше заинтересованных, талантливых, творческих учителей.

Таким образом, в Департаменте образования и науки организация аттестации педагогических работников вписывается в контекст гуманистической парадигмы развития регионального образования, является органичной частью муниципального управления, выступает средством интеграции методической деятельности и аттестационных процессов в образовательных системах [См.: 3. С. 3].

Литература

1. Вариативные модели аттестации педагогических работников: Научно-методические рекомендации. – Великий Новгород: НРЦРО, 2002.
2. Моделирование и экспертиза педагогического опыта: Монография / Т. А., Гусев А. Г. Каплунович, Е. А. Федорова, Л. А. Филиппова. – Великий Новгород: НРЦРО, 2001.
3. Сборник нормативных документов и методических рекомендаций по вопросам аттестации педагогических и руководящих работников образовательных учреждений ХМАО – ЮГРА (Ч. 1). – ГУИПП «Полиграфист», 2000.
4. Сборник нормативных документов и методических рекомендаций по вопросам аттестации педагогических и руководящих работников образовательных учреждений ХМАО – ЮГРА (Ч. 2). – ГУИПП «Полиграфист», 2003.

Н. Д. Сорокина*

Образование как средство достижения социального согласия

В основе социального согласия лежат наличие общественно значимой цели, разделяемой участниками социального диалога, а также признание партнера по диалогу как равного. В условиях нарастания социальной напряженности в обществе, что к тому же усугубляется мировым экономическим кризисом, возрастает значимость исследований следующих проблем социологии образования: образование как условие социального диалога; образование в качестве фактора, способствующего достижению социального согласия в обществе и т. п.

В этом плане большое значение приобретает наличие соответствующих компетенций, формируемых в ходе образовательного процесса. Безусловно, одними из таких компетенций являются *коммуникативная* и *конфликтологическая*. Хотя эти компетенции предполагают формирование практически одинаковых качеств и свойств личности, все же имеет смысл их развести. Так, коммуникативная компетентность означает овладение знаниями и навыками общения, в том числе и в области межкультурного взаимодействия. Под конфликтологической компетентностью понимается знание основ конфликтологии, способность и умение конструктивно разрешать конфликтные ситуации, управлять конфликтами, использовать их в целях развития организационной структуры, личности, а также умение выстраивать коммуникацию в конфликтном взаимодействии.

Поэтому важным для социологии образования является вопрос: в какой мере система обучения формирует подобные качества и свойства человека? Для ответа на этот вопрос необходимо проведение соответствующих исследований, в том числе и кросс-культурных. К сожалению, в настоящее время такого рода исследования являются редкостью. Одна из причин этого – неразработанность методологических подходов к такого рода исследованиям.

В настоящее время недостаточным оказывается использование опросов, наблюдения и т. д., то есть методов, ставших тра-

* **Нина Дмитриевна Сорокина** – профессор Российского государственного технологического ун-та им. К. Э. Циолковского – «МАТИ» (г. Москва).

диционными для социологической науки. Сейчас стиль социологического мышления все в большей мере начинает находиться под влиянием «неклассической» и «постнеклассической» парадигм. Если «классический» подход акцентирует внимание главным образом на объекте познания (а субъект познания оказывается ему противостоящим), то «неклассический» – учитывает соотношенность знаний об объекте со средствами деятельности как условием познания. «Постнеклассическая» парадигма, помимо этой соотношенности, включает еще в анализ ценностно-целевых структур деятельности, что приводит к проблеме ответственности субъекта, в том числе и познающего.

Соответственно меняется роль исследователя. Так, в «классической» парадигме, например, позитивизме, происходит дистанцирование от объекта исследования. Но в последнее время появляются различные подходы, в которых роль исследователя становится *принципиально* другой. К примеру, можно назвать такую стратегию получения знаний, как «исследование действием», в основе чего лежит «инсайдерская» включенность исследователя в анализируемый процесс, а его роль характеризуется «близостью» к полученным данным.

Рассмотрение проблем достижения социального согласия требует использования социокультурного, социокоммуникативного, социолингвистического подходов, поскольку существенным в данном случае оказывается изучение языка сообщения, с помощью которого происходит коммуницирование партнеров по общению. Так, важным условием социального диалога является использование семантических оборотов, исключающих наличие конфликтной риторики, конфликтных выражений. Обнаружить их в текстовых сообщениях можно посредством разработки соответствующего инструментария, что, в свою очередь, предполагает разработку индикаторов для измерения уровня конфликтности текста (будь то письменная или устная речь). В качестве таких индикаторов можно предложить следующие:

- степень жесткости (агрессивности) выражений;
- наделение партнера по общению негативными характеристиками, навешивание ярлыков;
- степень пренебрежительности высказываний, выраженных в сарказме и т. п.;
- степень эмоциональной насыщенности текстового сообщения и т. д.

Изучение текстовых сообщений по этим критериям позволяет выявить уровень конфликтности, препятствующий достижению социального согласия. Для изучения проблемы межкультурного вза-

имодействия важно также выявление конфликтных структур, связанных с национальными стереотипами.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет не о том, чтобы добиваться нулевого уровня конфликтности; нужен ее приемлемый уровень, поскольку конструктивное конфликтное взаимодействие в ряде случаев бывает полезным в социальном диалоге.

Сочетание различных подходов к исследованиям позволяет исследователю глубже проникнуть в суть изучаемого явления. Очевидно, что такого рода исследования могут способствовать расширению рамок конфликтологического обучения, которое в настоящее время находится в стадии своего скорее становления, нежели развития.

Отторжение знаний как мультикультурный феномен образования

Нежелание индивидов осваивать новые знания является сегодня мультикультурным феноменом не только в системе образования, но и во всей социетальной общности. Исследователи Йельского университета, пытаясь оценить масштабы и причины интуитивного массового отторжения научных знаний, даже ввели понятие «сопротивление науке» [7]. Ученые считают, что «сопротивление науке» в той или иной мере присуще всем народам и культурам. А проистекает оно из двух базовых особенностей, прежде всего, детской психики. Первая связана с тем, что дети знают «изначально», вторая – с тем, как они усваивают новые знания. Здесь играют роль, с одной стороны, свойственная детям убежденность в том, что все в окружающем их мире – результат чьей-то целенаправленной деятельности, а, с другой стороны, – детский интуитивный дуализм (различие между материальным и духовным по их функциональному предназначению; например, тело и душа, мозг и сознание в детском восприятии взаимодействуют как разные, невзаимосвязанные сущности).

В результате некоторые детские предрассудки оказываются настолько стойкими, что даже школьное образование не позволяет их преодолеть. Так, многие студенты американских колледжей убеждены, что шарик, выкатившийся из кривой трубки, будет двигаться по искривленной траектории.

В целом, по выводам А. В. Маркова, «сопротивление науке» зарождается из противоречий между интуитивными представлениями маленьких детей и тем, чему их учат позже. Затем это «сопротивление» переходит из детства во взрослую жизнь и укрепляется по отношению к тем научным взглядам, которые не имеют всеобщей поддержки в обществе [4]. Всеобщую же поддержку приобретают только те знания, которые репрезентируются авторитетными для индивидов людьми. Благодаря интеллектуальной власти авторитета люди принимают «на веру» и активно артикулируют даже те понятия, о сути которых не догадываются.

* *Татьяна Владимировна Филипповская* – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и социальной психологии УрГЭУ (г. Екатеринбург).

В результате в США уже не один год обсуждается тезис об «оглулении страны» [6]. По данным социологического опроса, проведенного в 2005 г. National Geographic и Roper, почти половина американцев в возрасте 18–24 лет не считает необходимым знать, где находится страна, в которой происходят те или иные важные события. Более трети респондентов заявили, что знать иностранные языки «совершенно незачем», и лишь 14 % сочли это «очень важным». Особую тревогу автора используемого нами аналитического обзора вызывает даже не столько отсутствие знания как такового, сколько то, что люди кичатся своим невежеством. Он утверждает, что такой антирационализм просто опасен для его страны.

Интерес в этом ракурсе могут вызвать рассуждения А. Штейнзальца и А. Функинштейна, исследовавших проблемы «социологии невежества». Авторы отмечают, что, с одной стороны, невежество, как и знание, имеет своим источником совокупность условий, общую структуру социума, которая зависит не столько от осознанных формулировок, сколько от полубессознательных концепций руководителей общества и управляющих обществом сил. Однако, с другой стороны, существует намеренное и сознательное невежество, насаждаемое при помощи хорошо отлаженного механизма, предназначенного для того, чтобы способствовать торжеству невежества – либо посредством сокрытия информации о тех сферах бытия, о которых члены общества ничего не знают или не должны ничего знать, либо посредством хорошо организованной цензуры, скрывающей факты от населения, либо посредством социальных концепций, утверждающих, что определенные знания недоступны для всех или запретны [5. С. 7].

В российской социологии образования феномен отторжения знаний, как отдельная категория, изучен недостаточно. Однако, в педагогике и психологии глубоко исследованы такие сопутствующие отторжению знаний явления, как «нежелание учиться», «низкий уровень мотивации учебной деятельности», а в актуальных практиках – функциональная неграмотность. Эта «чума XXI века» [3] не адекватна нашему традиционному представлению о неграмотности. Она связана, прежде всего, с неумением индивида, знающего буквы, понимать и применять на практике прочитанный текст.

В современных исследованиях функциональная неграмотность рассматривается шире и в разных смыслах. С. Г. Вершловский и М. Д. Матюшкина здесь выделяют: вторичную неграмотность человека, ранее владевшего соответствующими знаниями и умениями, но утратившими их в результате «невостребованности»; неразвитость определенных умений и прикладных знаний в силу недостатков школьного образования; повышение по мере развития общества социальных требований к уровню функциональной гра-

мотности специалистов-практиков, в результате чего люди не соответствуют новым стандартам грамотности; неграмотность в выполнении новых функций в профессиональной деятельности (например, экономическая, компьютерная, правовая неграмотность) [2].

Для нас же в рамках рассуждений о феномене отторжения знаний особое значение имеют причины, связанные с нежеланием индивида осваивать знания.

Анализ эссе 102 студентов двух университетов – государственного и негосударственного, обучающихся на разных курсах (с 1 по 5) и по разным специальностям социально-гуманитарного профиля, проведенный в декабре 2008 – январе 2009 г., позволил конкретизировать ряд тенденций, которые нуждаются в дальнейшем эмпирическом подтверждении.

Студентам предлагалось в свободной форме представить свои рассуждения о причинах, из-за которых они не хотят осваивать научные знания по тем или иным предметам, готовиться к семинарским занятиям, пропускают лекционные занятия или симулируют на них учебную активность.

Первую выявленную тенденцию хотелось бы определить как «внутренняя» (психологическая, осознанная, принятая как рациональная в индивидуальной поведенческой практике) тенденция к отторжению знаний. Она связана с нежеланием «принимать» знания («записываю слова лектора, но ничего не запоминаю», «делаю вид, что веду конспект, а сама думаю о своем», «иногда я просто не могу заставить себя учиться»), и с двумя условиями: 1) жесткое дисциплинарное требование присутствия студента на занятиях (связано с личностью преподавателя и (или) отражением посещаемости занятий на итогах промежуточного рейтинга); 2) то, что студенты назвали «моя собственная лень», «не нравится преподаватель», «преподавателю самому не интересен его предмет», «меня еще со школы «тошнит» от математики», «слишком трудный материал», то есть, знание «проходит мимо», так как сформировалась внутренняя психологическая установка на отказ от его восприятия. В большинстве случаев эта установка подкреплена жестким дисциплинарным контекстом, не согласованным с внутренним мотивацией студента посещать занятия.

Вторую тенденцию можно было бы назвать «внешней тенденцией отторжения знаний». Она также связана с двумя условиями: 1) рациональная, с точки зрения индивида, оценка студентами перспективной значимости изучаемого предмета в будущей профессиональной деятельности. Описывается с помощью утверждений: «из 40 предметов, которые мы изучали, только 5–6 пригодятся на практике», «есть предметы – лишняя трата времени», «нет баланса теории и практики: одна «сухая» теория»; 2) равно-

ценное с первым по значимости в эссе студентов – личность преподавателя и его профессиональное мастерство. Причины отторжения знаний здесь описываются через утверждения «лектор читает лекцию по тексту своего (чужого) учебника, а я читаю умею», «читает лекцию, не отрывая взгляд от монитора ноутбука, не обращая внимания на студентов», «преподаватель «гонит заумь», а когда просишь объяснить, обижается: как можно не понять очевидное?», «невозможно «впихнуть» в себя такое количество информации, как требуют все преподаватели».

Третью тенденцию можно было бы определить как тенденцию подсказки: что нужно делать, чтобы знания студентами не отторгались. «Подсказки» здесь описываются через утверждения: «мне предмет интересен тогда, когда я хорошо начинаю в нем разбираться, а понимать начинаю тогда, когда понимаю процессы, следствия и причины», «не делю предметы на нужные и ненужные, а делю на интересные и неинтересные», «нужны все предметы, так как не знаешь, с чем столкнешься, когда закончишь университет, поэтому лучше знать, где потом взять информацию», «стараюсь брать из разных областей знаний хотя бы минимум информации для общего развития».

Следует отметить, что эссе, в которых даны рассуждения-подсказки, были написаны студентами, владеющими правилами русской орфографии и синтаксиса. То есть, функционально грамотными людьми. Их предложения представляют интерес, прежде всего, для менеджеров образования. Например, более жестко конкретизировать значимость той или иной дисциплины в процессе подготовки специалиста-практика. Исключить из учебного плана дисциплины, которые, по сути, могут быть освоены только за 2–3 семестра, а по факту представлены объемом в 24–28 часов. Такой объем студенты определяют как формальный, а отсюда формализуется и отношение к предмету. Однако, есть дисциплины, которые представлены ничтожным количеством часов, но реально воспринимаются студентами как нужные для саморазвития. Например, психология и педагогика. И это явно связывается с симпатией к преподавателю и ощущением обиды: не дано время на то, что хочется узнать и освоить.

Но самой значимой подсказкой является высказываемое фактически во всех эссе пожелание замены большого объема лекций на семинары-дискуссии, семинары-практикумы. Речь идет об активизации применения в педагогическом процессе современных педагогических технологий, которые помогают закрепить, продумать, представить ту информацию, которая имеется в учебниках, поэтому может быть первично освоена обучаемыми самостоятельно. Студенты видят способ борьбы с отторжением знаний в

изменении вузовской методики репрезентации знаний, эффективных формах организации осмысления, анализа и оценки взаимозависимости теории и практики.

Отметим, что реальный уровень психологического, физического и навыкового развития современных студентов, современная социокультурная динамика требуют коренных перемен в организации образовательного взаимодействия в диаде «преподаватель-студент». Не случайно З. Бауман, рассуждая о «текучей современности», подчеркивает, что самая нужная компетентность в нашем мире мнимых бесконечных целей – это компетентность опытного и неутомимого покупателя. Мы «покупаем» навыки, нужные, чтобы заработать на жизнь, и средства убеждения потенциальных работодателей, доказывающие, что они у нас есть; мы покупаем имидж, который нам приглянулся, и способы заставить других поверить, что мы являемся теми, кем теперь выглядим [1. С. 82]. И современный студент, как это ни неприятно признавать, в чем-то более талантливый потребитель, чем его педагоги. Но, чтобы остаться его педагогами, нам придется кое-что изменить. Прежде всего, предстоит отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем», как «пред-данного», и сосредоточиться на анализе «мира человеческой непосредственности» (стремлений, фантазирования, сомнений, реакций на частные события), как это рекомендовал А. Шюц. А далее попытаться понять, почему мы чаще рассматриваем отторжение знаний только как социокультурный феномен. То есть, артикулируем его на уровне чувственного опыта и созерцания. И делаем это вместо того, чтобы освоить уровень ноумена – «умопостигаемой сущности».

Литература

1. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб.: Питер, 2008.
2. Вершовский С. Г., Матюшкина М. Д. Функциональная неграмотность выпускников школ // Социс. 2007. № 5. С. 141.
3. Жукова Т. Д. Функциональная неграмотность – чума XXI века. – [Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2006-03-10/8_negramotnost.html].
4. Марков А. В. *Общество и наука: истоки неприятия* // Экология и жизнь. – 2007. – № 9. – С. 17.
5. Штейнзальц А., Функентейн А. *Социология невежества: – М.: Ин-т изучения иудаизма в СНГ: Рос. науч. центр «Курчат. ин-т»*; СПб.: МОИ, 1997.
6. Paul Bloom, Deena Skolnick Weisberg. *Childhood Origins of Adult Resistance to Science* // Science. – 2007. – V 316. – P. 996–997.
7. Джекоби С. (Susan Jacoby). *Тупеющая Америка* // The Washington Post. 2008. 20 февраля. – [Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/stories/07/04/27/3511/239749.html>].

А. И. Фишелева*

Возможности межкультурного взаимодействия студентов в курсе дисциплин культурологического цикла

Одной из актуальных проблем современного российского образования является проблема межкультурного взаимодействия в рамках образовательного процесса.

Большим потенциалом в решении данной проблемы обладают дисциплины культурологического цикла, так как их содержание наполнено материалом, позволяющим узнать о многообразии культур через знакомство с историей, религиями, традициями, обычаями, нравами, художественной культурой разных народов. В курсе таких дисциплин как, «Мировая художественная культура», «Этика», «Эстетика» и др. часто сочетаются далекие по содержанию разделы, темы, проблемы. Межкультурное взаимодействие в курсе культурологических дисциплин может осуществляться как в ходе лекций, практических и лабораторных занятий, педагогических практик, так и в рамках воспитательной работы на факультете, в вузе и за его пределами.

Особую значимость в решении проблемы межкультурного взаимодействия занимает курс «Художественная культура Урала», который охватывает большой пласт материала, посвященный художественной культуре народов Урала (ханты, манси, татар, башкиры, коми-пермяков, удмуртов, русских и др.). Начиная с конца XVI в., и особенно в XVIII в., на Урале, наряду с коренными народами, стали проживать русские, а также переселенцы из разных частей России и из зарубежья. В силу объективных и субъективных причин этот процесс продолжается и в настоящее время.

В рамках преподавания курса «Художественная культура Урала» в Институте педагогики и психологии детства, а также на Факультете туризма и гостиничного сервиса Уральского государственного педагогического университета на практических занятиях студентам предоставляется возможность восполнить пробел в области межкультурного взаимодействия благодаря освоению раздела, посвященного художественной культуре коренных народов

* Алла Ивановна Фишелева – канд. пед. наук, доцент, завкафедрой туризма ф-та туризма и гостиничного сервиса УрГПУ (г. Екатеринбург).

Урала – прежде всего, хантов, татар, башкир. Студенты готовят сообщения о мифологии, праздниках, народных промыслах, декоративно-прикладном искусстве, сопровождая их мультимедийными презентациями и музыкальными произведениями. Наряду с мультимедийным видеорядом, студенты демонстрируют подлинные вещи (головные уборы, одежду, бытовую утварь, посуду). Неотъемлемой частью практических занятий является выполнение заданий на основе художественной деятельности (рисование, написание эссе, создание макетов, аппликаций и др.). Это, несомненно, способствует развитию познавательного интереса и познавательной активности, стимулирует к общению с носителями национальной культуры, посещению выставок, поиску информации в разных источниках (книгах, газетах, журналах, Интернет-ресурсах и т. п.). Все задания нацелены на будущую педагогическую деятельность. Так, студентам Института педагогики и психологии детства было предложено разработать рабочую тетрадь для дошкольников и младших школьников, которая бы отражала следующие особенности из жизни коренных народов Урала: жилище, посуда, предметы быта, костюм, орнамент, праздники. Работа над подбором иллюстраций, составлением заданий позволила будущим педагогам открыть много нового для себя, пережить эстетические эмоции от соприкосновения с прекрасным.

Студенты факультета туризма и гостиничного сервиса УрГПУ систематически в рамках разных видов практик и практических занятий по дисциплинам культурологического цикла посещают Уральский центр народных промыслов и ремесел г. Екатеринбурга. В центре постоянно проводятся разнообразные выставки, которые не только знакомят с носителями народной культуры, но и позволяют посетить мастер-классы по тому или иному направлению народного промысла, узнать о том, как готовились и проводили те или иные праздники.

Одним из важных аспектов межкультурного взаимодействия является посещение национальных праздников, концертов, встреч с носителями культуры. Так, в 2007–2008 гг. в Екатеринбургской музыкальной гостиной «Лея» (в одном из залов Музея истории Екатеринбурга) Л. В. Хацкелевич совместно с Советом по толерантности Свердловской области, Обществом грузинской культуры «Руставели», Обществом осетинской культуры имени Аслана-Гирея Галати, Свердловским обществом еврейской культуры «Атиква» был реализован проект «Музыка и кухня – язык толерантности». Проект состоял из трех отдельных вечеров, посвященных осетинской, грузинской, еврейской культуре. В 2009 году планируются вечера, посвященные армянской, украинской и татарской культурам.

Таким образом, организация межкультурного взаимодействия в ходе освоения дисциплин культурологического цикла в рамках аудиторных и внеаудиторных занятий не только расширяет кругозор, но и воспитывает такое важное личностное качество будущих специалистов образовательных учреждений, как толерантность, без которого, как показывает анализ социологической литературы и практики, полноценное продуктивное межкультурное взаимодействие невозможно.

Традиции и инновации в подготовке инженерных кадров

В современной России идет становление двухуровневой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается изменениями, как в педагогической теории, так и в практике учебно-воспитательного процесса высшей школы. Последняя должна ориентироваться на рынок труда, обогащаясь новыми компонентами, формируя профессиональные компетенции. Цель современного образования – подготовить мобильную, конкурентоспособную личность, и в этом существенная роль отводится инженерным вузам.

Важным этапом в развитии российского инженерного образования явилось создание системы технических университетов. Технический университет – та форма высшего технического учебного заведения, которая на современном этапе призвана готовить специалистов для научно-производственной, инженерно-экологической и управленческой сфер общественной деятельности. Современный технический университет представляет собой элитарное учебное заведение, в котором наряду с глубокими профессиональными знаниями студенты получают фундаментальную подготовку в естественнонаучных, общеинженерных, социально-экономических и гуманитарных областях знания.

Студенты сегодня ориентируются скорее на получение социального статуса, а не конкретных знаний и умений. Об этом говорит тот факт, что примерно две трети выпускников вузов идут работать не по полученной специальности и, как правило, устраиваются на рабочие места, где не требуется высшего образования, а нужна просто общая культурная подготовка.

Ярким примером такого положения дела являются педагогические вузы, которые дают своим выпускникам хорошую общекультурную подготовку, гарантирующую получение высокооплачиваемой работы. Не каждый выпускник любого другого вуза готов к работе с людьми, владеет ораторскими, коммуникативными и управленческими навыками.

* *Татьяна Анатольевна Фугелова* – канд. пед. наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового ун-та (г. Тюмень).

Именно фундаментальная подготовка создает основу для усвоения последующего профессионально-прикладного учебного материала, развивает творческие способности и системное мышление, вооружает методами получения знаний, способствует становлению и совершенствованию научного мировоззрения, повышает уровень профессиональной и общей культуры будущего специалиста.

Но при этом не следует ограничивать объем профессиональных дисциплин. Современные образцы техники, высокие технологии могут создавать только специалисты, хорошо подготовленные как инженеры. Такая подготовка ведется на старших курсах университета, когда специальные дисциплины изучаются с опорой на те фундаментальные знания, которые были усвоены студентами на предыдущих курсах.

Возрастающая сложность современных технических систем и устройств, рост функциональных возможностей повышает их надежность, упрощает управление, требует при их разработке развитого нестандартного мышления.

В связи с этим происходит изменение функций инженерной деятельности, меняются требования к профессиональным и личностным качествам выпускника высшего технического учебного заведения. Труд современного инженера становится все более творческим, по характеру своей деятельности приближаясь к деятельности ученого, менеджера, педагога.

Все это дает возможность говорить о целесообразности выделения в структуре инженерной деятельности самостоятельной педагогической функции, поскольку решения инженера носят не только производственный характер, но и выполняют социальные, воспитательные задачи.

Эффективное управление производственным коллективом возможно лишь при постоянном осуществлении руководителем педагогических функций на всех стадиях управленческой деятельности (от постановки цели, задач, планирования, непосредственного руководства до оценки работы).

Существующий в Государственном образовательном стандарте курс «Психология и педагогика» не обеспечивает должной подготовки инженеров в плане формирования тех компетенций, которыми должен обладать современный инженер как педагог, воспитатель, управленец. Это, прежде всего, умения: устанавливать доброжелательные взаимоотношения со всеми участниками производственного процесса, индивидуально воздействовать на работников, влиять на формирование трудового коллектива, применять социально-психологические и психолого-педагогические технологии и методы воздействия на работников, анализировать педагогические ситуации и грамотно определять содержание своих действий, изучать социально-психологические особенности работников

и коллектива, учить работников постановке цели личностного и профессионального развития, разрабатывать личностную и профессиональную «Я-концепцию» и составлять «программу творческого саморазвития», проектировать собственную педагогическую деятельность, отбирать формы организации и методы воспитания, управлять психическим состоянием подчиненных, диагностировать и оценивать воспитанность членов трудового коллектива, использовать психологические механизмы стимулирования профессиональной деятельности, формировать у членов трудового коллектива ценностное отношение к знаниям.

Для овладения этими умениями современный инженер должен знать закономерности и механизмы социального и профессионального становления личности в профессиональной деятельности, соотношение социализации, воспитания и развития личности, показатели воспитанности членов трудового коллектива, закономерности и принципы воспитания, основные направления и конкретное содержание воспитания, основы воспитательной деятельности наставника молодежи, основные методы построения личностного и профессионального имиджа специалиста, основы производственно-педагогической инноватики.

Переход на уровневую систему высшего профессионального образования в свете Болонского соглашения обеспечивает бакалавру полноценное высшее образование за счет формирования базовых основ профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций (коммуникативных, навыков поиска и анализа информации, самообразования, коллективной работы и пр.).

Квалификация, которую получает бакалавр, должна позволить ему быть мобильным, а значит и успешным на рынке труда. Но никакое самое лучшее базовое образование в современных условиях не способно обеспечить успешную карьеру больше, чем на 5–7 лет. В США установлена единица измерения устаревания знаний – «период полураспада компетентности», когда в результате появления новой информации компетентность специалиста снижается на 50 %. Этот период за последние десятилетия сократился. Например, в 1940 г. устаревание знаний наступало через 12 лет, в 1960 г. – через 8–10 лет, для современного выпускника – через 2–3 года. Человеку приходится менять профессии и получать образование на протяжении всей жизни.

Особенно остро вопрос сохранения традиционной системы высшего образования звучит для технических вузов. Можно ли подготовить настоящего инженера за 4 года? Ответ один – переход на уровневую систему должен осуществляться одновременно с внедрением новых образовательных технологий, направленных на развитие самостоятельности, активности, самодетерминации, саморегуляции, саморазвития, самосовершенствования, то есть тех качеств, которые характеризуют мобильную личность выпускника.

Ю. С. Хлызова*

Неформальное обучение

Сегодня все чаще исследователи из разных областей науки обращаются к проблеме неформального обучения. Данный вопрос уже давно был поднят в странах Европы и Америки. Так, обратившись к Интернету, мы обнаружили, что ссылок на неформальное обучение за рубежом в сотни раз больше, чем у нас. При этом проблема неформального обучения в современном обществе невероятно значима.

Во-первых, сейчас мы говорим о необходимости непрерывного образования, которое может быть достигнуто лишь через неформальное обучение. В последней четверти XX столетия специалисты в сфере гуманитарного знания констатировали, что человечество постиг кризис социальной и профессиональной компетентности, суть которого состоит в стремительном отставании способности человека справляться с изменениями, происходящими в окружающем его мире. Не миновал этот кризис и Россию, которая переживает на рубеже веков мощные и стремительные трансформационные процессы. Это обусловило возрастание потребности в обучении у громадного числа людей. Движение экономики к рыночным отношениям, изменение функций государства – новые вызовы отечественной системе образования. Кризисное состояние общества, большое число кризисных ситуаций и состояний, которые приходится преодолевать человеку на протяжении всего жизненного пути, делают актуальным непрерывное образование. Общество XXI века, века информатизации и большой социальной динамики, требует адекватного уровня образования. Этим обусловлено усиленное внимание всех ведущих стран мира к своим образовательным системам, их реформированию и модернизации с целью достижения большей эффективности. На смену традиционной базовой модели образования пришла установка на непрерывное образование в течение жизни. Именно неформальное обучение может эффективно решать задачу восполнения дефицита социальной компетентности человека.

Во-вторых, неформальное обучение дает необходимые практические знания, умения и навыки, которые наиболее оптимально

* **Юлия Семеновна Хлызова** – студентка 4-го курса социологического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

будут применены в дальнейшей деятельности человека. Особая ценность неформального обучения состоит в самостоятельном поисковом размышлении, в свободном усвоении свободно избранной области знания.

В-третьих, неформальное обучение – это некий путь к самореализации личности, который позволяет искать себя и наиболее эффективно реализовывать свой потенциал.

Таким образом, неформальное обучение – необходимое, постоянное слагаемое жизни культурного, просвещенного человека, занятие, которое сопутствует ему всегда. В современной культурной ситуации оно может предопределять социокультурную независимость и самостоятельность личности. При этом в ситуации кризиса мировой образовательной системы неформальное обучение прокладывает путь к выходу из тупика.

Под неформальным обучением мы будем понимать сравнительно новый тип обучения, который выходит за рамки формального процесса образования (например, обучения в школах или на вечерних общеобразовательных курсах). К сфере неформального профессионального обучения относится посещение отраслевых ярмарок и конгрессов, участие в кратковременных мероприятиях (например, в лекциях или однодневных семинарах), самостоятельное обучение путем наблюдения и испытания новых навыков на работе или в свободное время, самостоятельное обучение с помощью компьютерных программ, специальных аудио- и видеокассет, которые предлагаются в Интернете.

Стоит отметить, что среди исследователей нет единого мнения о том, что именно следует понимать под неформальным обучением. Существует бесконечное множество различных определений и толкований данного термина. В целом, термин «неформальное обучение» обозначает все процессы самостоятельного обучения, которые протекают вне рамок формальной системы образования.

С нашей точки зрения, неформальное обучение является аналогом самообразования. Так, самообразование рассматривают как вид свободной деятельности личности (социальной группы), характеризующийся ее свободным выбором и направленный на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышении культурного, образовательного, профессионального и научного уровней, получения удовлетворения от реализации личностью ее духовных потребностей [Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Самообразование как социологическая проблема // Социологические исследования. 1997. № 10].

Говоря о неформальном обучении, нельзя не отделить его от формального. Неформальное образование представляется гораздо

более интересным, ведь формальное сегодня, как правило, – обязательное, а неформальное – добровольное. Характеризуя особенности формального образования, прежде всего, указывают на то, что оно обладает более жесткими, стандартизированными организационными формами. Формальное образование – это школьное образование; неформальное же обучение протекает вне школы, когда ученик сам работает над собой, своими навыками и знаниями. Среди важных различий называют обязательный характер формального образования и добровольный – неформального обучения. Самообразованием мы занимаемся не по обязанности, а потому, что хочется и нравится изучать то, что сами выбрали. Формальное же обучение зачастую рассматривается как «лишенное души». Однако и такое обучение преследует свои определенные цели: сформировать у детей систему базовых знаний и умений, обучать детей грамотности, помочь вхождению в общественную жизнь. Вопрос, конечно, заключается в том, насколько учреждения формального образования справляются с поставленными задачами.

Анализируя сложившуюся ситуацию с быстрым развитием неформального обучения, мы не можем не коснуться проблемы признания и сертификации результатов неформального обучения. Порой знания, полученные в ходе самостоятельного обучения, имеют большую значимость для жизнедеятельности человека, чем знания из школьной (вузовской) программы. Однако, не получив нужной «бумажки», мы останемся все теми же «букашками», которые не смогут воспользоваться этими знаниями в профессиональной деятельности. В странах Европы уже используются специальные сертификаты. В качестве примера процесса сертификации, с помощью которого можно подтвердить свои знания и способности, приобретенные путем неформального обучения, на официальном централизованном экзамене и получить соответствующий сертификат, можно привести Европейские компьютерные права (ECDL).

В некоторых странах уже несколько десятков лет ведутся научные дискуссии, и многие из этих стран обладают уже многолетним опытом в сфере подтверждения результатов неформального обучения. В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии сравнительно рано были приняты законодательные нормы с целью признания неформального обучения; тем самым правительство своей политикой в сфере образования отреагировало на проблемы дезинтегрированной системы профессионального образования. В 1989 г. была введена «Национальная система профессиональных квалификаций» (NVQ): речь идет о гибкой модульной системе, ориентированной на конечный результат и открытой для всех форм и мест проведения обучения; она предлагает реальную

альтернативу школьному образованию и обучению в ВУЗах и уделяет особое внимание практическому обучению на рабочем месте.

В России, насколько нам известно, пока и речи не идет о признании и сертификации результатов неформального обучения. Несмотря на это, мы все чаще обращаемся именно к неформальному обучению. Видимо, в ближайшее время ему будет уделяться все большее внимание со стороны как исследователей данной проблемы, так и государственных органов системы образования.

Л. В. Хохлова*

Развитие мышления как стратегия философского образования

Современная философия образования, систематизируя многочисленные инновационные подходы и технологии педагогической деятельности, выделяет две альтернативные стратегии. Первая – информационная. Она связана с компьютеризацией обучения и с практикой технологического переоснащения производства. Парадигма традиционного образования, определяющая целью обучения овладение информацией, дополняется инновационными технологиями, позволяющими добывать еще больше информации и манипулировать с ее источниками. Из данных посылок логически вытекает вывод: каждый человек, используя технологию поиска информации, может ею овладеть.

Манипулируя словом «информация», современное образование сталкивается с невероятными трудностями. С одной стороны, обучаемый получает бесконечное разнообразие доступной информации. С другой же стороны, востребованным оказывается минимум информации (алгоритм, формула), часто выбранный случайно, противоречащий научным и практическим выводам. Студент, как правило, не способен проанализировать информацию, сравнить, обосновать свою точку зрения на основе свободного выбора информации. Отсутствие навыков мыслительной деятельности указывает на определенные качества мышления.

Измерение указанных выше навыков мышления студентов негуманитарных факультетов на протяжении последних пяти лет подтверждает тенденцию к алгоритмизации мышления. Измерялись навыки сравнительного и критического анализа, обобщения (навыки мышления первого порядка), диалога, проблемного мышления (навыки второго порядка). В разных группах, изученных в 2003–2005 гг., навыками сравнительного, критического анализа и обобщения владели от 68 до 85 % студентов, а навыками диалога, требующего использования информации для обоснования точки зрения, и проблемного мышления – от 35 до 58 % студентов. В группах,

* **Людмила Васильевна Хохлова** – канд. пед. наук, доцент кафедры философских наук Нижнетагильской социально-педагогической академии (г. Н. Тагил).

наблюдавшихся в 2006–2008 гг., только 30 % и меньше студентов владели навыками первого порядка, а более сложные навыки второго порядка отсутствовали вообще.

Таким образом, отметим явно просматриваемую потребность в альтернативной стратегии образования. В современном образовании она робко обозначается в установке на воспитательную работу в школе, на гуманизацию и гуманитаризацию образования. Реформа образования, декларирующая переход от информационного обучения к рефлексивному, должна опираться на соответствующие технологии, развивающие мышление. В этом смысле востребованной представляется стратегия критического мышления, которая теоретически широко интерпретируется, как в зарубежной, так и в отечественной литературе. В практике же отечественной школы она остается на уровне экспериментов.

В отечественной литературе критическое мышление определяется как совокупность определенных навыков мышления (Брюшинкин, Калинин, Сориная, Федотовская). Продуктивным определением представляется концепция Р. Пола, рассматривающая критическое мышление как совокупность качеств мышления. Исходя из нее, мы определяем критическое мышление как рациональное (в смысле правильное), рефлексивное, основанное на позитивном сомнении и диалоге, конструктивное мышление. Понимание критического мышления в совокупности указанных качеств позволило предложить обучение философии как технологию развития критического мышления. В западной педагогической практике данный опыт наиболее широко известен в широко реализуемом проекте М. Липмана «Философия для детей». Изучение в школе текстов, обучающих не только решению, но и постановке философских проблем, применяется во все мире. В отечественной философии образования данный подход развит в работах Юлиной, Дудиной, Беляевой.

Следуя данной концепции, нужно подчеркнуть особую роль философии в развитии указанных качеств критического мышления. Основания для определения особого методологического статуса философии в высшей школе, на наш взгляд, более чем достаточно.

Этому способствует большое количество философских дисциплин, предусмотренных программой, и актуальность мировоззренческих вопросов для студентов. При всем разнообразии философских наук нерешенной сегодня остается проблема содержания философского знания. В концепции Кармина А. С. предлагается два варианта содержания непрофессионального философского образования, в основу которых будет положено:

- 1). Изложение истории философии.
- 2). Анализ содержания философских проблем.

А. С. Кармин отмечает недостатки обоих вариантов. В первом варианте центральное место занимает информация о философах, научных трудах, их содержании. Проблемы, идеи, школы входят на второй план. «Философия предстает не как совокупность взаимосвязанных между собой проблем, а как множество сосуществующих и сменяющихся друг друга теорий, и анализу больше подвергается внутренняя логика последних, их достоинства и недостатки, чем логика разработки «сквозной» тематики, образующей непреходящее содержание философского знания» [1]. Второй путь знакомит с течениями и школами, но в ущерб фактологическим знаниям, что, добавим, не готовит студентов к тестированию как универсальной форме контроля знаний. Вслед за Карминым мы утверждаем, что при краткости учебного курса логико-систематический вариант его построения предпочтительней исторического. Однако лучше всего было бы сочетать оба эти подхода по принципу «и-и»: Соглашаясь с выводом Лосского о том, что «наиболее надежный способ встать на уровень понимания современной философии состоит в том, чтобы познакомиться и с Введением в философию, и с Историей философии» [2], отметим возможность и третьего варианта. Он состоит как раз в обозначении цели обучения философии непрофессиональных философов как развитие навыков философского мышления. Это и будет означать вышеобозначенный подход «и-и», так как выбор информации будет определяться методической целесообразностью. В то же время при такой постановке цели преподавания необходимы специальные программы курса и учебные пособия, предлагающие варианты технологий и методик развития критического мышления. В них должны отражаться степень доступной популяризации философии, минимум знаний по истории философии, возможности самостоятельной работы студентов, в том числе указание доступных философских текстов и наличие аналитического аппарата для их изучения. В своей практической деятельности автор применяет технологии проблемного мышления, диалогического мышления, критического анализа.

Таким образом, анализ стратегической альтернативы образования позволяет предположить возможность синтеза двух подходов. С одной стороны, это инновационные технологии, ведущее место среди которых занимают информационные. Новые информационные возможности раздвигают границы возможностей обучения, проверки знаний. С другой стороны, это качества мышления, характеризующие его как свободное мышление: открытость для инноваций, диалогичность, стремление не только услышать другого, но и быть услышанным, рефлексивность и конструктивность. Данные характеристики мышления представляются как необходимые предпосылки инноватики в образовании. Особую значимость стра-

тегия развития мышления приобретает в условиях социальной динамики. Изменяющаяся реальность требует быстрой адаптации сознания, сохранения нравственных ценностей и личной свободы.

Литература

1. Кармин А. С. Философское образование: Сборник материалов конференции. – СПб., 2002.
2. Юлина Н. С. Педагогическая стратегия философии для детей. – [www.PHLka. RU].
3. Paul R. W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State. 1990.

С. Н. Чечулина*

Институт образования: роль в создании межкультурного пространства

Каким будет общество и как будут решаться социальные и экономические проблемы, определяется тем социально-культурным потенциалом, который закладывается институтом образования у молодого поколения. Социальные реалии изменились, на смену устойчивому обществу с единой системой норм и ценностей пришло общество поликультурное, динамичное. Результативность и управляемость процессов формирования будущего определяется, во-первых, наличием качеств субъектности, то есть акторов, обладающих ресурсностью и целеполаганием в решении социальных вопросов, во-вторых, – условиями совместного конструирования будущего общества. Иными словами, важно определить: кто выходит на социальную сцену, какими они обладают возможностями, в том числе и социально-культурными, каков будет процесс взаимодействия данных участников и его результат. Одной из актуальнейших проблем, определяющих будущее нашего общества в социальном, экономическом и политическом аспектах, является проблема создания единого межкультурного пространства, в котором предстоит выстраивать экономическое, социальное и культурное взаимодействие для дальнейшего развития нашего общества.

Источник развития конфликта в образовательном пространстве заключен не в национально-культурных различиях учащихся, а в тех *условиях*, в которых они находятся в образовательном учреждении. Конфликт (социальный, и в том числе межнациональный) в зависимости от условий приобретает различное значение. Приведет ли конфликт к разрушительным последствиям или будет источником взаимообогащения культур, зависит от этапа развития конфликта и уровня решения противоречий. Если мы решаем вопрос о благоприятном развитии детей различных национальностей, создаем условия для освоения знаний, совместно формируем общие ценности и решаем общие задачи, но не уважаем своеобразие, то тогда культурные различия сохранятся. В данном случае мы имеем

* **Светлана Николаевна Чечулина** – завкафедрой философии, образования и андрагогики Ин-та развития регионального образования (ИРРО) (г Екатеринбург).

дело с институционализированным разрешением конфликта через создание общего для различных культур пространства межкультурной коммуникации. Если различия детей не учитываются, развиваются стихийно или усугубляются, условия обучения для детей не становятся положительным фактором освоения знаний, культуры, проявление себя. В данном случае совместная среда не выступает общим культурным пространством по отношению к национально-культурным различиям; все негативные факторы социальной среды усиливаются в детской среде, не происходит взаимная адаптация культур. Конфликт предстает как борьба, противостояние, если пространство взаимодействия групп не регулируется, отсутствуют институциональные, ценностные основания для объединения и сосуществования в едином пространстве.

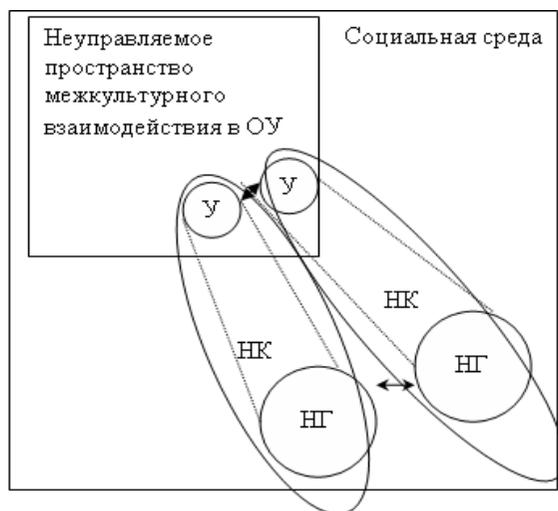

Рис. 1. Трансляция национального конфликта в социальном пространстве (НГ – национальные группы, НК – национальная культура) в пространство взаимодействия на уровне образовательного учреждения (У – учащиеся) при отсутствии целенаправленно формируемого межкультурного пространства

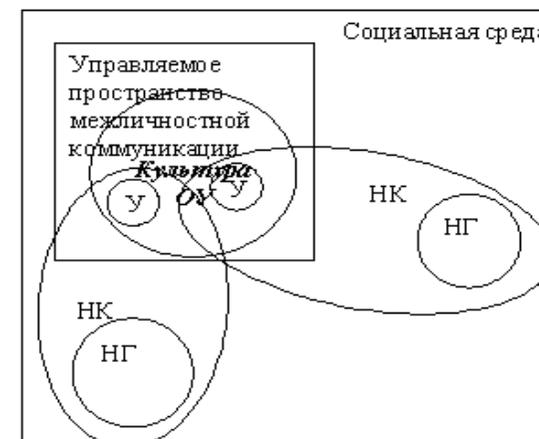

Рис. 2. Пространство межкультурной среды как основа преобразования межэтнического конфликта. Культура образовательного учреждения (общие ценности, цели, нормативная система) выступает способом создания благоприятной среды, способствующей культурному взаимодействию и адаптации культур и в дальнейшем влияет и на развитие межэтнических отношений в общесоциальном контексте

Внешняя социальная среда оказывает влияние, но национально-культурные различия перерастают в национальное противостояние в определенных социально-культурных условиях. Эта среда определяется (регулируется) конкретными людьми, создающими условия межкультурной коммуникации. Конкретные личности в отношении национального конфликта выступают как носители социально-культурной субъектности.

В настоящее время в России отсутствует единый культурный стандарт, существует множество субкультур. В этих условиях целью формирования культурных ценностей подрастающего поколения должна стать культура, дающая возможность проявить индивидуальность и соответствующая динамике и неопределенности внешней социальной среды. Одним из проявлений общего кризиса является кризис ценностей или фундаментальных норм, позволяющих человеку осуществлять выбор своего поведения и составляющих одно из оснований целостности социальных систем. Статус субъектов социальной жизни становится неопределенным, они теряют свою идентификацию. Сегодня индивид оказывается лишенным структуры защиты, которая была у старших поколений, он начинает испытывать чувство хрупкости точки бытия. Семья в этих условиях не может быть эффективной в процессе подготовки

подрастающего поколения так как не способна в полной мере стать альтернативой влияния СМИ, среды сверстников. Такой системой может стать образовательное учреждение, способное реализовать важнейшие функции процесса социализации, создать микросреду, альтернативную хаотичному влиянию макросоциальной среды.

Устойчивый тип отношений в рамках микросреды в образовательном учреждении закладывает определенную систему ценностей, которая определяет в дальнейшем успешность в макросоциальной среде. В такой ситуации микросреда, частью которой является человек, может предоставить индивиду защиту против тревог и преследования. Создание и утверждение культуры в рамках микросреды содействует процессу идентификации личности и дает возможность заполнить индивидуальную и социальную пустоту, отчужденность нынешнего периода.

Ключевым понятием для определения культуры микросреды является человеческая среда. Свойства ее базируются на таких существенных признаках как всеобщность, неформальность и устойчивость. Культура является продуктом взаимодействия: отдельных индивидов-членов организации, обладающих целым спектром индивидуальных интересов и потребностей, преподавателей, учащихся, групп, сформировавшихся в пределах внешней социальной среды, предъявляющей свои требования к способам ее жизнедеятельности.

Социально-культурная субъектность педагога и руководителя в создании среды межкультурной коммуникации предполагает следующие аспекты измерения:

- личность (педагога, руководителя и учащегося) выступает носителем определенных ценностей, социальных установок, отражающих социальный опыт индивида. То есть в конкретных условиях взаимодействия и создания межкультурной коммуникации в образовательной среде педагог выступает не только как индивидуальность, но и как носитель национально культурной идентичности, социальных ценностей, установок по отношению к представителям различных национальностей. Данные установки (осознанно или неосознанно) влияют на отношение к учащимся, стратегические результаты межкультурной коммуникации (адаптация или противостояние групп не только в рамках обучения, но и по завершению обучения);

- личность выступает носителем «обобщенной» субъектности, то есть ценностей, отношений, принципов, норм, существующих в рамках пространства взаимодействия. Например, в рамках конкретного образовательного учреждения существуют формальные и неформальные нормы, регулирующие отношения в педагогическом коллективе, отношение к учащимся, определяющие органи-

зацию учебного процесса, ценностную модель выпускника и т. д. Для создания межкультурного пространства важным является то, насколько конкретный педагог учитывает «обобщенную позицию» педагогического коллектива, осознает собственную позицию в создании единого культурного пространства. Степень влияния единого пространства определяется количеством носителей ценностей (масштаб) и глубиной (сила), а также проявлением во всех видах деятельности (не только по отношению к учащимся, но в первую очередь в самой педагогической среде). Если влияние «культуры образовательного учреждения» является незначительным, то каждый педагог выступает по отношению к национальным различиям, исходя из самостоятельно сформированной социальной позиции;

- личность выступает носителем определенного отношения и действия в реальном взаимодействии. Ценности построения межкультурного пространства должны определять выбор стратегических действий в конкретных ситуациях (в том числе и конфликтных). Культурная обусловленность выбора стратегий управления взаимодействием позволяет реализовать позитивные функции конфликта. Решение конфликтных ситуаций ориентировано на выявление глубинных причин межнационального конфликта (потребность реализовать различия в определенных условиях). Если поведенческий уровень вступает в противоречие с ценностным (например, направлен на подавление; конфронтационная стратегия), то, соответственно, цель построения межкультурного пространства, ориентированного на долговременные результаты, – создание благоприятных условий взаимодействия – не реализуется.

Таким образом, роль педагога и руководителя в создании среды межкультурной коммуникации – это роль влияния конкретной личности на условия взаимодействия в поликультурных условиях, обусловленная социально-культурной позицией (то есть ценностями, стереотипами, личным опытом), позиционированием себя по отношению к ценностям культурной среды педагогического коллектива, сообщества, определением стратегий взаимодействия в условиях межкультурных различий и конфликтов.

Основания создания среды межкультурной коммуникации, на наш взгляд, определяются следующими положениями:

- Действия, имеющие отношение к культурным различиям, опосредованы социальным контекстом. Так, конфликт на национальной почве опосредован сложившейся социальной средой, семейным воспитанием. Национальные различия обусловлены в большей степени социальными факторами, чем биологическими и наследственностью. Национальная идентичность и позиционирование личности могут быть изменены, так как формируются в процессе совместной опосредованной деятельности.

- Развитие конфликтного взаимодействия имеет специфику, обусловленную возрастными особенностями учащихся. В отличие от взрослых, конфликт в детской среде, в том числе и на национальной почве, имеет более локальный характер, определяется в большей степени актуальными условиями взаимодействия. Проблематика конфликта в детском возрасте не имеет глубинные национально-культурные корни и при формировании благоприятной среды взаимодействия является управляемой. Управление национальными взаимоотношениями и в том числе конфликтами в детской среде, требует активного участия со стороны педагогов, единых культурных ориентиров среды взаимодействия, вовлечения учащихся в активные формы взаимодействия, совместной деятельности.

- Успешность формирования позитивной межкультурной коммуникации не может быть определена причинно-следственными связями. То есть национальные различия, условия воспитания не предопределяют неизбежность национального конфликта. Во многом пространство национальности – это «психическое пространство», которое формируется совместно с другими участниками через пространство «общности судьбы» (К. Левин). Позитивность межкультурной коммуникации определяется создаваемой «атмосферой» процесса обучения. Положительными факторами формирования межкультурного пространства являются условия, способствующие демократической ориентации и проявлению индивидуальных различий личности. И наоборот, условия, подавляющие индивидуальность, создающие видимость отсутствия национально-культурных различий, ведут к возрастанию обособленности, замкнутости в пределах национальных групп, противостоянию и внутренней конкуренции. «Культурная атмосфера» конкретного образовательного учреждения – ценности, их глубина, единство в понимании и реализации – имеет важнейшее значение для формирования пространства межкультурной коммуникации.

Н. В. Шеляхина*

Институционализация мультикультурного дискурса в образовательном пространстве Урала

В настоящее время под усиливающимся влиянием глобализационных процессов все более интенсифицируются процессы слияния различных культур в образовательной среде. Безусловно, данные процессы отражаются на конструировании символического пространства в образовании. В молодежных вузовских сообществах представлены различные культуры, которые привносят свою национальную, региональную и культурную специфику в построение семантического пространства вуза. Как следствие наблюдается интенсификация трансформационных процессов языкового сознания общества в целом.

Представляется необходимым поставить вопрос об институционализации символического пространства в вузе с учетом мультикультурализма дискурсивных практик коммуникантов, всегда обусловленных национальными ценностями и традициями [См.: 1. С. 110]. При изучении сложного, пестрого полотна дискурса в образовании необходимо учитывать территориальный фактор, поскольку в отдельно взятом вузовском сообществе собраны представители различных регионов, территориально отдаленных друг от друга, воспитанные в урбанистическом и сельском пространствах, с разными бытовыми укладами, культурными традициями, говорящие на разнообразных диалектах.

Данная проблема происходит из того факта, что зачастую после окончания вуза выпускники, родившиеся в другом регионе, трудоустраиваются и остаются на постоянное проживание в городе, где находится вуз. И таким образом символическое пространство данного города и в целом в стране постоянно качественно обновляется, обогащается и пополняется за счет специфики дискурсов, характерных для различных регионов и отражающих все языковое многообразие различных географических территорий. Мы наблюдаем появление своеобразного коммуникативного синтеза культур.

* **Наталья Владимировна Шеляхина** – канд. социол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Саратовского государственного технического ун-та (г. Саратов).

Анализ коммуникативных взаимодействий необходимо осуществлять через призму личности, включенной в этническую или территориальную группу, зависящую от культурных традиций, речевых норм, речевого этикета. Изучая человека как личность, можно узнать социально-перцептивные образы и другие реалии, характеризующие межэтнические взаимодействия [См.: 2. С. 188]. Будучи воспитанными в иной культуре, с иными традициями, укладом, в межкультурной среде студенты сталкиваются с необходимостью интеграции в новую среду с ее ценностными установками, включая коммуникативные стандарты. Возникает, например, необходимость адаптации и усвоения новых языковых норм, образцов поведения, избавления от акцента, совершенствования билингвальных навыков и т. д.

Значительные социальные и культурные изменения, происшедшие на протяжении последнего десятилетия на бывшем советском пространстве, повлияли на общественное сознание и культуру населения. Эти изменения, естественно, отразились в языковом сознании, в речевом поведении носителей языка, повлияли на язык художественной литературы и культуры, средств массовой информации. Процессы глобализации мировой культуры и тенденция интеграции национальных культур и языков, включение постперестроечной России в мировую экономику и культуру, а также развитие национального самосознания и, как следствие этого, возрождение культур народов на постсоветском пространстве, изменение статуса национальных языков привели к трансформации ситуации билингвизма в многонациональных регионах Российской Федерации. К числу таких регионов относится, в частности, Урал, где проживают представители разных народов, и языковых групп.

Уральский регион с его ярко выраженным многоязычием имеет многовековой опыт успешного межнационального и межкультурного общения. Народы, проживающие на территории Урала, на протяжении многих столетий тесно взаимодействовали и выработали такие способы межкультурных контактов, которые позволяли сохранять национальные языки и своеобразие культуры. Приобретенный опыт межкультурного взаимодействия позволил избежать конфликтов на национальной почве в 1980–1990-е гг. – период обострения национальных противоречий на всей территории СССР.

Изучение заявленной проблематики позволит осмыслить процессы, происходящие в языке и культуре, в образовании на современном этапе, понять изменения в статусе и функционировании английского, русского и национальных языков в РФ в целом и на Урале, в частности. В данной связи мы обращаем внимание на необходимость изучения сохранения языковой идентичности представителей разных национальностей в вузе, поскольку современное

образовательное учреждение, несомненно, является многонациональным и многокультурным.

Важно остановиться на проблемах интеграции разных культур в отдельных регионах, в частности, на языковой политике на постсоветском пространстве, поскольку проблема использования родного и официального языка, и как следствие, образование на родном или официальном языке остается острой во многих регионах. Проблеме институционализации мультикультурного дискурса в образовательном пространстве необходимо рассматривать в контексте изучения конструирования языковой реальности на территории Российской Федерации в целом, с учетом языковой политики в разных регионах, где нормой является двуязычие либо притеснение национального или русского языка на различных уровнях, в различных средах, а также в контексте формирования качественно нового российского дискурса.

Стоит остановиться на понятии билингвизма или двуязычия, поскольку это явление имеет важное значение для нашего исследования. В образовательной системе РФ имеется большой опыт по формированию искусственного билингвизма, он накоплен средними школами с углубленным изучением иностранных языков, национальными школами, существует опыт контактов с носителями западной культуры. В результате такой образовательной политики у учащихся происходит форсирование билингвальной компетенции.

Мы должны также принимать во внимание дифференциацию языка по территориальному признаку, то есть диалекты. Как уже отмечалось ранее, смена места проживания с целью обучения, трудоустройства, по личным целям вновь вызывает коллизии языковых норм на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях в пределах одной страны с одним официальным языком. Здесь также нужно помнить о взаимопроникновении двух и более разновидностей языка, о языковой адаптации при стремлении интегрироваться в «иную» языковую среду, что обуславливает непрерывное обновление, развитие одного языка.

Структурировать дискурсивные практики в образовательном пространстве, нужно с учетом того факта, что символическое пространство университета, академии имеет особую коммуникативную среду. В рамках одного вуза студенты разных направлений погружаются в особую коммуникативную среду, присущую конкретной специальности, для коммуникативных процессов, при которых важно научиться оперировать специальными терминами, то есть овладеть специфическим профессиональным тезаурусом. Изучение любой дисциплины начинается с ознакомления учащихся с терминологией их будущей профессии, с курса по введению в специальность. В дальнейшем будущие специалисты коммуници-

руют посредством своих профессиональных терминов на профессиональном языке.

Немецкие ученые В. Эрнст, Е. Ецковиц и другие отмечают, что в каждом университете, вузе существует свой особый микроклимат, микрокосмос, и дают первокурсникам практические рекомендации по адаптации в новой для них коммуникативной среде [3. С. 176]. Первоначально может возникнуть ощущение, что старшекурсники, преподавательский состав разговаривают на незнакомом языке, которым необходимо овладеть для успешной коммуникации в новом пространстве. По мнению социологов, коммуникативные повседневные студенческие практики также дифференцируются по направлениям их специализаций во всех вышеперечисленных сферах. Для достижения успехов в определенной области, безусловно, необходимо овладение конкретным тезаурусом, профессиональным языком, все это происходит посредством участия в коммуникативных процессах в рамках какой-то дисциплины, то есть во всех видах аудиторных работ [3. С. 19]. Во время регулярных коммуникативных процессов на аудиторных занятиях студенты все более уверенно оперируют профессиональной терминологией по мере продвижения в обучении. В конце концов, учащимися постигается профессиональная система понятий, обозначений. Таким образом, происходит институционализация профессиональной коммуникативной культуры в данной области.

Литература

1. Алиев М. А. Проблема национального языка и религия // Тезисы докладов III Международной научной конференции «Язык и культура». – М., 2005.
2. Дробизева Л. М. Социально-психологические проблемы этничности // Методические материалы. Сессия «Этносоциология», Национальный фонд переподготовки кадров. ИС РАН, РУДН. – М., 2004.
3. W. Ernst, J. Jetzkowitz, M. Koenig, J. Schneider. Wissenschaftliches Arbeiten fuer Soziologen // Lehr- und Handbuecher der Kultur und Sozialwissenschaften. – Muenchen, Wien: Oldenbourg, 2002.

Т. Ф. Шитова*

Социологический анализ культуры взаимодействия субъектов высшей школы

Культура взаимодействия субъектов высшей школы раскрывается в социальном контексте культуры общности преподавателей (профессорско-преподавательский состав высшего учебного заведения) и культуры студентов вузов. Социологический анализ этого феномена позволяет понять, каким образом культура взаимодействия ориентирует и регулирует действия преподавателей и студентов вузов, интегрирует их в общности, образуя единые социально-культурные пространства.

Субъекты высшей школы придают социально-культурному пространству особую структуру в соответствии со своим опытом конструирования социальных практик, восприятием мира и системой предпочтений. Их деятельность по отношению друг к другу формирует культурные образцы поведения и связана с удовлетворением потребностей, с накопленными знаниями, умениями, навыками, с сохранением и распространением идей, ценностей и культурных норм.

Социально-культурные ресурсы преподавателей вузов определяются их культурным и образовательным потенциалом, уровнем профессиональной подготовки, приоритетами, интересом к преподавательской деятельности, потребностями в самореализации и самообразовании. «Культурный капитал» студентов формируется уровнем общей культуры, уровнем образования и воспитания, знанием общепринятых культурных образцов поведения, установленных правил поведения студентов.

Теоретическое осмысление этого феномена показывает, что культура взаимодействия субъектов высшей школы может рассматриваться на трех уровнях: институциональном, общественном и межличностном. На институциональном уровне культура взаимодействия включает в себя: социально-культурные нормы и ценности, принятые в обществе и в системе высшего профессиональ-

* Татьяна Фёдоровна Шитова – аспирант кафедры социологии, ст. преподаватель кафедры экономики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ного образования, образцы и правила поведения, санкции, применяемые при их нарушении, совокупность условий деятельности и др.

На общностном уровне культура взаимодействия включает в себя социальные связи и отношения субъектов высшего образования, социальное партнерство и солидарность, стереотипы деятельности ориентации преподавателей и студентов, их социальные установки, профессиональные приоритеты преподавателей, сценарии взаимодействия преподавателей и студентов вузов и т. д.

На межличностном уровне культура взаимодействия – это образ жизни преподавателей и студентов, идентификация социальных ролей в рамках установленных правил их взаимодействия; потребности преподавателей в самореализации, профессиональном росте, общественной оценке труда, получении удовольствия от работы; потребности студентов в самореализации, образовании, общении, поощрении и поддержке стремления к обучению и саморазвитию, качестве образования; культурный и образовательный потенциал преподавателей и студентов; их интересы, ценностные ориентации; взаимные ожидания и взаимное уважение и т. д.

Изучение культуры взаимодействия субъектов высшей школы¹ на эмпирическом уровне позволило нам подтвердить выводы, полученные при теоретическом осмыслении проблемы. Опираясь на данные опроса преподавателей и студентов, мы создали типологию культуры их взаимодействия на основе выявления сочетания таких признаков, как уровень общей и профессиональной культуры субъектов высшего образования; взаимоотношения между преподавателями и студентами; их поведенческие черты; стремление к установлению взаимопонимания и созданию гармоничных отношений друг с другом и т. д. Типы культуры взаимодействия, полученные в этом случае, образовали следующие кластеры:

1. Высокий уровень культуры взаимодействия преподавателей и студентов. Представители этой группы характеризуются интеллигентностью, дружелюбием, уважительным отношением к друг к другу, тактичностью, терпеливостью, гуманным отношением, порядочностью и правдивостью. Они имеют высокий уровень общей и профессиональной культуры, стремятся к установлению полного взаимопонимания с окружающими и стараются

¹ В апреле–мае 2008 г. мы провели социологическое исследование среди преподавателей и студентов г. Екатеринбурга. В выборке представлено три государственных вуза: УрГУ им. А. М. Горького, УрГТУ, УрГЭУ и три негосударственных вуза: Гуманитарный ун-т, Ин-т международных связей и Уральский ин-т коммерции и права. Опрашивались студенты I–IV курсов дневного отделения и преподаватели. Общий объем выборки студентов составил 658 человек, преподавателей – 102 человека.

создать устойчивые благоприятные отношения не только с ближайшим окружением, но и с другими людьми. Взаимодействие представителей этой категории имеет демократическую структуру и построено на стили равных партнеров, взаимно уважающих друг друга. Преподаватели и студенты, входящие в эту группу, обладают высоким культурным потенциалом. Судя по результатам опроса, высокий уровень культуры взаимодействия характеризует 14 % преподавателей, 9,8 % студентов государственных вузов и 11,3 % студентов негосударственных вузов².

2. Средний уровень культуры взаимодействия преподавателей и студентов. Субъекты, отнесенные к этой категории, как и представители первой группы, обладают перечисленными выше положительными характеристиками, но время от времени «забывают» о некоторых из них и демонстрируют противоположные качества. Они уважительно относятся к окружающим, но иногда теряют самообладание, проявляя при этом отсутствие терпения и бестактность. Стремясь к установлению благоприятных взаимоотношений с другими индивидами, иногда пытаются понять их поступки и намерения. Субъекты высшего образования, представляющие эту категорию, имеют средний уровень общей культуры и не очень высокий культурный потенциал. К этой группе может быть отнесена большая часть наших респондентов: 76,3 % преподавателей, 78,2 % студентов государственных вузов и 76 % студентов негосударственных вузов.

3. Низкий уровень культуры взаимодействия преподавателей и студентов. Преподаватели и студенты, являющиеся представителями данной группы, нередко при взаимодействии с окружающими демонстрируют к ним неуважение, бестактность, отсутствие терпения, враждебность, злость, негуманное отношение, ложь, непорядочность. Преподаватели, имеющие низкий уровень культуры, при взаимодействии со студентами проявляют авторитарный стиль взаимоотношений. Представители этой категории (и преподаватели, и студенты), как правило, проявляют незначительный интерес друг к другу, редко считаются с намерениями других людей и не прилагают каких-либо заметных усилий к установлению устойчивых положительных взаимоотношений с окружающими. К этой группе может быть отнесено 9,7 % преподава-

² Первоначально расчеты были проведены отдельно по группе преподавателей и группе студентов, основанием являлись ответы преподавателей. Затем аналогичные расчеты были проведены на основании данных, полученных из анкет студентов. После чего были найдены усредненные оценки уровней культуры (высокого, среднего, низкого) студенчества и общности преподавателей.

телей, 12,1 % студентов государственных вузов и 12,7 % студентов негосударственных вузов.

В заключение отметим, что благодаря широким возможностям социологического анализа изучаемая нами проблема была рассмотрена в различных ракурсах. Мы имели возможность взглянуть на нее как с точки зрения студентов, так и с точки зрения преподавателей, проанализировать мнения респондентов, работающих и обучающихся в государственных и негосударственных вузах.

Е. А. Шуклина*, Е. А. Широкова**

Балльно-рейтинговая система: проблемы адаптации преподавателей к западным образовательным технологиям

Процесс тотального, ускоренного и добровольно-принудительного освоения балльно-рейтинговой системы (БРС) образовательными учреждениями России, реализуемый в рамках Болонских соглашений, представляет собой столкновение с вершиной айсберга образовательной технологии иного типа, адаптация и освоение которой потребует значительных усилий и достаточно длительного времени. Поскольку тема различий западного и российского образования в литературе стала традиционной, то комплексность данной проблемы и ее острота понятны. Любая образовательная технология имеет свои теоретико-методологические, технологические, организационно-управленческие составляющие. БРС – лишь одна из составляющих организационно-управленческого типа, поэтому процесс встраивания ее в живой организм традиций, сложившихся в российском образовании, не может быть безболезненным. Более того, внедряясь и действуя часто в отрыве от иных элементов образовательной технологии, БРС как одно из звеньев цепи неизменно «вытаскивает» за собой и всю остальную проблематику, связанную с несопоставимостью российской и западной образовательных систем. Это отчетливо проявляется при оценке эффективности ее применения.

Эффективность балльно-рейтинговой системы и способы ее измерения по большому счету представляют собой оценку степени адекватности БРС как инструмента воздействия на всех, прямых и косвенных участников образовательного процесса (студентов, преподавателей, менеджмента образовательного учреждения, руководителей предприятий и фирм, предоставляющих рабочие места выпускникам). Исследования эффективности проводятся, их ре-

* *Елена Анатольевна Шуклина* – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии Гуманитарного ун-та, директор Центра социологических и маркетинговых исследований (г. Екатеринбург).

** *Елизавета Александровна Широкова* – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии, сотрудник Центра социологических и маркетинговых исследований (г. Екатеринбург).

зультаты широко представлены в литературе и, особенно, в Интернете, на сайтах образовательных учреждений.

Реализовав аналогичное исследование в негосударственном вузе, мы попытались выявить различия в проблематике и специфику, характерную для негосударственного образования¹. Объектом исследования стали преподаватели, основные задачи были сформулированы следующим образом: 1) получение информации о личном опыте применения преподавателями балльно-рейтинговой системы к конкретным дисциплинам; 2) выявление непредвзятых мнений преподавателей об эффективности реализации основных функций балльно-рейтинговой системы, ее целей и задач; 3) изучение представлений преподавателей о позитивных и негативных сторонах, потенциале, перспективах и ограничениях балльно-рейтинговой системы, динамике изменений характера взаимодействия преподавателей со студентами и администрацией факультетов в ходе ее внедрения.

Характеризуя результаты, полученные в ходе опроса мнений преподавателей по разным аспектам процесса внедрения балльно-рейтинговой системы в образовательный процесс, отметим, что противников у нее больше, чем сторонников. К последним относятся преподаватели, применяющие ее давно, чаще всего по собственной инициативе, считающие ее соответствующей их профессиональному опыту, личным пристрастиям, характеру преподаваемых дисциплин.

Среди базовых проблем внедрения БРС преподаватели указывают на 1) категоричное отрицание ее как элемента болонских соглашений; 2) неясность общих целей, специфики, преимуществ БРС; 3) неэффективность, ее несоответствие заявленным целям; 4) нетехнологичность и чрезмерную усложненность; 5) невозможность унификации для всех дисциплин, преподавателей, специальностей; 6) несоответствие БРС современной ситуации, сложившейся в образовательной сфере; 7) неактуальность в условиях кризиса; 8) неадекватность специфике негосударственного вуза;

¹ Исследование отношения преподавателей Гуманитарного университета к балльно-рейтинговой системе проводилось в январе 2009г. методом глубинного интервью. Были опрошены преподаватели, непосредственно включенные в эксперимент по внедрению балльно-рейтинговой системы в учебный процесс, ведущие занятия у студентов, обучающихся по специальностям «юриспруденция», «конструирование швейных изделий», «управление персоналом», «регионоведение», «прикладная информатика в экономике», «журналистика». Среди них были представлены как штатные, так и внештатные преподаватели. Всего в опросе приняло участие 35 респондентов.

9) изменение (при применении БРС) социальной роли преподавателя, превращенного либо в школьного учителя, либо в лаборанта, либо практически устраненного из образовательного процесса; 10) формальное применение БРС как преподавателем, так и студентом, который лишь демонстрирует активность; 11) отсутствие влияния на посещаемость студента, успеваемость, самостоятельную работу, мотивацию образовательной деятельности; 12) усложнение процедуры оценивания студента; 13) перегрузка преподавателя, трудовые затраты которого не возмещаются, излишняя интенсификация труда, моральные и материальные издержки; 14) порождение псевдоучастия и «пофигизма» со стороны студентов по отношению к образовательной деятельности; 15) отсутствие стимула для профессионального роста преподавателя; 16) отсутствие реальной пользы для управленческой деятельности менеджмента; 17) общая неотлаженность механизма функционирования БРС и т. д.

Говоря об итогах исследования в целом, необходимо отметить, что в случае с балльно-рейтинговой системой мы столкнулись с парадоксальной ситуацией внедрения в систему высшего профессионального образования новой образовательной технологии, которая не технологична применительно к нашим условиям. Под условиями здесь имеется ввиду комплекс макро-, мезо- и микрофакторов образовательной сферы и сферы негосударственного образования, которые не позволяют ей оптимально функционировать. Это факторы объективные, связанные, в первую очередь, с устоявшимися социокультурными нормами и традициями российского образования, а также субъективные, определяемые степенью готовности основных субъектов образовательного процесса к инновациям подобного рода. Все это приводит к невозможности простроить ее достижимые и реальные дальние/ближние цели, определить этапы ее внедрения, обозначить основные показатели эффективности.

Сама по себе балльно-рейтинговая система как образовательная технология ни хороша и ни плоха. Выступая как составная часть, элемент программы качества образования, она призвана быть одним из инструментов организационной культуры, организационных усилий менеджмента. Нецелесообразно предъявлять к ней требования, превышающие ее инструментальные возможности. Вместе с тем, необходимо четко определить ее функциональное предназначение. Ее внедрение должно сопровождаться выстраиванием организационных, материальных условий, совокупностью методических действий, выраженной обратной связью управленческих структур с преподавателями и студентами. Необходимо не только тестировать ее основные идеи, степень приемлемости

их для преподавателей и студентов, но и наладить систему мониторинга оценки эффективности их освоения.

Исследование показало, что пока организационные усилия менеджмента университета и деканатов по внедрению балльно-рейтинговой системы не достигли ощутимых результатов. Это и понятно, уровень понимания ее целей, задач невысок. Потребность в ее применении не сформирована. Преподаватели, студенты, управленческие структуры не видят необходимости в ее освоении, а главное, востребованности ее результатов.

В этой ситуации, как нам кажется, надо задать широкие рамочные условия внедрения балльно-рейтинговой системы, которые предоставляли бы свободу определения «правил игры» для всех участников образовательного процесса. Поскольку алгоритмизация образовательного процесса не чужда его сути, внедрение балльно-рейтинговой системы может быть успешно осуществлено в рамках каждого организационного подразделения системы образования. Низовым звеном организационной структуры, отвечающим за внедрение балльно-рейтинговой системы, может быть кафедра. И ей должна быть предоставлена свобода в определении целей, средств и результата внедрения этой технологии. Содержание данной технологии кафедра определяет сама, в зависимости от состава студентов, потребностей преподавателей, особенностей специальности, характера читаемых дисциплин и т. д.

Качество внедрения балльно-рейтинговой системы в этом случае может определяться качеством триады «цель – средства – результат». В зависимости от уровня развития организационной культуры каждое подразделение определяет для себя:

- цели, которые являются для нее актуальными и достижимыми;
- средства, являющиеся эффективными как экономически, так и социально;
- результат, который выступает как итог и степень целедостижения.

Кафедра в зависимости от актуальности той или иной проблемы может алгоритмизировать для себя одну или несколько целей, связанных с повышением качества образовательного процесса (например, активизация самостоятельной работы студента и/или внедрение гибких форм текущего учета успеваемости и т. д.). Для этого она использует балльно-рейтинговую систему как нейтральный инструмент, наполняя его собственным методологическим, методическим содержанием, организационными усилиями, оснащая техническими возможностями.

Целесообразна постановка стратегических и тактических целей. Последние должны быть локальными, поскольку в любом слу-

чае «нельзя объять необъятное» и разработка каждой цели потребует длительных усилий, которые призваны завершиться формированием определенных стереотипов поведения участников образовательного процесса, что само по себе не может быть ни мгновенным, ни даже достаточно быстрым. В связи с этим ректорату необходимо определить место балльно-рейтинговой системы в стратегии развития качества образования, опять же применительно к тем условиям, в которых находится вуз, оценить целесообразность предпринимаемых усилий применительно к особенностям негосударственного вуза, учесть эту специфику.

Как показало исследование, административное давление, как правило, не приносит результатов, пока сам преподаватель не поймет необходимости использования подобных алгоритмизированных технологий и не отнесется к ним творчески. Забота о качестве образования не может быть авторитарной. Тотальное применение балльно-рейтинговой системы чревато такой формой приспособления, как формальное ее использование. Вместе с тем, преподаватели должны чувствовать результат, сказывающийся на изменении поведения студентов, и возникающие стимулы для собственной работы. Балльно-рейтинговая система должна облегчать взаимодействие со студентами, их излишняя формализация вряд ли даст такую возможность.

Без сомнения, балльно-рейтинговая система должна быть экономически эффективна. В условиях кризиса это особенно важно. Стремление к быстрому внедрению балльно-рейтинговой системы, связанному с решением широкого спектра задач, потребует неоправданно больших экономических вложений. В этом случае финансовые стимулы покажут лишь «формально-бумажную» сторону ее применения. Более того, нельзя забывать и о социальной эффективности, поскольку порой ради достижения не вполне реальных целей мы утрачиваем значимые социальные ценности.

Внедрение любой социальной технологии – это процесс. Пройденный первый этап эксперимента показал тот широкий спектр задач, связанных с совершенствованием качества образования, который стоит перед вузом. На этом этапе целесообразно снова вернуться к проблеме цели внедрения балльно-рейтинговой системы и анализу соотношения применяемых усилий и прогнозируемого результата.

Раздел шестой

Индустрия одежды Урала: этнокультурные традиции и современность

О. А. Бакеркина*

Изучение региональной культуры – путь к развитию Уральской школы дизайна одежды

Недавнее прошлое Екатеринбурга (Свердловска) – научно-промышленный центр, очень крупный и закрытый для внешнего мира город. Сегодня, территориально, экономически и культурно, – это, скорее, торгово-развлекательный миллионник «новой» России. Огромное количество глянцево-гламурной информации обрушивается на девственно-наивную голову неискушенного жителя Уральского региона и его столицы.

Общий невысокий уровень внутренней культуры приводит к неспособности осуществления самостоятельного и правильного стилевого отбора. Нельзя забывать и наследственную «советскую» самоуверенность, когда считалось, что «кухарка может управлять государством». Сложившаяся ситуация приводит к возникновению типично новорусского внешнего облика как окружающей среды, так и конкретного уральского индивида.

Особенно ярко это проявляется в миллионниках, подобных Екатеринбургу. Только здесь можно наблюдать стихийную эклектику в архитектуре, интерьере, системе визуальных коммуникаций, в поведении и внешнем облике большинства жителей. Далеко ходить не надо, за 30 минут все это можно отследить в сердце столицы Урала – в пешеходной зоне по ул. Вайнера или же в популярных торговых центрах «Мега», «Парк Хаус», «Мегаполис».

Мужчины: успешный бизнесмен в давно нечищенных туфлях, классический костюм в сочетании с мокасинами, клетчатая джинсовая рубашка под офисным пиджаком. . . список наблюдений можно продолжить, хотя в России мужчинам всегда многое прощалося. А вот как же быть с русскими красавицами? Сегодня они способны сочетать в своем гардеробе валенки, норковый берет и белоснежный лаковый ридикюль, гламурные сапожки в стразах и на шпильках с горнолыжным пуховиком!

* **Оксана Артуровна Бакеркина** – преподаватель кафедры моделирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та, ст. преподаватель кафедры дизайна одежды Художественно-педагогического ин-та РГППУ, член Союза дизайнеров России (г. Екатеринбург).